

# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

3/2017



О подготовке к XIX съезду КПК  
Круглый стол в ЦДВ

●  
Республика Корея:  
перемены в верхах

●  
Морской Шелковый путь XXI века  
и зарубежные китайцы

●  
Миссия Такэноути  
в Санкт-Петербурге в 1862 г.

●  
Российско-китайский рынок  
образовательных услуг

1-4 973

Российская академия наук  
Институт Дальнего Востока

# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2017



Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал,  
выходит шесть раз в год на русском и четыре  
раза в год на английском языках  
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством  
Отделения глобальных проблем  
и международных отношений  
РАН

**Учредители:** Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

**Главный редактор В.Я. Портяков** (доктор экономических наук, проф.)

#### Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,  
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,  
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), В.Г. Дацышен,  
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,  
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,  
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,  
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева  
(ответственный секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,  
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,  
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,  
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,  
С.С. Суслина, д.э.н.

#### Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований,  
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный  
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),  
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,  
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу  
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

#### Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи  
Е.В. Белилина  
зав. отделом внешней политики  
А.Н. Карнеев  
зав. отделом истории и  
внутренней политики  
А.Н. Коробова  
зав. отделом культуры  
А.С. Крушинский  
зав. отделом экономики  
Л.С. Лаврова экспедитор  
Е.А. Лапшина зав. редакцией  
Г.П. Манча редактор  
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ  
А.Б. Старостина  
зав. отделом идеологии и  
философии  
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

# Содержание

## Круглый стол в ПДВ

О подготовке в КНР к XIX съезду Коммунистической партии Китая .....4

## ПОЛИТИКА

*С.В. Уянаев.* Научный форум Россия — Индия — Китай в Нью-Дели: некоторые итоги и текущие задачи формата РИК.....35

*Ю.В. Морозов.* Перспективы политики США в отношениях с Китаем и Россией .....42

*Ким Ен Ун.* Смена режима в Южной Корее.....52

## ЭКОНОМИКА

*А.В. Островский.* Некоторые аспекты истории и перспектив инновационного развития КНР.....60

*А.В. Афоняева.* Китайская зона Морского Шелкового пути XXI века и роль зарубежных китайцев в ее развитии.....75

*С.Л. Сазонов, Е.О. Заключьминская, Чэнь Сяо.* Проект «Пояс и путь» как решающий фактор развития экономики Китая.....82

## РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

*А.А. Киреев.* Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов.....95

## ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

*В.Б. Кашин.* О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР .....109

## ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

*Чан Кхань.* Сообщество безопасности АСЕАН через год и в перспективе .....119

*Г.М. Локишин.* «Метод АСЕАН» разумной альтернативы не имеет (реплика переводчика).....128

## ИСТОРИЯ

*М.К. Ковальчук.* Миссия Такэноути в Санкт-Петербурге в 1862 г.....130

*Нин Яньхун, Мэн Фаньхун.* О влиянии китайской эмиграции на экономику и культуру региона Хэйхэ.....144

## ОБРАЗОВАНИЕ

*К.А. Любская.* Российско-китайский рынок образовательных услуг как площадка для установления долгосрочных деловых связей.....150

## **КУЛЬТУРА**

<i>Д.В. Киба.</i> Вклад Nippo Family Club в развитие культурного диалога России и Японии .....	157
--	-----

## **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

<i>В.М. Мясников.</i> Некоторые размышления о новинках в отечественном монголоведении .....	163
<i>Л.В. Захарова, А.Ч. Мокрецкий, К.А. Чирков.</i> «Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». IV международная научная конференция молодых востоковедов .....	170

## **РЕЦЕНЗИИ**

<i>А.В. Островский.</i> Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы .....	177
--	-----

## **ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО**

Анатолию Викторовичу Болятко — 80 лет .....	182
Юбилей Юрия Михайловича Галеновича .....	184
Contents .....	186
Summary .....	188

## Круглый стол в ПДВ

### О подготовке в КНР к XIX съезду Коммунистической партии Китая

В феврале 2017 г. в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» состоялся круглый стол, посвященный подготовке в КНР к очередному XIX съезду компартии Китая, намеченному на вторую половину нынешнего года.

С докладами и сообщениями, затрагивающими ключевые аспекты внутренней и внешней политики китайского руководства накануне этого судьбоносного для страны события, выступили ведущие эксперты Института Дальнего Востока РАН и Института стран Азии и Африки МГУ. Некоторые из них являются членами редколлегии и сотрудниками редакции нашего журнала.

Ниже публикуется изложение их выступлений:

**В.Я. Портяков, доктор экономических наук, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор ПДВ:**

Уважаемые коллеги!

Как мы знаем, проведение XIX съезда правящей компартии Китая намечено на вторую половину 2017 г. Судя по информационному фону доступной нам китайской печати, подготовка к съезду проходит в непростых условиях. Симптоматичны призывы отвечающих за государственную и общественную безопасность Го Шэнкуня и Мэн Цзяньчжу обеспечить стабильную обстановку в стране в связи с предстоящим съездом.

Не могут не вызывать вопросов значительные масштабы кадрового обновления. Отчасти они объясняются традиционной для КНР ротацией кадров. Однако более 20 кадровых работников на уровне губернаторов и вице-губернаторов провинций смещены за те или иные упущения в работе, в т.ч. некоторые из них с формулировками «за подрыв единства партии», «за нарушение партийной дисциплины». Характерный пример — исполняющий обязанности секретаря парткома, мэра Тяньцзиня Хуан Синго, которому вменяется критика основной линии и подрыв единства партии. Это наводит на мысль о наличии разногласий и даже политической борьбы в руководстве КПК и КНР, в том числе в связи с экстраординарными амбициями первого лица государства и его так называемой антикоррупционной борьбой, нарушившей сложившийся баланс сил. В перемещениях явно присутствует желание первого лица укрепить свою кадрово-политическую базу. Так, новые мэры Пекина и Шанхая — Цай Ци и Инь Юн — ранее работали в Чжэцзяне, где в свое время секретарем парткома был Си Цзиньпин. По сообщениям гонконгских СМИ, масштабные перемещения ожидаются и в армии.

Теоретически XIX съезд КПК должен был бы походить на XVII. Именно тогда, в 2007 г., Си Цзиньпин и Ли Кэцян получили продвижение практически на позиции офи-

циальных преемников Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. После XVIII съезда в качестве кандидатов в лидеры Китая шестого поколения стали упоминаться Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцай, которые ныне возглавляют соответственно Гуандун и Чунцин. Однако нет признаков активной популяризации этих фигур и их деятельности в китайских СМИ. Неясны перспективы обновления на съезде персонального состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Китайская экономика на протяжении 2016 г. функционировала несколько лучше, чем предполагалось годом ранее. Тем не менее, судя по всему, сохраняют свое долговременное действие такие неблагоприятные факторы, как плохая мирохозяйственная конъюнктура и необходимость дальнейшего сокращения избыточных производственных мощностей в самом Китае. Пекин, похоже, всерьез озаботился проблемой так называемого «делеверэджа» — избавления от зависимости экономического роста от чрезмерной кредитной накачки и увеличения совокупной задолженности государства. Предпринимаются попытки потихоньку «сдуть» опасный «пузырь» на рынке недвижимости.

Во внешней политике Китай все активнее претендует на одну из главных ролей в сфере глобального управления. На обширном географическом пространстве продолжается раскручивание экономической дипломатии «Шелкового пути». В то же время отсутствуют признаки серьезного улучшения отношений с Японией и Индией — главными соперниками Пекина за лидерство в Азии. В связи со сменой власти в США возможны некоторые осложнения в китайско-американских отношениях.

Предлагаю коллегам обсудить в корректной, объективной форме складывающуюся в Китае предсъездовскую ситуацию, прежде всего, во внутривластной сфере и высшем эшелоне руководства, и, возможно, попытаться спрогнозировать вероятность появления тех или иных новаций на XIX съезде КПК.

**Е.Н. Румянцев, к. филол. н., руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН:**

Подготовка к XIX съезду КПК проходит в условиях дальнейшего осложнения социально-экономической ситуации в стране, которое выражается в замедлении темпов роста экономики. В 2016 г. они, как известно, официально составили 6.7%, по некоторым независимым оценкам — не более 4%. Напряженная ситуация существует в финансовой сфере, где к проблеме «плохих долгов» добавились сокращение золотовалютных резервов, утечка капитала за границу и др. Сохраняется хроническая напряженность на рынке труда.

Сократились возможности властей решать социально-политические проблемы с помощью новых денежных вливаний. Возникла необходимость шире использовать для этого политические и пропагандистские инструменты. Наблюдается усиление давления на СМИ, инакомыслящих и правозащитников, ужесточается политика в отношении национальных меньшинств, прежде всего, в Синьцзяне и Тибете. Не ослабевает антикоррупционная кампания, в ходе которой стремление побороть коррупцию, или хотя бы сократить ее масштабы, сочетается с систематическим использованием этой борьбы как инструмента внутривластного фракционного противоборства.

Представляется, что для нынешней обстановки в КПК и КНР характерно медленное, но неуклонное повышение уровня внутривластной напряженности. Ее признаками, кроме фракционной борьбы в руководстве, являются постоянные смещения и перемещения руководящих кадров. Беспрецедентным событием стало распространение в китайском сегменте Интернета двух анонимных писем с призывом к главе партии и государства Си Цзиньпину уйти в отставку. В них содержится острая критика ряда направлений внутренней и внешней политики современного китайского руководства и угрозы в адрес лично китайского руководителя и членов его семьи. По Интернету гуляет анонимное письмо в адрес одного из высших военных руководителей КНР, в котором китайскую армию фактически призывают к военному перевороту.

По данным гонконгской печати, в рамках фракционной борьбы, характеризующейся противоборством окружения Си Цзиньпина с «шанхайской» и «комсомольской» группировками, обсуждаются возможность ликвидации на предстоящем съезде таких институтов, как Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, назначение преемника высшего руководителя партии и государства через поколение, а также введение неписаной нормы, согласно которой члены высших партийных органов, достигшие 67 лет, могут еще один срок оставаться на занимаемых постах, даже получать повышения, а те, кому 68 и старше, должны уходить в отставку. «Речь идет о создании системы пожизненного занятия Си Цзиньпином руководящих партийных и государственных постов»<sup>1</sup>.

В то же время идут разговоры о том, что число секретарей ЦК должно быть увеличено, а численность Постоянного комитета Политбюро оставаться на прежнем уровне, то есть 7 человек, что находится в очевидном противоречии с вышеизложенными планами. Есть информация, что коллективное письмо на эту тему, иницированное Цзэн Цинхуном и подписанное 15 отставными руководителями, передано в Секретариат ЦК, который и примет решение, передавать ли его на рассмотрение Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Утверждается, что в письме также говорится, что предложения о «введении системы президентской власти» являются «вздорными рассуждениями подрывного характера»<sup>2</sup>.

Фигуры общепризнанного преемника нынешнего китайского лидера пока не просматривается, и появились «низовые члены партии», которые требуют увеличить срок полномочий Си Цзиньпина до 20 лет. В самой КПК сейчас в ходу формула «централизованное и единое руководство»<sup>3</sup>.

Нынешнее Политбюро ЦК КПК состоит из 25 человек, включая 7 членов его Постоянного комитета. 5 из 7 действующих членов Постоянного комитета Политбюро, за исключением Си Цзиньпина и Ли Кэцяна, по возрасту должны будут уйти в отставку. Правда, нельзя считать решенным уход в отставку Ван Цишаня, играющего ключевую роль в антикоррупционной кампании.

Остальные шестеро из 18 — секретарь Политико-юридической комиссии ЦК КПК Мэн Цзяньчжу, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Цзяньго, вице-премьеры Лю Яньдун, Ма Кай, заместитель Центрального военного совета Фань Чанлун, секретарь парткома Пекина Го Цзиньлун — тоже по возрасту должны будут уйти со своих постов.

12 оставшихся можно разделить на три возрастные категории: старшие (родились в 1950 г., это зампредела Центрального военного совета Сюй Цилян, начальник отдела Единого фронта ЦК КПК Сунь Чуньлань, начальник Канцелярии ЦК КПК Ли Чжаньшу, заместитель Председателя КНР Ли Юаньчао), средние (родились в 1951–1959 гг., это вице-премьер Ван Ян, начальник отдела пропаганды ЦК КПК Лю Цибао, начальник орготдела ЦК КПК Чжао Лэцзи, бывший секретарь парткома Синьцзяна Чжан Чуньсянь, секретарь парткома Шанхая Хань Чжэн, директор Института политических исследований ЦК КПК Ван Хунин) и младшие (родившиеся в 1960-е годы Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцай).

В соответствии со сложившейся практикой, вакансии в Постоянном комитете Политбюро замещаются только членами Политбюро. Места в следующем составе Постоянного комитета, очевидно, тоже будут заполняться членами Политбюро нынешнего созыва. Если численный состав Постоянного комитета сохранится в составе 7 человек, то из вышеперечисленных 12 нынешних членов Политбюро в Постоянный комитет будущего созыва войдут пять. Такими претендентами, на наш взгляд, являются Ли Чжаньшу, Хань Чжэн, Ван Ян, Чжао Лэцзи, Ху Чуньхуа, Сунь Чжэнцай, Ван Хунин. Иногда в их число включают Ли Юаньчао и Чжан Чуньсяня, однако Ли оказался слишком тесно связан с бывшим начальником Канцелярии ЦК КПК предыдущего созыва Лин Цзихуа, а положение Чжана пошатнулось после его перевода из Синьцзяна в Пекин.

Из 25 членов действующего Политбюро по возрасту в отставку должны будут уйти 11 человек. Ситуация с теми, кто займет их места, неясна. На них могут в первую очередь претендовать не являющиеся в настоящее время членами Политбюро секретари ЦК КПК. Сейчас таких — трое. Из них двоим — заместителю Председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ду Цинлиню и заместителю секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины Чжао Хунчжу в 2017 г. будет около 70 лет, и их вхождение в новый состав Политбюро маловероятно. Проходной кандидатурой является член Госсовета, глава секретариата Госсовета Ян Цзин, которому сейчас 63 года.

Велика вероятность вхождения в Политбюро начальника Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике 67-летнего Лю Хэ. В числе кандидатов обязательно будут и будущие секретари парткомов Пекина и Тяньцзиня. Велика также вероятность вхождения в новый состав Политбюро секретаря парткома Шэньчжэня Ма Синжуня, что обусловлено особым положением и ролью этого города в политике и экономике Китая. Многие в КНР считают, что административный статус Шэньчжэня должен быть повышен до города центрального подчинения, поэтому введение его руководителя в Политбюро выглядело бы вполне естественным.

Среди руководителей в ранге заместителя главы государства, которые могут надеяться на включение в новый состав Политбюро. — курирующий вопросы внешней политики член Госсовета Ян Цзечи (в этом году ему исполнится 67 лет), министр общественной безопасности Го Шэнкунь (63 года), некоторые заместители Председателя Постоянного комитета ВСНП. Среди занимающих посты уровня министра Центрального правительства по возрастным критериям могут рассчитывать на это первый заместитель начальника орготдела ЦК КПК Чэнь Си (63 года), министр промышленности и информатизации Мяо Юй (61 год), министр контроля Хуан Шусянь (62 года).

Минимум два места в Политбюро займут представители вооруженных сил, которыми, скорее всего, станут заместители Си Цзиньпина по Центральному военному совету.

В июне—августе 2016 г. Центр осуществил упорядочение первых лиц в руководстве провинций. В июне были заменены секретари парткомов Цзянсу, Цзянси, Шаньси, в августе — Хунани, Юньнани, Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии, Аньхой. Таким образом, после XVIII съезда КПК (2012 г.) заменено более половины руководителей провинциального уровня. Из девяти пришедших им на смену четверо переведены: Ли Цян — с должности губернатора пров. Чжэцзян на Цзянсу, Ло Хуйнин — с должности секретаря парткома пров. Цинхай на Шаньси, Ли Цзинхэн — с должности секретаря парткома пров. Юньнань на Внутреннюю Монголию, Чэнь Цюаньго — с должности секретаря парткома Тибета на Синьцзян.

Пятеро руководителей были повышены с должностей губернаторов до секретарей парткомов в тех же самых провинциях: Лу Синьшэ стал первым лицом в пров. Цзянси, Ду Цзяхао — в пров. Хунань, Чэнь Хао — в пров. Юньнань, У Инцзе — в Тибете, Ли Цзиньбинь — в пров. Аньхой. Ло Хуйнин и Ли Цзинхэн получили равные назначения.

Что касается Чэнь Цюаньго, назначенного из Тибета в Синьцзян, то, на первый взгляд, это тоже назначение на равноценную должность, однако по традиции он как глава Синьцзяна должен войти в Политбюро. Чэнь Цюаньго считается стопроцентным членом «комсомольской группировки», однако в истекшем году, как считают многие наблюдатели, он завоевал доверие Си Цзиньпина активным «выражением позиции» в поддержку китайского лидера в наиболее острых политических вопросах, включая вопрос о «ядре» руководства.

Видимо Чэнь Цюаньго и новый глава Тяньцзиня Ли Хунчжун по итогам XIX съезда займут две из 12 вакансий, которые к тому времени образуются в Политбюро. Еще одной реальной кандидатурой является назначенный в сентябре 2016 г. первым заместителем главы Шанхая 59-летний Ин Юн, входящий в окружение Си Цзиньпина. На

предстоящем съезде, в соответствии с существующей в КПК практикой. Хань Чжэн, скорее всего, войдет в состав Постоянного комитета Политбюро и уедет в Пекин, а Ин Юн станет секретарем парткома Шанхая и членом Политбюро ЦК КПК.

На конец 2016 г. близкими к Си Цзиньпину являлись первые руководители 6 из 31 административно-территориальной единицы Китая. В том числе четверо выходцев из Фуцзяни и Чжэцзяна — Ся Баолун, Байян Чулуу, Чэнь Миньэр и Ли Цян. Двое — Ду Цзяо и Чэнь Хао — работали под началом Си Цзиньпина в Шанхае. Из этих шестерых пятеро после XVIII съезда КПК были повышены «в ударном порядке» в обход процедур, связанных со сменой созывов. Только секретарь парткома Чжэцзяна Ся Баолун был назначен на должность по итогам XVIII съезда КПК. Он родился в 1952 г., но в отставку еще не отправлен. Возможно, основанием для такого решения явились его заслуги в проведении в Ханчжоу саммита «двадцатки». Он тоже является сильным кандидатом в новый состав Политбюро.

Таким образом, вырисовываются еще три кандидатуры в Политбюро нового созыва, двое из которых, Ин Юн и Ся Баолун, — люди, близкие к Си Цзиньпину, а третий, Чэнь Цюаньго, имеет перед китайским лидером заслуги, о которых было сказано выше.

Помимо должностей секретарей парткомов провинций, сторонники Си Цзиньпина на протяжении 2016 г. активно занимали и должности губернаторов провинций и министров Центрального правительства. Так, вместо Лу Синьшэ и.о. губернатора пров. Цзянси назначен Лю Ци, вместо Ли Сяопэна и.о. губернатора Шаньси назначен Лоу Яншэн, оба они входят в число выходцев из Фуцзяни и Чжэцзяна. Чэнь Баошэн, который в июле сменил Юань Гуйжэня на посту министра образования, был подчиненным Си Цзиньпина по Центральной партийной школе.

Наблюдатели считают, что особого внимания заслуживают перспективы карьерного роста ряда руководящих работников центрального партийно-государственного аппарата КНР, тесно связанных с нынешним китайским лидером по работе в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян, а также в Шанхае. Это, в частности, первый заместитель начальника орготдела ЦК КПК Чэнь Си (был соседом Си Цзиньпина по комнате, когда они учились в университете Цинхуа); начальник Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике Лю Хэ (учился вместе с Си Цзиньпином в школе); первый заместитель начальника Канцелярии ЦК КПК Дин Сюэсян; заместитель начальника Канцелярии Центрального военного совета Чжун Шаоцзюнь; секретарь Комиссии по проверке дисциплины министерства общественной безопасности Дэн Вэйпин; заместитель министра общественной безопасности Ван Сяохун; первый заместитель начальника Отдела пропаганды ЦК КПК Хуан Куньмин; первый заместитель начальника Канцелярии Комитета национальной безопасности ЦК КПК Цай Ци; заместитель начальника Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по всестороннему углублению реформ Чэнь Исинь; заместитель начальника Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике Шу Гоцзэн и некоторые другие.

Среди вышеуказанных лиц наиболее вероятный кандидат в новый состав Политбюро — «очень важный»<sup>4</sup> для Си Цзиньпина человек Лю Хэ. По некоторым оценкам, реальными кандидатами являются также Дин Сюэсян и Чэнь Си.

Проводится работа на перспективу. В этом плане необходимо указать на решения по Коммунистическому союзу молодежи Китая и особенно центральному аппарату этой организации. Они, безусловно, направлены на дальнейшее ослабление влияния «комсомольской группировки» в КПК. Одновременно, как пишет гонконгская печать, во всех провинциях и городах центрального подчинения подобраны группы кадровых работников уровня начальников отделов 30–40-летнего возраста с высоким уровнем образования. Си Цзиньпин выдвинул жесткое требование, чтобы эта «молодая поросль» не имела никаких связей с Чжоу Юнканом, Лин Цихуа, Лю Юаньчао, «нефтяной» груп-

пировкой, «комсомольской» группировкой, цзянцзэминевцами, фракциями на местах. Не исключено, что к XX съезду КПК они составят новую опору Си Цзиньпина<sup>5</sup>.

**А.Н. Карпеев, к. и. н., заместитель директора Института стран Азии и Африки МГУ:**

В нынешнем году Китай ожидает важное политическое событие — запланированный на осень XIX съезд КПК, на котором будут определены новые вехи в углублении политики реформ и открытости, произойдет существенное обновление правящей элиты, а власть Си Цзиньпина должна получить укрепление. Наступивший год будет, вероятно, важным в первую очередь с точки зрения политико-идеологических процессов. Недаром на совещании по политико-правовой работе Си Цзиньпин подчеркнул, что приоритетом на 2017 г. является обеспечение «политической безопасности», особенно «безопасности действующей власти».

За счет усиления идеологической работы в предшествующий период руководство КПК постаралось добиться большей идейной сплоченности в обществе вокруг целей, выдвинутых партией, в том числе за счет беспрецедентной по масштабу антикоррупционной кампании, а также — усиления давления на группы, высказывающие альтернативные подходы и мнения, будь то либералы-западники, или сторонники левых или левацких идей.

Некоторые западные эксперты критикуют политику Си Цзиньпина как отход от более терпимой и умеренной политики времен Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, при которых в обществе появилось пространство для дискуссий и относительная свобода открыто критиковать оппонентов, включая те или иные стороны работы правительства.

Фирменным знаком правления Си стали: стремление идеологически «подморозить» общественную жизнь, гораздо более пристальное внимание к идеологической сфере, указание укреплять идеологическую работу в кампусах университетов, серьезные ограничительные меры в отношении дискуссий в виртуальном пространстве, жесткие требования к официальным СМИ быть «рупором партии» и т.п.

В какой-то степени мотивы властей понятны. С одной стороны, в сознании руководства присутствует угроза пресловутой «жасминовой революции» (после известных «цветных революций» и «арабской весны»). С другой — серьезная степень публичного ажиотажа к 2012 г., когда схватки публицистов и интеллектуалов разных мастей и противоположных идейных лагерей вокруг так называемой чунцинской модели. начинали внушать беспокойство в отношении последовательности политического курса. Меры Си и его соратников, таким образом, поддаются логическому объяснению: на новом этапе в развитии страны, казалось, найдена формула статус-кво, позволяющая и дальше заниматься «реформами и открытостью». Тем не менее вопрос с объективно развивающимся в недрах китайского общества идейно-политическим плюрализмом никуда не делся.

В первые недели 2017 г. в Китае ширился резонанс от так называемого инцидента с Дэн Сянчао — профессором Шаньдунского строительного университета, опубликовавшим в Интернете резкие высказывания в адрес Мао Цзэдуна и уволенным за это с работы.

В своем «критическом комментарии» 26 декабря 2016 г., в 123-ю годовщину со дня рождения Мао, он написал: «Если бы Мао умер в 1945 г., в Китае в результате гражданской войны не умерли бы 600 тыс. человек и от голода — 3 млн человек. Если бы он умер в 1966 г., не умерли бы в результате «борьбы» еще 20 млн человек. И только в 1976 г., когда Мао умер, китайский народ, наконец, смог получить возможность нормально питаться. Единственное правильное, что он сделал — это то, что он умер». 4 января 2017 г. перед зданием Строительного университета в Цзинани была устроена шумная демонстрация сторонников Мао с транспарантами и требованиями наказать Дэна за «оскорбления в адрес Председателя». В рядах возмущенных маоистов было свыше ста человек. Демонстранты вступили с драку с людьми, вышедшими на улицу в защиту Дэн Сянчао (последних набралось на порядок меньше — около дюжины<sup>6</sup>).

Страсти кипят и на страницах газет, и на сайтах различных сетевых изданий. В защиту Дэна и с осуждением демонстрантов-маонистов выступили некоторые либеральные интеллектуалы, такие, как профессор Пекинского университета Хэ Вэйфан, профессор Народного университета Чжан Мин, адвокат Чжан Сюэчжун и др. По их мнению, атака на Дэн Сяньчао — это нарушение защищенного конституцией КНР права на свободу слова, а угрозы маонистов в адрес Дэна — уголовно наказуемые деяния.

В итоге, 6 января 2017 г. стало известно, что Дэн Сяньчао, который, как выяснилось, помимо должности профессора в университете, был еще и советником провинциального правительства Шаньдуна, а также членом постоянного комитета шаньдунского ПККСК (Политический консультативный совет Китая), «за ложные высказывания» лишен всех постов и должностей и отправлен на пенсию «по ускоренной процедуре».

Как отмечают СМИ, увольнение Дэн Сяньчао было только началом. Позднее информационные агентства сообщили, что уволен Лю Юн, продюсер кинокомпании в г. Лохэ (пров. Хэнань), выступивший в социальных сетях в поддержку Дэна. Затем был уволен Цзо Чуньхэ, заместитель директора Управления культуры и СМИ города Шицзячжуана в пров. Хэбэй за «сложные высказывания» и «серьезные нарушения дисциплины». Теперь активисты левых организаций, почувствовавшие в борьбе с идейной крамолой некоторую поддержку со стороны властей, призывают простых граждан и интернет-пользователей «выдвигать обвинения» против деятелей либерального лагеря, ответственных, по их мнению, за насаждение «исторического нигилизма» и «общечеловеческих ценностей». Статьи на сайтах левого толка призывают «окончательно разобраться» с такими «предателями, как Хэ Вэйфан, Мао Юйши, Чжан Вэйин и др.».

Некоторые комментаторы удивляются, почему возникло столько шума вокруг дела Дэн Сяньчао. Ведь и ранее в КНР были шумные протесты приверженцев социализма и сторонников идей Мао Цзэдуна, требовавших наказать тех авторов, кто подвергал Мао публичной критике. После скандала с Бо Силаем левые, правда, получили серьезный удар и на время затихли. И даже после восстановления работы левых интернет-изданий на протяжении некоторого времени чувствовалось, что левый лагерь побанавается возможных репрессалий и проявляет максимальную осторожность.

С другой стороны, целый ряд событий прошлого года свидетельствует о том, что их влияние восстанавливается. В их числе — фактическое закрытие в прошлом году журнала *Яньхуан чуньцю* (в результате замены его руководства во главе с издателем, 93-летним Ду Даочжэном, главным редактором Сюй Цинцюанем, заместителем главного редактора Ху Дэпином, сыном Ху Яобана), закрытие либерального сайта *Гуинши ван*, ужесточение правил, касающихся деятельности в Интернете и другие события.

Но резонанс «дела» Дэн Сяньчао связан прежде всего с тем, что практически впервые полемика в Интернете между левыми и правыми вылилась в столь ожесточенное противостояние, выплеснулась на улицу и напрямую повлияла на действия властей. Означает ли развитие событий вокруг инцидента с Дэн Сяньчао, что «левый поворот» постепенно становится реальностью?

Еще в декабре внимание наблюдателей привлек факт повышенной активности левых деятелей и организаций, использовавших 123-ю годовщину со дня рождения Мао Цзэдуна для проведения публичных мероприятий и акций в разных частях страны. На фоне ряда обстоятельств наблюдатели считают, что в целом баланс в идейно-политической области немного сместился в сторону левопатриотической части идейного спектра. Сайт *Довэй синьвэй* отмечает, что левые и правые в настоящий момент практически маргинализированы мерами властей, хотя можно говорить о том, что у левых пространства для высказывания мнений стало больше.

В январе 2017 г. появилась информация, что в Пекине Канцелярией по надзору в сфере электронных СМИ за различные нарушения закрыты 17 сайтов, среди которых

*Тяньцзэ яньцзюсо*, ассоциируемый с известным китайским экономистом и общественным деятелем либерального направления Мао Юйши.

В то же время внимание общественности привлекло выступление в печати Чжоу Цяна — Председателя Верховного народного суда КНР — по вопросу о дебатлируемой в юридических кругах Китая проблеме «независимости судебной власти». Чжоу Цян недвусмысленно высказался против «западной» системы разделения властей и независимости судебной власти, а также пресловутых универсальных ценностей. По сведениям зарубежной печати, с протестом против позиции Чжоу Цяна выступили около 70 ученых, правоведов, адвокатов, других представителей общественности. Среди подписантов соответствующего письма был и Мао Юйши, что, как считает ряд наблюдателей, возможно, объясняет меры ограничительного характера против возглавляемого им Института Тяньцзэ<sup>7</sup>.

Возвращаясь к «делу» Дэн Сянчао, отметим, что в публикациях левых авторов все это описано как «победа народных сил». По их мнению, она опирается также на предыдущие победы в идеологических схватках, таких как спор по вопросу о подлинности событий подвига «пяти героев Ланъяшаня», спор по поводу Цю Шаюня (героя войны в Корее), закрытие журнала «*Яньхуан чуньцю*» и ряд других. Примечательно, что в статье с «анализом инцидента с Дэн Сянчао» автор отмечает, что в данном случае важнейшую роль в победе сыграла поддержка провинциальных властей Шаньдуна и других провинций. В период до XVIII съезда «такое себе невозможно было представить», отмечается в статье<sup>8</sup>.

Заинтересовавшись феноменом растущих возможностей китайских левых, сайт *Довэй синьвэнь* взял подробное интервью у одного из лидеров левого лагеря Чжан Хунляна. Любопытно, что в нем содержится призыв не переоценивать степень потенциальной поддержки левому лагерю со стороны верховной власти. По его мнению, можно говорить лишь о том, что давление властей на левых (*цзонай*), прежде более сильное, чем на либералов и западников, теперь стало ослабевать. Но это отнюдь не означает, что власти готовы поддержать сторонников левых идей. Напротив, Чжан Хунлян отметил, что даже ставшая визитной карточкой современного китайского руководства антикоррупционная кампания проводится без опоры на народные массы и поэтому обречена на неуспех<sup>9</sup>.

**А.В. Виноградов, д. полит. и., руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН:**

Необходимость смены экономической модели, ставшая очевидной на рубеже 2010-х годов, потребовала создания особых политических условий. На предыдущем этапе аналогичные по сложности рыночные реформы второе поколение китайских руководителей смогло провести прежде всего потому, что обладало высоким авторитетом в партии, было едино в желании отказаться от леворадикальной идеологии и имело поддержку в обществе. У нового поколения такой стартовой позиции не было.

Решение передать Си Цзиньпину весь объем полномочий высшего должностного лица в первые месяцы после избрания генеральным секретарем нарушало сложившуюся практику постепенной передачи постов от одного поколения к другому, но в текущих обстоятельствах выглядело оправданным. Предполагалось, что концентрация власти позволит новому руководству принимать непопулярные, но необходимые решения, сократив возможности для организованного сопротивления внутри партии. Последствия этого шага не замедлили проявиться. Распределение ответственности между поколениями и внутри поколения придавало стабильность политическому механизму и ограничивало всевластие и волюнтаризм первого лица. Концентрация полномочий, наоборот, подталкивала к резким и решительным действиям.

По сложившейся практике каждое новое поколение китайских руководителей начинало пребывание во власти с активизации борьбы с коррупцией и проведения кампа-

нии за воплощение «линии масс». Проводимые мероприятия не имели системного характера, оставаясь набором ситуативных мер по очищению и оздоровлению власти, принятию назревших кадровых решений, созданию в обществе атмосферы обновления. Выполнив свои политические функции, через год или немного более они заканчивались.

Начав, как и его предшественники, борьбу с коррупцией, Си Цзиньпин рассматривал ее как важный инструмент легитимизации нового руководства, связывая с ней особые надежды. Вероятно, поэтому с самого начала она приобрела больший, чем прежде, масштаб. Очень скоро, однако, Си обнаружил, что кампания не только сталкивается с ожидаемым сопротивлением, но и приносит весьма скромные результаты. Отсутствие перелома, особенно хорошо заметное на фоне беспрецедентно широких полномочий Си Цзиньпина, подталкивало его к наращиванию усилий. Развиваясь по нарастающей, приобретая массовый характер и захватывая все более высокие сферы, антикоррупционная борьба никак не могла приблизиться к завершению. Выйдя за привычные временные рамки, она переросла масштаб общественно-политической кампании, показав, что задача, которую она призвана решать, имеет не временный, а фундаментальный характер. Это означало, что первоначальный диагноз был поставлен неверно. С самого начала придав кампании более высокое значение, новое руководство перешло невидимую черту и увидело, что проблема серьезнее, а ее корни глубже: коррупция — не досадное отклонение от нормы, а системное социальное явление, возникшее в результате реформ.

Государство, всегда игравшее центральную роль в китайской истории, осуществив рыночные реформы, серьезно сократило свое присутствие в экономике. Приоритет экономического развития способствовал росту обратного влияния экономики на государство, которое выражалось, в первую очередь, в обеспечении чиновниками интересов бизнеса. Модель государства, обслуживающего интересы различных социальных групп, является нормой для западных демократий, однако в Китае государство традиционно имело не обслуживающий, а патронимический характер, в основе которого лежат нравственные ценности, а не экономические интересы и эффективность. Изменение этой природы государства в результате реформ стало главной угрозой социально-политической стабильности.

На начальном этапе Си Цзиньпин пытался восстановить ведущую роль государства традиционным способом, укрепляя личную власть и сосредоточивая в своих руках полномочия. На 3-м пленуме ЦК КПК (2013 г.) он создал и возглавил три новых органа — Совет национальной безопасности, Руководящую группу по углублению реформы и Руководящую группу по Интернету и кибербезопасности. Однако смена экономической модели не подразумевала восстановления центральной роли государства в экономике и возрождения плановых начал. Поэтому на том же 3-м пленуме функции по углублению реформ и смене экономической модели были возложены на рыночные институты. Пленум, таким образом, не стал возвращать государство в центр экономической жизни и ничего не изменил в существовавшей системе отношений, сохранив в неприкосновенности противоречие между рыночной экономикой и государством.

Одновременно энергичные действия по укреплению личной власти и массовому очищению партийно-государственного механизма привели к обратным результатам: не сплотили аппарат управления, а погрузили его в состояние нестабильности, ослабив государство. Нарушение принципов институционального авторитаризма вернуло недостатки классического авторитаризма, с которыми КПК боролась на протяжении всего периода реформ.

Если бы Си Цзиньпин, укрепляя личную власть, не противопоставил себя остальному партийному руководству, возможно, очередной внутриэлитный компромисс со временем был бы достигнут, и проблема взаимоотношений авторитарного государства и рыночной экономики так и осталась невыявленной, продолжая накапливать свой разрушительный потенциал. Но ситуация стала развиваться по другому сценарию. В целях

вернуть государству роль нравственного эталона в декабре 2012 г. были приняты «Правила из 8 пунктов», касающиеся партийного стиля. В июне 2014 г. Си Цзиньпин впервые публично поставил задачу очищения «политической атмосферы», а в декабре выдвинул принцип «4-х всесторонних»: «всесторонне создавать общество средней зажиточности, всесторонне углублять реформу, всесторонне управлять страной в соответствии с законом, всесторонне строго управлять партией». Добавив последний пункт, он ясно указал главную причину тревожных явлений в политической жизни — несоответствие деятельности партии взятым ею на себя историческим обязательствам, что приобретает особое значение накануне приближающегося в 2021 г. юбилея КПК.

Для авторитарного государства главную опасность представляет потеря авторитета власти у населения. Вероятно, первоначально ориентируясь на подготовку условий для смены экономической модели и обострения социально-экономических проблем, Си Цзиньпин столкнулся с основной для китайской истории проблемой — нравственным разложением чиновников, которые перестают отстаивать идею общего блага и подменяют ее личным экономическим интересом. И тогда он понял, что надо спасать партию и государство.

С точки зрения обеспечения интересов партийного единства активная фаза борьбы с коррупцией должна была завершиться до начала предшествующей съезду отчетно-выборной кампании, которая началась в конце 2016 г. Но этого не произошло. Продолжающиеся аресты, а, главное, отсутствие заявлений о ее скором завершении подтверждают, что ставившиеся перед ней цели не достигнуты, а существующие проблемы и противоречия будут вынесены на съезд в нынешнем, остром виде. Последствия этого могут быть непредсказуемыми. Новейшая история КПК знает примеры, когда обсуждение наиболее острых вопросов партийной жизни на высших партийных форумах приводило к смене политического курса и руководства. Именно так на 3-м пленуме ЦК КПК (1978 г.) начались реформы.

На предшествующем этапе реформ центральной задачей партии было создание в социалистическом государстве рыночной экономики. Сейчас такой задачей является выстраивание отношений, но уже не плана и рынка под контролем государства, а государства и рыночной экономики. Для этого нужно не просто единоразовое оздоровление партийного аппарата, а комплекс мер по институализации борьбы с коррупцией, направленной сначала на защиту партии-государства, а потом — на ее реформирование.

6-й пленум ЦК КПК (октябрь 2016 г.) не внес принципиальных изменений в курс нынешнего руководства. Приняв два документа — «Некоторые нормы и принципы внутривнутрипартийной политической жизни в новой обстановке» и «Положение КПК о внутривнутрипартийном контроле», в которых прямо говорится о необходимости институализации борьбы с коррупцией, пленум зафиксировал новый, более высокий статус самого Си, утвердив его в качестве «ядра» нынешнего руководства. В начале января 2017 г. 7-й пленум ЦКПД 18-го созыва принял «Правила работы дисциплинарных органов КПК по контролю за соблюдением дисциплины», создав условия для практической реализации решений пленума.

Формально все эти документы связаны с борьбой с коррупцией, но их принятие накануне XIX съезда КПК ориентирует на глубокую реформу партии. На протяжении предшествующих 38 лет КПК успешно реформировала только систему высшего руководства, сделав ее более эффективной и адекватной требованиям реформ. Сейчас стало ясно, что кризис переживает само государство, неспособное установить гармоничные отношения власти и общества. Все это напоминает традиционный кризис китайского государства: династия исчерпала запас добродетели, и это грозит сменой мандата. Возможно, КПК готовится предпринять попытку решить центральную для китайской истории проблему — восстановить нравственные основы государства, но без смены «правлящей дина-

сти». Выполнение этой задачи потребует изменения структуры центральных органов партии и создания новых, что может произойти на XIX съезде КПК.

**А.В. Ломанов, д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН:**

На 6-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, состоявшемся в конце октября 2016 г. в Пекине, примечательным событием стало двукратное упоминание в его коммюнике о «ЦК партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра (*хэсинь*)».

Прежняя формулировка говорила о «ЦК партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве генерального секретаря». Так же в партийных документах именовались и его предшественники. Тогда многие эксперты говорили о необратимости движения КПК от централизации власти в руках сильного «лидера-ядра» к более демократичным коллегиальным механизмам управления.

Хотя статус «ядра» является неформальным и не дает конкретных полномочий, на XIX съезде возникнет вопрос о дальнейшем укреплении идеологического авторитета партийного лидера.

В качестве исторического прецедента можно вспомнить состоявшийся в октябре 2007 г. XVII съезд КПК, зафиксировавший промежуточные итоги руководства Ху Цзиньтао. Предстоящий XIX съезд также является промежуточным: Си Цзиньпин должен остаться у власти до XX съезда в 2022 г. В качестве «ядра» партийного руководства он нуждается в формализации своего идейно-теоретического лидерства в еще большей степени, чем Ху Цзиньтао в аналогичный период политической карьеры.

После избрания в ноябре 2012 г. на пост генсека ЦК КПК Си Цзиньпин сделал ряд заявлений, оказавших существенное влияние на развитие официальной идеологии. Первым шагом стало провозглашение «китайской мечты» о «великом возрождении китайской нации», нацеленной на построение богатого и сильного государства, национальное возрождение и народное счастье. Благодаря активной пропагандистской кампании в 2013–2014 гг. «китайская мечта» обрела широкую известность в Китае и за рубежом.

Однако этот лозунг вряд ли будет приписан Си Цзиньпину в качестве идейно-теоретической инновации. Сам он неоднократно подчеркивал, что «мечта о возрождении» возникла у прогрессивных китайских деятелей нового времени в середине XIX века.

Пропаганда «китайской мечты» дала импульс «рекитаизации» официальной идеологии. Эта тенденция была особенно заметна в выступлениях Си Цзиньпина в 2014 г. Он подробно рассказывал китайской и зарубежной аудитории о ключевых компонентах традиционной китайской культуры и их современной актуальности. 13 октября 2014 г. на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин заявил: «Несколько тысячелетий китайская нация шла по пути цивилизационного развития, отличающегося от других государств и народов. Мы не случайно открыли путь социализма с китайской спецификой, это обусловлено исторической традицией и культурной традицией нашей страны».

Обращения к традиции подчеркивали универсальность идей китайской культуры, их применимость к решению проблем современного мира. На встрече деловых кругов «двадцатки» 3 сентября 2016 г. в Ханчжоу Си Цзиньпин призывал к строительству новой открытой мировой экономики с развитой транспортной инфраструктурой и благоприятным деловым климатом, охарактеризовав ее с помощью цитаты из древней книги «Го юй» («Речи царств») о том, как мудрый правитель Вэнь-гун «облегчил пошлины, взимаемые на заставах, и выровнял дороги, создав удобства для торговли и благоприятные условия для крестьян» (перевод В.С. Таскина — А.Л.).

В 2015–2016 гг. на первое место вышли усилия по пропаганде идеологии китайского социализма. Еще в январе 2013 г. на семинаре в Центральной партшколе Си Цзиньпин заявил, что социализм с китайской спецификой — «это социализм, а не какой-то другой “-изм”, фундаментальные принципы научного социализма нельзя терять,

если их потерять, это уже не социализм» (перевод В.С. Таскина — А.Л.). В 2015 г. Си подчеркивал, что те, кто считает излишним бороться за осуществление коммунистического идеала и приносить ради этого жертвы, не являются верными членами партии. В 2016 г. была развернута общепартийная кампания по изучению партийного устава и партийных норм, а также важных выступлений Си Цзиньпина.

6-й пленум ЦК КПК 18-го созыва помимо борьбы с коррупцией был посвящен усилению идейно-воспитательной работы среди коммунистов. В коммюнике пленума подчеркивалось, что «далекий великий идеал коммунизма и общий идеал социализма с китайской спецификой — это духовная опора и политическая душа членов КПК, идейная основа сохранения сплоченности и единства партии». КПК не отказывалась от лозунга движения к коммунизму, новизна этой формулировки заключалась в том, что коммунизм вышел на первое место.

Слияние «рекитаизации» и «рекоммунизации» может привести к появлению в китайском политическом лексиконе переосмысленных древних концепций. В 2021 г. к 100-летию основания КПК в Китае должно быть «завершено всестороннее строительство общества малого благосостояния (*сяокан*)». В 1979 г. Дэн Сяопин превратил восходящее к древней конфуцианской утопии понятие *сяокан* в программный ориентир китайских реформ. После того, как общество *сяокан* будет построено, на первое место может выйти цель построения общества «великого единения» (*датун*), представляющего в китайской традиции более высокую ступень социального развития. Замена *сяокан* на *датун* способна уподобить Си Цзиньпина «архитектору реформ» Дэн Сяопину.

Си Цзиньпин неоднократно высказывался об идеале *датун*, характеризуя его как важный компонент китайской культуры, слияние материального богатства с высокими моральными качествами, как один из истоков китайской традиции миролюбия. 18 января 2016 г. на семинаре кадровых работников провинциального уровня Си Цзиньпин заявил, что «совместная зажиточность» (*зунтун фуюй*) — это «фундаментальная цель марксизма» и одновременно «фундаментальный идеал народа Китая, начиная с древности». Он прямо сопоставил идею древней утопии (Конфуций, Мэн-цзы, описание *сяокан* и *датун* из главы «Ли юнь» книги «Ли цзи») с представлениями Маркса и Энгельса о коммунистическом обществе. Партийный лидер признал, что эта цель достижима лишь в отдаленной исторической перспективе, и Китай не может двигаться к ней, перескакивая через этапы развития. «Но это не говорит о том, что мы ничего не можем сделать для постепенного осуществления всеобщей зажиточности», — подчеркивал он.

Еще до прихода Си Цзиньпина к власти руководство КПК обещало построить к 100-летию образования КНР «сильное богатое демократическое цивилизованное гармоничное социалистическое модернизированное государство». Формулировка цели выглядит излишне громоздкой. Лозунг *датун* может стать ее привлекательным и запоминающимся синонимом. Через пять лет на XX съезде КПК официальное превращение *датун* в китайскую цель движения к всеобщей зажиточности может ознаменовать триумфальное завершение правления Си Цзиньпина, совпадающее с завершением строительства *сяокан*.

Среди «нумерологических» лозунгов эпохи Си Цзиньпина наибольшие шансы на превращение в компонент нормативной идеологии имеет появившаяся в конце 2014 г. концепция «четырех всесторонних» (*сы гэ цюаньмянь*). Речь идет о «всестороннем завершении строительства общества *сяокан*, всестороннем углублении реформ, всестороннем продвижении управления страной на основании закона, всестороннем строгом управлении партиями». В ходе пропагандистской кампании было подчеркнуто, что заслугой Си Цзиньпина является взаимная увязка социально-экономических задач, проведения реформ, совершенствования государственного управления и борьбы с коррупцией.

Лозунг воспитания «четырех сознаний» (*сы гэ шичи*) появился после того, как 29 января 2016 г. на заседании Политбюро ЦК КПК было выдвинуто комплексное требо-

ванне укреплять «политическое сознание», «сознание общей ситуации», «сознание ядра» (*хэсинь шиши*) и «сознание равенения» (*каньци шиши*). Первые два компонента новыми не являются, а вот о «сознании ядра» и «сознании равенения» в Китае заговорили только в 2016 г. Речь идет об осознании того, что партия является «ядром» китайского социализма, а ЦК — это «ядро» партии; всем следует равняться на ЦК и на генерального секретаря Си Цзиньпина, на партийную теорию и политическую линию, на дух решений XVIII съезда и последующих пленумов. Присвоение Си Цзиньпину статуса «ядра ЦК» позволило включить в «сознание ядра» требование поддерживать генсека партии и решительно защищать его авторитет. Пропаганда «четырёх сознаний» нацелена на предсъездовскую консолидацию партийных рядов.

В докладе ЦК на XVIII съезде КПК был сформулирован лозунг «тройной уверенности» в пути, теории и строе китайского социализма. В речи по поводу 95-летия создания КПК 1 июля 2016 г. Си Цзиньпин трансформировал его в «четыре уверенности» (*сы э цзысинь*), добавив требование «уверенности в культуре». Он пояснил, что «уверенность в культуре» является «наиболее фундаментальным, широким и глубоким видом уверенности». По его словам, она опирается на лучшие традиции китайской культуры, созданные за пять тысяч лет развития китайской цивилизации, а также на революционную культуру и передовую социалистическую культуру, выросшие в ходе «великой борьбы партии и народа». Эта формулировка стала отражением тенденции «рекитанзации» китайской идеологии и роста внимания руководства КПК к национальной традиции.

На международной арене Си Цзиньпин продвигает концепции «общности судьбы человечества» (*жэньлэй миньюнь гунтуити*) и «совместного обсуждения, совместного создания и совместного использования» (*гуншиан гунцзянь гунсян*) механизмов глобального управления. В 2016 г. обрело популярность сочетание «китайский план» (*чжунго фанъань*), которое указывает на глобальные инициативы, опирающиеся на обобщение опыта развития Китая. В выступлении по поводу 95-летия КПК Си Цзиньпин заявил: «Члены КПК и китайский народ полностью уверены в том, что в поисках лучшего общественного строя могут предложить человечеству китайский план».

Основная часть сформулированных за годы правления Си Цзиньпина идеологических концепций наверняка войдет в отчетный доклад ЦК на XIX съезде. Можно ожидать канонизации одной из идей Си Цзиньпина в качестве составной части нормативной партийной идеологии наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и появившимися в конце правления Цзян Цзэминя «важными идеями тройного представительства» и «научным взглядом на развитие».

**Ю.М. Галенович, д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН:**

С чем, в каком состоянии руководители КПК подходят к XIX съезду? Каковы взаимоотношения человека и власти в современном Китае?

По официально публикуемым в КНР цифрам, экономика государства сегодня должна восприниматься, как вторая в мире. В КНР работает одна из крупнейших фондовых бирж. Много небоскребов в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, других городах. На дорогах страны можно увидеть автомобили всех марок. Люди в Китае пользуются последними моделями смартфонов.

В то же время есть много экономических проблем, пути решения которых не найдены при существующем политическом строе. КПК фактически является единственной правящей партией в государстве, контролирует все, что стратегически важно в стране, строго ограничивает право на свободу высказываний, собраний и убеждений. В КНР существует политический режим, которому присущи черты диктатуры. Некоторые эксперты не без оснований считают, что это современный изощренный финансовый тоталитаризм.

После смерти Мао Цзэдуна партия постепенно ослабила контроль над средствами производства и позволила развиваться частному предпринимательству. Руководители

КПК считают, что сейчас они применяют не прежние, существовавшие при правлении Мао, а «неокомандные» методы.

По некоторым сообщениям, государственные предприятия составляют 3% всех компаний в КНР, но производят, по разным оценкам, от 25 до 30% общего объема промышленной продукции. Партия продолжает «руководить» экономикой, сосредоточив в руках номенклатуры все «командные высоты». В КНР произошла своего рода «революция», в результате которой партия сохранила политический режим и использовала его для захвата «командных высот» в экономике страны.

Внешне впечатляющие цифры роста ВВП Китая не вполне соответствуют действительности. Премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян в 2007 г. сказал в беседе с американским чиновником, что официальные цифры являются ненадежными. Он предпочитает смотреть на объемы железнодорожных грузовых перевозок, потребления электроэнергии, а также новых кредитов, выданных банками, чтобы правильно оценить экономический рост Китая.

Многие крупные предприниматели в КНР являются членами коммунистической партии. Они входят в законодательные или политические консультативные органы режима. Членство в партии гарантирует преимущества для бизнеса.

События, начиная с 1990 г., показали, что многие члены КПК имеют религиозную веру, что формально запрещено уставом партии.

КПК, по сути дела, является единственным истинным землевладельцем в Китае. Она сдает в аренду земельные участки китайским крестьянам. Завет Сунь Ятсена, обещания лидеров КПК в момент прихода к власти в стране, что земля должна находиться в собственности крестьян, а каждый пахарь должен иметь свое поле, не выполнены до сих пор. Это — одна из крупнейших проблем современного Китая.

Вплоть до настоящего времени в рамках существующего политического режима так и не решен вопрос о правах национальных общин, прежде всего, в Тибете и в Синьцзяне.

Население Китая жестко контролируется партией. В КНР имеется более двух миллионов интернет-полицейских. Их задача состоит в том, чтобы подвергать цензуре общественное мнение, манипулировать им, не пускать в глобальную сеть китайских интернет-пользователей.

Вплоть до последнего времени женщин в Китае заставляли делать принудительные аборт, подвергали стерилизации тех, кто не следует политике ограничения рождаемости. Ныне разрешили иметь второго ребенка. Последствия прежней политики продолжают сказываться. В то же время численность населения продолжает расти быстрыми темпами, не менее чем на 10–15 млн человек в год. Это — еще одна большая проблема для правящей партии.

Диссиденты, члены религиозных общин и рядовые граждане КНР живут под постоянной угрозой быть объявленными политическими противниками режима. Они подвергаются жестокому обращению, пыткам и принудительному труду в местах лишения свободы. Адвокат Гао Чжишэн, которого некоторые называют «совестью Китая», защищавший даже тех, кого КПК считает своими врагами, был обвинен в «подрывной деятельности». Нобелевский лауреат Лю Сяобо, изложивший свои взгляды, предложения по решению многих проблем Китая, находится в тюрьме. Нынешний политический режим КНР практически обеспечивает идеальную скорость осуждения своих политических противников в судах, которые он контролирует. Видные диссиденты после длительного тюремного заключения остаются под домашним арестом.

Конституция КНР гарантирует свободу вероисповедания, но партия игнорирует собственные законы. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь почти до конца 1990-х годов, считал, что можно разрешить в Китае практику религиозной ветви буддизма, которая именуется «фалуныгуи», использовать ее в интересах присущего исключи-

тельно Китаю самобытного социализма, но затем в 1999 г. создал специальные органы для преследования тех, кто практиковал «фалуньгун».

Мао Цзэдун, осуществив «культурную революцию», разрушил веру многих людей в Китае в идеалы коммунизма. Дэн Сяопин выдвинул призыв «обогащайтесь наперегонки», в результате чего в Китае у многих была подорвана вера в традиционные нравственные ценности. На месте идеологии образовалось белое пятно. В этой ситуации и возникло движение «фалуньгун», которое вовлекло в свою орбиту десятки миллионов людей. По численности оно соперничало с КПК. Все это говорит о вероятности создания в Китае при определенных условиях религиозной политической партии.

Формально в Китае, помимо КПК, есть еще несколько небольших партий. Однако практически КПК — единственная правящая партия в КНР с 1949 г. Остальные партии фактически существуют на средства, выделяемые из бюджета государства, и зависят от КПК.

Генеральный секретарь ЦК КПК не создает свой кабинет министров, действует в рамках Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, который принимает все главные решения в стране. Генеральный секретарь ЦК КПК выдвигается на пост в результате согласования позиций групп руководителей, представляющих части партийной и военной элиты, которые могут быть настроены в пользу приоритета местных интересов перед интересами страны в целом.

Главным содержанием того, что происходит в КПК накануне очередного съезда партии, является борьба за власть. При этом очевидно, что КПК не представляет собой монолит, а существует и правит в силу договоренностей между собой различных ее частей. Свою роль продолжают играть военачальники, в среде которых также нет единства. При определенных условиях они могут выступать в союзе с гражданской частью местных элит.

В КПК всегда существовала и продолжает существовать альтернатива: несмотря на действия того, кого именуют «великим вождем» или «ядром» руководителей партии, его деятельность ограничена другими силами внутри ее руководства. Поэтому решения, принимаемые от имени руководства партии, являются компромиссными.

Внутри партии существует почти всеобщее понимание того, что в стране, где столько проблем, необходимы изменения кардинального характера. При этом без политических изменений невозможны существенные изменения в экономике.

Ныне у власти находится последнее поколение, выросшее в эпоху правления Мао Цзэдуна. КПК не прочно находится у власти в стране, а удерживается у нее. В прежние годы внутри партии всегда существовала альтернатива. При этом Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь представляли одну сторону, а Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вэнь Цзябао — другую. Поэтому до сих пор в КПК существует возможность таких преобразований внутри самой партии, что она или возникшее из части ее нынешних членов иное политическое образование сможет осуществить необходимые стране политические и экономические реформы. Для этого необходимо, чтобы к власти пришли представители линии, альтернативной линии Мао.

Правление нынешнего генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина происходит под лозунгом: возродить величие великой нации Китая. Это свидетельство обращения Си Цзиньпина к идеалам, которые, с его точки зрения, будут приемлемы для населения на практике, и устремлены не в будущее, а в прошлое.

Первые несколько лет своего правления Си Цзиньпин посвятил в основном борьбе за укрепление собственного положения у власти, борьбе с теми, в ком видит противников его единоличного правления.

Нынешние руководители КПК взяли из марксизма главное, позволяющее прочно удерживаться у власти, то есть политический режим диктатуры, тоталитаризма, который они пытаются приспособить к нынешним китайским условиям. Номенклатура стремится

сохранять возникшее во времена правления Мао Цзэдуна положение, при котором власть ни за что не несет ответственности перед народом. Власть без ответственности — основополагающий принцип нынешнего политического режима в КНР.

В связи с предстоящим очередным съездом КПК, вероятно, произойдут значительные перемены в руководстве партии. Пять из семи членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК могут быть отправлены на пенсию. Могут уйти, по крайней мере, две пятых нынешнего состава Политбюро и более половины членов и кандидатов в члены ЦК.

Си Цзиньпин делает все, чтобы ввести во властные и законодательные органы своих сторонников. Это тем более относится к военной власти. Одним из приемов, которыми он пользуется, является утверждение о стремлении наказывать разложившихся чиновников, взяточников. Си Цзиньпин дал указание, что, начиная с мая 2015 г., Верховный суд и местные судебные органы должны принимать все уголовные жалобы, тогда как ранее такие жалобы могли отклоняться без объяснения причин.

Нарушения прав человека в КНР продолжаются. В 2015–2016 гг. арестовали более 300 адвокатов по правам человека и приговорили к длительным тюремным заключениям мирных активистов.

Многие наблюдатели полагают, что главная борьба внутри руководства КПК происходит между сторонниками Цзян Цзэминя и Си Цзиньпина. При этом утверждают, что Си Цзиньпин был назначен генеральным секретарем ЦК КПК в 2012 г. на XVIII съезде партии в результате компромисса между Ху Цзиньтао и Цзян Цзэмином. Если это так, то и в настоящее время Цзян Цзэминь, которому идет 91-й год, все еще имеет достаточное влияние для продвижения своих людей в Постоянный комитет Политбюро, чтобы связывать действия Си Цзиньпина.

В последнее время Си Цзиньпин создает новую государственную комиссию по надзору за чиновниками в Пекине, Шанхае, провинции Чжэцзян. При этом он пытается гарантировать место в ПК Политбюро ЦК КПК для Ван Цишаня, который, несмотря на пенсионный возраст, может остаться, так как он, с точки зрения Си Цзиньпина, внес огромный вклад в искоренение коррупции и, следовательно, является незаменимым. К тому же, он может получить более широкие полномочия как глава нового органа по борьбе с коррупцией — Государственной комиссии по надзору, которая не зависит от исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти и даже от КПК, что позволяет Си Цзиньпину действовать как бы вне нынешней системы.

Это наводит на мысль, что ситуация в стране, партии и ее руководстве такова, что прежняя структура власти не обеспечивает интересы тех, кто находится в ней. Понятия, которыми они руководствуются, требуют создания новой структуры власти. Какой она будет, может показать будущий съезд партии.

Содержание коммюнике состоявшегося 24–27 октября 2016 г. очередного пленума ЦК КПК отражало обеспокоенность руководства КПК сохранением существующего политического режима. Все это вместе взятое говорит о крайней обеспокоенности Си Цзиньпина своим положением у власти в партии и в стране.

Речь Си Цзиньпина на пленуме была посвящена политической жизни партии сегодня, контролю внутри партии. Это свидетельствовало о том, что Си Цзиньпин и все руководство КПК обеспокоены состоянием партии, ситуацией внутри нее, отсутствием должной сплоченности. Ее можно рассматривать как обращение Си Цзиньпина к рядовым членам партии в общей борьбе против поведения партийной номенклатуры.

В коммюнике говорилось о «великом знамени самобытного социализма Китая», из чего следовало, что для нынешних руководителей КПК речь идет об их собственном социализме, исключающем какие бы то ни было союзнические отношения с кем бы то ни было на его платформе. Формально связи между КПК и партиями других стран, именующими себя коммунистическими или социалистическими, допустимы, но как связи с

чем-то «внешним», чужим, не «союзническим» с Китаем. Если кто-то хочет присоединиться к нации Китая, к КПК, то может быть воспринят в качестве попутчика, признающего КПК и китайскую нацию в качестве единственного и бесспорного полноправного руководителя.

Особо подчеркивалось значение взглядов и политики Си Цзиньпина, говорилось о важности и обязательности решений последних пленумов ЦК партии, проходивших при его руководстве, перечислялись новации Си Цзиньпина: новая стратегия управления государством и др. Обращалось внимание на необходимость того, чтобы партия, прежде всего, занималась партией, то есть положением внутри себя. На практике это означает, что Си Цзиньпин намерен в ходе подготовки к съезду сформировать новый, устраивающий его состав ЦК и его руководящих органов.

Далее речь шла о сконцентрированном едином руководстве ЦК партии, где самым главным должна считаться мысль об одном государстве, одной партии и, очевидно, об «одном ядре» руководства. Централизация, доведенная до высшей точки, вертикаль власти с Си Цзиньпином как его вершиной или ядром — вот что требуется сегодня, с точки зрения самого Си Цзиньпина. Очевидно, что многие беды и проблемы Китая он видит в недостатке централизации власти в одном центре, в одних руках.

От членов партии требуются дисциплина и честность. И то, и другое, с точки зрения Си Цзиньпина, хромает, и с этим необходимо покончить в процессе подготовки к съезду. От членов партии требуется также быть слугами народа, а не чиновниками и господами. И это свидетельствует об отрыве номенклатуры и самой партии от населения страны, особенно в сельской местности, то есть об определенном и существенном отрыве партии от крестьян.

Очевидно, что в партии ослаблено сочетание коллективности руководства и личной ответственности каждого за свой участок работы. При этом оказались практически забытыми положение о рядовых членах партии как о субъекте, право каждого члена партии знать о ситуации, право участия, право избирать, право контролировать, положение о равноправии всех членов партии. Одним из распространенных явлений в КПК в настоящее время стала покупка постов. На это также обращено внимание в коммюнике пленума.

Чрезвычайно важным является и следующее положение: «никому не дозволено обращаться с кадрами партии как со своей частной собственностью» (*«жэнь хэ жэнь доу бу чжунь ба дан ды гань бу дан цзо сы ю цай чань»*). Очевидно, что это обращено к тем руководителям внутри партии, которые узурпируют некую часть руководства партией и государством в ущерб власти самого Си Цзиньпина.

В коммюнике говорилось, что внутри партии под ее контролем должно находиться все, не должно быть запретных зон. Это положение появилось, поскольку ныне такие зоны существуют, а это означает, что партия фактически разделена на «наделы», в каждом из которых правит тот или иной «феодал», или «собственник». Именно по этой причине в документе подчеркивается, что главным объектом контроля должны быть главные руководители. Си Цзиньпин призвал к некой «культурной революции» внутри КПК, к борьбе против «неправильных», с его точки зрения, «главных руководителей». Подчеркивается, что такую борьбу следует вести на основе закона.

Документ завершается призывом «сплотиться вокруг ЦК партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра; защищать авторитет и единое руководство ЦК, бороться за непрерывное создание новой обстановки в деле строительства самобытного социализма в Китае».

В целом ощущается нарастание комплекса проблем, многие из которых не имеют решения теми методами, которые применяют нынешние власть имущие. Главная среди них — проблема соотношения человека и власти. В настоящее время положение является ненормальным, потому что человек в Китае лишен каких бы то ни было прав и сво-

боды. Со временем это неизбежно вызовет взрыв недовольства и, вероятно, перемену ситуации, когда власть будет вынуждена подчиняться интересам человека, уважать его достоинство, права и свободу в области политики, экономики, культуры.

Накануне XIX съезда КПК хотела, чтобы внутри страны и на мировой арене ее воспринимали как авангард китайской нации. Мысль о нации Китая — ядро идеологии КПК. Возрождение великой нации Китая и его национальное величие — вершина современной идеологии КПК. В этом смысле партия обращена в прошлое. Она говорит о возрождении прошлого, великого прошлого.

Одновременно современная идеология КПК предлагает человечеству нечто общее. Вместо прежней марксистской идеологии, лозунга «пролетарии всех стран, соединитесь» и объединения трудящихся, рабочих и крестьян всех стран, выдвигается мысль о единстве всех людей на Земле в ходе осуществления экономической глобализации. Нация Китая выдвигает идею экономической глобализации, предлагая себя в ходе глобализации в качестве наилучшего управляющего делами человечества. Предлагается признать право и способность нации Китая, ее авангарда КПК осуществлять глобальное управление глобальными делами. Речь идет о том, что «Китай будет делиться своим опытом государственного управления со всеми странами мира». «При помощи китайской программы и полных китайской мудрости мер по реформированию системы глобального управления Китай берет на себя большую ответственность в этой сфере»<sup>10</sup>.

Наконец, неотъемлемой составной частью идеологии КПК является «концепция мирового сообщества с единой судьбой»<sup>11</sup>. Это мысль об общности судьбы человечества, различных его частей. Имеется в виду общность судьбы каждой нации, ряда наций того или иного региона и всех наций на Земле с нацией Китая. Фактически выдвигается лозунг: «нации всех стран объединяйтесь» при понимании того, что это должно осуществляться под руководством великой нации Китая, китайского государства. Человечеству предлагается находиться в «зоне Шелкового пути», примкнуть к движению нации Китая, видя в предложенных нынешним руководством КПК сухопутных и морских коридорах центральный инструмент и средство достижения общности судьбы наций всего мира с нацией Китая.

**О.Н. Борох, к. э. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:**

Одной из ключевых тем при подготовке XIX съезда КПК выступает стратегия экономического развития. Си Цзиньпин взял разработку курса экономических преобразований в свои руки, возглавив руководящую группу ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, созданную в 2013 г. по решению 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. Партийный лидер стал источником новых реформаторских идей, несколько снизив тем самым влияние премьера Ли Кэцзяна и структур Госсовета КНР. Эти перемены создали предпосылки для интеграции шагов в сфере экономики в общую концепцию реформ, которую разрабатывает Си Цзиньпин.

Публикации китайских СМИ и его выступления в конце 2016 — начале 2017 г. дают возможность выявить ключевые тезисы, способные послужить основой для экономического раздела отчетного доклада ЦК XIX съезду КПК.

Из 10 важнейших публикаций газеты «Жэньминь жибао» на специальной странице веб-сайта «Жэньминьван» в 2016 г. три посвящены проблемам экономики. 4 января 2016 г. была опубликована беседа о содержании «структурной реформы предложения». В конце года вышли две обобщающие публикации.

14 ноября 2016 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Три года всестороннего углубления реформ». В ней подчеркивалось, что 3-й пленум ЦК КПК поставил именно такую задачу, на 4-м пленуме были приняты решения в области государственного управления и правовой системы, 5-й пленум ЦК утвердил новые концепции развития и планы 13-й пятилетки, а на 6-м пленуме ключевой темой стала внутрипартийная дисциплина. Си Цзиньпин сравнил проведение реформ со строительством здания: в первые

три года готовят площадку, отбирают материалы, устанавливают столбы и балки. И вот теперь в год проведения съезда подготовительная фаза завершилась, каркас новой реформы собран, начинаются практические действия.

В экономическом развитии возникли новые дилеммы. Китай вышел на средний уровень доходов, однако растут опасения попасть в «ловушку» наподобие других стран, развитие которых останавливалось на этом уровне. При проведении структурной реформы нужно будет сокращать производственные мощности и ограничивать кредитование, одновременно обеспечивая людям минимальный уровень жизни. Реформы должны приносить китайцам «чувство обретения новых выгод». В прошлом ситуацию можно было описать как «оптимум по Парето», когда улучшалось положение всех участников рынка. Теперь приходится использовать «критерий Калдора» и добиваться того, чтобы совокупный позитивный эффект от проведения реформ был достаточно велик и позволял за счет общего улучшения экономической ситуации компенсировать потери проигравших групп.

Сегодня в Китае придают особое значение тезису о необходимости сконцентрировать усилия на главном направлении: нельзя распылать ограниченные ресурсы без учета приоритетов, следует брать за «главное противоречие» и «главное звено».

Опубликованная в «Жэньминь жибао» 14 декабря 2016 г. статья «Новые координаты китайской реформы» указала на постепенное снижение темпов роста китайской экономики с 7,7% в 2012 г. до 6,7% в третьем квартале 2016 г. За годы реформ под влиянием краткосрочных факторов темпы роста трижды падали ниже 8% (1979–1981, 1989–1990 и 1998–1999 гг.), однако на этот раз замедление является долгосрочным. Такова объективная ситуация «новой нормальности», к которой нужно адаптироваться.

Возвращение к высоким прежним темпам невозможно, говорится в статье, поэтому следует руководствоваться «пятью концепциями развития», утвержденными на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва. В ней подчеркнуто, что эти концепции возникли исходя из наиболее явных противоречий в условиях «новой нормальности». Китаю нужно искать новые двигатели роста, проводить оптимизацию экономической структуры, учитывать воздействие экономического развития на окружающую среду, компенсировать сокращение традиционных преимуществ дешевой рабочей силы и ресурсов наращиванием преимуществ открытости. Расширение доступа населения к результатам реформы поможет мобилизовать общественную активность и поддержку преобразований.

В статье отмечается, что произошедшие экономические изменения не позволяют продолжать движение прежним путем, однако новый путь еще не найден. Важность новых концепций развития заключается в том, что «инновации позволят избежать отступления, координация — диспропорций, “зеленое развитие” — проблем в экологии, открытость — замкнутости, общедоступность — социальной нестабильности».

В китайской экономике накопились структурные проблемы, в ряде отраслей есть избыток мощностей и вместе с тем в большом объеме импортируется ключевое оборудование. «Структурная реформа предложения» должна помочь преодолеть эти дисбалансы. Ее проведение в 2016 г. уже привело к сокращению мощностей в стальной и угольной промышленности. Это позволило увеличить прибыли производителей, изменилась ситуация, когда «продавать уголь было менее выгодно, чем картошку», а «цены на сталь упали до уровня цен на капусту».

Заседание Политбюро ЦК КПК 9 декабря 2016 г. было посвящено проблемам экономической работы в 2017 г., включая структурную реформу предложения в сельском хозяйстве и долгосрочное оздоровление рынка недвижимости с помощью налоговых инструментов и проведения политики урбанизации. Предпосылкой для продолжения структурных реформ в ключевых отраслях является поддержка социальной стабильности. Лейтмотивом заседания стал курс на «продвижение вперед в условиях стабильности». В комментариях агентства «Синьхуа» подчеркивалось, что эта тема постоянно поднималась на совещаниях по экономической работе, состоявшихся после XVIII съезда КПК.

Новизна декабрьского заседания Политбюро состоит в том, что в его материалах «продвижение вперед в условиях стабильности» было повышено до уровня «важного принципа» государственного управления.

Эта формулировка заслуживает внимания исследователей, поскольку она может быть включена в документы КПК в качестве личного вклада Си Цзиньпина в развитие партийной идеологии. В выступлении 26 января 2017 г., накануне китайского Нового года по лунному календарю, Си Цзиньпин заявил, что XIX съезд КПК «нарисует новый проект для дела социализма с китайской спецификой». Он призвал партию, армию и народ всей страны руководствоваться марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства и научным взглядом на развитие, «следовать новым концепциям, новым идеям, новой стратегии государственного управления ЦК партии, придерживаться основного лейтмотива продвижения вперед в условиях стабильности».

Концепции «государственного управления» были упомянуты после «научного взгляда на развитие», ставшего идеологическим итогом правления Ху Цзиньтао. Косвенным образом это указывает на возможность превращения «государственного управления» в ключевой символ правления Си Цзиньпина и квинтэссенцию «нового проекта» китайского социализма.

Китайский лидер уделяет большое внимание разработке и интерпретации политики экономических преобразований. 22 января 2017 г. Политбюро ЦК КПК провело 38-ю коллективную учебу, посвященную углублению «структурной реформы предложения». В ходе ее Си Цзиньпин подчеркнул, что продвижение этой структурной реформы является «неизбежным выбором» для вступившей в этап «новой нормальности» экономики Китая. По его словам, в 2017 г. предстоит углубление «структурной реформы предложения», поэтому проведение коллективной учебы было нацелено на то, чтобы оценить ее эффект, выяснить основные моменты и трудности.

Си Цзиньпин указал на разнообразие факторов, сдерживающих экономическое развитие, отметив, что «главное противоречие» находится на стороне предложения. Он пояснил, что следует урегулировать отношения правительства и рынка таким образом, чтобы рынок играл решающую роль, и в этом заключается главный принцип продвижения реформы предложения. В стратегии нужно вести затяжную войну и продвигаться вперед в условиях стабильности, осуществляя «проектирование сверху», в тактике — вести бой на уничтожение и заниматься реальными делами. Китайский лидер предупредил: «Бабочке всегда больно вылупляться из кокона, кратковременная боль при структурной реформе предложения неизбежна, нельзя из-за боли не продвигаться вперед». Он призвал разумным образом направлять ожидания общества, держать под контролем и сокращать болезненные эффекты, заниматься долгами предприятий и трудоустройством уволенных сотрудников, защищать социальную гармонию и стабильность. В то же время необходимо создавать новые стимулы экономического развития.

В выступлении Си Цзиньпина прозвучал призыв к урегулированию отношений «сложения» и «вычитания». В рамках концепции «структурной реформы предложения» «вычитание» означает уменьшение низкокачественного и неэффективного предложения, сокращение мощностей, запасов, снижение долговой нагрузки и освобождение пространства для развития. «Сложение» указывает на расширение эффективного предложения, восполнение узких мест, развитие новой техники. Китайский лидер отметил, что «вычитание» нельзя проводить «под одну гребенку», оно должно быть адресным и «не наносить лишних ран». При «сложении» надо избегать искусственного стимулирования и распыления усилий, не допускать появления новых дублирующих проектов.

У экономических воззрений Си Цзиньпина есть не только внутреннее, но и внешнее измерение, связанное с разработкой китайского подхода к глобальному экономическому управлению. 17 января 2017 г. в выступлении на Всемирном экономическом

форуме в Давосе он осудил призывы отказаться от экономической глобализации и поставил в пример Китай, сумевший преодолеть сомнения и принять решение о вступлении в ВТО. По словам Си Цзиньпина, стимулом к росту замедлившейся мировой экономики должны стать инновации. Следует формировать открытую модель сотрудничества и выступать против протекционизма, обеспечить развивающимся странам более значительное представительство и право голоса в процессе создания справедливой и рациональной модели глобального управления.

Си Цзиньпин отметил, что Китай получает выгоду от глобализации и вносит в нее свой вклад, быстрый рост китайской экономики продвигает вперед и стабилизирует мировую экономику.

На XIX съезде КПК китайскому руководству необходимо отразить изменения, связанные с замедлением темпов роста китайской экономики и началом проведения глубоких структурных преобразований. С большой вероятностью в материалы съезда войдут предложенные Си Цзиньпином в 2014–2015 гг. тезисы о вступлении экономики Китая в «новую нормальность» и необходимости осуществления «структурной реформы предложения».

#### **Ю.Ю. Перепелкин, старший научный сотрудник ИДВ РАН:**

Борьба с коррупцией и расточительством в партийно-государственном аппарате рассматривается пятым поколением китайского руководства как важнейшая задача в деле преодоления кризиса доверия в обществе. Си Цзиньпин уже в своем первом выступлении в качестве нового руководителя КНР заявил: «Наша партия сталкивается с многочисленными и серьезными вызовами, а внутри партии имеется много насущных проблем, которые мы должны решить. В первую очередь, это коррупция, оторванность от народа, формализм и бюрократизм, которые создают некоторыми партиями».

Антикоррупционную кампанию Си Цзиньпина называют беспрецедентной. Для этого существуют все основания. Прежде всего, это ее размах. По данным китайских и западных СМИ, за 2012–2016 гг. партийным и административным дисциплинарным взысканиям подверглось свыше одного миллиона чиновников (при их общем количестве в КНР 7,4 млн). По судебным делам о коррупции, взяточничестве и пренебрежении должностными обязанностями в 2012–2015 гг. привлечено к ответственности около 130 тыс. человек<sup>12</sup>.

Резко возросло количество высокопоставленных кадров, ставших мишенью антикоррупционной кампании Си Цзиньпина: после XVIII съезда КПК около 200 чиновников уровня руководства министерств, провинций и выше попали под следствие по подозрению в коррупции.

Широко известны имена наиболее высокопоставленных субъектов антикоррупционной кампании: бывший член ПК Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнкан, бывший член Политбюро Бо Силай, бывшие члены Политбюро и бывшие заместители председателя Центрального военного совета КНР Сюй Цайхоу и Го Босюн, бывший заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК), глава отдела Единого фронта ЦК КПК Лин Цзихуа. Все вышеперечисленные лица приговорены к пожизненному заключению, кроме Сюй Цайхоу, который умер во время следствия.

При этом год от года число высокопоставленных подозреваемых расширяется. В 2016 г. прокурорские органы Китая предъявили обвинения 48 бывшим госслужащим министерского уровня и выше. В число лиц, в отношении которых были проведены расследования, вошли бывший секретарь комитета КПК пров. Ляонин Ван Минь, бывший начальник Государственного статистического управления Ван Баоань, бывший замсекретаря комитета КПК Пекина Люй Сивэнь и др. Среди лиц, которым были предъявлены обвинения, — бывший заместитель председателя ВК НПКСК Су Жун, бывший заместитель председателя Комиссии по экологии и природным ресурсам Все-

китайского собрания народных представителей Бай Эньпэй, бывший глава парткома пров. Хэбэй Чжоу Бэньшунь и ряд других. Начато расследование в отношении экс-мэра г. Тяньцзинь Хуан Синго.

Качественный и количественный масштабы антикоррупционной кампании логично привели китайское руководство к необходимости признания существования коррупционных группировок. Впервые за несколько десятилетий руководство КПК призвало к борьбе с фракциями, кликами и группировками в партийно-государственном аппарате. Антикоррупционная кампания приобретает характер открытой политической борьбы. Собственно, пятое поколение руководителей Китая изначально предвидело данное обстоятельство: Си Цзиньпин на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва прямо говорил о том, что «группы сложившихся интересов» представляют собой главную угрозу для современного этапа китайских реформ.

В целях преодоления сопротивления данных групп руководство КНР реализует ряд организационных и юридических мер, направленных в первую очередь на борьбу с круговой порукой чиновников на местах. Так, создана новая «властная вертикаль» в системе Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД), которая позволяет соответствующим местным органам функционировать независимо от парткомов, что повышает статус местных комиссий и усиливает контроль Центральной комиссии над ними.

Верховная народная прокуратура КНР (ВНП) вводит разделение административной и судебной юрисдикции прокурорских органов ниже провинциального уровня. Создается межрегиональная прокуратура по служебным преступлениям. В ноябре 2016 г. было принято решение о проведении в экспериментальном порядке реформы государственной системы контроля в Пекине и провинциях Шаньси и Чжэцзян, где местные СНП будут избирать комитеты контроля.

Еще одной отличительной чертой нынешней антикоррупционной кампании стал ее международный аспект. Власти Китая активно развивают международное сотрудничество по поимке коррумпированных чиновников, скрывающихся за границей, и по возврату незаконно полученных ими денежных средств. Китай стремится к созданию глобальной сети антикоррупционного сотрудничества и рассматривает вопрос о разработке законодательных актов, касающихся международной правовой помощи в уголовных делах. КНР как страна-участница Конвенции ООН по борьбе с коррупцией инициировала международное сотрудничество в рамках АТЭС и G-20.

Эти усилия китайского руководства уже приносят заметные результаты. С 2014 по сентябрь 2016 г. из 70 стран и регионов мира было возвращено 2210 бежавших преступников, в том числе 363 бывших чиновника. Возвращены незаконно выведенные средства в размере 8 млрд юаней (около 1,3 млрд долл. США).

Китай установил отношения сотрудничества в борьбе с коррупцией с 89 странами мира, подписал с зарубежными странами 57 соглашений о взаимной правовой помощи и 48 договоров об экстрадиции. Для трансграничного розыска беглых чиновников, совершивших должностные преступления, действует Китайско-американская объединенная группа связи по сотрудничеству в области исполнения законодательства, а также региональные механизмы прокурорского взаимодействия.

Текущая антикоррупционная кампания в Китае характеризуется значительным масштабом и степенью охвата партийных, государственных, военных, корпоративных элит. Она сопровождается комплексом мероприятий организационно-юридического характера, включая международное сотрудничество.

Китайское руководство рассматривает борьбу с коррупцией как неотъемлемую часть всего комплекса проводимых реформ. По его мнению, борьба с коррупцией является эффективной гарантией «всеобъемлющего верховенства закона», истинным проявлением «всестороннего строгого внутрипартийного управления», а также предпосылкой и гарантией «всестороннего строительства среднезажиточного общества».

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что сверхзадачей антикоррупционной политики Си Цзиньпина является формирование в КНР такой правящей партии, которая более соответствовала бы изменяющимся условиям развития Китая. Новая экономическая модель требует обновленной политической надстройки.

В данном контексте представляется обоснованным предположение, что на грядущем XIX съезде КПК в ее Уставе могут быть закреплены положения, существенно ужесточающие требования к поведению и образу жизни членов партии, а также расширяющие полномочия органов партийного контроля.

Предвестниками подобных изменений можно считать решения 6-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: «Некоторые нормы внутривнутрипартийной политической жизни в новой ситуации» и «Положение КПК о внутривнутрипартийном контроле». Как отмечает журнал «Китай» в этих документах в общей сложности более 200 пунктов касаются упорядочения поведения руководящих кадров, которым «следует должным образом строить отношения со своими родственниками и подчиненными сотрудниками, сознательно сохранять чистоту общественных связей, повседневного окружения, круга друзей, категорически запрещается привносить товарно-денежные обменные отношения в политическую жизнь и работу»<sup>13</sup>.

**А.С. Давыдов, к. и. н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:**

Вызывает большой интерес содержание и тон проходящей дискуссии. Высказано много глубоких мыслей о характере и путях развития Китая в связи с предстоящим XIX съездом КПК. Однако КНР существует и развивается не в вакууме. Влияние на ее развитие оказывает не только внутренняя ситуация в стране, но и окружающая внешняя среда.

Вопрос о продолжении развития взаимовыгодных отношений с США в формате не только торгово-экономических, но и геополитических связей, безусловно, станет одним из важнейших во внешнеполитической повестке КНР в преддверии съезда. Это озвучивают в Пекине и прекрасно осознают в Вашингтоне.

В одной из своих последних монографий «Вызов Китая», посвященной глобальной роли КНР и возникающим в этой связи опасениям, бывший заместитель помощника государственного секретаря США по проблемам Восточной Азии и Тихого океана, а ныне профессор Принстонского университета (Нью-Джерси) Томас Кристенсен задал читателям два вопроса, которые, по его мнению, являются ключевыми и требуют скорейшего ответа:

- 1) Как преодолеть трудности, связанные с подъемом наращивающего мощь Китая в АТР — регионе, имеющем большую глобальную значимость?
- 2) Как убедить крупную, но пока развивающуюся страну с резко националистическим креном в необходимости ее вклада в развитие современной международной системы?

За полтора года, прошедшие со времени выхода в свет этой монографии, ответ, по крайней мере, на второй вопрос дал сам Китай. Им стала заявка на активное участие страны в глобальном управлении, озвученная министром иностранных дел КНР Ван И, выступившим с формулой проведения Китаем «политики великой державы с китайской спецификой».

Как отмечалось в статье «Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.», опубликованной заместителем директора ИДВ РАН, главным редактором нашего журнала В.Я. Портяковым, «Китай взял на себя инициативу продвижения более справедливой и разумной глобальной политической и экономической системы, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления»<sup>14</sup>. При этом китайская дипломатия добилась «всестороннего повышения места, влияния и институциональных прав страны в трансформации международной системы»<sup>15</sup>.

Видные политологи в КНР утверждают, что китайский подход к проблеме глобального управления не противоречит американскому, а дополняет его. Не заменяя, но реально совершенствуя созданный и руководимый США механизм, Китай стремится к активному участию в строительстве и реформировании действующего международного порядка.

До недавнего времени, однако, он не слишком тяготел к тесному вовлечению в глобальное управление в сфере безопасности, отдавая предпочтение экономическим и гуманитарным его рычагам. Но в последнее время с приходом к власти в КНР команды Си Цзиньпина вопросы активизации роли и влияния Китая на мировой арене, упрочения им лидерских позиций не только в глобальной экономике, но, прежде всего, в мировой политической системе вышли на первый план.

Одним из теоретических обоснований такого сдвига может считаться разработанная китайскими политологами теория «морального реализма», призванная узаконить претензии КНР на роль универсального глобального лидера. На наш взгляд, это отнюдь не разворот на 180 градусов от известного постулата из двух с лишним десятков иероглифов, принадлежащего Дэн Сяопину, о необходимости «копить силы, оставаясь в тени», а его органическое продолжение и развитие, поскольку Дэн в свое время ограничивал период «накопления Китаем сил» двумя-тремя десятилетиями, которые уже позади. Кроме того, он был далек от мысли о «накоплении ради накопления», смысл такого усиления он видел в последующем выходе своей страны в мировые лидеры.

В нынешних условиях наиболее острый интерес представляет вопрос о том, как заявка Китая на участие в глобальном управлении не только в экономической сфере, но и на политическом уровне будет сопрягаться с интересами его главного мирового оппонента — Соединенных Штатов Америки. Особенно на фоне прихода к власти в США администрации Дональда Трампа.

Объявленное им намерение ужесточить позицию США в отношении КНР, по мнению СМИ, гипотетически может вылиться в самые разнообразные варианты развития событий «с трудно предсказуемыми последствиями, вплоть до катастрофических». По крайней мере, так ставится вопрос во многих средствах массовой информации — от американских до китайских, включая российские. Безусловно, у американо-китайских отношений при Трампе существует значительный конфликтный потенциал, как, впрочем, и не меньшие перспективы активизации и углубления сотрудничества.

Еще до инаугурации Д. Трампа между ним и Си Цзиньпином состоялся телефонный разговор, продемонстрировавший, по признанию обоих, «взаимное уважение сторон друг к другу», результатом чего стала договоренность о проведении в ближайшем будущем личной встречи двух лидеров и поддержании тесных контактов для налаживания диалога. (Такая встреча состоялась 6–7 апреля 2017 г. во Флориде).

Одним из первых распоряжений Трампа-президента стал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства. А ведь именно это межрегиональное объединение Китай рассматривал как структуру, созданную для противодействия его торговым интересам. Примечательно, впрочем, что противником договора о ТТП была и Х. Клинтон, которая в случае избрания вполне могла бы поступить аналогичным Трампу образом.

Приход Трампа во власть происходил в непростой для мира период на пике глобальной турбулентности. События на Ближнем Востоке, на Украине, обеспокоенность в ряде европейских стран, испытывающих миграционные переизбытки, предвыборная борьба в ФРГ и Франции, сулящая пока политические и экономические неопределенности, породили ощущение шаткости и нестабильности.

В самой Америке президентские выборы ознаменовались сменой политических элит: на смену «спекулятивным» финансовым группам типа Сороса — апологетам глобализации — к власти пробилась представители индустриального капитала — инвесторы реальных производственных секторов экономики. Это способствовало усилению в США

тенденции к ограничению международной миграции, сокращению масштабов «гастарбайтерства» и расширению возможностей трудоустройства для коренного населения.

Активизация антиглобалистских настроений влечет стремление к укреплению внутренних рынков, росту и развитию отечественной индустриальной базы, разрыву международных торговых договоренностей, чреватых для США экономическими потерями, отказу от спекулятивных сделок. Отсюда идея Трампа о наложении 45-процентной пошлины на товары из Поднебесной, об увеличении добычи собственной нефти и сокращении ее импорта и, как результат, о «возрождении американской нации на новой более крепкой основе».

Следствием подобных намерений могло бы стать естественное ограничение и сокращение американской экспансии вовне, в том числе, на Ближний Восток. Главной целью там было провозглашено не столько свержение режимов, так или иначе препятствовавших доступу США к обладанию местными нефтяными запасами, а борьба с исходящей оттуда реальной террористической угрозой, которую, по замыслу американских стратегов из штаба Трампа, предпочтительнее вести под контролем США.

Нельзя утверждать, что примерно того же не хотел Обама, у которого, вопреки обхаиванию его нашими СМИ, имелся целый ряд существенных внутри- и внешнеполитических достижений, включая нормализацию отношений с Кубой. Но главной причиной его проигрыша стала приверженность идеологизированному подходу.

В отличие от Обамы Д. Трамп — абсолютный прагматик и, видимо, реалист. Он не намерен потратить ни цента без гарантии 100-процентной отдачи от этих трат. И если прагматизм и реализм Трампа возобладают в итоге над идеологизированными принципами прежней администрации, картина мира может поменяться. Причем в отношениях с КНР его будут больше интересовать экономические проблемы, нежели политические.

В связи с этим возникает два вопроса:

1) За кем будет окончательная победа — за финансовыми или промышленными группами, и способны ли они в определенных случаях идти на компромиссы?

2) Какими методами будет действовать Трамп: окажется ли он достаточно гибким или пойдет напролом? Его неуступчивость может усугубить ситуацию и привести ее на грань конфликта.

Первый год Трампа во власти совпадает с важнейшим для Китая внутривнутриполитическим событием — XIX съездом КПК. Некоторые эксперты полагают, что именно он может усложнить двусторонние китайско-американские отношения, которые «станут жертвой» упоминавшихся выше споров в США о глобальной торговле, стоимости доллара, протекционизме и т.п. Высказываются предположения о неизбежности грядущего американо-китайского конфликта, который повлечет срыв модернизации в КНР и похоронит т.н. «китайскую мечту» — цель, к которой стремится Си Цзиньпин.

На фоне настроений и намерений «антиглобалиста» Трампа «маслом в огонь», казалось бы, можно было считать слова, сказанные в сентябре прошлого года в Нью-Йорке премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном: «Хотя в настоящее время некоторые антиглобалисты активно выступают против глобализации, это лишь временная трудность. Надо преодолеть проблемы, не отказываясь от нее».

Но в этих словах есть свой резон. Китаю с его проектами «шелковых путей» сподручно извлекать выгоды на обоих треках: он держит в своих руках американские долги. По разным подсчетам — от 1,2 до 1,8 трлн долл. Таким образом, если возобладают финансисты-глобалисты, он продолжит «игры с юанем», одновременно наращивая экономическую, финансовую и военную мощь. Если верх окажется за сторонниками индустриального лобби, он станет манипулировать обладанием американского долга или шантажировать им. Во внешнеэкономическом плане для КНР все может сложиться плохо. Главное, чтобы не подвела внутривнутриэкономическая ситуация!

Согласно подсчетам экспертов, по состоянию на 2015 г. государственный долг КНР составлял 23 трлн долл. по сравнению с 17,6 трлн долл. госдолга США. Стремительный рост китайского госдолга явился, по их мнению, «расплатой за ускоренный экономический рост». Этот и некоторые другие параметры развития КНР заставили специалистов сделать вывод о том, что на фоне экономических неурядиц последних лет в среднесрочной перспективе Пекин не обгонит Вашингтон, даже если ВВП США будет расти по 1–2%, а ВВП КНР — по 5–6% в год. И только через 15–20 лет объем китайской экономики приблизится к объему американской. В настоящее время двусторонняя торговля обеих стран превышает 550 млрд долл. и при сохранении нынешних темпов роста к 2024 г. превысит 1 трлн долл. США.

Таким образом, для Китая главный вопрос будет заключаться в том, станут ли темпы роста его амбиций опережать рост его совокупной мощи? А для США главным, видимо, будет соотношение между пользой от конфронтации с КНР и выгодой, получаемой от конструктивного сотрудничества с этой страной.

И, наконец, самый ключевой вопрос — это Тайвань. Разговор Трампа с президентом Тайваня вызвал массу откликов и комментариев. Одни сочли его началом «новых отношений» между КНР и США, безусловно, со знаком «минус». Другие рассматривают как некое шоу, показательную демонстрацию.

Известно, однако, что в США наряду с влиятельным протайваньским лобби сохраняются и действуют сильные проКНР-овские настроения, особенно среди тех могучих деловых кругов, которые задействованы в бизнесе с континентальным Китаем. И никто из принадлежащих к ним не даст Трампу порушить то, что нарабатывалось на протяжении десятилетий. На деле реальный протайваньский крен, чреватый разрывом с КНР, может иметь для нового президента самые тяжелые последствия.

Другое дело, что разговор Трампа с Цай Инвэнь можно трактовать и как первый шаг к поиску развязок в решении ряда геополитических проблем, в частности, тайваньской и даже корейской, составляющих в целом проблему т.н. «разделенных наций». Очевидно, что эти взрывоопасные очаги нестабильности в зоне непосредственных интересов США будут беспокоить американского президента с самого начала его деятельности. Он недаром дал Китаю понять, что рассчитывает на его помощь в урегулировании с Северной Кореей.

Фирменным стилем нового американского президента как бывшего представителя крупных деловых кругов вполне может стать «геополитическая торговля» — предложение одного в обмен на другое, например, Тайваня в обмен на объединение Корейского полуострова. Начиная с заведомо неприемлемых для конкурента действий, Трамп может пытаться таким образом выторговывать у Китая более выгодные для США условия «сделки» ради будущего взаимодействия. Для прагматика Трампа в этом нет ничего постыдного. Тем более что новое — это всего лишь хорошо забытое старое. Стоит вспомнить в этой связи американо-китайское сближение начала 1970-х годов в интересах геополитического ослабления СССР.

**К.В. Антипов, старший научный сотрудник ИДВ РАН:**

Потенциальные изменения во внешней политике КНР, способные повлиять на решения XIX съезда КПК, в настоящее время находятся, главным образом, под воздействием внешних факторов. Многие из них расцениваются в Пекине как неблагоприятные и осложняющие возможность дальнейшего развития Китая с опорой на процессы глобализации. Несомненно, важнейшее значение среди них имеют нынешние трансформации в политике США, связанные с приходом в Белый дом администрации президента Трампа. В качестве нового значимого фактора рассматривается усиление международной роли и влияния России, наметившееся улучшение российско-американских отношений и укрепление позиций РФ в треугольнике КНР — Россия — США.

Некоторые влиятельные китайские эксперты, например Янь Сюэтун, считают назревшей определенную корректировку традиционных подходов Китая к политике неприсоединения и невмешательства, которые уже в течение ряда лет рассматриваются ими как препятствие для наращивания наступательности политики КНР, развития ее международных военных связей и т.д. Новые установки съезда может определить и по вопросам применения силовой политики за рубежом — тем более, что соответствующие нормативные изменения, предусматривающие такую возможность, в законодательство Китая уже введены.

Вместе с тем, в повестку съезда могут быть включены вопросы, которые отражают новые достижения, укрепившие международное положение Китая за последние годы, и произошедшие качественные изменения в положении КНР на мировой арене. В их число могут войти, например, концептуальное закрепление статуса КНР в качестве не просто «крупной», а великой державы, а также определение ее роли в качестве одного из лидеров мировой политики.

В выступлении Си Цзиньпина в Давосе 17 января 2017 г. четко просматривалась линия, в соответствии с которой Китай выступает на международной арене как великая держава, готовая принять ответственность за дальнейшее развитие процесса экономической глобализации и поддержание мира, безопасности и международной стабильности. Как разъяснял в январе этого года один из ведущих китайских теоретиков Ян Цземьянь, определение Китая лишь в качестве «крупной державы» ранее было сознательно использовано как временная терминология переходного этапа, и уже не соответствует реальному значению и роли страны.

Следует отметить, что требование утвердить новую трактовку статуса КНР в качестве великой державы и соответствующим образом строить внешнюю политику все чаще выдвигается в общественно-политических кругах Китая. Однако этот вопрос продолжает вызывать публичные дискуссии, свидетельствующие о сохранении значительного влияния прежних подходов, построенных на известных заветах Дэн Сяопина.

Так, по свидетельству профессора Янь Сюэтуна, в дебатах, проходивших в Пекине накануне XVIII съезда КПК, вопрос о принятии Китаем большей ответственности в своей международной деятельности подавляющим большинством китайских экспертов все еще рассматривался как «враждебная инициатива», направленная на истощение ресурсов КНР, ослабление ее международного авторитета и т.п.

Несмотря на то, что с приходом к власти в Китае пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином во внешней политике Пекина были закреплены новые, по существу наступательные подходы к решению задач за рубежом, трактовка ряда важных внешнеполитических установок все еще носит неоднозначный характер. В результате официально КНР по-прежнему следует политике невмешательства и неприсоединения, однако XIX съезд КПК может внести корректировки, расширяющие диапазон участия Китая в международной деятельности за пределы традиционных рамок.

Особое внимание на съезде КПК должно быть уделено оценке промежуточных результатов выдвинутых Си Цзиньпином в 2013 г. так называемых двух инициатив, известных теперь под названием «Один пояс, один путь» и объединивших идеи создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Этот прогноз основан на том, что в течение последних лет «две инициативы» играли центральную, интегрирующую роль в общей стратегии развития внешней и внутренней политики Китая, они включены в план 13-й пятилетки развития КНР. На данном этапе концепция «двух инициатив» является основой дальнейшего продвижения интересов КНР в русле глобализации. В партии и государстве на высшем уровне созданы механизмы управления строительством «Одного пояса, одного пути». По словам министра иностранных дел КНР Ван И, более 100 стран и международных организаций выразили готовность поддержать инициативу и присоединиться к ней. Китай подписал соглашения о сотрудничестве с бо-

лес чем 40 странами и международными организациями. Однако, будучи официально выдвинутыми уже после XVIII съезда КПК, то есть за рамками высшего партийного форума, инициативы, оказывающие прямое влияние на положение КНР и многих стран мира, должны получить поддержку и закрепление в решениях XIX съезда китайской компартии. Стоит обратить внимание и на то, что ряд экспертов КНР в последнее время высказались о необходимости «перезагрузки» политики «Одного пояса, одного пути», придания ей новых импульсов и даже создания ее нового формата — «Один пояс, один путь 2.0». Это свидетельствует о возможности предстоящей дискуссии на съезде по вопросам совершенствования основополагающей стратегии Китая.

По-видимому, стоит также отметить постоянно возрастающее в предсъездовский период внимание партийного руководства и лично Си Цзиньпина к вопросам теоретической деятельности и совершенствования работы мозговых центров Китая по вопросам внешней политики. Складывается впечатление, что в условиях осложняющейся международной обстановки китайская дипломатия стремится укрепить свои позиции и усилить наступательную активность на базе идей, отвечающих принципам «выхода вовне». Самое главное, что в обстановке наметившихся осложнений в отношениях с США в Китае предпринимаются практические, в том числе — организационные, кадровые шаги, направленные на своего рода конвергенцию теоретических представлений китайских ученых с концепциями зарубежных мыслителей. Об этом свидетельствуют недавно принятые решения о стимулировании участия в данной работе граждан КНР, получивших образование и теоретическую подготовку на Западе, а по существу — о включении их в элиту китайской политологии, работающую над развитием международной стратегии Китая.

Один из главных вопросов, на который предстоит ответить съезду, — каким образом в условиях усиливающегося процесса деглобализации могут и должны быть продолжены реформы в Китае и политика его «выхода вовне»?

Представляется, что на данном этапе ключевым моментом в решении Пекином этого вопроса является выход из наметившихся осложнений в отношениях с США.

Реакция китайской стороны на приход к власти Дональда Трампа и его администрации, по мнению ряда крупных американских сиологов, показала, что такой исход выборов в США в значительной мере явился тревожной неожиданностью для Пекина. Однако ретроспективный анализ имеющихся материалов показывает, что в Китай уже достаточно давно поступали сигналы о возможном повороте в китайско-американских отношениях, связанном с отставанием уровня политического взаимодействия от продвинутого торгово-экономического сотрудничества.

Так, еще в 2015 г. известный американский ученый Дэвид Лэмптон отмечал, что приближающийся «переломный момент» может стать началом перехода «от отношений сотрудничества к отношениям конфронтации». О развитии неблагоприятных тенденций в двусторонних отношениях в 2016 г. предупреждал и Генри Киссинджер. Ожидания неизбежной конфронтации между США и КНР были характерными для многих представителей американского политического истеблишмента, активно обсуждавших перспективу оказаться вместе с Китаем в так называемой ловушке Фукидида. Примечательно, что обеспокоенность возможностью серьезного регресса в отношении публично проявлялась больше в США, чем в общественных кругах КНР.

Тем не менее на высшем политическом уровне КНР и лично Си Цзиньпином в ходе встреч с президентом Обамой были предприняты крупные шаги с целью сдерживать развитие негативных процессов и продвинуть концепцию отношений нового типа, первоначально специально разработанную для нейтрализации конфронтационных тенденций в китайско-американских отношениях. При этом позиция Китая исходила из необходимости обеспечить, прежде всего, в отношениях двух держав «взаимное уважение», то есть отказ США от попыток изменить общественно-политический строй

в КНР, гарантировать взаимное признание национальных интересов, суверенных прав и территориальной целостности. Однако декларативное согласие США с пожеланиями китайской стороны установить «отношения нового типа» на практике не привело к снятию напряженности в ряде важнейших вопросов, и эта тема осталась открытой для поиска новых подходов.

В русле этих представлений в Китае сформировалась точка зрения, согласно которой основные «разногласия» в китайско-американских отношениях были сфокусированы на двух проблемах: Южно-Китайском море и кибербезопасности. Однако избрание президентом США Дональда Трампа показало, что главный источник противоречий сейчас находится в социально-экономической сфере, и разрешение этих противоречий по рецептам администрации Трампа предполагает перелом не только в китайско-американских отношениях, но и в глобальных тенденциях развития, а по существу — ломку сложившегося миропорядка, который перестал устраивать американское общество.

Примечательно, что глубина и масштабы надвигающихся проблем не были осознаны в Китае после прихода Трампа в Белый дом, а его предвыборные заявления еще некоторое время воспринимались как обычная популистская риторика, обреченная на забвение. Из публикаций последних месяцев очевидно, что экспертные круги в Пекине в течение достаточно длительного времени строили свои оптимистические прогнозы главным образом на оценке ряда долгосрочных факторов в китайско-американских отношениях, на статистических данных о растущем сотрудничестве, не уделяя должного внимания не только сложившейся диспропорции между политической и экономической составляющими китайско-американских взаимосвязей, но и усиливающемуся дисбалансу в рамках торгово-экономического сотрудничества, социальным аспектам и поддержанию паритета взаимной выгоды. Что касается китайской дипломатии, то она, по-видимому, также исходила из того, что в отношениях с США сложились прочные основания, и временные осложнения, как это уже неоднократно случалось в прошлом, не смогут поколебать китайско-американское сотрудничество.

Однако, как отмечали в Брукингском институте в январе 2017 г., уже первоначальные шаги Трампа по реализации своих предвыборных обещаний вынудили Пекин безотлагательно провести срочные и достаточно масштабные мероприятия, направленные на установление контактов с самим Трампом, а также членами его семьи и ближайшим окружением. Среди этих мероприятий стоит особо отметить встречу Трампа с Ма Юнем, президентом компании «Alibaba Group» и основателем крупнейшей китайской платформы электронной торговли. Примечательность этой встречи состоит, в частности, в том, что предложение, сделанное Трампу Ма Юнем об использовании его компании для создания в США одного миллиона новых рабочих мест, не только отвечало деловым интересам компании «Alibaba» и ее американских партнеров, но прежде всего прямо соответствовало политическим интересам президента США и его предвыборным обещаниям. Обе стороны высоко оценили результаты этой встречи, которая, несомненно, повлияла на последующие заявления Трампа о намерении строить тесные и конструктивные отношения с Китаем. Освещая контакты Трампа, членов его семьи, сотрудников его администрации с представителями китайской стороны, американская печать отмечала, что хотя общественное мнение в США в значительной степени связывает симпатии президента и его близких с Россией, теперь обнаруживаются их достаточно давние и устойчивые деловые связи и с китайскими предпринимателями, наличие у них общих деловых интересов, финансовых обязательств, совместного бизнеса с зятем и помощником Трампа в Белом доме Д. Кушнером и т.п.

Идеи о необходимости использовать особенности мировоззрения и другие личностные характеристики Трампа и деловые интересы его семьи для стабилизации китайско-американских отношений и формирования дополнительных опор сотрудничества между двумя странами достаточно быстро получили распространение в публикациях ки-

тайских экспертов. Наиболее часто китайские авторы рекомендуют привлекать американский бизнес к сотрудничеству на объектах «Шелкового пути», открывая соответствующие возможности для американских инвесторов. Судя по заявлениям представителей Белого дома о стратегической ошибке, допущенной администрацией Обамы, сопротивлявшейся созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, взаимопонимание между КНР и США по этому вопросу теперь будет установлено. Не исключено, что объектом сотрудничества может стать программа Трампа по развитию инфраструктуры США, рассчитанная на 10 лет и предусматривающая привлечение до одного триллиона долларов инвестиций. По мнению американских экспертов, осуществление этой программы маловероятно без участия китайских капиталов, однако полноценному включению Китая в данную программу могли бы препятствовать нынешняя установка Трампа «Америка — прежде всего» и нежелание привлекать в США значительные контингенты иностранных специалистов. Что касается обвинений в адрес китайских компаний и политики Китая в целом в одностороннем использовании результатов глобализации в интересах КНР, в снижении уровня жизни в США и росте безработицы, то позиция китайских представителей состоит в том, что виноваты в этом сами деловые круги США, присваивающие основную часть доходов от сотрудничества с Китаем и нарушающие принципы справедливого распределения общественных благ.

В то же время для китайской стороны становится все более очевидным, что попытки включить дополнительные ресурсы дипломатии, чтобы отстоять сложившиеся форматы китайско-американских отношений и найти возможность урегулирования возникших проблем на пути уступок и компромиссов, могут иметь лишь временный и частичный успех. Поступающая из США информация убеждает, что «феномен Трампа» — это не случайный эксцесс избирательной системы США, а вполне закономерная реакция американцев на осложнение социальной обстановки в стране, на ослабление международных позиций Америки и падение авторитета политики либеральных кругов.

Даже крупная инициатива Ма Юня по увеличению количества рабочих мест в США, как считают некоторые китайские специалисты, способна лишь на время приглушить недовольство американских деловых кругов сложившимся торговым дисбалансом в размере 300 млрд долл., сохраняющимися тарифными и нетарифными ограничениями на китайском рынке, отсутствием взаимности и паритета в инвестиционных возможностях, неравным предоставлением визовых возможностей и т.д.

Как полагают в США, желаемые изменения на китайском рынке могли бы произойти в случае реализации решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, открывавших возможность сбалансированного и взаимовыгодного развития китайско-американских отношений, однако они не были выполнены. Сформировавшаяся структура сотрудничества оказалась более выгодной китайской стороне, чем США. И разрешение этой ситуации в отношениях может потребовать серьезных усилий и времени.

Как отмечала бывший министр торговли США Барбара Франклин, результаты состоявшихся выборов в США и предстоящий XIX съезд КПК могут сделать 2017 «годом перемен» в китайско-американских отношениях. Очевидно, что отход от наметившейся конфронтации потребовал бы от КНР и США принятия крупных инновационных решений не только по вопросам делового сотрудничества, но и в области политических, военных и иных связей, в том числе за пределами двустороннего формата. Все это свидетельствует о том, что вопросы развития китайско-американских отношений могут занять видное место в повестке XIX съезда КПК.

Прошедшие месяцы после избрания Трампа президентом США показали, что в Пекине намерены придерживаться сбалансированной, сдержанной и в то же время наступательной линии как во внешней политике в целом, так и в отношениях с США. Однако конкретное содержание этой политики будет во многом определяться возможностями

ми сторон объективно оценивать перспективы своих отношений в контексте принятой на себя глобальной ответственности.

### Вместо послесловия

19 апреля 2017 г. лидер КПК и КНР Си Цзиньпин был единодушно избран делегатом XIX съезда Коммунистической партии Китая от провинции Гуйчжоу.

1. *Цянь Дунця*. Шицзю да цянь пайси цявэйчжань чунсинь сипай : [В преддверии 19 съезда фракционная борьба вновь обострилась] // Цяньшао. 2016. № 6. С. 18–23.
2. *Ли Юаньцунь*. Гаоцэн хухуань шицзю да хуйфу цзю чанвэй чжи : [Среди высшего руководства раздаются призывы на 19-ом съезде КПК восстановить систему 9 членов Постоянного комитета Политбюро] // Чжэнминь. 2016. № 11. С. 18–19.
3. См., например: Си Цзиньпин цзай шэн бу цзи чжужоу линдао ганьбу сюэси гуаньчэ шиба цзе лю чжун цюаньхуэй цзиншэн чжуаньти яньтаобань кайму ши шан фабяо чжунъяо цзянхуа : [Си Цзиньпин выступил с важной речью на церемонии открытия курсов первых руководителей провинций и министерств Центрального правительства по изучению и проведению в жизнь решений 6 пленума ЦК КПК 18-го созыва] // Жэньминь жибао. 14.02.2017.
4. Оценка самого китайского лидера.
5. *Фэн Иянь*. Шицзюда жэньши ляо чжунцзе «кунбу пинхэн» : [Кадровые итоги 19-го съезда, полагаю, покончат с «равновесием страха»] // «Цяньшао». 2016. № 11. С. 10–16.
6. *Чжао Динци*. Дэн сянчао жу мао шицзянь дэ юйцин цзи фэньси : [Общественное мнение и анализ инцидента с оскорблениями Дэн Сянчао в адрес Мао Цзэдуна] // Хун гэ хуэй ван. 08.02.2017. URL: <http://www.szhgh.com/Article/opinion/zatan/2017-02-08/130322.html>.
7. *Юань Вэйцзин*. Шэнь фань цзо дэ ганьжао цзуай чжунго фачжань : [Необходимо остерегаться того, что влияние левых будет тормозить развитие Китая] // Ячжоу чжоукань. 05.03.2017. URL: [http://www.yzzk.com/cfm/content\\_archive.cfm?id=1487821669326&docissue=2017-09](http://www.yzzk.com/cfm/content_archive.cfm?id=1487821669326&docissue=2017-09).
8. *Чжао Динци*. Указ. соч.
9. Дуйхуа Чжан Хунлян: чжунгун сюйяо цзянькан цзопай лилян : [Диалог с Чжан Хунляном: КПК помогли бы здоровые левые силы] // Довэй синьвэнь ван. 02.02.2017. URL: <http://china.dwnews.com/news/2017-02-02/59797473.html>.
10. Жэньминь жибао. 15.01.17.
11. Там же.
12. Китай. 2016. № 12 (134). С. 22.
13. Там же. С. 29.
14. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 4–12.
15. Там же. С. 5.

## Политика

### Научный форум Россия — Индия — Китай в Нью-Дели: некоторые итоги и текущие задачи формата РИК

© 2017

С.В. Уянаев

В статье рассматриваются результаты 15-й академической конференции «Россия — Индия — Китай» (РИК), которая прошла в начале 2017 г. в Дели и обсудила текущее положение дел в этом трехстороннем формате межгосударственного взаимодействия. На фоне проведенных дискуссий автор анализирует некоторые итоги, вызовы и уроки 15-летнего развития сотрудничества в формате РИК, который продолжит играть важную роль фактора продвижения к полицентричному миру и инструмента укрепления отношений стратегического партнерства России с Китаем и Индией.

*Ключевые слова:* Россия, Индия, Китай, взаимодействие, формат РИК, конференция, полицентричный мир, ШОС, Центральная Азия, секторальный диалог, итоги, выводы.

В конце января 2017 г. в Нью-Дели состоялась очередная, 15-я по счету научно-практическая конференция ученых-политологов России, Индии и Китая (формат РИК)<sup>1</sup>. Ставя своей задачей оказание экспертной поддержки сотрудничеству в структуре межгосударственного взаимодействия «Россия — Индия — Китай», трехсторонний академический диалог был начат в 2001 г. в Москве. С той поры он ежегодно и поочередно продолжается в каждой из трех стран. Таким образом, нынешний научный форум РИК, в 5-й раз проведенный в индийской столице, одновременно означал завершение пятого раунда трехсторонних экспертных встреч.

По традиции непосредственными хозяевами конференции были представители Индийского института китайских исследований (ИИКИ), а гостями — делегации, сформированные на базе Китайской академии международных проблем (КАМП) МНД КНР и Института Дальнего Востока РАН. Необычно представительной была на этот раз китайская делегация. Помимо утвердившейся многолетней квоты в пять делегатов от каждой из сторон, в конференции на правах «активных наблюдателей» присутствовало несколько экспертов, представлявших Китайскую ассоциацию международных дружеских связей (CAIFC)<sup>2</sup>.

## Повод для промежуточных итогов

Конференция в индийской столице стала первым событием в ряде мероприятий РИК, намеченных на текущий год. Позднее свою очередную встречу должны провести министры иностранных дел трех стран.

Между тем, год 2017 для формата РИК в известной степени является юбилейным: полтора десятилетия назад, осенью 2002 г. на полях очередной сессии ГА ООН впервые прошли переговоры министров иностранных дел РФ, Индии и КНР. Именно эту встречу и принято считать официальным стартом трехстороннего взаимодействия. Идея «стратегического партнерства» трех стран, высказанная за четыре года до этого, в декабре 1998 г. в Дели председателем правительства РФ Е.М. Примаковым, была на государственном уровне воплощена тогда в Нью-Йорке на практике<sup>3</sup>.

С той поры в формате РИК произошло немало событий. Структура миновала ряд этапов институционального развития, была накоплена определенная документально-концептуальная база, совершенствовалось понимание задач, возможностей и реальных рамок трехстороннего взаимодействия.

Начатые в 2002 г. встречи министров иностранных дел трех стран стали затем регулярными и проводятся в среднем один раз в год в каждой из стран. С 2005 г. они собираются в виде специального формата, отдельно от каких-либо иных мероприятий, и заканчиваются принятием совместных коммюнике. В апреле 2016 г. в Москве была проведена 14-я такая встреча.

В совместных документах встреч глав внешнеполитических ведомств, как и в ряде двусторонних заявлений и деклараций, подписанных в период, начиная с 2004–2005 гг., были последовательно зафиксированы и уточнены цели и принципы, конкретные направления, а также механизмы сотрудничества<sup>4</sup>.

В соответствии с согласованными правительственными решениями, в 2007 г. к академической дорожке РИК были добавлены министерские диалоговые площадки по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям. Интенсифицировались контакты по линии внешнеполитических ведомств. С 2008 г. стали проводиться не только регулярные встречи трех министров, но и переговоры «в рамках механизма внешнеполитических консультаций на уровне руководителей департаментов МИД трех стран»<sup>5</sup>. Кроме того, был запущен диалог представителей деловых кругов — проведено несколько встреч по линии торгово-промышленных палат стран РИК.

Знаковое событие имело место летом 2006 г., когда в пригороде Санкт-Петербурга Стрельне на полях саммита G-8 состоялась встреча высших руководителей РФ, КНР и Индии — В.В.Путина, Ху Цзиньтао и М. Сингха<sup>6</sup>.

Процесс институционального совершенствования формата продолжается и в последние годы. В 2013 г. в РИК взяла старт новая важная переговорная дорожка — был запущен механизм регулярных консультаций «высоких представителей России, Индии и Китая, курирующих вопросы безопасности»<sup>7</sup>. Заработала площадка трехсторонних консультаций спецпредставителей по вопросам Афганистана (Пскин, январь 2014 г.)<sup>8</sup>. В декабре 2016 г. стартовала переговорная дорожка по вопросам развития обстановки в АТР, очередное заседание в рамках которой намечено на 2017 г.

Фон «промежуточного юбилея», стимулировавший участников к определенным обобщениям и суммированию итогов, присутствовал и в дискуссиях 15-й делийской конференции. Основными пунктами обсуждений традиционно явились вопросы текущей политики, но применительно к особенностям нынешнего курса каждой из трех стран, к глобально-региональному контексту и к конкретному взаимодействию в формате РИК.

## «Тройка»-2017: внешнеполитическая и «внутренняя» повестки

На четырех сессионных заседаниях конференции делегаты подробно остановились на трех основных темах. Были проанализированы состояние и перспективы трехстороннего взаимодействия на фоне главных тенденций современной глобальной обстановки, рассмотрены региональные аспекты, прежде всего, положение в Центральной Азии и развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также затронуты возможности экономической кооперации «внутри тройки».

Говоря о нынешних *глобальных международных тенденциях*, все участники отмечали, что динамика событий в мире свидетельствует об их сохраняющейся турбулентности, в силу чего текущий период можно охарактеризовать как наиболее сложный за последние четверть века. Как подчеркивалось в докладах каждой из делегаций, тенденция многополярности пробивает дорогу через сопротивление приверженцев одностороннего доминирования, противоречивым остается характер глобализации, содержащей как шансы, так и вызовы. При этом глава делегации КНР, директор КАМП Су Гэ привлек внимание к тезисам, которые прозвучали в январском выступлении Си Цзиньпина в Давосе и призывали к «правильной оценке глобализации», необходимости «оптимальной адаптации» к ней и «непродуктивности политики протекционизма»<sup>9</sup>. Эксперт, в частности, подчеркнул, что несмотря на «серьезные перемены для мировой экономики», которыми чреваты намерения, декларируемые новым президентом США, «тенденция глобализации вряд ли может быть остановлена». Руководитель индийской делегации, научный руководитель НИКИ М. Моханти также высказался в пользу «поддержки позитивных сторон глобализации», отметив, что продвижение в ее рамках таких процессов, как «занятость и обеспечение ресурсами», должны стать важным пунктом взаимодействия в рамках РИК.

В связи со сменой руководства в США, «остающихся наиболее крупным глобальным игроком», участники отметили ряд других аспектов ожидаемых международных перемен. В частности, представитель КНР выделил такие направления, как будущее отношений США и РФ, где «при структурных разногласиях все же возможен поиск компромисса по Сирии и Украине», а также отношения США с союзниками в Европе и Азии. Отдельно была отмечена возможность перемен в курсе США в отношении КНДР.

Делегаты высказали сходные позиции относительно основных сохраняющихся вызовов международной безопасности и стабильности — международного терроризма (особенно активно проявляющего себя ныне на Ближнем Востоке), ситуации в «горячих точках» (Сирия, Корейский полуостров и др.), рисков для кибербезопасности, а также «свобод мореплавания». При этом были проанализированы позиции трех стран и точки соприкосновения между ними для возможной координации действий по этим направлениям.

Традиционной особенностью обсуждения темы «РИК и глобальная повестка дня» стала сдержанность индийских экспертов, не допускавших откровенной критики США, а напротив, подчеркнувших «большую важность для Дели отношений с Вашингтоном». В то же время китайские представители, отметив, что «незанимательный в обострении Китай будет наблюдать за действиями новой администрации США», вновь акцентировали внимание на том, что «единственная сверхдержава не желает мириться с вызовами своему лидерству», в связи с чем предпринимает «деструктивные для международной безопасности действия», включая «размещение средств ПРО в Республике Корея». По итогам дискуссий все участники уверенно подчеркнули, что формат РИК остается для каждой из сторон важной площадкой продвижения совпадающих либо близких международных интересов, укрепляя внешнеполитические позиции трех стран.

Важным пунктом дискуссий по *региональной тематике* стала афганская проблематика, инициированная хозяевами. Очевидным поводом является сохраняющаяся

и опасная для соседей Афганистана внутренняя нестабильность в этой стране. Индийские эксперты высказались за большую совместную активность стран РИК в деле оказания поддержки официальному Кабулу, имея в виду помощь в контроле за ситуацией, поставке ресурсов, обучение и подготовку персонала; хозяева отметили «значительную работу», которую на этом направлении «Индия не один год проводит на двустороннем уровне». При этом индийской стороной, с осторожностью воспринимающей сценарий прямого военного участия в Афганистане, были вновь подчеркнуты два тезиса: «не может быть разделения на плохих и хороших талибов»; «принципиально деструктивную роль продолжает играть Пакистан».

Тема отношений Индии и Пакистана активно затрагивалась в ходе обсуждения вопросов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Отмечалось, что вступление обеих стран в число ее полноправных членов создает новые возможности, в том числе для формата РИК, обеспечивая дополнительную и качественно новую площадку трехстороннего взаимодействия. В то же время, отмечали докладчики, актуализируется вопрос индийско-пакистанских двусторонних разногласий, которые могут сказаться на работе ШОС. В ходе обмена мнениями в целом превалировала точка зрения, что двусторонние споры не должны включаться в повестку дня ШОС. Тем не менее индийские эксперты (глава делегации М. Моханти, экс-посол в Кыргызстане П. Стопдан) осторожно высказались в том плане, что «не возражали» бы, если Организация найдет ресурсы позитивного влияния на сближение позиций Дели и Исламабада.

В контексте ситуации в Центральной Азии, Афганистане и на Ближнем Востоке (вооруженная активность ИГИЛ) вновь поднимался вопрос о военно-оборонительной функции ШОС. С российской стороны (А.Ф. Клименко) был вновь озвучен тезис о задаче непосредственной интеграции в работу Организации проводимых под эгидой ШОС ежегодных антитеррористических маневров «Мирная миссия», в результате чего на базе последних, а также путем реорганизации нынешней Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в ШОС был бы создан постоянно действующий Координационный оборонный комитет. Предполагается, что такой Комитет будет обладать возможностями организации и управления объединенными воинскими контингентами, которые могли бы оперативно собираться из мест их постоянного пребывания в странах ШОС для решения в случае неотложной необходимости силовых задач Организации в сфере оборонной безопасности. Данный тезис был внимательно выслушан партнерами, прежде всего китайскими, не вызвал заметной критики и у хозяев, хотя и не был однозначно поддержан.

Специальным вопросом повестки дня стали возможности трехсторонней кооперации в практических (секторальных) сферах — в экономике, социальной, культурной и других областях. «Пока реализованные крайне мало», эти вопросы, по мнению делегатов, по-прежнему нуждаются в усиленном мониторинге. В частности, речь шла об энергетике, причем затронутые вопросы обсуждались в контексте недавних российско-индийских документов о «совместном исследовании маршрута поставок трубопроводного газа в Индию»<sup>10</sup>.

В заключение конференции с приветственным словом к участникам обратился ответственный представитель департамента Евразии МИД Индии, который назвал академическую дорожку РИК важным экспертным подспорьем трехстороннего взаимодействия, которое сохраняет несомненную актуальность

Российская делегация официально пригласила партнеров принять участие в очередной, 16-й академической конференции РИК, которая пройдет в Москве.

## Некоторые итоги 15-летия

15-летний рубеж функционирования формата РИК стал поводом для некоторых выводов и обобщений, ряд из которых прозвучал на самой конференции. Есть вопросы, которые еще предстоит проанализировать. Однако определенные наблюдения имеют право на жизнь уже сегодня.

Главное из них видится в том, что структура РИК, несмотря первоначальные мнения многочисленных скептиков, продемонстрировала свою жизнеспособность и востребованность. Тем самым подтверждена политическая прозорливость Е.М. Примакова и его сторонников, с самых истоков видевших в идее «тройки» не самоцель, а средство укрепления международных позиций России. То, что РИК твердо содействует этой задаче, хорошо видно на примере подходов КНР и Индии к важным для РФ событиям международной жизни последних лет, когда партнеры России по РИК четко осудили западную политику изоляции РФ, в том числе непосредственно в формате трехсторонних заявлений<sup>11</sup>.

Подтверждением тезиса о востребованности РИК выступают пять основных аргументов.

**Во-первых**, актуальность повестки внешнеполитического взаимодействия в РИК. Структура зарекомендовала себя в качестве важного фактора формирования многополярного мира; отставание этой задачи в той или иной форме («новый справедливый миропорядок», «полицентризм», «многосторонность» или «неприятие односторонности») является приоритетом для каждой из трех стран, создает объединительную повестку в трехстороннем формате. Кроме того, сотрудничество в РИК — выигрышный аргумент с точки зрения общего укрепления международных позиций РФ, Индии и КНР, в том числе в важном для каждого из трех государств двустороннем диалоге с США.

**Во-вторых**, актуальность взаимодействия (параллельных действий) трех стран на площадках ООН, Группы-20, ШОС и других крупных глобальных и региональных форумов. Оно, в частности, четко проявляется в БРИКС, где РИК играет роль своеобразного стержневого «ядра» в «пятерке». Заметим, что с точки зрения оптимального развития диалога в БРИКС для РФ и КНР важно, что как раз на площадке РИК есть возможность эффективно «активизировать» фактор Индии. Речь идет о том, что, будучи членом РИК, БРИКС и диалоговой структуры Индия — Бразилия — ЮАР (ИБСА), Индия объективно может играть значимую роль балансира, облегчая достижение консенсуса с бразильскими и южноафриканскими партнерами.

**В-третьих**, РИК имеет актуальную, самостоятельную, не являющуюся приоритетной в БРИКС региональную повестку — обеспечение безопасности в Центральной и Южной Азии (включая Афганистан) и в АТР в целом. Согласно Пекинскому (февраль 2015 г.), и Московскому (апрель 2016 г.) коммюнике трех министров иностранных дел, такие задачи, как построение системы мер доверия в АТР, развитие Шанхайской организации сотрудничества, афганская проблематика, по-прежнему являются вопросами повышенного внимания в системе трехстороннего взаимодействия. Об этом свидетельствует и реальная практика РИК, включая налаженный трехсторонний диалог специальных представителей по проблемам Афганистана<sup>12</sup>.

**В-четвертых**, РИК вносит вклад в продвижение двусторонних отношений в «тройке»; в частности, по признанию ряда китайских политиков, сотрудничество в РИК способствовало развитию связей между КНР и Индией. А хорошие двусторонние отношения между участниками «Тройки» — это, в свою очередь, «несущий каркас» трехстороннего формата.

Наконец, **в-пятых**, в РИК сохраняются шансы использования потенциала практического сотрудничества между тремя странами. Как напомнило недавно агентство Синьхуа, «взаимодополняемость прагматического сотрудничества между тремя странами

очевидна, поскольку Россия является крупным экспортером энергоносителей, Китай и Индия — главными потребителями энергии; в Индии развиты индустрия программного обеспечения и финансовая отрасль, а Китай имеет преимущество в инфраструктурном строительстве и инвестиционной сфере»<sup>13</sup>.

С точки зрения трехстороннего формата, возможности эти пока используются недостаточно. Представляется, что именно в части секторального сотрудничества возможно и актуально «разграничение полномочий» между РИК и БРИКС. В обоих форматах развернуты схожие переговорные площадки (сельское хозяйство, здравоохранение) и есть вероятность дублирования, которое мешает делу. Вместе с тем такие сферы, как взаимодействие по международной глобальной и региональной повестке, сотрудничество ученых, ведомств по чрезвычайным ситуациям, по-прежнему сохраняют в РИК свою актуальность.

Разумеется, структура РИК не свободна от других (помимо узких мест в секторальном сотрудничестве) недостатков. Не всегда имеет место «идеальное совпадение» взглядов по международной, в том числе региональной повестке, например, по ситуации в ЮКМ; к вызовам относятся сугубо двусторонние трения (в основном, проблемы китайско-индийских отношений). Несомненным и долговременным является вызов, связанный с реально существующей политикой «сдерживания» РИК со стороны США, что находит проявление в явных намерениях Вашингтона вовлечь Индию в орбиту американской политики («ядерная сделка» и т.п.)<sup>14</sup>.

В числе очевидных *уроков* пятнадцатилетнего развития РИК — необходимость соизмерять реальность и возможности, избегать излишних ожиданий. В первую очередь это касается тех же секторальных диалоговых дорожек. Ясно, что когда у участников РИК имеются нерешенные вопросы двустороннего характера (низкий уровень российско-индийского товарооборота, структурное несовершенство китайско-российской торговли, серьезное отрицательно сальдо Индии в торговле с КНР и др.), требуется более тщательный поиск естественного сопряжения интересов на еще более сложном трехстороннем уровне. Отчасти решение заложено в плоскости упоминавшегося разделения функций между секторальными дорожками РИК и БРИКС.

Наглядный пример оптимального подхода заключается в настойчивом поиске консенсуса на основе компромисса, сочетании принципа самостоятельности и независимости и продвижением действительно совпадающих интересов. Все это хорошо проявляется в трехстороннем сотрудничестве во внешнеполитической сфере. На этом важном и актуальном направлении (как и на направлении сотрудничества ученых-политологов трех стран) формат РИК содержит хорошие перспективы.

Прежде всего, речь идет о возможностях вклада в обеспечение интересов России. В этом смысле формат РИК важен для РФ и в виде самодостаточной международной структуры, и в качестве эффективного инструмента взаимодействия с китайскими и индийскими партнерами.

1. Материалы предыдущей. 14-й конференции см.: Уянаев С. Трехстороннее взаимодействие «Россия – Индия – Китай»: десять лет после Владивостока (К итогам 14-й академической конференции РИК) // Проблемы Дальнего Востока. 2015 № 5. С. 12–18; материалы более ранних конференций см.: Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 11–31; 2007. № 1. С. 16–32, № 2. С. 17–41; 2008. № 1. С. 11–16; 2009. № 2. С. 14–24; 2010. № 2. С. 3–10; 2011. № 1. С. 4–44; 2012. № 5. С. 32–37; 2013. № 1. С. 19–24.
2. Информация о данной Ассоциации, эксперты которой традиционно участвуют в конференциях РИК, см.: URL: <http://www.caifc.org.cn/en/content.aspx?id=616>.
3. Идея взаимодействия России, Китая и Индии еще ранее высказывалась рядом специалистов, напр.: Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира //

- Китай в мировой и региональной политике. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока. № 13. 1996. С 18–29; Кокошин за активизацию сотрудничества со странами АТР // Независимая газета. 27.03.1997. С. 2;  
 URL: <http://www.istmat.ru/index.php?menu=1&action=1&item=198>.
4. Первые официальные заявления на этот счет появились в документах визита В.В.Путина в Индию в декабре 2014 г. См.: Выступления. Выступление на конференции Мемориального фонда Дж.Неру. Нью-Дели, Индия, 03.12. 2004. URL: [http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344\\_type63376type63377\\_80609.shtml](http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344_type63376type63377_80609.shtml); Российско-индийская декларация. URL: <http://www.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80519/161816.shtml>.
  5. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам встречи министров иностранных дел РИК. Екатеринбург, 15 мая 2008 г. URL: [http://www.mid.ru/briks/-/asset\\_publisher/RdIyJVvdPAwg/content/id/338052](http://www.mid.ru/briks/-/asset_publisher/RdIyJVvdPAwg/content/id/338052).
  6. URL: <http://www.russian.xinhuanet.com> 18.07.2006; Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17.07.2006. Санкт-Петербург. URL: [http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/17/2243\\_type63377\\_109020.shtml](http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/17/2243_type63377_109020.shtml).
  7. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с участием Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в 12-й встрече министров иностранных дел России, Индии и Китая. URL: [http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset\\_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop\\_up?\\_101\\_INSTANCE\\_2MrVt3CzL5sw\\_viewMode=tv&\\_101\\_INSTANCE\\_2MrVt3CzL5sw\\_qrIndex=0](http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop_up?_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_qrIndex=0).
  8. Индия, Китай и Россия готовы содействовать безопасности Афганистана. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7250-indija-kitaj-i-rossija-gotovy-sodejstvovat-bezopasnosti-afganistana.html>.
  9. Си Цзиньпин принял участие в открытии ежегодной сессии ВЭФ в Давосе и выступил с основным докладом. URL <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0118/c31520-9168307.html>
  10. Документы, принятые и подписанные в рамках российско-индийского саммита 15 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5136>
  11. В совместных коммюнике 13-й и 14-й встреч глав МИД РИК недвусмысленно говорится, в частности, о том, что «введение односторонних санкций помимо тех, которые были согласованы в рамках Совета Безопасности ООН, противоречит принципам международного права и прерогативам Совета Безопасности ООН», такие санкции « не могут носить односторонний характер, основанный на законодательстве собственной страны». URL: [http://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368](http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368);  
 URL: <http://www.mca.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24751/Joint+Communique+of+the+13th+Meeting+of+the+Foreign+Ministers+of+the+Russian+Federation+the+Republic+of+India+and+the+Peoples+Republic+of+China>.
  12. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7250-indija-kitaj-i-rossija-gotovy-sodejstvovat-bezopasnosti-afganistana.html>.
  13. Синьхуа. 05.02.2015.
  14. «...В противостоянии России и Китаю Соединенные Штаты стремятся любыми путями привлечь Индию на свою сторону, для чего, частности, реанимируют проект создания «четырёхстороннего альянса», который включал бы в себя США, Японию, Австралию и Индию, и таким образом воспрепятствовал бы тройке Россия — Индия — Китай», писал, например, на эту тему один из испанских информационных ресурсов. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.

## Перспективы политики США в отношениях с Китаем и Россией

© 2017

Ю.В. Морозов

При президенте Д. Трампе США будут продолжать проводить политику глобальной гегемонии под лозунгом «Америка — прежде всего», добиваясь в первую очередь собственной выгоды. Это касается российско-американских и китайско-американских отношений. Вместе с тем, после 100 дней президентства Трамп до сих пор не вполне сформировал внешнеполитическую стратегию США и действует на международной арене во многом реактивно. В статье характеризуются первые результаты политики администрации Трампа по отношению к Китаю и России, а также ближайшие перспективы внешнеполитической стратегии США. *Ключевые слова: США, Россия, Китай, национальные интересы, политика, стратегия, мягкая сила, информационная война.*

### Американо-китайские отношения в начальный период президентства Трампа

В отличие от предвыборных обещаний по поводу ужесточения американской политики в отношении КНР одним из основных итогов первых 100 дней президентства Дональда Трампа является установление неожиданно «теплых» отношений с руководителем Китая Си Цзиньпином. Отчасти это можно объяснить тем, что выбор умеренного и конструктивного американского внешнеполитического курса в отношении других государств после резкой риторики периода избирательной кампании является характерной чертой для большинства президентов США.

Этому способствовало также общение лидеров двух стран в апреле 2017 г. в Мар-а-Лаго (Палм Бич, Флорида), которое позволило им обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес — двустороннюю торговлю, ядерную проблему Корейского полуострова, ситуацию в Южно-Китайском море, а также ряд других важных проблем.

Конструктивный курс администрации Трампа в отношении Пекина объясняется тем, что в настоящее время пятую часть всего, что США приобретают за границей, они закупают в Поднебесной. И в ближайшей перспективе Китай будет оставаться крупнейшим торговым партнером Соединенных Штатов. Объем их взаимной торговли в 2016 г. составил 578 млрд долл. При этом Соединенные Штаты закупили в КНР товаров на 462,8 млрд долл., а продали на 115,8 млрд. Таким образом, разница в пользу Китая — 347 млрд долл. Поэтому в Пекине полагают, что КНР может многое предложить Соединенным Штатам в рамках объявленного Трампом курса «Америка — прежде всего». Китайские капиталы и промышленные изделия могут, например, сыграть весьма значимую

роль в выдвинутых 45-м президентом США инициативах в области модернизации американской инфраструктуры.

Экономики США и КНР тесно взаимосвязаны, и без катастрофических последствий эту связь не разорвать. Будучи крупнейшим поставщиком товаров на американский рынок, Китай выступает также крупным держателем американских ценных бумаг. Поэтому смягчение позиции Д. Трампа в отношении Китая после его встречи с Си Цзиньпином вполне объяснимо. Трамп, в частности, отказался от обвинений в адрес Пекина в манипулировании курсом юаня. Он также, судя по его заявлениям, начал прислушиваться к точке зрения КНР по северокорейской проблеме. Подталкивая Китай к более активным действиям на Корейском полуострове, Трамп рассчитывает, что при помощи Пекина ему удастся обуздать ядерные амбиции Северной Кореи.

Вместе с тем, завязавшаяся «теплая дружба» между Дональдом Трампом и Си Цзиньпином у ряда политологов вызывает настороженность. При всей дружественности установившихся между Пекином и Вашингтоном отношений специалисты-международники до сих пор гадают о глубинных мотивах политики Трампа в отношении КНР.

Ряд международных аналитиков полагают, что Трамп переоценивает реальные возможности Китая по оказанию давления на Пхеньян. Так, в последние годы, как считает норвежский эксперт Стейн Тонессон, политика КНР в отношении КНДР не отличалась высокой эффективностью. Более того, по его сведениям, ряд китайских ученых-международников критикуют свое правительство за то, что оно испортило отношения не только с Северной, но и с Южной Кореей<sup>1</sup>. Поэтому наряду с некоторыми советниками из Белого дома он сомневается в способности Пекина предпринять эффективные шаги для сдерживания Северной Кореи.

Одновременно правительства Южной Кореи и Японии стали опасаться снижения своего влияния в регионе, если Трамп в стремлении получить от Пекина максимум помощи в решении северокорейской проблемы сформирует нечто вроде «большой двойки» США — КНР. В особенности, если «дружественная» позиция США развяжет Китаю руки в таких актуальных для региона проблемах, как межгосударственные территориальные споры в Южно-Китайском море. В этой связи уместно вспомнить разработанную администрацией Б. Обамы концепцию «G2», в соответствии с которой США признавали определенную зависимость от Китая, одновременно демонстрируя готовность к сотрудничеству с ним в глобальных делах. Однако Пекин отклонил сомнительную идею разделить с Вашингтоном бремя ответственности за судьбы мира.

Поэтому, наблюдая за развитием американо-китайских отношений в первые 100 дней президентства Трампа, международные эксперты задаются вопросом, не изменится ли его расположение к КНР, если Поднебесная не оправдает всех надежд главы Белого дома.

Ведь Трамп во внешнеполитических делах «настолько непредсказуем, что никто не знает, что он скажет на следующей неделе или в следующем месяце»; «его настроение переменчиво, словно флюгер». К примеру, во время своей предвыборной кампании Д. Трамп неоднократно критиковал предыдущие власти США за атаки в Сирии и обещал не вмешиваться в дела других стран, если станет главой государства.

Однако, придя к власти, сделал это: в ночь на 7 апреля 2017 г. ракетному обстрелу со стороны США подвергся сирийский аэродром «Шайрат» в провинции Хомс, с которого якобы была проведена химическая атака. Распоряжение об ударе отдал лично 45-й президент США<sup>2</sup>.

Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время на международной арене Трамп действует во многом реактивно и пока не сформировал полноценную внешнеполитическую стратегию США, которую от него ждут. «Трамп правит, как обещал: нетрадиционно и непредсказуемо», — отмечает The Washington Post. Так, согласно данным этой газеты, из 60 обещаний, данных во время своей предвыборной кампании, Трамп вы-

полнил пока всего пять. Не следует забывать еще одно обстоятельство, касающееся внешней политики США: она формируется, прежде всего, с позиции сверхдержавности. Поэтому Соединенные Штаты при Д. Трампе будут и в дальнейшем проводить политику глобальной гегемонии и играть на том, что им выгодно, в том числе, в отношении Китая.

При этом в Вашингтоне не отрицают, что в «потеплевших» американо-китайских отношениях продолжают сохраняться серьезные разногласия по Тайваню, Тибету, Северной Корее, правам человека и др. Поэтому, несмотря на тесную взаимосвязь двух ведущих экономик мира, Америка продолжает ревностно охранять от доступа Китая свои передовые технологии. Это выражается, в частности, в установлении ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции в КНР<sup>3</sup>. Если Поднебесная не оправдает надежд Трампа в отношении Северной Кореи, ситуация в американо-китайских отношениях может измениться в худшую сторону. Оно и понятно: именно Китай в настоящее время представляет для США наибольшую опасность — его экономика развивается стремительнее американской, военное могущество КНР крепнет день ото дня.

Если Пекин попытается решить территориальные проблемы в Южно-Китайском море и присоединить Тайвань силовым путем, угроза для США и соседних стран усилится. Очевидно в перспективе американо-китайские отношения будут развиваться по формуле: сосуществование — соперничество — регулируемая конфронтация<sup>4</sup>.

Стараясь нивелировать негативные для США последствия подобной конфронтации, предыдущая администрация активно применяла в отношениях с КНР «мягкую» дипломатию, играя на самолюбии китайцев, и использовала все доступные средства для привлечения их на свою сторону. Однако противостояние Вашингтона и Пекина по ключевым вопросам не способствовало сближению внешнеполитических позиций КНР и США<sup>5</sup>.

В частности, Б. Обама рассчитывал заручиться поддержкой КНР в украинском вопросе. Однако Си Цзиньпин лишь подтвердил неизменность позиции Китая по Украине, которая заключается в «отстаивании необходимости политического решения кризиса», и воздержался во время голосования в Совет Безопасности ООН. А проект резолюции по ситуации в Алеппо (Сирия) на заседании Совета Безопасности ООН 5 декабря 2016 г. Китаем был заблокирован. Тем не менее ввиду наличия собственных проблемных территорий, таких как Тибет, СУАР и Тайвань, Китай пока не может открыто встать на сторону России, как это было в случае с Сирией и Украиной.

При этом ведущие западные СМИ при поддержке крупнейших рейтинговых агентств США Standard & Poor's и Moody's продолжают проводить против КНР информационные атаки. Речь также идет об усилении поддержки Соединенными Штатами Тайваня. Ответным «оружием» является сумма в один с лишним триллион долларов в казначейских обязательствах Федеральной резервной системы США. Их сброс может начаться в случае объявления Америкой «торговой» войны КНР. Кроме того, в Китае создано рейтинговое агентство Dagong, которое не замешано в коррупционных скандалах, где деструктивная роль Standard & Poor's и Moody's привела к большим финансовым потерям международных инвесторов<sup>6</sup>.

## **Российско-американские отношения при президенте Д. Трампе**

Внешнеполитические шаги Трампа в его первые 100 дней президентства вызвали болезненную реакцию в Москве, которая сменила эйфорию среди членов Государственной Думы РФ после его избрания новым президентом США. Она была обусловлена тем, что в своих предвыборных речах Трамп хвалил В.В. Путина, обещал сотрудничество в борьбе с исламистами на Ближнем Востоке и намеревался «изучить» вопрос Крыма.

Эти «благие намерения» Трампа скорее относились к его предвыборной риторике и вряд ли отражали концепцию внешней политики США, которая до сих пор находится в процессе формирования.

По мнению Александра Вершбоу, бывшего заместителя генсека НАТО, а ныне ведущего эксперта Atlantic Council, на формирование политики в отношении России оказывают непосредственное влияние внутриамериканские факторы. В настоящее время в Вашингтоне продолжаются несколько расследований, посвященных возможной причастности Москвы к хакерским атакам против США и связям с ней людей из команды Трампа. В таких условиях какое-либо движение Трампа в сторону сближения с Россией вряд ли будет воспринято в США позитивно. Проблемы, связанные с российским фактором в американской политике, «замедляют процесс» формирования американской стратегии в отношении РФ. В связи с этим надежд на серьезное улучшение российско-американских отношений в ближайшей перспективе пока нет.

И республиканцы, и демократы в органах законодательной власти США сохраняют агрессивную настроенность по отношению к России. Заметные рычаги влияния на 45-го президента США они заняли и в органах исполнительной власти. Журнал Time перечисляет несколько причин, по которым быстрого улучшения отношений между США и РФ ждать не следует<sup>7</sup>.

Во-первых, ближайшие помощники Трампа по вопросам обороны и безопасности настроены отнюдь не пророссийски. Министр обороны Джеймс Мэттис называет Россию и Путина «главной геополитической угрозой» для США. Директор ЦРУ Майк Помпео осудил «вмешательство России» в президентские выборы США в 2016 г. Помощник президента по национальной безопасности генерал-лейтенант Герберт-Рэймонд Макмастер назвал Россию «враждебно-ревизионистской» (т.е. стремящейся к пересмотру существующего миропорядка) державой. Фиона Хилл, которую Трамп назначил ведущим экспертом администрации по Европе и России, пишет, что «Запад должен усилить оборону, уменьшить экономическую и политическую уязвимость и разработать кризисные планы, чтобы противостоять новой путинской войне XXI века»<sup>8</sup>. Это тоже трудно назвать пророссийской позицией.

Во-вторых, Трамп намеревается усилить блок НАТО. Он призывает страны НАТО увеличить свои взносы в общую казну блока до 2% ВВП (сегодня лишь пять из 28 стран — членов НАТО соответствуют этому требованию). Однако очевидно, что Трампу вряд ли удастся заставить всех союзников США по альянсу полностью платить взносы в казну НАТО. Одни просто не хотят, а другие, как например, Германия, согласны тратить немалые средства на оборону, но задаются вопросом — для чего им столько вооружения и куда его девать, если активных военных действий на территории Европы не ведется. Тем не менее, если альянс нарастит «военные мускулы», Россию это встревожит.

В-третьих, между Москвою и Вашингтоном есть противоречия на почве нефтедобычи. Трамп будет и дальше содействовать увеличению добычи нефти в США, в результате чего цены на нее на мировом рынке будут снижаться, что для России крайне невыгодно, поскольку почти половина ее госбюджета формируется за счет нефтепродаж.

В-четвертых, в связи с указанными обстоятельствами Россия значительно «охладела» к Трампу. В январе 2017 г. ведущие СМИ РФ упоминали Трампа 202 000 раз, а Путина всего — 147 700. Однако спустя некоторое время после инаугурации российские СМИ «разочаровались» в Трампе. А в воскресных итоговых программах федеральных телеканалов его упоминаемость в новостях сократилась сразу на 88%.

Следует добавить, что в Вашингтоне по-прежнему продолжают опасаться России, рассматривая ее как геополитического конкурента и как государство, которое может гарантированно уничтожить Соединенные Штаты. Активное неприятие ею односторонних действий США в мире продолжает раздражать Вашингтон. Поэтому предыдущая ад-

министрация США активно использовала против России приемы и методы информационной войны<sup>9</sup>.

Среди них — *нарушение договоренностей*. После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после холодной войны «статус-кво» нарушаться не будет, и Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу ее интересов, не уделяла достаточного внимания развитию гуманитарного сотрудничества с бывшими советскими республиками. Она финансировала эти связи по остаточному принципу в расчете на то, что упомянутые государства и так, экономически и исторически, прочно связаны с Россией<sup>10</sup>.

Запад во главе с США явно и тайно действовал в нарушение договоренностей. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций (НПО) он не только создавал на территории стран бывшего советского блока «пятые колонны», но в соответствии со своими интересами «перекраивал» в них общественное сознание и мировоззрение. В силу этого ряд государств европейского региона были переориентированы на США и ЕС: сначала страны Восточной Европы и Балтии, а затем Грузия и Украина. При этом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву в формировании его прозападного курса и для реализации русофобского проекта по отрыву Украины от России. Когда в Москве осознали истинную подоплеку этого процесса, пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно.

*Навязывание стереотипов*. Типичным примером метода информационной войны является использование специальных словосочетаний, которые могут варьироваться в зависимости от задач США. Когда в 2008 г. РФ оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан от агрессии, она в итоге оказалась в изоляции, а в СМИ США позиционировалась в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. В англоязычных СМИ активно используются и другие ложные клише: «Россия — империя зла», стремящаяся к воссозданию модели СССР, «диктаторский режим Путина» и т.п.

*Подбор выгодных США фактов*, когда аудитории предлагается сделать «самостоятельный» вывод на основании материалов СМИ. При этом часть невыгодных для США фактов заведомо замалчиваются. Например, когда был совершен государственный переворот на Украине, американскими политологами отбиралась только информация, дискредитирующая президента В. Януковича и силы правопорядка Украины, одновременно умалчивалось о преступных действиях «майдана» и попытках физически уничтожить главу государства.

*Подмена понятий и ключевых слов* путем обозначения собственных неправомерных действий терминами, имеющими нейтральную или положительную окраску. Яркий тому пример — объявление «санкций» против России после воссоединения с Крымом. Дело в том, что санкции имеет право объявлять только Совет Безопасности ООН после принятия соответствующей резолюции. В данном случае слово «санкции» было «вброшено» Вашингтоном в мировые СМИ для обоснования легитимизации действий США в мировом общественном сознании.

*Использование психотравмирующих событий и информационной «карусели»*. Авиакатастрофа Боинга 777 «Малайзийских авиалиний» на Украине в июле 2014 г. стала предлогом для создания широкой западной коалиции против России, которую обвинили в поддержке ополченцев, якобы сбивших самолет. При этом, кроме пространных заявлений официальных лиц, США не было представлено никаких доказательств. Версия, озвученная Генеральным штабом ВС РФ, так и не была опровергнута.

Продвигаемая в медийном пространстве США версия о так называемых российских хакерах — пример информационной «карусели», когда эта тема сначала разрабатывается в соответствующих структурах, а потом преподносится в виде утечек, ссылок на неназванные источники. Далее она «подхватывается» СМИ и возвращается обратно в госструктуры, которые, получив этот полуфабрикат, начинают работать с ним как

с «информационным» продуктом, постепенно обретающим легализацию и самостоятельную жизнь. Эта «карусель» заходит на второй, более широкий круг — тема выходит за рамки США и начинает обрастать информационной «пенной» в других странах<sup>11</sup>.

*Искажение исторических событий.* Разрушительная мощь этого метода воздействия на все слои общества настолько велика, что он может поставить под сомнение не только историю государства, но сам факт правомерности его существования. Так фальсификаторы истории пытаются принизить роль России — правопреемницы СССР в освобождении человечества от фашизма<sup>12</sup>. Для этого проводится коренной пересмотр итогов Второй мировой войны. В частности, американский историк Х. Болдуин считает, что ее исход решили 11 битв («великих кампаний»), включая операцию «Маркет Гарден» в Голландии, высадку англо-американских войск в Нормандии, битву за атолл Мидуэй. Из сражений, выигранных Советской Армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву. В западноевропейских и американских учебниках истории уже давно пишут о том, что решающую роль в разгроме нацистской Германии и милитаристской Японии сыграли победы англо-американских войск. А такие события, как битва на Курской дуге, победа в которой обеспечила стратегическое превосходство на всех фронтах и открыла путь к освобождению советскими войсками Европы, трактуется на Западе как «бои местного значения», не являющиеся переломными в ходе мировой войны.

«Промывка мозгов» в области истории коснулась не только западного сообщества, но и граждан России. В 1990-х годах в нее «хлынули» различные западные фонды. В частности, американский фонд Open Society, возглавляемый Дж. Соросом, предложил услуги Министерству образования России и стал безвозмездно финансировать выпуск учебников по истории для средних и старших классов. В них Вторая мировая война описана как абсолютный триумф англосаксов, а важнейшие события на советско-германском фронте упоминаются вскользь. Свою «образовательную помощь» фонд Open Society продолжает оказывать странам Балтии, Грузии и Украине. Для Японии история войны была полностью переписана. В результате большинство японцев стали считать, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки — дело рук... СССР(!).

Антироссийская пропаганда активно ведется в сетях Интернета, в кинематографе, на телевидении и радио. Объектами воздействия являются журналисты, политические и общественные деятели, а также граждане стран ШОС, ОДКБ и СНГ<sup>13</sup>. Одной из антироссийских программ, касающихся недавних событий в мире, является проект, запущенный после военных действий в Южной Осетии, когда стратеги из Пентагона с удивлением обнаружили, что «отсталая и небоеспособная российская армия», оказывается, способна быстро разгромить «мобильную и высокоэффективную армию будущего», подготовленную американскими инструкторами по стандартам НАТО. Поэтому для пресечения разброда среди американских союзников на саммите НАТО в Страсбурге (2009 г.) была создана «Служба стратегических коммуникаций» — своего рода американский агитпроп для европейцев. В США при вашингтонском Центре по анализу европейской политики также было создано подразделение «Инициатива в области информационной войны». Его главная задача — тотальное блокирование любой информации, которую Россия пытается распространить в странах мира. В 2014 г. правительство Литвы, объявило о начале работы «Центра стратегической коммуникации НАТО» в целях «анализа и противодействия российской пропаганде». Одновременно британское правительство объявило о создании «Бригады 77», сотрудники которой должны сражаться с «российской пропагандой» на просторах Интернета.

В 2016 г. в Евросоюзе была создана оперативная группа «по стратегическим коммуникациям» для запрета распространения российской информации по всем каналам — от публичной дипломатии до онлайн-пространства. Подоплека ее создания — резолюция Европейского парламента от 23 ноября 2016 г. «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон». Автор этого документа — бывший

министр иностранных дел Польши Анна Фотыга — предложила приравнять российские газеты и телевидение к террористическим организациям «Аль-Каида» и ИГИЛ, которые «ведут активные пропагандистские кампании с целью скомпрометировать европейские ценности и интересы». Фотыга призвала Европарламент бороться с «пропагандой Кремля» путем ее разоблачения<sup>14</sup>. Усилия западных СМИ сконцентрировались на снижении влияния российских медийных ресурсов, таких как «Russia Today» и «Спутник», имеющих альтернативную точку зрения на развитие событий в мире и разоблачающих инсинуации в отношении России.

Ждать от администрации Трампа отмены этих акций в ближайшей перспективе не представляется реальным. Основанием неизменности в ближайшее время внешнеполитического курса предыдущей американской администрации является сосредоточение Трампа на решении внутренних проблем. При этом он постепенно отказывается от ненужных внешних затрат и поддержки тех государств, которые не несут Америке непосредственной выгоды (в частности — Украины). В то же время политику и стратегию, которые проводились на мировой арене предшествующими администрациями США, нельзя изменить в одночасье. Если в период предвыборной кампании кандидат в президенты США Д. Трамп демонстрировал лояльное отношение к России, то теперь его политика по отношению к ней заметно ужесточилась. Как пишет *The Wall Street Journal*, после инаугурации Трамп дал четко понять, что отношения с Россией будут не такими гладкими, как это «казалось Кремлю»<sup>15</sup>.

Тем не менее международные эксперты считают, что выводы о долгосрочной стратегии Вашингтона в отношениях с Москвой делать пока рано. Учитывая непредсказуемость и реактивность шагов Трампа на международной арене, можно лишь предварительно спрогнозировать векторы дальнейшей внешнеполитической стратегии США.

### Возможные перспективы внешнеполитической стратегии США

*Во-первых*, при 45-м президенте США на мировой арене будет происходить дальнейшая поляризация сил. Одни будут защищать сложившийся односторонний миропорядок с доминирующей ролью США, другие — укреплять формирующийся многополярный мир. Свидетельством этому является развитие структур ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Поэтому продолжатся враждебные действия против лидеров этих объединений — РФ и КНР. Особенно это касается России, против которой информационная война будет продолжена, однако не в том виде, как это было при Б. Обаме, когда она зачастую давала обратный эффект.

*Во-вторых*, в отношении других стран у администрации Трампа есть два подхода — либо экономическое и силовое давление (при Обаме оно показало свою бессмысленность в отношениях с Россией), либо договоренности на основе совпадающих интересов. Очевидно, Трамп выберет второй, прагматичный подход, направленный на усиление геэкономических, а не геополитических позиций США в мире. Будет больше переговоров по совместному решению существующих проблем и развитию мирового сообщества. В этом и будет состоять внешнеполитический курс США при Д.Трампе.

*В-третьих*, Соединенными Штатами будут продолжены на международной арене политические и иные акции с целью поддержания мифа о приоритете американских ценностей над остальными<sup>16</sup>. США и их союзники будут продолжать использовать свой «внешнеполитический арсенал» для организации «цветных революций» и переворотов в неугодных странах. Им уже удалось столкнуть в хаос Ливию, Сирию, провести «цветную революцию» в Грузии, разжечь войну на Украине. Поэтому в международном сообществе начинают постепенно осознавать опасности «однополярного мира» и негативные последствия повсеместного насаждения «американских ценностей». Эти последствия уже видны — сохраняющиеся зоны нестабильности в Юго-Восточной Азии и в Африке,

небывалый наплыв в Европу беженцев из стран, где «поработали» дипломаты и военные США, размах терроризма в странах Евросоюза, кризис европейской идентичности и подъем национализма. И наконец — рост взаимного недоверия в самой Европе и даже стремление к восстановлению контроля на национальных границах<sup>17</sup>.

**В-четвертых**, что касается использования других средств из «внешнеполитического арсенала» США, то на подход администрации Д. Трампа в этой области будет влиять целый ряд факторов: национальные интересы Соединенных Штатов, действия других государств на мировой арене, различия во взглядах Вашингтона и остальных стран на проблемы безопасности и связанная с этим необходимость усиления сдерживания со стороны США в условиях модернизации их обычных и ядерных сил, бюджетная и экономическая ситуация в стране, мнения в сенате и Конгрессе США в целом по поводу использования американского «внешнеполитического арсенала». При этом США будут продолжать использовать как «мягкую силу», так и «стратегию непрямых действий» для продвижения своих интересов в мире.

**В-пятых**, исходя из этого, Пентагон будет продолжать использовать миротворческий потенциал США, позволяющий устанавливать мир в «горячих точках» планеты на выгодных для Вашингтона условиях. Именно под флагом миротворчества, а после 11 сентября 2000 г. под лозунгом борьбы с терроризмом США создали военные базы на Балканах и в Афганистане, расширяют свое присутствие в Африке. Если в Закавказье или Центральной Азии возобновятся военные действия, не исключено, что Пентагон не преминет этим воспользоваться, введя туда своих миротворцев под флагом ООН. Очевидно и то, что продолжится практика разрешения военных конфликтов силами других международных организаций (НАТО), где США играют одну из «первых скрипок в оркестре». При этом неравенство партнеров США в средствах воздействия на обстановку в районе кризиса, а также в политических и экономических возможностях приводит к фактическому подчинению политики этих организаций целям и задачам политики Вашингтона. А когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества начинает рушиться «старая» государственная структура страны и налаживаются новые схемы взаимоотношений, у Вашингтона появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Американские НПО, тянущиеся за миротворческими миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от США. В результате американский бизнес, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики страны и разработку там полезных ископаемых. Так было на Балканах и в Африке, где компании США одерживали безоговорочную победу над конкурентами.

**В-шестых**, большая часть санкций США против России в ближайшей перспективе снята не будет. Этому препятствуют антироссийски настроенные конгресс и сенат США, которые ввели эти санкции «до тех пор, пока Крым не вернется в состав Украины», на что Россия не пойдет ни при каких обстоятельствах. В других вопросах глобальной и региональной безопасности в российско-американских отношениях следует ожидать позитивных результатов в результате прямых переговоров президентов Д. Трампа и В. Путина. В том числе по вопросам возможной совместной борьбы против ИГИЛ и «Джабат ан-Нурсы», сокращения в мире ядерных арсеналов и при решении других проблем, где позиции США и РФ в определенных пределах совпадают.

**В-седьмых**, в случае охлаждения китайско-американских отношений и объявления Трампом «торговой войны» Китаю, Россия столкнется с рядом проблем: из-за резкого падения производства у Китая не будет нужды в больших объемах российских энергоресурсов; КНР начнет сбывать свои товары повсюду, особенно в Центральной Азии, ослабляя российское присутствие; безработица в КНР подтолкнет к массовой миграции в РФ, которая начнет вводить ограничительные меры. Поэтому следует ожидать, что по этим проблемам в рамках ШОС начнутся переговоры и выработка компромиссов, при помощи которых они могут быть решены. Китай и Россия тесно сотрудничают и поддер-

живают друг друга по вопросам, затрагивающим их ключевые интересы. Москва и Пекин стремятся к созданию многополярного миропорядка и выступают за укрепление ведущей роли ООН в международных делах, призывая все стороны мирным путем урегулировать ситуацию в Сирии, ядерную проблему Корейского полуострова, ситуацию в Афганистане и другие мировые и региональные проблемы<sup>18</sup>.

*В-восьмых*, исходя из опасных последствий применения «внешнеполитического арсенала» США государствам — участникам ШОС для их безопасности необходимо совместно с РФ и КНР бороться против тех, кто обещает «благоденствие» путем революционных и иных потрясений. Для этого целесообразно активнее развернуть сотрудничество по усилению совместной борьбы с «тремя силами зла», обеспечению информационной безопасности и противодействию западной стратегии не прямых действий. Было бы целесообразно более активно использовать «медийное пространство» ШОС для разоблачения западных попыток посеять вражду и недоверие между членами этой организации и вбить клин между ними и лидерами ШОС — КНР и Россией.

Гражданам стран ШОС предстоит сделать выбор — либо поддаваться западной пропаганде, либо иметь свое мнение. А задача органов власти государств — членов Организации заключается в том, чтобы не позволить Западу лишиться страны ШОС суверенитета, продолжить содействовать коллективным усилиям в установлении многополярного мира, основанного на совместном решении глобальных и региональных проблем<sup>19</sup>. Сотрудничество государств ШОС по сопряжению Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути может стать важным фактором интеграции евразийского региона<sup>20</sup>.

1. *Кадамцев А.* Дружба США и Китая: пугающая реальность или сиюминутная конъюнктура? URL: <https://regnum.ru/news/polit/2269931.html>.
2. *Карнова Н.* Обманутые надежды: какие обещания может не сдержать Дональд Трамп. URL: <http://1prime.ru/articles/20170407/827342524.html>.
3. *Яту Чун.* Китай и TPP // Китай. 2015. № 11. С. 28.
4. *Морозов Ю.В.* Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34–45.
5. *Морозов Ю.В.* Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1.
6. Путин и Трамп: курс к новому мировому порядку. Прогноз на 2017–2021. URL: <http://kolokolrussia.ru/vzglyad-redaktora/putin-i-tramp-kurs-k-novomu-mirovomu-poryadku-prognoz-na-20172021#hcq=n1Bla8qhttp://kolokolrussia.ru/>
7. *Бараникас И.* Отношения Россия — США от Путина и Трампа уже не зависят. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/27/otnosheniya-rossiyassha-ot-putina-i-trampa-uzhe-ne-zavisyat.html>.
8. URL: <https://dayonline.ru/politics/article/mister-putin-operativnik-v-kremle-avtor-pugayusche-54831>.
9. *Давыдов Е.* Информационная война против России: «момент истины». URL: <https://cont.ws/@eugene-davidov/98702>.
10. *Морозов Ю.В. Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С. 35–49.
11. Брифинг представителя МИД России М.В. Захаровой. Москва, 12 января 2017 г. URL: [http://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2591233#0](http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2591233#0).
12. *Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.
13. *Dorothy E.* Information Warfare and Security/ Future of Information Warfare -Wesley, December 1998. URL: <https://airpower.maxwell.af.milles>.

14. *Тихомиров В.* «Миссис лицемерие» и просто «царь». Кто управляет американским президентом? URL: [https://life.ru/v/cша/950853/missis\\_litsiemierie\\_i\\_prosto\\_tsar\\_kto\\_upravliaiet\\_amerikanskim\\_](https://life.ru/v/cша/950853/missis_litsiemierie_i_prosto_tsar_kto_upravliaiet_amerikanskim_)
15. *Логинов В.* Трамп пошел на ужесточение курса по отношению к России. URL: [https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/07\\_a\\_10561877.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/07_a_10561877.shtml).
16. Information Operation Roadmap. URL: <https://nsarchive.gwu.edu>.
17. *Костиков В.* От Фултона до Мюнхена // Аргументы и Факты. № 7. 15 фев. 2017 г.
18. *Лузянин С. Г.* Шанхайская организация сотрудничества 2013–2015: прогнозы, сценарии и возможности развития. М.: ИДВ РАН, 2013. 120 с.
19. *Ли Хуэй.* Углубление китайско-российских отношений на благо народов обеих стран. URL: <http://viperson.ru/articles/uglublenie-kitaysko-rossiyskih-otnosheniy-na-bлаго-narodov-obeih-stran>.
20. *Морозов Ю.В.* Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2016. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=486>.

## Смена режима в Южной Корее

© 2017

Ким Ен Ун

На досрочных президентских выборах в Республике Корея победу одержал кандидат оппозиционной левоцентристкой Демократической партии Тобуро Мун Чжэ Ин. Она ознаменовала возвращение к власти сторонников тех политических сил в РК, которые находились у власти с 25 февраля 1998 г. по 25 февраля 2008 г., и отстранение правых, сохраняющих взгляды и политические методы антикоммунистических сил времен холодной войны.

*Ключевые слова:* Республика Корея, досрочные президентские выборы, поражение правых, победа волеизъявления народных масс.

9 мая 2017 г. состоялись досрочные выборы президента Республики Корея, в результате которых с большим преимуществом победу одержал кандидат от оппозиционной левоцентристкой Демократической партии Тобуро Мун Чжэ Ин.

Победитель президентской гонки получил голоса 41,08% участвовавших в голосовании избирателей (13 423 800 человек), что на 5,57 млн голосов больше, чем его ближайший соперник — представитель консерваторов Хон Чжун Пхё<sup>1</sup>.

Мун Чжэ Ин победил в 7 из 9 провинций и в 7 из 8 городов с правами провинций. Его ближайший соперник Хон Чжун Пхё опередил всех только в традиционном оплоте консерваторов — г. Тэгу и провинциях юго-востока Кенсаннамдо и Кенсанбукдо.

Важным достижением Мун Чжэ Ина следует назвать результаты голосования в Сеуле. Уже второй раз подряд на президентских и парламентских выборах столица отдала предпочтение представителям оппозиции.

Во втором крупнейшем городе страны Пусане, который также традиционно считается оплотом правых, Мун победил в 13 из 16 округов (от 36,68% до 44,99%), а Хон Чжун Пхё — в трех (от 37,07 до 38,2%).

Что же представляет из себя новый президент Южной Кореи? Мун Чжэ Ин родился и вырос в бедняцкой рабочей семье. Он появился на свет 24 января 1953 г. в провинции Кенсаннамдо в семье уроженца г. Хыннам провинции Хамгендо (Северная Корея). В декабре 1950 г. при эвакуации американцев из Хыннама его отец сел на американский корабль и переехал на юг страны.

Последующее переселение в г. Пусан не улучшило материального положения семьи. 8-летний Мун часто стоял в длинной очереди, чтобы получить гуманитарную помощь, которую распределяли в церкви. Помогал матери разносить по домам бедняков угольные брикеты для отопления. Учился он очень старательно и показывал в начальной школе отличные успехи. Как одному из лучших выпускников ему дали рекомендацию для поступления в престижную среднюю школу Кённам, из стен которой вышли виднейшие государственные деятели и ученые.

По окончании средней школы со второй попытки юноша поступил на юридический факультет частного университета Кёнхи. Во время учебы в университете принимал участие в демократическом движении, направленном против политики президента Пак Чжон Хи. В 1975 г. за организацию демонстраций протеста против приговора к смертной казни членов так называемой Народной революционной партии (Инхёкдан) был арестован и исключен из университета<sup>2</sup>. Власти не посадили его в тюрьму, а отправили служить в армию, но не в обычную часть, а в спецподразделение, где служба была тяжелее вдвойне. После службы в армии Мун восстановился в университете и окончил его, а затем поступил на курсы подготовки госслужащих в области юриспруденции в провинции Чолланамдо.

В связи с убийством Пак Чжон Хи и последовавшим военным переворотом 12 декабря 1979 г. Мун принял участие в митингах, за что был вновь арестован, но как отбывший службу в спецподразделении все-таки получил возможность закончить курсы. Вернувшись в Пусан, он занялся адвокатской деятельностью по защите прав трудящихся, трудовым спорам и правам профсоюзов. В 1982 г. случайно познакомился с также занимавшимся защитой трудовых прав работников Но Му Хёном. В июне 1987 г. во время народных протестов и движения за демократизацию страны Мун стал членом исполкома Народного движения за пересмотр Конституции в Пусане, председателем которого был Но Му Хён<sup>3</sup>. На парламентских выборах 1988 г. Но Му Хён был избран депутатом парламента страны, а Мун Чже Ин продолжил свою деятельность адвоката и правозащитника.

В 2002 г. Но Му Хён баллотировался от Демократической партии в президенты страны и назначил Мун Чже Ина руководителем своего избирательного штаба в Пусане. После победы Но Му Хёна на президентских выборах Мун продолжил адвокатскую деятельность.

В 2004 г., во время импичмента Но Му Хёна, Мун создал адвокатскую группу для защиты президента. После решения Конституционного суда об отказе в импичменте Мун был сначала назначен старшим помощником, а в 2007 г. — руководителем администрации президента<sup>4</sup>.

При президенте Но Му Хёне Южная Корея полностью преодолела последствия кризиса 1997 г., имела профицит бюджета и восстановила свой кредитный рейтинг. В 2006 г. ее объем ВВП превысил 930 млрд долл. по паритету покупательной способности валют<sup>5</sup>, объем внешней торговли вырос за пять лет более чем вдвое, составил в 2007 г. более 700 млрд долл. Значительно возросла капитализация компаний. Например, рыночная капитализация фирмы «Хёнде хэви индастриз» выросла с 1,5 трлн вон до 27,8 трлн вон<sup>6</sup>.

Рост капитализации по отдельным отраслям экономики составил: строительных фирм — на 618,4%, фармацевтических — на 401,3%, лечебных учреждений — на 385%, черной металлургии — на 374,4%, строительной техники — на 353,8%.

Существенно увеличились прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в экономику Южной Кореи. Если всего за период 1962–2007 гг. в страну было привлечено 138 млрд долл. инвестиций, то почти 40% из них — 51,5 млрд долл. — поступило в годы правления президента Но<sup>7</sup>.

В тот же период Сеул заключил соглашения о свободной торговле с Чили, Сингапуром, США, практически договорился о таком же соглашении с Евросоюзом, Канадой, вел переговоры с КНР, группой латиноамериканских стран, входящих в МЕРКОСУР.

За эти годы Южная Корея стала космической державой. В июле 2007 г. с космодрома Плесеэк с помощью российской ракеты был запущен спутник «Ариан-2». Построен собственный космодром на юге страны, откуда в 2008 г. с помощью российской ракеты-носителя осуществлен старт нового спутника. Пройдя в Звездном городке

предполетные тренировки, в космос слетала первая южнокорейская женщина-космонавт Ли Со Ен.

За этот период Республика Корея добилась крупных дипломатических успехов, что выразилось, в том числе, в избрании Генеральным секретарем ООН министра иностранных дел страны Пан Ги Муна. Произошел благоприятный для страны сдвиг в ситуации на Корейском полуострове. Начал реализовываться многосторонний механизм обеспечения мира и безопасности в регионе в виде шестисторонних переговоров по вопросам ядерного разоружения Корейского полуострова. Состоялся второй межкорейский саммит, произошли первые за последние 15 лет переговоры между главами правительств Республики Корея и КНДР, составлена программа широкомасштабного экономического и гуманитарного сотрудничества<sup>8</sup>. «Декларация о развитии отношений между Севером и Югом, мире и процветании»<sup>9</sup>, подписанная 4 октября 2007 г., выглядела более широкой и по охвату проблем и практичной по предлагаемым решениям. Если Совместная декларация, подписанная Ким Чен Ир и Ким Дэ Чжун в 2000 г., представляла собой, в известной степени, протокол о намерениях двух корейских государств, то документ 2007 г. содержал конкретные направления взаимодействия и обязательства сторон.

Север и Юг договорились о продолжении работы над объединением страны на основе принципов, сформулированных в Совместной декларации 15 июня 2000 г., подтвердили готовность придерживаться при этом принципа «ури минчжок кири», то есть достижения объединения силами самих корейцев. Они взяли обязательства «внести перемены в межкорейские отношения и превратить их в отношения взаимного уважения и доверия, встав выше различий в идеологии и системах», отказаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, решать вопросы в двухсторонних отношениях в духе «примирения, сотрудничества и объединения».

КНДР и РК также пообещали создать соответствующую институционально-правовую базу и активно стремиться к диалогу и контактам во всех областях, включая парламентскую деятельность, для расширения и развития межкорейских отношений, подчиняя их задачам объединения страны.

Определенную нервность других участников шестисторонних переговоров вызвало внесенное Ким Чен Ир предложение о созыве конференции трех или четырех заинтересованных стран на высшем уровне для заключения договора, который положил бы конец Корейской войне, переведя режим перемирия в состояние постоянного мира.

Особенно важно, что в предложенном трех-четырёхстороннем формате переговоров о подписании мирного договора предусматривалось участие РК. Как известно, КНДР на протяжении многих лет игнорировала Южную Корею и настаивала на подписании такого договора между КНДР и США. Такая позиция мотивировалась тем, что в свое время РК отказалась подписывать Соглашение о перемирии в Корее и якобы не является самостоятельным государством, так как ее вооруженные силы находятся под командованием американского генерала. Нынешняя позиция КНДР радикально меняет статус РК на будущем форуме по этому вопросу, созыв которого предусматривается, в том числе, совместным заявлением участников шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 г. и фактически означает признание со стороны КНДР суверенитета РК, по крайней мере, в этом вопросе.

Наибольшее внимание было уделено вопросам экономического сотрудничества. Суть решений саммита о необходимости «сбалансированного развития национальной экономики и совместного процветания» фактически сводилась к намерению создать на Корейском полуострове единое экономическое пространство. Стартовой площадкой реализации этого замысла, по-видимому, должна была стать «Особая зона мира и сотрудничества в Желтом море» в треугольнике Кэсонская промышленная зона — Хэчжу (порт в КНДР) — Инчхон (порт в РК). Там намечалось создать особую экономическую зону, модернизировать транспортную инфраструктуру с целью ее совместного использования.

Суммарные расходы (бюджетные и частные инвестиции) на реализацию предусмотренных декларацией проектов должны были составить от 11 до 16 млрд. долл. Около 3,5 млрд из них (в среднем по 700 млн долл. ежегодно) должно было выделить правительство РК.

Менее чем через два месяца после окончания срока полномочий президента Но состоялись выборы в парламент, и Мун Чжэ Ину предложили стать членом парламента, но он отказался. Администрация нового президента Ли Мён Бака завела уголовное дело против Но Му Хёна по обвинению в получении взятки от бывшего президента фирмы «Тхэгван Сироб». В этой ситуации Мун Чже Ин выступил адвокатом и пресс-секретарем Но Му Хёна, а после самоубийства Но создал фонд его имени «Мир, в котором живут люди» и возглавил его.

В 2009 г., уже после смерти своего покровителя Мун пытался участвовать в дополнительных парламентских выборах в провинции Кенсаннамдо, а в 2010 г. в выборах мэра Пусана. Обе попытки оказались неудачными.

Анализ причин этих неудач привел его к мысли о необходимости смены режима. В связи с этим в апреле 2012 г. он выдвинул свою кандидатуру по округу Сасан в Пусане, был избран депутатом парламента и сразу заявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента от оппозиции. Он получил поддержку 48,02% голосовавших избирателей, чего не удавалось ни одному кандидату в президенты от оппозиции, но все же проиграл выборы лидеру партии Сэнури Пак Кын Хе, которая получила 51,6% голосов<sup>10</sup>.

После поражения Мун Чже Ин не опустил руки, а еще более энергично занялся партийной работой, оставаясь самой влиятельной фигурой в партии. На праймериз внутри Демократической партии Тобуро конкуренцию ему составили губернатор провинции Чунчоннамдо Ан Хи Чхоль и мэр города Соннам Ли Чже Мён, которые по некоторым вопросам занимали даже более левые позиции, чем он. Но вес Муна был таков, что он набрал в праймериз значительно больше голосов, и поэтому общенациональный предвыборный съезд даже не пришлось созывать. Своих соперников, которые на выборах критиковали его в некоторых случаях более жестко, чем откровенные враги, он после официальной регистрации в качестве кандидата в президенты привлек в свой предвыборный штаб.

Выборы 9 мая 2017 г. были досрочными в связи с отстранением президента Пак Кын Хе от должности согласно решению Конституционного суда. По законам Республики Корея президент, избранный в такой ситуации, приступает к исполнению своих обязанностей немедленно. Поэтому 10 мая Мун Чже Ин уже приступил к выполнению своих обязанностей. В полдень он принес присягу перед членами парламента в присутствии нескольких высших представителей командного состава вооруженных сил страны (по Конституции он является Верховным главнокомандующим), а также членов действующего правительства. Первыми назначенцами нового президента стали премьер-министр, руководитель Службы государственной информации (разведка и контрразведка), руководитель Администрации президента (в РК она именуется Секретариатом президента).

Прошедшие выборы, приведшие Муна к власти, вполне справедливо назвать необычными и одновременно ставшими победой демократии и прямого волеизъявления народа, повлекшей смену режима.

В Южной Корее они назывались не только досрочными, но и «розовыми выборами», а также выборами на вакантный пост президента. Название «розовые выборы» не имеет никакого отношения к «цветным революциям» в отличие от «революции тюльпанов» (Киргизия) или «революции роз» (Грузия) и других в ряде арабских стран. «Розовыми» они названы потому, что проводились 9 мая, во время наиболее пышного цветения роз в Южной Корее. Их необходимость была вызвана тем, что 9 декабря 2016 г. парламент Южной Кореи вынес решение об импичменте действовавшей в то время первой в истории РК женщине-президенту Пак Кын Хе.

Право вынесения импичмента президенту принадлежит парламенту. Но чтобы расстановка политических сил в парламенте не приводила к необоснованному отстранению ставшего неудобным для имеющей большинство голосов оппозиции, закон предусматривает для вынесения импичмента необходимость его одобрения двумя третями от общего числа депутатов, а также решение Конституционного суда о правомерности вынесения импичмента парламентом<sup>11</sup>. С момента вынесения импичмента президент отстраняется от должности, но продолжает именоваться президентом, и если Конституционный суд не поддержит решение парламента по импичменту, он возвращается к исполнению своих обязанностей.

Официальной причиной решения парламента об импичменте Пак Кын Хе были обвинения в нарушении законов о госслужбе, выразившемся в допуске к государственным документам ее подруги Цой Сун Силь, не состоящей на госслужбе и, соответственно, не имеющей права доступа к конфиденциальным документам, касающимся повестки дня заседаний Государственного совета, кадровых назначений, распорядка зарубежных визитов, речей главы государства, злоупотреблений должностными полномочиями и т.п. Ей также вменялось в вину бездействие и черствость в случае гибели парома «Севоль», на котором утонули около трехсот школьников, направлявших на весенние каникулы на остров Чечжудо.

Конституционный суд обязан был вынести решение об обоснованности импичмента в течение шести месяцев после решения парламента. В реальности он принял его за 92 дня, признав обоснованными обвинения в кумовстве. Однако он же постановил, что обвинение в бездействии в связи с гибелью парома «Севоль» не подкреплено фактами. Суд также снял с Пак обвинения в составлении «черных списков» деятелей культуры, якобы лишившихся государственной поддержки за их политические взгляды, поскольку не нашел ни документов, ни устных заявлений фигурантов этого дела о каких-то указаниях президента на этот счет.

Главным основанием для импичмента было обвинение в нарушении законов о госслужбе, а также в злоупотреблении служебными полномочиями. В частности, суд постановил, что по рекомендации президента крупные фирмы в обмен на определенные привилегии выделили в общей сложности 48,6 млрд вон в уставной капитал созданных ее подругой якобы для поддержки олимпийских команд фондов «MiR» и «K-sport». Как оказалось, эти деньги ее подруга со своими поделщиками использовали для личных нужд. Конституционный суд расценил это как потворство коррупции со стороны президента.

Суд определил также, что при расследовании этого дела президент не содействовала раскрытию истинного положения дел и, вопреки своим обещаниям, не сотрудничала со следствием, создавала помехи расследованию и была неискренна<sup>12</sup>. В связи со всем этим 10 марта 2017 г. Конституционный суд прекратил полномочия президента и отстранил ее от исполнения обязанностей.

Обращает на себя внимание единодушное решение судей Конституционного суда. Дело в том, что все его девять судей назначаются по представлению президента: три судьи — по личной квоте президента, три судьи — по квоте председателя Верховного суда, три судьи — по квоте парламента. Причем один из них — от правящей, то есть президентской партии, один — от оппозиционной партии и один по соглашению между правящей и оппозиционными партиями. По-видимому, и президент, и администрация президента, и правящая на тот момент партия Сэнури не ожидали такого единодушного решения судей. Такой просчет президентской стороны связан с тем, что она не смогла правильно оценить настрой общества и усиливающееся требование народа об отставке президента. К марту 2017 г. уже 80% населения выступало за ее отстранение от должности. Столь единодушного настроения общества не было никогда за всю историю Южной Кореи. И дело здесь не только в истории с ее подругой. В обществе давно назревало недовольст-

во положении дел в стране, ухудшением экономического положения, сокращением внешнеторгового оборота, а также высокомерным игнорированием президентом реакции политической элиты и населения на некоторые ее поступки.

К тому же оказалось, что многие ее предвыборные обещания 2012 г. не были выполнены. На таковые нужно было затратить в общей сложности 135 млрд долл. Но вторая волна мирового экономического кризиса создала серьезные финансовые и материальные ограничения для осуществления таких затрат. В частности, было дано обещание вдвое сократить плату за обучение в вузах. Однако в условиях, когда в стране более 80% вузов — частные, невозможно было найти достаточно средств, чтобы уменьшить вдвое плату за учебу. Кроме того, каждому человеку пенсионного возраста было обещано выплачивать так называемую народную пенсию в размере 200 тыс. вон. Когда через два года после вступления президента в должность было решено выполнить обещание, денег в бюджете оказалось недостаточно, и многие пенсионеры смогли получить либо меньше обещанной надбавки, либо вовсе ничего не получили.

В соответствии с Конституцией РК, после вынесения Конституционным судом решения о немедленном отстранении президента выборы должны состояться не позднее, чем через 60 дней после этого решения<sup>13</sup>. Согласно процедуре назначения выборов, 15–16 апреля состоялась регистрация кандидатов в президенты, которые могут выдвигаться от политических партий, а также быть самовыдвиженцами. С 17 апреля началась избирательная кампания, которая длилась 22 дня. В этот период за любого кандидата мог агитировать любой избиратель, за исключением тех, которым это запрещено по закону, например, государственных служащих или капитанов транспортных или океанских рыболовных судов (им за нарушение норм избирательного закона может грозить штраф или уголовное наказание), а также находящихся под следствием по уголовному делу.

Прошедшие выборы стали победой демократии и прямого волеизъявления народа. Они ознаменовались сменой политического режима, начавшись как простое требование отставки президента. Полтора миллиона жителей Южной Кореи на 19 массовых митингах, проходивших каждую субботу, начиная с октября 2016 г. в течение более четырех месяцев требовали отставки Пак Кын Хе как морально дискредитировавшей себя. При этом митинги ни разу не привели к каким-либо столкновениям или беспорядкам. Все проходило исключительно мирно, а после митингов, на которых собиралось до миллиона человек, как, например, в Сеуле, их участники сами убирали улицы от скопившегося мусора.

По мере того как становилось ясно, что президент не собирается уходить в отставку и сотрудничать со следствием вопреки своим обещаниям, требования митингующих начали радикализироваться и, в конечном итоге, возобладали лозунги смены режима.

Примечательно, что, когда в октябре 2016 г. митинги только начинались, наиболее популярной фигурой у митингующих был занимавший в то время пост Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун. Опрос корейской службы Гэллапа тогда показывал, что возможным будущим руководителем страны его видели 27% опрошенных, а Муна Чже Ина — только 18%<sup>14</sup>. Однако с января 2017 г. Мун прочно удерживал первое место среди кандидатов, никому не уступая вплоть до последнего опроса общественного мнения за неделю до выборов. Тогда Пан Ги Мун принял единственно верное решение: 1 февраля отказался от борьбы за президентское кресло, так как у него не было никаких шансов быть избранным в конкуренции с Муном.

Всего кандидатов было 15, после того, как два кандидата, поняв полное отсутствие возможности победить, снялись с выборов, осталось 13, среди которых был один самовыдвиженец. О политическом влиянии представителей семи непарламентских партий и самовыдвиженца говорит тот факт, что они все вместе получили голоса 0,55% избирателей. Пять представленных в парламенте партий не смогли договориться о выдвижении единого кандидата. Мун Чже Ин не договорился об этом с Партией справедливости. Пре-

подносящая себя как более близкую к народу, чем Демократическая партия Тобуро, так называемая Народная партия, выдвинувшая бывшего профессора Сеульского государственного университета, «южнокорейского Касперского» Ан Чхоль Су, также отказалась от выдвижения единого кандидата. Одно время за счет популизма Ан Чхоль Су имел довольно высокий рейтинг, порою выше, чем Мун Чже Ин. Но неудачные выступления в ходе телевизионных дебатов, агрессивная манера обращения с конкурентами, а также попытка расширить свой электорат за счет голосов правых привели к резкому снижению его популярности и в конечном итоге к третьему месту (21,41%). Таким образом, проект Ан Чхоль Су с задачей увода голосов левых и левоцентристских избирателей от традиционных партий потерпел неудачу.

В связи с импичментом правый сектор раскололся, и вместо бывшей правящей партии Сэнури возникли Либеральная партия Корен, партия Парын (Правильная), сохранилась и малочисленная группа под прежним названием Сэнури. Кандидат правой партии Парын Ю Сын Мин получил поддержку 6,76% избирателей. Кандидат левой Партии справедливости (бывшей Демократической рабочей партии, которую можно называть социалистической) Сим Сан Чжон получила поддержку 6,17% избирателей, что вполне успешно в нынешней ситуации.

Таким образом, левоцентристские и левые кандидаты получили голоса более половины избирателей, то есть примерно 58% (Мун Чже Ин — 41,08%; Сим Сан Чжон — 6,17%, Ан Чхоль Су — около 10,5%). Консервативные партии получили 31% голосов, что представляет собой серьезное поражение правых сил, от которого они не скоро оправятся, если учесть, что девять лет назад за них голосовал 61%, а в 2012 году — 51,6% избирателей.

Результаты избирательной кампании показали, что население Южной Корен, сместив политический режим правых консерваторов, смыло негативный имидж, связанный с нарушением законов и этики высшим руководителем страны и правящей политической элитой, и убедительно продемонстрировало победу демократии и прямого волеизъявления народа.

Мун Чже Ин обещает проводить национально ориентированную внешнюю политику при сохранении военно-политического союза с США, нормализовать отношения с Северной Кореей, в том числе реализовать трехсторонние проекты сотрудничества Россия — КНДР — Республика Корея, о которых много говорили два прежних президента. В поздравительной телеграмме президента Российской Федерации В.В. Путина президенту РК Мун Чже Ину подчеркнуто, что в России высоко ценят конструктивные отношения с Республикой Корея. В ней подтверждается готовность к совместной работе по дальнейшему наращиванию двустороннего сотрудничества в различных областях, а также координации усилий в решении актуальных вопросов международной повестки дня<sup>15</sup>. В телефонном разговоре с президентом Мун Чже Ином В.В. Путин подчеркнул важность поиска путей политико-дипломатического урегулирования кризиса на Корейском полуострове<sup>16</sup>.

Президент Мун выступает за обеспечение занятости молодежи, обуздание могущества крупных финансово-промышленных групп, уменьшение поляризации общества, за дальнейшую демократизацию экономической жизни страны, за расширение представительства женщин в государственном аппарате.

Если ему не будут чинить помех, он сможет выполнить свои предвыборные обещания. Сложности связаны с тем, что партия, от которой он был выдвинут кандидатом в президенты, имеет в парламенте всего 120 мест из 300, и, таким образом, объединенная оппозиция может блокировать все законодательные и бюджетные предложения правительства. Кроме того, наследие, оставленное прежним режимом, значительно затрудняет проведение необходимых реформ и оживление экономики.

1. 2017 чже 19 дэ дэтхонрен сонго гэххэ: [Результаты подсчета избирательных бюллетеней 19 президентских выборов 2017 г.] URL: [http://www.yonhapnews.co.kr/election/5341020000.html?data-location=2\\_end](http://www.yonhapnews.co.kr/election/5341020000.html?data-location=2_end) (дата обращения: 09.05.2017).
2. Впоследствии все казенные и отбывшие наказание члены этой партии были оправданы, реабилитированы, а семьям погибших и отбывших наказание были выплачены компенсации.
3. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/election/2017/05/09/5301010000AKR20170509050200001.html>.
4. В РК эта должность называется руководителем Секретариата президента.
5. Ким Ен Ун, Суслина С., Пак В. Республика Корея в 2006 году // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 13–14.
6. URL: [http://world.kbs.co.kr/russian/news/news\\_detail.htm?No=16822](http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=16822).
7. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/news/2008/01/06/0200000000AEN>.
8. См. Korea and World Affairs. Vol. 31. No. 4. Winter 2007. P. 509–514, 518–525.
9. Ibid. P. 509–514.
10. В Корее придается важное значение цифровым показателям тех или иных событий, например, Корейская война 1950–1953 гг. в Южной Корее именуется войной 6.25, поскольку она началась 25 июня 1950 г. Военный переворот, приведший к власти Пак Чон Хи, отца Пак Кын Хе, произошел 16 мая 1961 г., поэтому его называют переворот или военная революция 5.16 (пятый месяц, 16-е число).
11. Там же. Ст. 65. П. 1, 2.
12. Хончже, Пак Кын Хе пхамен. Чжэпхангван чжонвои илчи, хончжон чет саре: [Конституционный суд отстранил от должности Пак Кын Хе. Единодушное решение судей. первый случай конституционного отстранения от должности президента]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2017/03/10/0501000000AKR20170310042552004.HTML?template=2085> (дата обращения: 10.03.2017).
13. Конституция Республики Корея. Ст. 68. П. 2. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=35> (дата обращения: 10.03.2017).
14. «Чотбул» и мандын чжанмидэсон. Мун хубосынриэ енхянчжуотна: [Созданные свечными митингами розовые президентские выборы, оказали ли они влияние на победу кандидата Муна]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2017/05/09/0200000000AKR20170509016200004.html> (дата обращения: 09.05.2017).
15. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54475> (дата обращения: 10.05.2017).
16. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54488> (дата обращения: 12.05.2017).

## Экономика

### Некоторые аспекты истории и перспектив инновационного развития КНР

© 2017

А.В. Островский

В статье рассмотрены проблемы и перспективы инновационного развития Китая. Прослежены процессы формирования стратегии освоения передового мирового опыта и форм внедрения научно-технических новшеств на протяжении семи последних пятилеток (с 1981 по 2015 г.) Дана оценка планов и перспектив развития науки и техники на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.) Проанализированы главные направления развития, проблемы и трудности, с которыми сталкивается Китай на пути развития инновационной экономики.

*Ключевые слова:* Китай, инновационное развитие, наука и техника, НИОКР, зоны развития новых и высоких технологий (ЗРНВТ), «предприятия-инкубаторы».

Для КНР характерно быстрое и стабильное развитие экономики, что выражается как в высоких темпах роста ВВП, промышленности и сельского хозяйства, заметно превышающих среднемировые, так и в достижениях науки и техники. Китаем были осуществлены запуски человека в космос, введена в эксплуатацию спутниковая навигационная система «Бэйдоу», создается космическая станция «Тяньгун-2», был спущен на глубину 7,2 км в Марианской впадине батискаф «Цзяолун», создан самый быстродействующий суперкомпьютер «Тяньхэ», проложена сеть высокоскоростных железных дорог протяженностью свыше 10 тыс. км.

При этом установка на инновации неизменно сопутствовала реформам и открытости во всех сферах социально-экономического развития.

#### Инновации на первых этапах реформ и открытости

После «культурной революции» (1966–1976 гг.), на первых же шагах по пути экономических реформ ЦК КПК принял четыре основных документа, определяющих стратегию развития науки и техники:

- 1) «Решение о реформе в области науки и техники» (1985 г.);
- 2) «Решение об ускорении научно-технического прогресса» (1995 г.);

---

*Островский Андрей Владимирович*, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 0194–2016–0013 «Развитие науки и инноваций в Китае».

3) «Решение об усилении научно-технических инноваций, о развитии новых и высоких технологий, о создании отраслей промышленности» (1999 г.);

4) «Решение о реализации программы развития науки и техники, укреплении собственного инновационного потенциала» (2006 г.).

Но еще по ходу 6-й пятилетки (1981–1985 гг.), то есть до принятия первого из вышеназванных партийных документов, Госкомитет КНР по науке и технике принял два документа, определявших работу на годы вперед — «Государственный план прорыва в области науки и техники» (1982 г.) и «Государственный план создания ключевых лабораторий» (1984 г.) В рамках первого предполагалось развивать основные направления научных исследований для традиционных отраслей промышленности. В ходе его реализации были определены такие приоритетные для китайской науки и техники сферы, как сельское хозяйство, биотехнологии, информатика. Вторым предусматривалось создание условий для развития комплексных лабораторий по линии «научно-исследовательский институт — университет — предприятие»<sup>1</sup>.

7-я пятилетка (1986–1990 гг.) оказала решающее влияние на развитие науки и техники в Китае, ознаменовавшись принятием пяти программ, из которых как минимум две сохраняют актуальность по сей день. Так, принятая в 1986 г. «Программа 863» сформулировала задачи формирования инновационного потенциала Китая в сфере высоких технологий при соответствующем повышении конкурентоспособности на мировой арене. Было намечено 19 приоритетных тем исследований, для которых необходима всесторонняя поддержка через выделение централизованных средств из госбюджета и из различных фондов. Эти ключевые направления исследований включали: информационные технологии, биотехнологии, сельское хозяйство, технологии получения сырьевых ресурсов и энергоресурсов, новые материалы, передовое машиностроение, автоматизацию.

Не меньшее значение для будущего развития науки имела принятая в 1988 г. программа «Факел», предусматривавшая поддержку создания зон развития новых и высоких технологий и центров инновационных услуг. Намечалось создать к 2005 г. 53 таких зоны и 534 центра инновационных услуг («предприятий-инкубаторов», как их принято называть в Китае). Они были нацелены, подобно советским «почтовым ящикам», на создание высокотехнологичной продукции на базе имеющихся научно-технических разработок в лабораториях вузов и НИИ.

Практически все такие «инкубаторы» находятся ныне на территориях зон развития новых и высоких технологий (ЗРВНТ) и имеют строго отраслевую специализацию. Именно центры инновационных услуг в ЗРВНТ явились своего рода связующим звеном научных лабораторий с малыми и средними предприятиями, способными производить высокотехнологичную продукцию.

В 1986–1990 гг. было принято еще 3 документа, серьезно повлиявших на развитие науки и техники в КНР.

Так, программой «Искра» предусматривалось внедрение научно-технических достижений в сельское хозяйство и в развитие аграрно-промышленного комплекса с расчетом на его постепенную урбанизацию. Реализовывать эту программу предполагалось, в основном, за счет собственных средств предприятий (70%), доля банковских кредитов определялась в 26,6%, финансирование из госбюджета — 3,4%<sup>2</sup>.

«Государственная программа создания новых ключевых видов продукции» (принята в 1988 г.) и «Программа внедрения результатов ключевых научных исследований» (принята в 1990 г.) касались разработок новых видов продукции, новых и высоких технологий, а также внедрения новейших достижений науки и техники в традиционные отрасли промышленности.

9-я пятилетка (1996–2000 гг.) ознаменовалась выработкой основных документов, определивших стратегические направления развития науки и техники КНР в XXI в. Важ-

нейшим из них можно признать принятую в 1997 г. Госкомитетом КНР по науке и технике «Программу 973». В ней были выделены такие сферы, как сельское хозяйство, энергоресурсы, информатика, охрана окружающей среды, народонаселение и его здоровье, новые материалы. Для этих отраслей в первую очередь следовало готовить кадры, обладающие высоким инновационным потенциалом, привлекать в страну обучавшихся за рубежом студентов, развивать международное сотрудничество и международный обмен.

В 1999 г. было принято еще три программы по развитию новых и высоких технологий. В рамках этих программ были созданы инновационный фонд развития малых и средних предприятий в области науки и техники, фонд развития научно-исследовательских тем в системе Академии наук Китая и программа действий по коммерции в сфере научно-технических инноваций. Этим фондам предоставлялись налоговые и финансовые льготы и выделялись значительные средства на проведение научно-исследовательских работ. В частности, на каждую тему таких работ в системе Академии наук выделялось от 500 тыс. до 2 млн юаней (от 2,5 до 10 млн рублей по курсу тех лет).

Патентная деятельность была возложена на Министерство коммерции и Госкомитет КНР по науке и технике.

**10-я пятилетка (2001–2005 гг.)** стала, в основном, периодом реализации намеченных в конце XX в. программ развития науки и техники. Государственная политика при этом сводилась, главным образом, к обеспечению налоговых и финансовых льгот всем структурам, занятым инновациями. Предприятия из этой сферы получили льготы по налогам на их расходы по разработке продукта, заработной плате, импорту новых и высоких технологий. В частности, в отношении такой продукции, как компьютерные платы и программное обеспечение, был установлен льготный период, в рамках которого налоги вообще не взимались. Правительствам всех уровней было предписано оказывать финансовую и прочую поддержку инновационным предприятиям.

В годы **11-й пятилетки (2006–2010 гг.)** были выделены основные направления развития науки и техники: компьютерные платы и программное обеспечение, технология нового поколения информационных сетей, передовые ЭВМ, биофармацевтика, гражданская авиация, использование спутников, новые материалы.

В этот период проводилась большая работа по подготовке программ развития науки и техники на последующие 15 лет. Создание собственной инновационной базы было определено как основное направление государственной стратегии в области науки и техники.

### **Инновации в двенадцатой пятилетке, прогнозы на тринадцатую пятилетку**

Технологическое развитие современной цивилизации приближается к середине 5-го большого цикла (каждый цикл — 50 лет).

Три основных инновационных направления в мире:

- революция в здравоохранении на основе генетических методов лечения и биоинформатики;
- радикальные изменения в природоохранной деятельности;
- внедрение технологий альтернативной энергетики, снижающих зависимость от углеводородов (в частности, в России — водородная энергетика, в Китае — солнечная и ветровая, а также геотермальные источники).

По данным Международной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization), в конце 2015 г. на Китай приходилось 38% всех принятых в мире патентных заявок, а также 47,1% всех зарегистрированных торговых марок и 65,2% всех зарегистрированных конструкторских разработок.

По ряду направлений информационно-коммуникационных технологий Китай уже перешел от догоняющего развития к лидирующему.

При этом рост затрат на НИОКР находит отражение в резком увеличении экспорта Китая высокотехнологичной продукции. Уже в 2006 г. по доле экспорта таковой КНР вышла на 1-е место (при 16,9% мирового экспорта), опередив, США на 16,8%, ЕС — на 15,0% и Японию — на 8,0%.

Таблица 1

## Количество принятых патентных заявок в мире в 2015 г.

Страны	Количество патентов	Доля от общего количества (%)
Всего	2 900 000	100
1. Китай	1 101 864	38,0
2. США	589 410	20,3
3. Япония	318 721	11,0
4. Республика Корея	213 694	7,4
5. Евросоюз	180 028	6,2

Источники: *China Daily*. November, 30, 2016.

Таблица 2

## Количество зарегистрированных товарных знаков в 2015 г.

Страны	Кол-во торговых марок	Доля от общего количества (%)
Всего	6 000 000	100
1. Китай	2 828 287	47,1
2. США	517 297	8,6
3. Евросоюз	366 383	6,1
4. Япония	345 070	5,8
5. Индия	289 843	4,8

Источники: *China Daily*. November, 30, 2016.

Таблица 3

## Количество зарегистрированных конструкторских разработок в 2015 г.

Страны	Число конструкторских разработок	Доля от общего количества (%)
Всего	872 800	100
1. Китай	569 059	65,2
2. Евросоюз	98 162	11,2
3. Республика Корея	72 458	8,3
4. Германия	56 499	6,5
5. Турция	45 852	5,3

Источники: *China Daily*. November, 30, 2016.

В 2013 г. Китай по объему экспорта высокотехнологичной продукции (560 млрд долл.) заметно оторвался от идущей на 2-м месте Германии — 193,1 млрд долл. и занимающих 3-е место США (147,8 млрд долл.). Судя по всему, к 2020 г. Китай упрочит лидирующее положение<sup>3</sup>. При этом доля высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающих отраслей промышленности КНР составляла 27,0% в 2013 г., уступая по этому показателю лишь Сингапуру — 47,0% (табл. 4, 5).

К 2030 г. КНР по объему затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, а доля таких затрат составит 3% от ВВП страны и 25% — от мировых затрат на эти цели. Не исключено, что к тому моменту КНР достигнет первенства в мире по доле экспорта высокотехнологичной продукции (табл. 6).

Таблица 4

## Высокотехнологичный экспорт ведущих стран мира в 2003—2013 гг., млрд долл.

Страна	2003	2006	2010	2013
Китай	108,6	273,1	406,1	560,0
США	160,3	219,0	132,4	147,8
Япония	107,0	129,2	122,0	105,1
Республика Корея	57,5	93,3	121,5	121,3 (2012)
Германия	106,2	163,2	158,5	193,1
Швейцария	23,2	31,2	42,8	53,4
Франция	57,0	81,5	99,7	113,0
Сингапур	76,4	124,7	127,0	135,6
Нидерланды	50,2	69,5	59,5	69,0
Россия	5,5	3,9	5,1	8,7
Бразилия	4,5	8,4	8,1	8,4
Индия	2,7	4,9	10,1	17,0

Источники: Чжунго гаоцзишу чанье тунци няньцзянь — 2015: [Китайский статистический ежегодник высокотехнологичных отраслей — 2015]. Пекин, 2015. С. 457.

Исходя из реальной ситуации в китайской науке и технике, где многие технические know-how, как и в Японии, представляют собой копии или технические заимствования научных достижений Запада, пока что есть основания сомневаться в реалистичности такого прогноза. Его авторы, однако, верят в его реальность, мотивируя свой оптимизм тем, что ныне, в условиях политики открытости, Китай черпает научно-технические инновации одновременно из трех источников:

- воспроизводимые на основе непосредственно импортируемых достижений;
- используемые копии технических инноваций в соответствии с потребностями китайского рынка;
- собственно китайские научно-технические инновации<sup>4</sup>.

Таблица 5

## Доля высокотехнологичного экспорта ведущих стран мира в продукции обрабатывающей промышленности, %

Страна	2003	2006	2010	2013
Китай	27,4	30,5	27,5	27,0
США	30,8	30,1	19,9	17,8
Япония	24,4	22,1	18,0	16,8
Республика Корея	32,3	32,1	29,2	26,2 (2012)
Германия	16,9	17,1	15,3	16,1
Швейцария	24,8	24,0	25,4	26,5
Франция	19,7	21,5	24,9	25,8
Сингапур	56,5	58,1	49,9	47,0
Нидерланды	31,4	29,0	21,3	20,4
Россия	19,0	7,8	9,1	10,0
Бразилия	12,0	12,1	11,2	9,6
Индия	5,9	6,1	7,2	8,1

Источники: Чжунго гаоцзишу чанье тунци няньцзянь — 2015: [Китайский статистический ежегодник высокотехнологичных отраслей — 2015]. Пекин, 2015. С. 458.

Таблица 6

## Доля экспорта высокотехнологичной продукции\* пяти ведущих держав, %

	1980	1990	2000	2008	2020	2030
Китай	0.03	0,6	3,7	19,7	25,0	30,0
США	26,1	22	19,6	13,4	10,0	8,0
ЕС	24,7	20,2	16,1	13,1	10,0	8,0
Япония	15,2	15	11,5	6,4	5,0	4,0
Россия	3,3	0,3	0,4	0,3	1,0	1,0

\* в понятие «высокотехнологичная продукция» включена продукция авиакосмических отраслей, компьютеры и компьютерное оборудование для компаний, продукция электроники и информатики, фармацевтическая продукция, научное оборудование, электрооборудование, электрифицированные и механические станки.

Источники: китайскими авторами расчет на 2020–2030 гг. сделан на основе статистических данных Мирового банка за 1995–2008 гг.; данных UN Comtrade Database, а также статистических данных по СССР за 1980 и 1985 г. (См.: 2030 Чжунго: майсян гунтуи фуюй. С. 97).

Имеются и другие аргументы в пользу оптимистических прогнозов.

Китай уже называют «могучей информатизированной державой», ибо он опередил США по ряду количественных параметров в области информатизации. Согласно данным ГСУ КНР, число телефонных абонентов в стране еще в 2003 г. достигло 260 млн, что вывело Китай по этому показателю на 1-е место в мире. В 2004 г. он обошел США и по числу абонентов мобильных телефонов, а 5 лет спустя превосходил США по этому показателю в 2,9 раза. По китайским прогнозам, в 2030 г. число телефонных абонентов в КНР достигнет 350 млн, и телефонной связью будет охвачена каждая семья. К 2030 г. каждая китайская семья будет иметь доступ к Интернету. То есть в сфере интернетизации Китай идет семимильными шагами.

В 2000 г. его доля в мировом производстве компьютеров составила 19,2%, а в 2005 г. — уже 83,5%. В 2010 г. в Китае уже насчитывалось 457 млн интернет-пользователей, из которых 303 млн — с мобильных телефонов (34,3% мирового показателя)<sup>5</sup>. При такой инфраструктуре связи и телекоммуникаций КНР вполне может стать к 2030 г. информационным инновационным государством, построив самую крупную в мире информационную инфраструктуру и обеспечив самую высокую в мире доступность населения к Интернету.

Развитие науки и техники в КНР осуществляется ныне в соответствии с принятыми в годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) тремя документами правительства, в случае реализации которых он к 2020 г. сможет войти в ряды стран с экономикой инновационного типа:

- 1) «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» (2006 г.);
- 2) «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования реформ и развития образования в 2010–2020 гг.» (2010 г.);
- 3) «Государственная долгосрочная и среднесрочная программа планирования развития талантов на 2006–2020 гг.» (2010 г.).

В первом из них указано на необходимость укреплять собственную инновационную базу, снижать зависимость от иностранных достижений в области науки и техники, развивать новые отрасли на основе развития науки и техники, выйти на лидирующие позиции в мире по количеству полученных патентов на изобретения и по количеству опубликованных научных работ и статей. В интересах укрепления собственной инновационной базы в этом документе предусматривается снижение зависимости от импорта зару-

бежных технологий, усиление работы по получению прав на интеллектуальную собственность, создание собственных технологических стандартов, поддержка работы китайских предприятий на мировом рынке по установлению мировых технологических стандартов. При этом выделено три основных направления развития науки и техники в КНР — энергоресурсы, водные ресурсы и охрана окружающей среды, поскольку недостаточное развитие этих трех сфер сдерживает темпы социально-экономического развития страны. В данной программе, кроме того, намечено 11 важнейших сфер социально-экономического развития страны, 16 основных тем в области науки и техники и 8 основных для Китая технологических сфер (из 27 передовых мировых технологий).

Объем затрат Китая на развитие НИОКР рос опережающими темпами — с 34,9 млрд юаней (0,57% ВВП) в 1995 г. до 1422 млрд юаней (2,1% ВВП) в 2015. При этом, однако, показатель доли расходов на НИОКР относительно ВВП за 2015 г. (2,1%) не достиг контрольных цифр на конец 12-й пятилетки (ибо полагалось достичь 2,2%)<sup>6</sup>.

Затраты на НИОКР к 2030 г достигнут в мире, как предполагается, почти 3,6 трлн долл. (примерно 3% мирового ВВП), причем 93% всех этих расходов будет приходиться на США, ЕС, Японию и Китай. А поскольку у последнего расходы на НИОКР нарастают опережающими темпами, следует ожидать его существенного сближения по наукоемкости выпускаемой продукции с развитыми странами мира.

**Повышенное внимание нанотехнологиям** уделяется в КНР с начала XXI века.

В 2001 г. шесть академиков АН Китая (специалисты, уже добившиеся определенных успехов в этой сфере) направили письмо в правительство с призывом незамедлительно разработать государственную стратегию и план развития нанотехнологий, активно участвовать в международной конкуренции по ним, выделить для этого соответствующие ассигнования. Руководство КНР активно поддержало ученых, включив исследования по нанотехнологиям в перечень отраслей приоритетного финансирования. С тех пор практически во всех государственных документах Китая, касающихся научно-технического развития, важное место стала занимать проблематика нанотехнологий.

На сессии ВСНП в июле 2001 г. была выдвинута «Государственная программа развития нанотехнологий (2001–2010 гг.)». В ней предусматривалось, что Министерство науки и техники, Госкомитет по делам развития и реформам, Государственный фонд развития естественных наук, Академия наук Китая, Министерство образования и другие государственные структуры займутся развитием связанных с нанотехнологиями отраслей науки и техники — таких, как новые материалы, информатика, энергоресурсы, биофармацевтика, приборостроение.

В 2006 г. в принятой Госсоветом КНР «Государственной программе долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» важное место было уделено нанотехнологиям как одной из сфер, дающей надежду на «всеохватывающее развитие», и была создана программа исследований в области нанотехнологий<sup>7</sup>. Тогда же в сфере нанотехнологий было запланировано 13 научных проектов, в 2007 г. — 16, в 2008 г. — 12. В рамках ранее разработанных программ «Факел», «Государственная поддержка науки и техники», «Программа 863», «Программа 973» и по линии Государственного фонда развития естественных наук в КНР было реализовано большое количество проектов в сфере нанотехнологий — в рамках научных исследований и по линии внедрения научных достижений в практику. За эти годы в стране появилось свыше 700 высокотехнологичных компаний, которые занимались внедрением в производство научных достижений в сфере нанотехнологий. На эти цели было выделено свыше 6 млрд юаней (примерно 30 млрд руб.), в этой сфере было занято несколько десятков тысяч человек.

## **Зоны развития новых и высоких технологий как форма продвижения инновационной экономики**

Новые и высокие технологии, инновации, знания расцениваются в Китае как главный источник экономического роста и как инструмент индустриализации нового типа. Но успех инновационного развития зависит, по мнению руководства КНР, не только от исследований и разработок в китайских научных центрах и на предприятиях. Превращение Китая в технологическую державу немыслимо без участия в международном сотрудничестве. Весьма значимы — интерактивные отношения с транснациональными корпорациями (ТНК).

Рассматривая китайский рынок высокотехнологичной продукции как перспективный и высокодоходный, ТНК стремятся активно расширить свое присутствие в Китае, а он, применяя тактику «привлечения и ограничений», осуществляет заимствование технологий и продвигает развитие высокотехнологичного сектора. Одновременно вырабатываются целенаправленные меры, сочетающие элементы государственного и рыночного регулирования, концентрируются финансовые, научно-технические, материальные средства, кадры на развитии и внедрении собственных инноваций.

Для скорейшего внедрения новейших достижений науки и техники в КНР на конец 2014 г. действовало 114 зон развития новых и высоких технологий. Они представляют собой современные научно-технологические комплексы, которые способны воспринимать основные открытия, превращать их в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство.

**Зоны развития новых и высоких технологий** (ЗРНВТ, National hi-tech industrial development zone) есть особая форма научно-технического сотрудничества вузов, научно-исследовательских учреждений, малых инновационных компаний, консультационных фирм, обслуживающих организаций, местной администрации и крупных промышленных предприятий. Их деятельность способствует превращению науки в производительную силу. Во многих крупных городах Китая вузы, академические и отраслевые НИИ расположены по соседству в каком-то определенном месте. В этих районах или поблизости стали размещаться вновь созданные высокотехнологичные компании, для которых научные центры и университеты предоставляют молодых специалистов.

Для китайских научно-технических работников и инженеров ЗРНВТ явились своего рода «особыми экономическими зонами», которые привлекали их на выгодных условиях в особую сферу, находящуюся на пересечении деятельности научно-исследовательских, конструкторских организаций, вузов, промышленности.

Главная цель создания ЗРНВТ — формирование на территории регионов современных научно-технологических комплексов, способных воспринимать основные открытия, превращая их в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивая конкурентоспособное производство. Ведущую роль в создании ЗРНВТ играют Министерство науки и технологий (ранее Госкомитет по науке и технике) и АН Китая. Эти ведомства призваны обеспечивать благоприятные условия для развития науки и техники, проведения фундаментальных и прикладных исследований, а также интернационализацию достижений, подготовку соответствующих научно-технических кадров и менеджеров, обеспечение технической поддержки научным центрам и коммерциализацию результатов научных исследований через ЗРНВТ, научно-технологические парки и «инкубационно»-инновационные центры.

В соответствии с ходом научно-технического прогресса в мире направления развития промышленности новых и высоких технологий пересматриваются и дополняются. В 2005 г. по инициативе Министерства информатики были выделены в особую категорию 11 зон государственного уровня по производству продукции программного обеспе-

чения. Главное условие вхождения в эту зону: доля доходов от продаж и экспорта продукции программного обеспечения должна превышать 70%.

Первая зона развития высоких технологий в Китае (известная как Шэньчжэньский научно-промышленный парк) была создана в июле 1985 г. Академией наук Китая и правительством города Шэньчжэня. В мае 1988 г. состоялось официальное открытие экспериментального района развития высоких технологий Чжунгуаньцунь в Пекине. Подобные районы появились и в других крупных городах.

В них действует особый преференциальный режим для зарегистрированных компаний, работающих в области высоких технологий и новой техники, разрешено предоставлять налоговые льготы иностранным инвесторам, специализирующимся в сфере высоких технологий. Налоговые льготы подобны предоставляемым в СЭЗ, но предоставление этих льгот входит в компетенцию Министерства науки и технологий КНР, а не местных властей.

Создание и функционирование зон развития высоких технологий определяется такими нормативными документами, как «Порядок и процедура предоставления статуса предприятий новых и высоких технологий в зонах развития высоких технологий», «Временное положение о некоторых направлениях политики в зонах развития высоких технологий», «Положение о налогообложении в зонах развития высоких технологий».

В последнее время в ЗРВНТ множится число научно-технологических парков (national high tech parks), в которых сосредоточен основной интеллектуальный потенциал этих зон и так называемые инкубаторы высокотехнологичных компаний — объекты для размещения малых начинающих инновационных фирм. Это вызвано тем, что существенно изменившиеся темпы смены старых технологий на новые потребовали внедрения наиболее эффективных форм организации инновационного процесса при наивысшей интеграции науки, производства и сбыта. Технологическое лидерство обретает большое значение в борьбе за достижение высокой конкурентоспособности создаваемой продукции, наилучших возможностей для экспорта. Способность воспринимать инновации и правильно организовывать инновационный процесс (превращая идеи в реализуемый на рынке товар) становится доминирующим условием развития предприятий высоких технологий.

Зоны развития высоких технологий КНР располагают ныне развитой производственной базой, инфраструктурным обеспечением, значительным научно-техническим потенциалом и комплексной системой коммерциализации научных результатов. Они вступили в период стабильного функционирования и стали эффективным механизмом реструктуризации промышленности страны, одной из основных форм развития высоких технологий. Следуя мировым тенденциям, Китай продемонстрировал заметную эффективность трансформации научно-технических достижений в реальную продукцию, пользующуюся спросом на рынке. Мировой опыт, активно используемый Китаем, показывает, что подобные структуры служат катализаторами передовых научно-технологических идей, обеспечивают подпитку экономики инновациями и способны эффективно решать такие проблемы, как безработица, утечка мозгов, структурная перестройка экономики регионов, развитие социальной инфраструктуры.

ЗРВНТ стали активно развиваться в КНР с середины 1990-х годов благодаря быстрому развитию в них большого количества высокотехнологичных предприятий. За 15 лет — с 1995 по 2014 г. — количество предприятий в ЗРВНТ увеличилось почти в 5 раз, а численность занятых в них выросла с 1 млн до 15,3 млн человек. В результате валовая продукция промышленности в ЗРВНТ увеличилась со 140,2 млрд юаней в 1995 г. до 22,7 трлн юаней в 2014 г. Это повлекло стремительный рост доли промышленной продукции в ЗРВНТ с 2,3% от объема ВВП Китая в 1995 г. до 7,5% в 2000 г. и 20,5% в 2014 г. При этом постоянно возрастали объемы экспорта произведенной в ЗРВНТ высокотехнологичной продукции. Если в 1995 г. он в них составлял чуть больше 2,9 млрд долл. (1,5% объема экспорта КНР), в 2000 г. — около 18,6 млрд долл. (7,5%), то в 2014 г. уже 413,3 млрд долл., или 18,7% объема китайского экспорта (табл.7).

Таблица 7

**Основные экономические показатели высокотехнологичных предприятий  
в зонах развития новых и высоких технологий**

	1995	2000	2010	2014
Количество предприятий	12980	20796	51764	74275
Количество занятых (млн человек)	0.991	2.509	8.590	15.272
Валовая промышленная продукция (млрд юаней)	140,2	794,2	7575.0	22675
% от объема ВВП	2.3	8,0	19.0	33.4
Экспорт высокотехнологичной продукции (млрд долл.)	2.930	18.580	247.63	435.1
% от объема экспорта	1,5	7.5	15.7	18.7

*Источники: Чжунго хоэцзюй туицзи няньцзянь — 2011: [Статистический ежегодник Китая по плану «Факел» — 2011., Пекин, 2011. С. 3; Чжунго туицзи чжайяо — 2011: [Китайский статистический справочник — 2011]. Пекин, 2011. С. 65, 20; Чжунго туицзи няньцзянь — 2015: [Китайский статистический ежегодник — 2015]. Пекин, 2016. С. 678.*

Таким образом, в ЗРНВТ решались проблемы не только получения новейших научных достижений, но и их внедрения в практику, создания новых видов высокотехнологичной продукции, значительная часть которой экспортировалась за рубеж. Такова одна из причин превращения за 15 лет Китая из технологически отсталой страны в одного из мировых лидеров в сфере производства высокотехнологичной продукции.

Большая часть ЗРНВТ расположена в трех городах центрального подчинения — Пекине, Шанхае, Тяньцзине и в приморских районах Китая, где имеются НИИ и вузы, обладающие высококвалифицированными кадрами и первоклассным оборудованием. Пекин лидирует по числу занятых на предприятиях ЗРНВТ — 2.010 млн человек, за ним по этому показателю идут Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Ухань. Пекину также принадлежит лидерство по валовому доходу производимой в ЗРНВТ валовой продукции промышленности — 3.65 трлн юаней. Но ведущие по этому показателю позиции за Пекином занимают отнюдь не ЗРНВТ с большим количеством занятых или количеством предприятий, а наиболее известные высокотехнологичные ЗРНВТ в Шанхае (Чжанцзян) — 1.274 млрд юаней, в Сиане — 775 млрд, в Ухане — 853 млрд, в Тяньцзине — 682 млрд, в Шэньчжэне — 467 млрд, в Гуанчжоу — 503 млрд и в Чэнду — 521 млрд юаней. По объему экспорта высокотехнологичного продукта из ЗРНВТ лидируют Шанхай — 36.2 млрд долл. и Пекин — 33,7 млрд долл., далее следуют Сучжоу — 23.9 млрд, Хойчжоу (пров. Гуандун) — 23,0 млрд, Чэнду — 19,9 млрд, Сямэнь — 19,4 млрд, Уси — 18,5 млрд, Шэньчжэнь — 17,1 млрд и Гуанчжоу — 13,5 млрд долл. (табл. 8).

Из табл. 8 явствует, что подавляющее большинство предприятий, квалифицированной рабочей силы, объемов производства и экспорта производимой продукции приходится на приморские районы Китая и города центрального подчинения, а также на три «точки роста» (Сиань и Чэнду в западном регионе и Ухань в центральном Китае).

Итак, очевидно, что имеющийся потенциал научно-технического развития страны позволит Китаю уже в годы 13-й пятилетки решить проблему перехода от экстенсивных форм развития к интенсивным, успешно справиться с такими проблемами, как избыточность населения за пределами трудоспособности (свыше 60 лет), нехватка трудовых ресурсов в рабочем возрасте, относительный дефицит природных ресурсов.

Таблица 8

## Основные зоны развития новых и высоких технологий в 2014 г.

ЗРНВТ	Число предприятий	Число занятых (тыс. человек)	Объем ВПП (млрд юаней)	Объем экспорта (млрд долл.)
Всего	74 275	15 272	22 675,4	435,1
из них:				
Пекин, Чжунгуаньцунь	15 645	2010,4	3605,7	33,7
Тяньцзинь	3437	366,9	681,5	12,1
Шанхай, Чжанцзян	3783	758,7	1274,2	36,2
Харбин (Хэйлунцзян)	328	166,7	220,4	1,8
Сучжоу (Цзянсу)	1150	239,1	289,8	23,9
Уси (Цзянсу)	1276	348,1	317,5	18,5
Далянь (Ляонин)	803	195,1	241,6	6,2
Чанчунь, Цзинъюэ (Цзилинь)	767	127,1	97,1	0,87
Чанчунь (Цзилинь)	791	164,3	535,1	3,1
Гуанчжоу (Гуандун)	2381	440,0	502,9	13,5
Шэньчжэнь (Гуандун)	1435	442,0	467,4	17,2
Чэнду (Сычуань)	1724	291,4	570,8	19,9
Сиань (Шэньси)	3531	346,7	775,3	9,5
Ханчжоу (Чжэцзян)	1860	257,3	326,6	5,9
Ухань, Дунху (Хубэй)	3043	449,6	852,6	12,4
Чанчжоу (Цзянсу)	1003	170,2	228,8	5,4
Тайюань (Шаньси)	1130	117,8	170,0	0,26
Фошань (Гуандун)	637	292,6	347,5	12,0
Чжухай (Гуандун)	490	191,4	197,3	12,0
Сямынь (Фуцзянь)	456	157,0	192,0	19,5
Хойчжоу (Гуандун)	335	187,1	263,2	23,0
Чжуншань (Гуандун)	406	91,2	183,3	8,7

Источники: Чжунго хоцзюй тунци няньцзянь — 2011: [Статистический ежегодник Китая по плану «Факел» — 2011]. Пекин, 2011. С. 4–5; Чжунго тунци няньцзянь — 2015: [Китайский статистический ежегодник — 2015]. Пекин, 2015. С. 678–679.

## Кадры для инновационной модели

Поскольку в годы 13-й пятилетки (2016–2020) доля экономически активного населения начала снижаться, Китай вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества неквалифицированной рабочей силы из села, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в земледелии.

По ходу общения с населением через Интернет в 2012 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, в частности, заявил, что подъем Китая должен обеспечиваться за счет подготовки специалистов и развития образования и что в КНР особо значимы две цифры — удельный вес расходов на образование в ВВП и доля расходов на научно-исследовательскую деятельность в объеме производства<sup>8</sup>.

В 2000 г. в мире насчитывалось 6,88 млн инженерно-технических и научных работников, из которых на Китай приходилось 690 тыс. человек (или примерно 10% общего количества), в 2007 г. — 7,21 млн человек, из которых 1,42 млн (примерно 20%) приходилось на Китай, а в 2014 г. таковых в КНР числилось уже 3,7 млн.

В 2030 г. в мире, по прогнозам ученых, будет насчитываться 15 млн инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн (30%) будут составлять ученые, инженеры и техники из КНР<sup>9</sup>. Это ставит высокие задачи перед системой образования.

За 35 лет реформ, начиная с 1978 г., в КНР резко возросла численность студентов, выпускников вузов и аспирантов (табл. 9).

Таблица 9

**Динамика численности высших учебных заведений,  
профессорско-преподавательского состава и обучающихся в них студентов в КНР  
(1978–2015 гг.)**

	1978	1990	2000	2015
Высшие учебные заведения (кол-во)	598	1075	1041	2560
Число преподавателей (млн человек)	0,206	0,395	0,463	1,573
Набор студентов в год (млн человек)	0,402	0,609	2,206	7,378
Общая численность студентов (млн человек)	0,856	2,063	5,561	26,253
Общее число выпускников (млн человек)	0,165	0,614	0,950	6,809
Общее число аспирантов (тыс. человек)	10,9	93,0	301,2	1911

*Источники: Чжунго тунци няньцзянь — 2007: [Китайский статистический ежегодник — 2007]. Пекин, 2008. С. 777–780; Чжунго тунци чжайяо — 2016: [Китайский статистический справочник — 2016]. Пекин, 2016. С. 175–178.*

Значительно выросла и численность китайских студентов, обучающихся за рубежом. В 1978 г. таковых было лишь 860, в 2001 г. — 83 973, а в 2015 г. — 523 700.

Таблица 10

**Динамика численности обучающихся за рубежом студентов из КНР (1978–2015 гг.)**

Год	Численность обучающихся за рубежом студентов	Численность вернувшихся из-за рубежа студентов	Доля вернувшихся из-за рубежа студентов (%)
1978	860	248	28,8
1980	2124	162	7,6
1985	4888	1424	29,1
1990	2950	1593	54,0
1995	20 381	5750	28,2
2000	38 989	9121	23,4
2002	125 179	17 945	14,3
2004	114 682	24 726	21,6
2006	134 000	42 000	31,3
2008	179 800	69 300	38,5
2010	284 700	134 800	47,4
2012	399 600	272 900	68,3
2013	413 900	353 500	85,4
2014	459 800	364 800	79,3
2015	523 700	409 100	78,1

*Источники: Чжунго тунци няньцзянь — 2007: [Китайский статистический ежегодник — 2007]. Пекин, 2008. С. 780; Чжунго тунци чжайяо — 2011: [Китайский статистический справочник — 2011]. Пекин, 2012. С. 166; Чжунго тунци чжайяо — 2016: [Китайский статистический справочник — 2016]. Пекин, 2016. С. 178.*

При этом постоянно происходил рост доли студентов, возвращающихся на родину из-за рубежа. Если в 2001 г. всего насчитывалось 12 243 студента, которые вернулись из-за рубежа после обучения (14,6% всех китайских студентов за рубежом), то в 2010 г. — уже 186 200 студентов (56,8% всех китайских студентов за рубежом), а в 2015 г. — 409 100 студентов (78,1%) (табл.10).

\* \* \*

Воздавая должное Китаю и его достижениям в сфере науки и техники, нельзя не учитывать, что он в основном занимался копированием лучших зарубежных научно-технических разработок и во многих случаях ему удавалось адаптировать их у себя применительно к уровню развития производства в стране. Однако далеко не во всех областях науки и техники китайские научно-технические работники были в состоянии изобрести что-то принципиально новое.

Это признано в проведенном Академией инженерных наук Китая исследовании по проблемам подготовки инженерно-технических кадров в сфере инноваций, которое продолжалось в течение двух лет — в 2008 и 2009 г. В ходе этого исследования было выявлено пять основных причин, которые определяют недостаточность уровня инженерно-технических кадров, занимающихся инновациями. Это, в частности, общая нехватка ИТР в инновационной сфере, слабое использование в учебном процессе практических исследований; при подготовке дипломов выпускники вузов из-за недостатка практики принимают простые конструкторские решения; студенты не получают в вузах необходимой подготовки в инновационной сфере; отсутствует связь между производством, обучением и практикой студентов<sup>10</sup>. То есть общий уровень развития науки и техники в КНР пока еще по многим позициям отстает от уровня США, ряда стран Западной Европы, Японии и России.

Уровень производительных сил Китая, если судить в целом, пока еще невысок, налицо дисбаланс в структуре производства, сохраняется неравномерность развития регионов.

Хотя успехи Китая в области науки и техники внушительны, однако его собственный инновационный потенциал остается недостаточным, роль науки и техники в развитии экономики пока еще невысока, по-прежнему сохраняется зависимость от импорта, в том числе продукции новых и высоких технологий. По мнению руководства КНР, насущная задача ныне — повышать собственный инновационный потенциал, чтобы разрешить вышеуказанные противоречия и ускорить переход от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста.

Руководство КНР полагает, что государственная политика играет решающую роль в организации научных исследований и разработок. Механизмы государственной поддержки правительством КНР долгосрочных фундаментальных и прикладных исследований охватывают следующие направления: национальную оборону, фундаментальные науки, космические технологии, энергетику, природные ресурсы и защиту окружающей среды, сельское хозяйство, транспорт, местное и региональное развитие.

Здесь было отмечено «пять способностей» Китая к саморазвитию науки:

- 1) способность государства к научным инновациям;
- 2) способность государства к техническим инновациям;
- 3) способность государства к использованию новых технологий;
- 4) способность государства к использованию глобальной информации;
- 5) способность государства инвестировать в научные разработки<sup>11</sup>.

По многим аспектам позиция Китая основывается на изучении успешного опыта США, где за послевоенные десятилетия экономический рост был обусловлен в основном за счет практического применения научных достижений, а высокий технологический уровень промышленности достигнут во многом благодаря последовательной государст-

венной стратегии поддержки науки и технологий, и особенно — политики государственно-частного партнерства. Накопленный в США опыт организации и управления крупномасштабными научно-техническими проектами, доведения научных результатов до коммерческого применения и освоения рынком является очень привлекательным для Китая.

Совершенствование организации исследовательской работы осуществляется в КНР на современном этапе по следующим направлениям:

– наряду с сокращением научных учреждений были созданы новые для проведения работ по самым перспективным направлениям;

– ряд исследовательских институтов преобразован в коммерческие компании, что должно гарантировать внедрение в производство результатов научных исследований;

– созданы Государственные ключевые лаборатории, где проводятся передовые фундаментальные исследования;

– программы развития ряда ведущих университетов КНР предполагают превращение их в университеты исследовательского типа высокого уровня, имеющие развитую материально-техническую базу, лучший профессорско-преподавательский состав, уменьшенное число учащихся в расчете на одного преподавателя;

– в целях повышения эффективности функционирования научных учреждений проведена работа по переводу всех подразделений на систему контрактного найма сотрудников.

Применение успешного зарубежного опыта и завершение перехода на соответствующую модель организации научных исследований позволит КНР создать мощную материальную базу науки, обеспечить в будущем высокую эффективность НИОКР и добиться коммерческого результата от их практического применения.

Непрерывный и быстрый социально-экономический рост в Китае предъявляет все более высокие требования к фундаментальным исследованиям, так как многие научно-технические проблемы требуют решений, полученных на основе всесторонних исследований в самых передовых областях науки. Важнейшим условием эффективной реализации государственной научно-технической политики в Китае является концентрация научного потенциала, финансовых и материальных ресурсов на тех направлениях развития науки и техники, которые обеспечивают вклад в социальное, научно-техническое и промышленное развитие страны.

Китай рассматривает повышение потенциала фундаментальных исследований как стратегическую базу для развития науки и техники, а также ключевое звено в улучшении экономической структуры. АН Китая поощряет фундаментальные научные исследования, создает экспериментальные и опытные базы при финансовой поддержке центрального правительства, оснащает научно-исследовательские институты самой передовой экспериментально-лабораторной аппаратурой.

В Китае считают необходимым существенно повысить положение и влияние национальной фундаментальной науки в международном научном сообществе. Дополнительно выделяются средства на улучшение условий труда ученых и исследователей, на приглашение и привлечение лучших зарубежных научных кадров, закупку самого современного научного оборудования. Все это нацелено на то, чтобы китайские ученые смогли в ряде научных дисциплин достигнуть успехов, соответствующих передовому мировому уровню.

---

1. Подробнее см.: Чжунго чуаньсинь чжэнцзю яньцзю баогао : [Доклад об инновационной политике в Китае] / отв. ред. Ма Яо. Пекин, 2011. С. 345.

2. Там же.

3. Подробнее см.: *Meri Tomas*. China Passes the EU in High-tech Exports // EuroStat Statistics in Focus. 2009. No. 25; China Statistics Yearbook on High Technology Industry — 2015. Peking, 2015. P. 457–458.
4. 2030 Чжунго: майсян гунгун фуюй : [Китай в 2030 г.: вместе шагаем вперед к зажиточности]. Исследовательский центр ситуации в Китае Университета Цинхуа; ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин: Изд-во Народного ун-та Китая, 2012. С. 102.
5. Там же. С. 101–102.
6. Чжунго тунци чжайяо — 2016 : [Китайский статистический справочник — 2016]. Пекин, 2016. С. 174.
7. *Лэ Диньдун*. Цайляо юй гунчэн линььюй инььюн нами цзишу яньцзю баогао (2010–2020) : [Научно-исследовательский доклад об использовании нанотехнологий в материаловедении и инженерной сфере (2010–2020)]. Пекин, 2009. С. 7.
8. Там же. С. 350.
9. 2030 Чжунго... С. 39.
10. Гуанмин жибао. 10.06.2010.
11. *Ху Аньган*. Чаоци Чжунго : [Китай — сверхдержава]. Пекин: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2015. С. 130.

## Китайская зона Морского Шелкового пути XXI века и роль зарубежных китайцев в ее развитии

© 2017

А.В. Афонасьева

В статье рассмотрен вопрос экономического влияния зарубежных китайцев (*хуацяо*) на развитие Морского Шелкового пути XXI века (МШП-21) на территории КНР. Автор анализирует территориальную структуру инвестиций и отраслевую структуру компаний *хуацяо* в районах кольца Бохайского залива, дельты р. Янцзы, в южных приморских районах и на южном побережье западных районов КНР, через которые пройдет МШП-21.

*Ключевые слова:* Морской Шелковый путь XXI века (МШП-21), зарубежные китайцы (*хуацяо*), инвестиции, отраслевая структура предприятий, кольцо Бохайского залива, дельта р. Янцзы, южные приморские районы КНР.

Морской Шелковый путь XXI века (МШП-21) представляет собой важное звено внутренней и внешней экономической стратегии развития КНР. Он стимулирует модернизацию существующих морских портов, что в свою очередь обеспечит долгосрочными контрактами китайские строительные фирмы. Кроме того, проект станет дополнительным импульсом к развитию западных районов КНР, обеспечивая их торговые связи с Южной и Юго-Восточной Азией (например, через порт Бэйхай в Гуанси-Чжуанском автономном районе). За пределами КНР МШП-21 сулит усиление ее позиций в АТР, улучшение условий экспорта товаров, капитала, вывода избыточных строительных и производственных мощностей.

Идея создания Морского Шелкового пути XXI века была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в октябре 2013 г. в ходе его официального визита в Индонезию. Месяцем ранее, при посещении Казахстана он объявил о строительстве Экономического пояса Шелкового пути. Позднее оба проекта стали именовать: «Один пояс, один путь».

Китай традиционно считает Юго-Восточную Азию сферой своего влияния. Здесь проживает примерно 75% всех зарубежных китайцев — как граждан КНР, так и этнических китайцев с иностранным гражданством (по-китайски: *хуацяо хуажэнь*, далее — *хуацяо*), чей капитал оценивается в 1,5 трлн долл. (27,3% совокупного капитала мировой китайской диаспоры). Являвшаяся ключевым звеном древнего морского Шелкового пути, ЮВА призвана стать опорным регионом Морского Шелкового пути XXI века.

Конкретные пути МШП-21 пока еще в стадии обсуждения. В общих чертах обозначены два маршрута: от берегов Китая через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу, либо через Южно-Китайское море в Южную часть Тихого океана<sup>1</sup>. Развернутые версии намечены лишь по первому из них. Одна из основных его версий видится

---

*Афонасьева Алина Владиславовна*, кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: [alina-afonasyeva@yandex.ru](mailto:alina-afonasyeva@yandex.ru).

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (ранее РГНФ) научного проекта № 16-07-50008.

китайцам так: Юг КНР (Цюаньчжоу — Фучжоу — Гуанчжоу — Хайкоу) — Вьетнам — Малайзия — Индонезия — Шри-Ланка — Индия — Кения — Греция — Италия. Другим, более развернутым вариантом первого из двух маршрутов может стать береговая линия КНР: г. Далянь (пров. Ляонин) — города Яньтай — Циндао — Жичжао (пров. Шаньдун) — города Ляньюньган — Наньтун (пров. Цзянсу) — Шанхай — города Нинбо — Чжоушань — Вэньчжоу (пров. Чжэцзян) — города Фучжоу — Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь) — города Гуанчжоу — Чжаньцзян (пров. Гуандун) — г. Бэйхай (Гуанси-Чжуанский АР) — г. Хайкоу (пров. Хайнань) — Юго-Восточная Азия — Южная Азия, Ближний Восток — восточное и северное побережье Африки — Греция — Италия / Испания<sup>2</sup>.

Таблица 1

Отраслевая структура экономики районов китайской части МШП-21  
(2015–2016 гг.), %<sup>3</sup>

	Первая сфера	Вторая сфера		Третья сфера
		в т.ч. промышленность		
Район кольца Бохайского залива				
Тяньцзинь	1,20	44,80	40,50	54,00
Ляонин	9,86	38,59	28,91	51,55
г. Далянь*	5,86	43,31	37,02	50,83
Шаньдун*	7,90	46,80	41,13	45,30
г. Яньтай*	6,84	51,56	46,46	41,60
г. Циндао*	3,91	43,29	38,15	52,79
г. Жичжао*	8,42	48,66	42,64	42,92
Дельта реки Янцзы				
Цзянсу*	5,68	45,70	39,93	48,61
г. Ляньюньган*	13,08	44,38	35,51	42,53
г. Наньтун*	5,77	48,43	39,90	45,80
Шанхай	0,40	29,11	26,01	70,50
Чжэцзян	4,23	44,14	30,14	51,63
г. Нинбо*	3,56	51,20	45,39	45,24
г. Чжоушань*	10,16	41,14	32,59	48,70
г. Вэньчжоу*	2,81	43,80	36,33	53,40
Южные приморские районы				
Фуцзянь*	8,15	50,29	41,65	41,56
г. Фучжоу*	7,74	44,19	34,32	48,08
г. Цюаньчжоу	2,99	58,73	52,36	38,28
Гуандун	4,65	43,23	40,14	52,13
г. Гуанчжоу	1,22	30,22	27,38	68,56
г. Чжаньцзян	19,63	38,10	33,17	42,28
Хайнань	24,01	22,29	11,85	53,70
г. Хайкоу	5,38	18,57	9,87	76,05
Западные районы (южное побережье)				
Гуанси-Чжуанский АР	15,34	45,05	37,07	39,61
г. Бэйхай	17,38	51,24	46,11	31,38

Примечание: Для районов, отмеченных \*, данные указаны за 2015 г.

Китайская часть МШП-21 в расширенной версии захватывает в основном все ключевые зоны экономического развития КНР: берущая начало от кольца Бохайского залива, она следует через район дельты р. Янцзы в южные приморские районы (пров. Фу-

цзянь, Гуандун и Хайнань), к южному побережью Гуанси-Чжуанского АР, относящегося к западным районам.

Практически все города КНР, через которые пройдет МШП-21, — это действующие международные торговые порты. В кольце Бохайского залива они представляют собой важные узлы товарооборота с Японией, Южной и Северной Кореей, Малайзией, США, Канадой, Великобританией, Нидерландами, Испанией. Через порты в дельте Янцзы (наиболее развитые в КНР) идет торговля со странами Америки, Евразии, Африки. На южном побережье КНР наиболее развитые из рассматриваемых в данной статье — это Гуанчжоу и Чжэньцзян (через первый КНР торгует с более чем 170 странами, через второй — с доброй сотней стран). Через порт Фучжоу осуществляется торговля КНР с более чем 40 странами.

По отраслевой структуре практически все города и провинции КНР, через которые намечены маршруты МШП-21, являются промышленными районами с высокой долей сферы услуг в ВРП. Доля промышленности в ВРП городов кольца Бохайского залива составляет от 37,02 до 46,46%, а сферы услуг от 41,6 до 54%; в городах дельты Янцзы соотношения: 26,01–45,39% и 42,53–70,5%, в южных приморских районах — 9,87–52,36% и 38,28–76,05%, в г. Бэйхай — 46,11% и 31,38% (табл. 1). Высокая доля промышленности позволяет предположить, что на этих территориях будет производиться продукция на экспорт по линии МШП-21, высокий удельный вес третьей сферы — это потенциал для логистического обслуживания проекта. Наконец, в рассматриваемых районах сосредоточены ведущие вузы, научно-исследовательские центры, высокотехнологичные предприятия, консалтинговые компании, что гарантирует кадровую поддержку проекта.

Оценивая роль зарубежных китайцев в развитии МШП-21 на китайской территории, нужно учитывать, что в провинциях Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь и Хайнань, в Гуанси-Чжуанском автономном районе традиционно сильно влияние хуацяо, так как все они исторически сложились как «малые родины» эмигрантов (по-китайски: *цяосян*). Особенно сильным было экономическое влияние хуацяо на ранних стадиях периода реформ и открытости в КНР (1978–2000 гг.): эти районы поднялись практически полностью на средства зарубежных китайцев, включая инвестиции и безвозмездные пожертвования. Влияние хуацяо весомо там и поныне, что подтверждают данные табл. 2. В южных приморских провинциях КНР их инвестиции в 2014–2016 гг. составили почти 77% от общего объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в Гуанси-Чжуанском АР — 52,12%, в пров. Чжэцзян — 28,67%. В провинциях Гуандун, Фуцзянь и Хайнань экономическое влияние хуацяо наиболее ощутимо, доли их инвестиций во внутреннем региональном продукте (ВРП) и инвестициях в основные производственные фонды в 2014–2016 гг. составили 1,71 и 4,23%, 1,43 и 1,78%, 2,61 и 2,89% соответственно. В пров. Чжэцзян и Гуанси-Чжуанском АР эти показатели ниже: 0,71 и 1,15%, 0,24 и 0,26% соответственно, что, впрочем, не есть признак слабости их влияния, ибо рассматриваемые показатели не учитывают традиционную благотворительную помощь и денежные пожертвования хуацяо на развитие их малых родин.

Экономический потенциал районов кольца Бохайского залива и дельты Янцзы также привлекает инвестиции хуацяо: в 2014–2016 гг. они составили 14,61 млрд и 17,44 млрд долл., или 23,92% и 28,67% от объема ПИИ в каждом районе соответственно. По степени влияния хуацяо на экономику оба района находятся в равных условиях, доли их инвестиций в ВРП и инвестициях в основные производственные фонды составили 0,87 и 1,2%, 0,8 и 0,41% в отдельности по каждому району (табл. 2). Причем в экономике городов центрального подчинения — Тяньцзинь и Шанхай влияние хуацяо сильнее, чем в других городах и провинциях кольца Бохайского залива и дельты Янцзы: доля инвестиций хуацяо в ВРП и инвестициях в основные производственные фонды Тяньцзиня составила 1,52 и 1,94%, Шанхая — 1,32 и 5,24% соответственно (табл. 2). Таким образом, в той или иной степени их экономическое влияние налицо во всех районах КНР, через которые пройдет маршрут МШП-21.

Таблица 2

Прямые инвестиции зарубежных китайцев в китайской части МПП-21<sup>4</sup>

	Инвестиции зарубежных китайцев, млрд долл.	Доля в ПИИ, %	Доля в ВВП/ВРП, %	Доля в инвестициях в основные производственные фонды, %
<i>КНР</i>	95,32	76,87	0,87	1,08
<i>Кольцо Бохайского залива</i>	14,61	23,92	0,87	1,20
Тяньцзинь	4,00	23,98	1,52	1,94
Ляонин	2,83	23,83	0,67	1,09
Шаньдун	3,40	23,94	0,34	0,45
<i>Дельта реки Янцзы</i>	17,44	28,67	0,80	1,41
Шанхай	5,27	28,68	1,32	5,24
Цзянсу	7,36	28,67	0,66	1,02
Чжэцзян	4,81	28,67	0,71	1,15
<i>Южные приморские районы</i>				
Гуандун	19,77	76,92	1,71	4,23
Фуцзянь	5,90	76,85	1,43	1,78
Хайнань	1,54	76,85	2,61	2,89
<i>Западные районы (южное побережье)</i>				
Гуанси-Чжуанский АР	0,63	52,12	0,24	0,26

Расчеты произведены по среднегодовому показателю за 2014–2016 гг.

Таблица 3

Отраслевая структура предприятий зарубежных китайцев в регионах китайской части МПП-21, %<sup>5</sup>

	Первая сфера	Обрабатывающая промышленность		Сфера услуг
		в т.ч. высокотехнологичная		
<i>Район кольца Бохайского залива</i>				
Тяньцзинь	—	62,5	—	—
Ляонин	—	38,8	—	26,0
Шаньдун	—	33,8	21,8	23,5
<i>Дельта реки Янцзы</i>				
Шанхай	0	60,0	-	40,0
Цзянсу	—	72,0	6,0	25,0
Чжэцзян	0	90,0	17,0	10,0
<i>Южные приморские районы</i>				
Гуандун	1,0	89,0	23,0	10,0
Фуцзянь	2,0	88,0	18,0	11,0
Хайнань	0	100,0	0	0
<i>Западные районы (южное побережье)</i>				
Гуанси-Чжуанский АР	0	70,0	—	30,0

Примечание: в выборке учтены наиболее успешные компании зарубежных китайцев, ведущих бизнес в КНР и являющихся лауреатами конкурса «100 лучших компаний зарубежных китайцев».

Обратимся теперь к отраслевой структуре предприятий хуацяо по маршруту МШП-21 (табл. 3).

Во всех рассматриваемых районах большинство предприятий хуацяо занято в сфере обрабатывающей промышленности (от 33,8% до 100%). При этом в провинциях Гуандун, Шаньдун, Фуцзянь и Чжэцзян соответственно 23%, почти 22%, 18% и 17% их компаний занято в высокотехнологичном секторе, а в пров. Цзянсу — 6%. В Шанхае, Гуанси-Чжуанском АР, провинциях Ляонин, Цзянсу и Шаньдун высок процент компаний хуацяо, занятых в сфере услуг — 40%, 30%, 26%, 25% и 23,5% соответственно. В провинциях Фуцзянь, Гуандун и Чжэцзян в ней занято 10–11% компаний хуацяо (табл. 3).

Отраслевая структура компаний хуацяо в целом такая же, как в регионах, где они расположены. Продукция, производимая их промышленными предприятиями, в том числе высокотехнологичная, может составить часть экспорта по трассе МШП-21, а их сервисные компании сулят логистическую поддержку.

\* \* \*

Поскольку МШП-21 следует из КНР в страны ЮВА, где проживает порядка 75% всей зарубежной китайской диаспоры (контролирующей от 20 до 70% разных сегментов местных рынков), а также с учетом того, что эта диаспора имеет развитые бизнес-сети и в КНР, и в Европе, и в Северной Америке, зарубежных китайцев можно считать одним из важнейших факторов строительства МШП-21, включая его китайскую часть.

1. Уянаев С.В. Китайский проект «Один пояс, один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 10.
2. Островский А.В. Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы сопряжения двух проектов. Доклад на заседании Президиума РАН 14 марта 2017 г.
3. Расчитано и составлено по: Чжунго тунци няньцзянь — 2016: [Китайский статистический ежегодник — 2016]. Табл. 3–11. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm> (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Тяньцзиня. URL: <http://www.stats-tj.gov.cn/tjyds/201612/GDP12.htm> (дата обращения: 04.04.2017); 2016 нянь Ляонин шэи гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжэнь тунци гунбао: [Статистический доклад по национальной экономике и социальному развитию пров. Ляонин в 2016 г.]. URL: [http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201703/t20170316\\_2812490.html](http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201703/t20170316_2812490.html) (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Далиня. URL: <http://www.stats.dl.gov.cn/index.php?m=content&c=index&a=lists&catid=54> (дата обращения: 04.04.2017); Шаньдун тунци няньцзянь — 2016: [Статистический ежегодник пров. Шаньдун — 2016]. Табл. 2–1, 2–8. URL: <http://www.stats-sd.gov.cn/tjnj/nj2016/indexch.htm> (дата обращения: 04.04.2017); Цзянсу тунци няньцзянь — 2016: [Статистический ежегодник пров. Цзянсу — 2016]. Табл. 2–3, 2–11. URL: <http://www.jssb.gov.cn/2016nj/indexc.htm> (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления пров. Чжэцзян. URL: [http://www.zj.stats.gov.cn/tjsj/ydsj/gmjhs/2016/201701/t20170125\\_190995.html](http://www.zj.stats.gov.cn/tjsj/ydsj/gmjhs/2016/201701/t20170125_190995.html); [http://www.zj.stats.gov.cn/tjsj/ydsj/gy/2016/201701/t20170125\\_190989.html](http://www.zj.stats.gov.cn/tjsj/ydsj/gy/2016/201701/t20170125_190989.html) (дата обращения: 04.04.2017); Чжэцзян тунци няньцзянь — 2016: [Статистический ежегодник пров. Чжэцзян — 2016]. Табл. 7–12. URL: <http://tjj.zj.gov.cn/tjsj/tjnj/DesktopModules/Reports/13...2016/indexch.htm> (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Шанхай. URL: <http://www.stats-sh.gov.cn/sjfb/201701/293151.html> (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Фуцжоу. URL: [http://tjj.fuzhou.gov.cn/tjzwgk/tjxx/jdsj/201601/t20160128\\_1024171.htm](http://tjj.fuzhou.gov.cn/tjzwgk/tjxx/jdsj/201601/t20160128_1024171.htm) (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Цюаньчжоу. URL: <http://www.qzj.gov.cn/outweb/news.asp?ClassID=110&id=7261> (дата обращения: 04.04.2017); 2016 нянь Гуандун цзинцзи юньсин чинкуан фэньси: [Анализ функционирования экономики пров. Гуандун в 2016 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201702/>

- t20170216\_355474.html (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Гуанчжоу. URL: <http://www.gzstats.gov.cn/gzStat/1/chaxun/jdsj.jsp> (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления г. Чжэньцзян. URL: [http://zjtj.zhanjiang.gov.cn/old\\_zjtjw/MONTH/1612.htm](http://zjtj.zhanjiang.gov.cn/old_zjtjw/MONTH/1612.htm) (дата обращения: 04.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления Гуанси-Чжуанского АР. URL: [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qjdsj/2016\\_qqydsj/2016s4\\_qqydsj/201702/t20170207\\_129893.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qjdsj/2016_qqydsj/2016s4_qqydsj/201702/t20170207_129893.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/gsjdsj/2016\\_qqydsj2016\\_qqydsj/2016s4\\_qqgsydsj/201702/t20170207\\_129896.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/gsjdsj/2016_qqydsj2016_qqydsj/2016s4_qqgsydsj/201702/t20170207_129896.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/gsjdsj/2016\\_qqydsj2016\\_qqydsj/2016s4\\_qqgsydsj/201702/t20170207\\_129897.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/gsjdsj/2016_qqydsj2016_qqydsj/2016s4_qqgsydsj/201702/t20170207_129897.html) (дата обращения: 04.04.2017).
4. Рассчитано и составлено по: Чжунхуа жэньминь гуанхэго 2016 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистический доклад по национальной экономике и социальному развитию Китайской Народной Республики в 2016 г.]. URL: [http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201702/t20170228\\_1467424.html](http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201702/t20170228_1467424.html) (дата обращения: 11.04.2017); Чжунго тунцзи няньцзянь 2016, табл. 3–1, 3–9, 10–1. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2016/indexch.htm> (дата обращения: 11.04.2017); Материалы сайта по прямым иностранным инвестициям в КНР. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000499&idCorp=1800000121&iproject=33&record=7448> (дата обращения: 09.04.2017); 2016 нянь Гуандун гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистический доклад по национальной экономике и социальному развитию пров. Гуандун в 2016 г.]. URL: [http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjgb/201703/t20170308\\_358320.html](http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjgb/201703/t20170308_358320.html) (дата обращения: 09.04.2017); 2016 нянь Гуандун цзиньцзи юньсин чинкуан фэньси. URL: [http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201702/t20170216\\_355474.html](http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201702/t20170216_355474.html) (дата обращения: 04.04.2017); Гуандун тунцзи няньцзянь — 2016, табл. 5–2, 6–19. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2016/directory/06.html?06> (дата обращения: 09.04.2017); 2014, 2015, 2016 нянь Фуцзянь шэи гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию пров. Фуцзянь в 2014, 2015 и 2016 гг.]. URL: [http://district.ce.cn/zt/zlk/bg/201601/13/t20160113\\_8257990\\_2.shtml](http://district.ce.cn/zt/zlk/bg/201601/13/t20160113_8257990_2.shtml); [http://www.fujian.gov.cn/fw/zw/gk/tjxx/tjgb/201602/t20160226\\_1147374.htm](http://www.fujian.gov.cn/fw/zw/gk/tjxx/tjgb/201602/t20160226_1147374.htm); [http://www.fujian.gov.cn/fw/zw/gk/tjxx/tjgb/201702/t20170224\\_1502910.htm](http://www.fujian.gov.cn/fw/zw/gk/tjxx/tjgb/201702/t20170224_1502910.htm) (дата обращения: 09.04.2017); 2014, 2015, 2016 нянь Хайнань шэи гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию пров. Хайнань в 2014, 2015 и 2016 гг.]. URL: [http://www.stats.hainan.gov.cn/tjsj/tjgb/fzgb/n\\_991235/201502/W020150204557489519101.doc](http://www.stats.hainan.gov.cn/tjsj/tjgb/fzgb/n_991235/201502/W020150204557489519101.doc); [http://www.stats.hainan.gov.cn/tjsj/tjgb/fzgb/n\\_991236/201601/t20160127\\_1759264.html](http://www.stats.hainan.gov.cn/tjsj/tjgb/fzgb/n_991236/201601/t20160127_1759264.html); [http://www.stats.hainan.gov.cn/tjsj/tjgb/fzgb/n\\_991237/201702/t20170210\\_2229396.html](http://www.stats.hainan.gov.cn/tjsj/tjgb/fzgb/n_991237/201702/t20170210_2229396.html) (дата обращения: 09.04.2017); 2016 нянь Шанхай ши гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию г. Шанхай в 2016 гг.]. URL: <http://www.stats-sh.gov.cn/sjfb/201702/293816.html> (дата обращения: 09.04.2017); Шанхай тунцзи няньцзянь — 2016, табл. 7–1, 8–10. URL: <http://www.stats-sh.gov.cn/data/toTjnj.xhtml?y=2016> (дата обращения: 09.04.2017); 2016 нянь Цзянсу шэи гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию пров. Цзянсу в 2016 гг.]. URL: [http://www.jssb.gov.cn/tjxxgk/xwyfb/tjgbfb/sjgb/201702/t20170227\\_299535.html](http://www.jssb.gov.cn/tjxxgk/xwyfb/tjgbfb/sjgb/201702/t20170227_299535.html) (дата обращения: 09.04.2017); Цзянсу тунцзи няньцзянь — 2015, 2016. Табл. 6–2, 8–15. URL: <http://www.jssb.gov.cn/2016nj/nj08/nj0815.htm>; <http://www.jssb.gov.cn/2015nj/nj08/nj0815.htm> (дата обращения: 09.04.2017); 2016 нянь Чжэцзян шэи гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию пров. Чжэцзян в 2016 г.]. URL: [http://tjj.zj.gov.cn/tjgb/gmjshfzgb/201702/t20170224\\_192062.html](http://tjj.zj.gov.cn/tjgb/gmjshfzgb/201702/t20170224_192062.html) (дата обращения: 09.04.2017); Чжэцзян тунцзи няньцзянь — 2016. Табл. 3–1, 11–9. URL: <http://tjj.zj.gov.cn/tjsj/tjnj/DesktopModules/Reports/13...2016/indexch.htm> (дата обращения: 09.04.2017); 2014, 2015, 2016 нянь Тяньцзинь ши гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию г. Тяньцзинь в 2014, 2015 и 2016 гг.]. URL: <http://61.181.81.253/Item/24795.aspx>; <http://61.181.81.253/Item/25858.aspx>; <http://www.stats-tj.gov.cn/Item/26706.aspx> (дата обращения: 09.04.2017); Материалы сайта ГСУ г. Тяньцзинь. URL: <http://www.stats-tj.gov.cn/tjyds/201612/...12.htm> (дата обращения: 11.04.2017); 2014, 2015, 2016 нянь Ляонин шэи гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао.

- URL: [http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201502/t20150228\\_1595099.html](http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201502/t20150228_1595099.html);  
[http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201605/t20160509\\_2196738.html](http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201605/t20160509_2196738.html);  
[http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201703/t20170316\\_2812490.html](http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201703/t20170316_2812490.html) (дата обращения: 09.04.2017); Ляонин тунци няньцзянь — 2016. Табл. 18–8. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№2017020234.htm> (дата обращения: 09.04.2017); 2016 нянь Шаньдун шэн гоминь цзинци хэ шэухуэй фачжань тунци гуибао: [Статистические доклады по национальной экономике и социальному развитию пров. Шаньдун в 2016 г.]. URL: [http://www.stats-sd.gov.cn/art/2017/2/28/art\\_3902\\_186550.html](http://www.stats-sd.gov.cn/art/2017/2/28/art_3902_186550.html) (дата обращения: 09.04.2017); Шаньдун тунци няньцзянь — 2016. табл. 6–10. URL: <http://www.stats-sd.gov.cn/tjnj/nj2016/indexch.htm> (дата обращения: 09.04.2017); Материалы сайта государственного статистического управления Гуанси-Чжуанского АР. URL: [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2014\\_qqydsj/12y\\_2014\\_qqydsj/201502/t20150213\\_54274.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2014_qqydsj/12y_2014_qqydsj/201502/t20150213_54274.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2015\\_qqydsj/12y\\_2015\\_qqydsj/201602/t20160214\\_121179.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2015_qqydsj/12y_2015_qqydsj/201602/t20160214_121179.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2016\\_qqydsj/12y\\_2016\\_qqydsj/201702/t20170207\\_129888.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2016_qqydsj/12y_2016_qqydsj/201702/t20170207_129888.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2016\\_qqydsj/2016s4\\_qqydsj/201702/t20170207\\_129893.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2016_qqydsj/2016s4_qqydsj/201702/t20170207_129893.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2014\\_qqydsj/12y\\_2014\\_qqydsj/201502/t20150213\\_54268.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2014_qqydsj/12y_2014_qqydsj/201502/t20150213_54268.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2015\\_qqydsj/12y\\_2015\\_qqydsj/201602/t20160214\\_121173.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2015_qqydsj/12y_2015_qqydsj/201602/t20160214_121173.html); [http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2016\\_qqydsj/12y\\_2016\\_qqydsj/201702/t20170207\\_129882.html](http://www.gxtj.gov.cn/tjsj/jdsj/qydsj/2016_qqydsj/12y_2016_qqydsj/201702/t20170207_129882.html) (дата обращения: 09.04.2017).
5. Источники: Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао — 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2008]. Пекин, 2009. С. 145–148; Хайвай хуашань цай Чжунго. Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао — 2014: [Зарубежные китайские предприниматели в КНР. Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2014]. Пекин, 2014. С. 70; URL: <http://www.chinanews.com/zgqj/2013/07-01/4986662.shtml>; <http://mt.sohu.com/20160605/n453009730.shtml>.

## Проект «Пояс и путь» как решающий фактор развития экономики Китая

© 2017

С.Л. Сазонов, Е.О. Заклязьминская, Чэнь Сяо

В условиях замедления темпов экономического роста и сокращения внешнеторгового оборота руководство КНР намерено сменить вектор экономического развития, снизить зависимость экономики от колебаний мирового рынка, сформировать новые факторы стимулирования международного экономического сотрудничества. Этим целям отвечает реализация проектов Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века («Пояс и путь»), презентованных на мировой арене председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г.

*Ключевые слова:* Китай, темпы экономического роста, мировой рынок, «Пояс и путь», транспортные коридоры, западный регион КНР, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Центральная Азия (ЦА), Юго-Восточная Азия (ЮВА), Европейский союз (ЕС).

### «Мировая фабрика» становится «инновационной державой»

Идея Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) о создании транспортного коридора между странами АТР и Западной Европой, презентованная осенью 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином в Астане, сулит образование в Евразии единого экономического пространства с участием 18 азиатских и европейских стран, общей площадью 50 млн кв. км. с населением в 3 млрд человек<sup>1</sup>. Оглашенная им же чуть позже, на саммите АТЭС, состоявшемся на о. Бали в Индонезии, инициатива «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП-21) сулит состыковать объединенную железнодорожную и автомобильную транспортную сеть южных провинций Китая и стран ЮВА с основными портами региона. МШП-21 объединит морские порты стран АСЕАН и продлится по маршруту Желтое море — Восточно-Китайское море — Южно-Китайское море — Тихий океан — Индийский океан и далее — до портов стран, расположенных в южной части Тихого океана, Южной Азии и Восточной Африки. В перспективе этот новый морской транспортный мост может объединиться в меридиональном направлении с российским Северным морским путем (СМП), дойдя от Тихого океана до Балтики<sup>2</sup>. Эту инициативу именуют в Китае и во всем мире планом развития «пояса и пути».

Представляется весьма важным определить основное содержание этой концепции, выявить ее суть и стержневое направление.

Китайским руководством поставлена амбициозная цель — превратить страну из «мировой фабрики» в «инновационную державу» и поставщика высокотехнологичного продукта на мировые рынки, потеснив при этом основных конкурентов — США и страны Евросоюза. Идея проекта «Пояс и путь» нацелена на сокращение разрыва в экономическом развитии провинций и автономных районов Запада КНР, значительное

---

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru;

Заклязьминская Екатерина Олеговна, аспирантка ИДВ РАН. E-mail: ekaterina.zakl@gmail.com;

Чэнь Сяо (КНР), аспирантка ИДВ РАН. E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru.

повышение их производственного потенциала. Идея проистекает из задач социально-экономического развития Китая и основана на приоритете его национальных интересов. Она призвана решить ключевую экономическую задачу — обеспечить к 2020 г. удвоение ВВП по сравнению с 2010 г., построить к 2020 г. «общество средней зажиточности» (*сяо-кан*), к 2030 г. — «общество всеобщей зажиточности» (*фууй*), а к 2049 г. (100-летию образования КНР) превратить Китай в могучую и процветающую мировую державу.

Основной критерий «общества средней зажиточности», по оценке видного китайского экономиста Ху Ангана: увеличение ВВП КНР (к 2020 г.) до 14 трлн долл., что позволит, по его мнению, «искоренить бедность и отсталость», увеличить долю ВВП Китая на душу населения до показателя свыше 10 тыс. долл., что превысит показатель 2010 г. вдвое, а показатель 2000 г. — вчетверо. Чтобы добиться выполнения поставленных целей, ежегодные темпы прироста ВВП КНР в период нынешней 13-й пятилетки должны, по мнению китайских ученых, быть не ниже 6,5%<sup>3</sup>.

Важно отметить, что объявив основными драйверами экономического развития в период 13-й пятилетки расширение внутреннего спроса<sup>4</sup>, генерацию и внедрение инновационных технологий, экспорт капитала, руководство КНР отнюдь не отвергло курс на умножение инвестиций в приоритетные сектора экономики, наращивание экспорта высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью.

### Подтягивание западных регионов к уровню восточных

Несмотря на огромные успехи реформ и на становление Китая как второй по экономической мощи державы мира, у него еще имеется немало проблем. Одна из главных — значительная дифференциация уровня социально-экономического развития территориально-административных субъектов страны (в основном, западных провинций и автономных районов). Региональное экономическое пространство фрагментировано, что тормозит экономический прогресс. Идея проекта «Пояс и путь» ориентирована, в частности, на формирование и реализацию стратегии выравнивания диспропорций социально-экономического развития западных провинций Китая, решение проблем неравномерности регионального развития и сокращение контрастов в социально-экономическом положении регионов, прежде всего, на базе формирования эффективной пространственной структуры экономики страны при соблюдении баланса интересов всех провинций и автономных районов КНР.

С начала XXI в. Китай приступил к развитию инфраструктуры двенадцати западных провинций и автономных районов страны, включая провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шаньси, Ганьсу, Цинхай, ГЧАР, НХАР, АРВМ, ТАР, СУАР и город центрального подчинения Чунцин, на долю которых приходится 72% территории КНР и 84% протяженности границ Китая. В период 2000–2016 гг. в строительство 300 ключевых проектов региона было вложено 6,35 трлн юаней (914 млрд долл.)<sup>5</sup> Объем ВРП региона вырос с 1,58 трлн юаней в 2000 г. до 12,39 трлн в начале 2016 г., вклад западного региона в ВВП КНР увеличился соответственно с 17,9% до почти 21,2%<sup>6</sup>.

В рамках стратегии «выхода за рубеж» Госсовет КНР в декабре 2016 г. утвердил программу экономического развития западных регионов на период 2016–2020 гг., призванную обеспечить новый уровень их экономического и социального развития в расчете создать к 2020 г. «общество умеренного процветания». Основные критерии такого общества — «здоровый и устойчивый экономический рост, существенная модернизация промышленности, ускорение инновационного развития, развитая транспортная инфраструктура, обеспечение лучшего качества и доступности государственных услуг, здоровая экология».

Экономическая составляющая этой концепции — за счет инфраструктурной экспансии на зарубежные рынки активизировать динамичный рост национальной экономики. Расширение транспортной сети в западных провинциях Китая преследует цели усиления интеграции КНР в региональную и мировую экономическую систему, а также по-

вышение эффективности ее участия в региональных инфраструктурных проектах. Модернизированная приграничная транспортная сеть западных провинций КНР, объединенная с транспортными коридорами сопредельных стран, позволит не только повысить потенциал сотрудничества западного региона с соседними странами, но и обеспечит имплементацию политики «выхода за рубеж», реализуя задачи наращивания экспорта капитала, значительного увеличения объемов внешней торговли, в том числе объемов экспорта высокотехнологичной продукции.

По мере развития регионального промышленного потенциала западные провинции КНР будут испытывать нужду в новых каналах вывоза нарастающих объемов выпускаемой продукции не только внутри страны (в восточном направлении), но и по западным маршрутам в Европу. Так, к 2025 г. ВРП СУАР превысит, по прогнозам, совокупный ВВП всех стран ЦА, и автономный район будет осуществлять экспорт части своей продукции в страны ЕС по железной дороге.

Протяженность трансконтинентального транзитного железнодорожного маршрута из СУАР в Европу составляет около 6 тыс. км, а маршрут транспортировки произведенных в СУАР товаров до портов на восточном побережье КНР — около 4 тыс. км (то есть в полтора раза короче). Но этот маршрут повышает логистические издержки, ибо сопряжен с перегрузкой товаров на суда в китайских портах, и без того излишне загруженных. Причем грузам потребуются еще и транспортировка морем до Европы. И все же с учетом высоких тарифов на транзит железнодорожных грузоперевозок использование континентальных маршрутов ЭПШП для экспорта части промышленных товаров западных провинций Китая в Европу окажется экономически целесообразным лишь при условии, что предприятия этих регионов смогут наладить производство малогабаритной конкурентоспособной инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Не удивительно, что в правительственных постановлениях, народнохозяйственных планах, деловых инициативах видное место занимает отрасль, органично переплетающаяся с реализацией идеи проекта «Пояс и путь» — транспорт.

### Приоритет дорог, транспортной инфраструктуры, логистики

В 2014 г. Министерство транспорта КНР приняло постановление «О развитии сети транспорта в рамках стратегии масштабного освоения Западного Китая». Им предусматривалось приоритетное строительство в регионе автодорожной сети из 8 магистралей в широтном направлении и 8 — в меридиональном. Также запланирована прокладка 53 скоростных шоссе в основных экономических зонах и 18 скоростных дорог для международных автоперевозок.

В 2016 г. темпы роста инвестиций в развитие региональной транспортной сети более чем в половине из 31 провинции и автономных районов КНР составляли в среднем 20%. А в некоторых западных даже превышал 30% (в АРВМ, СУАР, ГЧАР, Чунцине, провинциях Юньнань, Гуйчжоу и Шаньси)<sup>7</sup>. В 2016 г. на развитие транспортной сети запада страны инвестировано 100 млн юаней, началось строительство более 30 крупных объектов транспортной инфраструктуры, построено или отремонтировано более 240 тыс. км сельских дорог, ускорено автодорожное строительство в местах компактного проживания национальных меньшинств, проложены запланированные на 13-ю пятилетку новые автостреды протяженностью 7,5 тыс. км<sup>8</sup>.

Китайские экономисты утверждают, что расширение инфраструктурного строительства в западных провинциях КНР в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» позволит стимулировать в ближайшие 10 лет региональный экономический рост, резко поднять внутренний спрос, повысить объем внутренней торговли на 2,5 трлн юаней<sup>9</sup>.

По итогам 2016 г. темпы роста ВРП 19 провинций и автономных районов КНР превышали рост ВВП страны, причем наилучшие годовые показатели продемонстриро-

вали западные территории. Темпы роста ВРП ТАР составили 11,5%, Чунцина — 10,7%, Гуйчжоу — 10,5%. На 2017 г. власти западных провинций запланировали рост ВРП не ниже 10%, причем инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры определены как приоритетные<sup>10</sup>. В развитие транспортного комплекса КНР на 2016–2019 гг. предполагается ассигновать 4,7 трлн юаней (725 млрд долл.)

Поскольку для завершения большинства национальных инфраструктурных проектов требуется от 2 до 4 лет, то ежегодный объем инвестиций в развитие национальной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию стратегии ЭПШП, оценивается более чем в 1,4 трлн юаней. Капиталовложения будут направлены на реализацию 303 проектов по развитию железных и автомобильных дорог, внутреннего водного транспорта, аэропортов и городского транспорта: 131 проект в 2017 г., 92 — в 2018 г. и 80 — в 2019 г. Так, на реализацию 86 проектов строительства и реконструкции 20 тыс. км железнодорожной инфраструктуры ассигнуется 2 трлн юаней<sup>11</sup>.

Развитие инфраструктуры в западных провинциях КНР обеспечит на начальном этапе повышение доходов периферийных провинций в среднем на 40–50%. Как следствие, значительными экстернальными эффектами станут стимулы к росту мобильности трудовых ресурсов, освоению новых месторождений, росту уровня производственной и коммерческой активности, развитию сферы услуг и туризма. Поскольку транспортная инфраструктура есть важнейший элемент инвестиционной привлекательности территории, обладая свойством мощного катализатора, она напрямую и косвенно повышает уровень развития региональной экономики, расширяет масштабы производства, способствует освоению новых территорий, вводит в оборот новые ресурсы, позволяет связать производственные структуры и товарные рынки. То есть благодаря улучшению транспортной доступности повышается качество жизни населения.

В наши дни высокоскоростные железнодорожные магистрали (ВСЖД) стали новой «визитной карточкой» китайского экспорта. В начале 2016 г. общая сумма контрактов на постройку Китаем железных дорог за рубежом составляла 24,7 млрд долл.<sup>12</sup>. К началу 2017 г. Китайская железнодорожная корпорация приступила к строительству/проектированию ВСЖД Москва — Казань (770 км), ВСЖД в западной части США Лас-Вегас — Лос-Анджелес (370 км), а также Джакарта — Бандунг, Малайзия — Сингапур и др.<sup>13</sup>

Провозглашенный руководством КНР план строительства ЭПШП, вовлекающий в широкомасштабное железнодорожное строительство все больше европейских и азиатских стран, несомненно, будет способствовать бурному нарастанию спроса на прокладку железных дорог по китайским технологиям и закупку подвижного состава для ВСЖД из КНР. Развитие высокотехнологичного подвижного состава, соответствующего передовым стандартам, уже приносит высокий экономический эффект. В 2015 г. — при том, что вывоз китайских товаров за рубеж сократился на 6%, объем экспорта высокотехнологичного подвижного состава вырос на 66,9%, составив 26,57 млрд юаней (4,113 млрд долл.)<sup>14</sup> Китай оставил далеко позади Японию и Южную Корею по экспорту высокотехнологичной продукции. Его доля в азиатском экспорте таковой возросла с 9,4% в 2001 г. до 45,2% в 2015 г., причем львиную долю составили поставки подвижного состава для ВСЖД<sup>15</sup>. Объем китайского экспорта подвижного состава и объем контрактов на строительство железных дорог за рубежом (суммарно — около 7,5 млрд долл.) составили в 2014 г. 2/3 стоимости российского экспорта вооружений за 2014 г. (10,2 млрд долл.), в 2015 г. — 10,7 млрд и 14,5 млрд долл. соответственно<sup>16</sup>. В ближайшие 5 лет ежегодный рост мирового рынка железнодорожных транзитных перевозок составит 3,3%, а объем спроса на подвижной состав для их обеспечения возрастет до 65–70 млрд долл.<sup>17</sup>

В 2015 г. руководство КНР огласило амбициозный план «Сделано в Китае 2025»: к 2020 г. довести объем продаж железнодорожного подвижного состава до 650 млрд юаней (101,9 млрд долл.) В случае реализации плана «Сделано в Китае 2025» объем экспорта китайской высокотехнологичной отрасли по производству железнодорожного под-

вижного состава в стоимостном выражении значительно превышает стоимость экспорта на рынке вооружений — и российского, и мирового.

### Проблемы энергетической безопасности

Реализация проектов ЭПШП сулит решение еще одной важнейшей задачи КНР — обеспечение энергетической безопасности. Стремительный рост экономики Китая, развитие урбанизации определяют увеличение потребности страны в импорте углеводородов. В 2016 г. степень зависимости КНР от импорта нефти и газа относительно объема собственной добычи достигла 65% (против 60,6% в 2015 г.); зависимость от импорта газа возросла с 33% до 34%<sup>18</sup>. По прогнозам, годичный рост потребления нефти и газа в КНР с 2017 по 2030 г. составит 3% и 5,5% соответственно, то есть более 75% потребностей в углеводородах будет удовлетворяться за счет импорта<sup>19</sup>. Столь высокая зависимость предопределяет необходимость диверсификации каналов поставки углеводородов (тем более, что значительная их часть идет из относительно нестабильных регионов).

К 2017 г. Китай создал четыре нефтегазовых стратегических коридора поставок зарубежных углеводородов — на северо-западе, юго-западе, северо-востоке и коридор морской поставки. Это нефтяные и газовые магистрали КНР — РФ, КНР — страны Центральной Азии и в перспективе КНР — Пакистан, КНР — Мьянма, а также морские поставки нефти и сжиженного природного газа (СПГ) из стран Персидского залива (Саудовской Аравии, Катар), из Австралии, РФ, стран ЮВА. Инициатива «Пояс и путь» в части прокладки национальной и зарубежной нефте- и газопроводных сетей из соседних стран (в рамках ЭПШП) и создания мощных терминалов для нефтяных танкеров и регазификации СПГ (в рамках МШП-21) позволяет снизить уязвимость экспортных поставок углеводородов и обеспечить достаточное предложение для быстрорастущего внутреннего спроса по разумной цене.

### «Шелковый путь» и национальные интересы Китая

Лейтмотивом выступлений председателя КНР Си Цзиньпина на международных площадках (включая саммит G 20 в Ханчжоу в 2016 г. и Всемирный экономический форум в Давосе в 2017 г) была мысль, что реализация проекта «Пояс и путь» и учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций принесут большую выгоду экономике Азии, будут способствовать ускорению экономического развития стран ЦА, России, Восточной Европы, Африки.

Транспортные сети сопредельных с Китаем России, стран ЦА (проект ЭПШП) и стран ЮВА (проект МШП-21) характеризуются низким качеством, недостаточной густотой, имеют разную ширину колеи и слабые технические характеристики. Транзитные тарифы в странах ЦА недостаточно гармонизированы, состояние нормативно-правовой базы не обеспечивает быстрые и удобные сроки перевозки грузов, многократное пересечение границ затягивает сроки доставки товаров. Все эти причины порождают ситуацию, когда многие китайские экспортные грузы, произведенные в западных провинциях КНР, приходится везти по железной дороге на восток, к китайским портам для их дальнейшей морской транспортировки в Европу.

По грубым оценкам китайских специалистов, для приведения в надлежащее состояние железнодорожной инфраструктуры стран ЦА потребуются инвестиции в объеме более 10 трлн юаней<sup>20</sup>. Аналитики Азиатского банка развития полагают: в период до 2022 г. потребуется около 36 млрд долл. для модернизации всей транспортной инфраструктуры стран ЦА<sup>21</sup>.

Активно рекламируя инициативу «Пояс и путь», Китай отмечает, что эти маршруты имеют интернациональный характер, учитывают интересы многих евроазиатских стран, сулит им шансы абсорбировать международные транзитные потоки, зарождаю-

шнется на территории Китая и стран АТР. В случае реализации китайского проекта «Пояс и путь» приграничные страны смогут в полной мере использовать свое географическое положение: стать важным звеном транзитных грузовых перевозок между крупнейшими мировыми экономическими центрами. При этом помимо преодоления относительной географической изоляции, усиления связности территорий, они получают возможность диверсифицировать источники доходов бюджета, создавать новые отрасли промышленности, приумножать рабочие места.

В инициативе «Пояс и путь» речь идет, главным образом, о модернизации региональных инфраструктурных сетей и создании логистических центров, чтобы скорость континентальной транспортировки товаров и снижение себестоимости перевозок по маршруту АТР — Европа позволяли конкурировать с морским транспортом.

Сопредельные с Китаем страны охотно отзываются на предложение Китая участвовать в реализации проекта «Пояс и путь» в обмен на финансовую помощь Пекина в строительстве и модернизации их транспортных сетей. В 2016 г. объем торговли Китая с 53 странами, что расположены по маршрутам «пояса и пути», превысил 6,3 трлн юаней (около 916 млрд долл.), или 25% от его общего внешнеторгового оборота<sup>22</sup>. В 2016 г. объем инвестиций в проекты по развитию семи основных отраслей экономики (транспорт, коммунальное хозяйство, строительство, телекоммуникации, энергетика, социальная сфера, экология) и в сделки в форме M&As (слияния/интеграция и поглощение) составил более 493 млрд долл., причем около 40% этой суммы пошло на реализацию этих проектов в Китае<sup>23</sup>. Китайские компании подписали более 4 тыс. контрактов с компаниями этих стран на общую сумму 126,03 млрд долл. Основными реципиентами кредитов стали Сингапур, Казахстан, Лаос, Индонезия, Россия и Греция. Китай заключил международные соглашения об исключении двойного налогообложения с рядом стран вдоль маршрутов ЭПШП и МШП-21 (включая РФ, Таджикистан, Камбоджу, Индию, Пакистан, Индонезию, Румынию), что позволило китайским финансовым институтам сэкономить на налогах около 900 млн юаней<sup>24</sup>.

При реализации планов развития «пояса и пути», к началу 2017 г. в 35 странах и регионах, прилегающих к их маршруту, было сформировано 56 экономических и торговых зон сотрудничества, а объем налоговых поступлений, полученных правительствами этих стран в 2016 г., превысил 1,1 млрд долл.; дополнительно было создано более 180 тыс. рабочих мест<sup>25</sup>. В 2016 г. китайские прямые инвестиции в 53 страны вдоль маршрутов «пояса и пути» превысили 18,5 млрд долл. (около 9% общего объема), всего же к началу 2017 г. предприятия КНР вложили более 50 млрд долл. в эти страны<sup>26</sup>. В 2016 г. доходы китайских компаний от вложенных прямых инвестиций выросли на 19,8% и составили 225 млн долл. Тогда же китайскими компаниями было заключено в этих странах 7367 контрактов на общую сумму 100,36 млрд долл. (рост на 40,1% в сравнении с предшествующим годом). Это составило 52,1% от общего количества зарубежных контрактов китайских компаний<sup>27</sup>.

Наращивая свои капиталовложения в инфраструктуру соседних стран, Китай дает дополнительный импульс к интенсивному развитию своей национальной и региональной экономики. В международном аспекте проект «Пояс и путь» призван обеспечить рост объемов китайских прямых инвестиций, которые будут направляться на расширение строительства транспортных путей за рубежом, увеличение экспорта китайской инновационной продукции транспортной отрасли и передовых технологий в области инфраструктурного строительства для построенных транспортных сетей.

Выгодные, на первый взгляд, для сопредельных стран инфраструктурные кредиты из КНР (по сути, беспроцентные) на самом деле приносят, в первую очередь, баснословные экономические дивиденды самому Китаю, позволяя его компаниям монополизировать евроазиатский рынок строительства транспортных сетей и закупки подвижного состава. Строительство за рубежом транспортных сетей создает экстернальный эффект в сопряженных отраслях экономики центральных и западных провинций Китая, являющихся основ-

ными поставщиками материалов и оборудования для зарубежных инфраструктурных сетей. Китайские инвестиции, направляемые на создание и модернизацию транспортных сетей сопредельных стран, позволяют КНР развивать свои производственные мощности и загружать долгосрочными заказами свой машиностроительный и строительный комплексы, одновременно находя применение избыточным мощностям (например, по производству стали и цемента). Инвестиции в развитие инфраструктуры приграничных стран предоставляются Китаем на исключительно льготных условиях, но под обязательство использовать китайские материалы и оборудование, технологии и технику, китайские стандарты при строительстве железных дорог с привлечением для их проектирования, обслуживания и эксплуатации квалифицированных специалистов из КНР. Это обеспечивает возвращение большей части китайских зарубежных инфраструктурных капиталовложений в экономику Китая, то есть инвестиционная политика, сопряженная со стратегией «выхода за рубеж» и с проектом «Пояс и путь», обеспечивает Китаю весомые экономические дивиденды.

Итак, осуществляемое в рамках реализации планов «выхода за рубеж» и прокладки маршрутов «пояса и пути» кредитование строительства транспортной инфраструктуры в странах АТР и Европы сулит Китаю тройную выгоду. Во-первых, эти инвестиции дают мощный мультипликативный эффект в отраслях экономики КНР. Во-вторых, строительство по китайским технологиям зарубежных инфраструктурных сетей создает спрос на импорт из КНР стройматериалов, оборудования и высокотехнологичного подвижного состава с высокой добавленной стоимостью (и последующий послепродажный сервис с использованием китайских комплектующих), увеличение экспортных доходов Китая. В-третьих, строительство зарубежной инфраструктуры способствует умножению международных транзитных транспортных маршрутов, стимулирует рост потенциала транспортных услуг, объективно способствует развитию внешней торговли Китая, увеличивает поступления в бюджет.

В конце 2014 г. правительство КНР постановило создать совместно с ведущими китайскими государственными и коммерческими банками Фонд для развития инфраструктуры вдоль маршрутов ЭШП в размере 40 млрд долл. (размер в будущем может возрасти). Инвестиции в первую очередь будут направлены на улучшение транспортной сети центральных и западных китайских провинций, по которым пройдет маршрут ЭШП, а также на развитие инфраструктуры стран ЦА, ЮВА и части европейских стран, по территории которых будут проложены транзитные евроазиатский и паназиатский маршруты. Инициатива создания Фонда встретила положительный отклик у местных правительств. В 2015 г. правительство г. Фучжоу (Фуцзянь) совместно с региональным филиалом Банка КНР и фондом развития «Китай — Африка» решили создать фонд финансирования МШП-21 в размере 10 млрд юаней (1,6 млрд долл.), а правительство провинции Гуандун выразило желание стать соинвестором этого Фонда<sup>28</sup>.

Для проведения научных исследований и выработки практических рекомендаций при реализации инициативы ЭШП и МШП-21 Китайская академия стратегии проекта «Пояс и путь» выступила в феврале 2017 г. инициатором учреждения Фонда международного сотрудничества в размере 200 млн долл.<sup>29</sup> Предусматривается активное привлечение отечественных инвесторов. В финансировании развития инфраструктуры в странах, прилегающих к ЭШП, активно участвуют крупнейшие китайские банки: в 2015 г. Банк Китая инвестировал 28,6 млрд долл. в строительство транспортных сетей 18 стран, через территорию которых пройдет ЭШП<sup>30</sup>, с 2013 г. Промышленный и коммерческий банк Китая (Industrial and Commercial Bank of China) открыл 127 отделений в 18 странах, прилегающих к маршруту «пояса и пути» и около 20 отделений — в юго-восточном, юго-западном, центральном и западном регионах КНР, привязанных к этим маршрутам.

Эта, покрывающая более 50% маршрутов «пояса и пути», банковская сеть позволяет финансировать крупные инвестиционные проекты по развитию инфраструктуры, таких, например, как «Экономический коридор КНР — Пакистан», «Шелковый путь

Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма», «Экономический коридор КНР — РФ — Монголия», «Субрегиональная экономическая зона Большой Меконг»<sup>31</sup>.

К началу 2017 г. Промышленный и коммерческий банк Китая предоставил преференциальные и синдицированные кредиты на общую сумму 22 млрд долл. китайским компаниям, участвующим в реализации 95 проектов «пояса и пути» в 33 странах Азии, Европы и Африки. Причем, китайские компании при строительстве транспортной инфраструктуры за рубежом могут получить возобновляемую (револьверную) кредитную линию на срок до 20–25 лет<sup>32</sup>. В 2016 г. Импортно-экспортный банк Китая финансировал более 600 проектов в рамках строительства «пояса и пути» и международного сотрудничества в области создания зарубежных производственных мощностей<sup>33</sup>. С целью получения более высокой нормы прибыли пенсионные фонды, страховые компании, суверенные и частные инвестиционные фонды начали вкладывать средства в проекты в рамках «пояса и пути», и сегодня китайские инвестиционные проекты по строительству его инфраструктуры выходят на мировой рынок развития транспортной инфраструктуры — в 2016 г. китайские компании заключили новые контракты на строительство зарубежных инфраструктурных объектов в объеме 126,03 млрд долл.<sup>34</sup>

25 декабря 2015 г. официально вступило в силу решение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который через 5–6 лет планирует ежегодно выделять кредиты в 10–15 млрд долл. на развитие инфраструктуры в рамках проекта «Пояс и путь». В 2016 г. АБИИ одобрил выделение кредитов на общую сумму 1,73 млрд долл. на реализацию 9 инфраструктурных проектов в 7 азиатских странах. С января по сентябрь 2016 г. он кредитовал инфраструктурное строительство в 4 странах (Бангладеш, Индонезия, Пакистан, Узбекистан и Таджикистан) на сумму 509 млн долл., а в октябре выделил еще 300 млн на проекты в Мьянме. В декабре 2016 г. АБИИ одобрил выделение кредита Азербайджану на проект проведения газопровода через Анатолию. В 2016 г. АБИИ и АБР приступили к разработке проекта синдицированного кредитования, позволяющего странам-заемщикам получать значительные кредитные суммы, которые один банк предоставить не в состоянии из-за высокого риска, либо вследствие превышения законодательных ограничений. В 2017 г. общий объем кредитования предусмотрен руководством АБИИ в размере 2,5 млрд, в 2018 г. — 3,5 млрд долл.<sup>35</sup>

В конце 2016 г. Государственный информационный центр КНР на основе сбора 300 млрд бит информации (включающей статистические и Интернет-данные КНР и стран, прилегающих к «поясу и пути») проанализировал вклад 64 стран в сотрудничество с Китаем в рамках строительства ЭПШП и МШП-21. Анализ проведен по 5 позициям, включая коммуникационную политику, региональную интеграцию, торговлю, финансы, общественную поддержку. 1-е место досталось России, за которой вплотную шел Казахстан (проект ЭПШП). Далее следовали Таиланд (проект МШП-21), Пакистан (ЭПШП) и Индонезия (МШП-21). В самом Китае 5 первых мест достались провинциям Гуандун, Чжэцзян, городам центрального подчинения Шанхаю и Тяньцзиню, провинции Фуцзянь. Установлено, что объем прямых иностранных инвестиций 81,7% всех провинций и автономных районов КНР в страны, прилегающие к «поясу и пути», превышал 1 млрд, а в 77,42% всех провинций и автономных районов Китая ежегодные темпы роста этих инвестиций превышали 20%<sup>36</sup>.

### **«Пояс и путь»: связи по линиям ШОС и АТЭС**

Сегодня Китай в одностороннем порядке инвестирует значительные средства на льготное кредитование совместных с центрально-азиатскими членами ШОС проектов строительства транзитных транспортных коридоров<sup>37</sup>. Экономические и финансовые возможности Китая позволяют ему занять доминирующее положение в качестве главного инвестора центрально-азиатских стран. Слабость позиций России в регионе ЦА опре-

деляется, прежде всего, неспособностью оказывать экономическую помощь, сопоставимую с советскими временами и тем более с нынешней китайской торговой и инвестиционной экспансией в регионе.

Объем торговли КНР со странами — членами ШОС увеличился с 14,2 млрд долл. в 2002 г. до 140 млрд в 2015 г.<sup>38</sup> В период 2008–2015 гг. в рамках сотрудничества между КНР, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном было реализовано более 100 проектов в области развития инфраструктуры, Китай предоставил центрально-азиатским странам кредиты на сумму 27,1 млрд долл.

В сентябре 2014 г. руководство КНР заявило об учреждении Фонда евроазиатской экономической интеграции в размере 1 млрд долл., который будет в основном кредитовать инфраструктурное строительство в центрально-азиатских странах — членах ШОС<sup>39</sup>. На состоявшемся в 2016 г. 16-м саммите ШОС Си Цзиньпин посулил выделение Китаем еще 5 млрд долл. на финансирование совместных проектов членов ШОС, включая строительство автомобильного транспортного коридора «Западный Китай — Европа»<sup>40</sup>.

В ближайшее десятилетие строительство азиатской инфраструктуры ожидает бум — ежегодные темпы роста рынка инфраструктурного строительства будут составлять 7–8%. В 2025 г. капиталовложения в создание азиатской инфраструктуры составят 5,3 трлн долл., или 60% инвестиций в развитие мирового рынка инфраструктурного строительства. 50% капиталовложений в развитие этого рынка (2,65 трлн долл.) инвестирует Китай.

На 22-м саммите АТЭС (Пекин, 2014 г.) лидеры стран АТР одобрили идею создания новой зоны свободной торговли в регионе Free Trade Area of the Asia-Pacific (ФТААР)<sup>41</sup>, которая поддерживалась китайским руководством и на саммите G20 в Ханчжоу, на саммите АТЭС в Лиме и Давосе (2017 г.). Суть предложения сводится к «укреплению региональной экономической интеграции и ускорению строительства объектов инфраструктуры для формирования единой структуры транспортной взаимосвязанности всех членов АТЭС». В будущем, после принятия плана развития региональной зоны и его одобрения лидерами стран АТЭС, зона свободной торговли АТР станет крупнейшей в мире экономической зоной, объединяющей 57% мировой экономики и около 50% мировой торговли<sup>42</sup>.

На встрече министров финансов стран АТЭС в Пекине (октябрь 2014 г.) основным вопросом стала программа финансирования совместных инфраструктурных проектов, призванных «подстегнуть спрос и ускорить экономический рост». В 2014–2015 гг. Китай принял решение о предоставлении ряду стран АТЭС льготных кредитов общим объемом 20 млрд долл. на развитие транспортной инфраструктуры, из которых 10 млрд были выделены правительством КНР, а 10 млрд — Торгово-промышленным банком Китая и Банком Китая<sup>43</sup>.

### **Китай освобождается от избыточных мощностей**

Во многих странах, расположенных вдоль маршрутов «пояса и пути», активно расширяются масштабы индустриализации и урбанизации, что принуждает их создавать значительные инфраструктурные мощности, прибегая к китайским инвестициям, китайским технологиям и китайскому квалифицированному персоналу. При этом перемещение в страны, примыкающие к «поясу и пути», избытка его мощностей по производству стали, цемента и др. помогают КНР решать две задачи: во-первых, сокращение избыточных мощностей, негативно влияющих на региональную экономику и экологию; во-вторых, китайские предприятия по производству материалов для прокладки транспортных сетей приближаются к месту их строительства.

За три года реализации инициативы «Пояс и путь», к началу 2017 г., Китай заключил соглашения о перемещении, либо строительстве предприятий по производству стали и цемента с 20 странами, расположенными вдоль маршрутов ЭПШП. Так, в период

2013–2017 гг. более 700 компаний по производству стали и цемента из провинции Хэбэй перевели мощности в сопредельные страны ЦА и ЮВА (или построили там новые). Власти этой провинции планируют к 2023 г. вывести за границу мощности по производству стали общим объемом в 20 млн т<sup>44</sup>. Так, сталелитейная компания Hebei Iron & Steel Group с целью вывода своих мощностей на международные рынки выкупила активы убыточного сталелитейного завода в г. Смедерево (Сербия) и намерена инвестировать 300 млн долл. в его реконструкцию. В 2017 г. металлургическая корпорация Metallurgical Corp. of China приступила к строительству завода по производству стали мощностью 3,5 млн т в год в г. Куантане, административном центре штата Паханг (Малайзия). Годом ранее китайская металлургическая корпорация Baosteel инвестировала 40 млн долл. в строительство сталелитейного завода в Индии с ежегодным объемом производства в 150 тыс. т. Тогда же КНР заключила контракты с Казахстаном более чем на 20 млрд долл. об условиях и объемах кредитов при переносе, либо создании там новых производственных предприятий.

### Имеют место противоречия...

При реализации проекта «Пояс и путь» Китай сталкивается и с рядом проблем, обусловленных расхождениями национальных интересов отдельных стран и проявлениями конкуренции (как с Китаем, так и между собой). Например, сегодня каждая центрально-азиатская страна может предложить транзитные маршруты по собственной территории в обход общих путей. Казахстан увеличил объем внешнеторгового оборота с КНР и, построив железнодорожную магистраль в Иран через территорию Туркменистана, поддерживает строительство грузовой и высокоскоростной железной дороги от границы с Китаем через Туркмению, Иран, Турцию и далее Западную Европу, поскольку такой путь оказывается быстрее и экономичнее, чем через Россию.

Руководители стран ЦА выступают за совместное строительство автомобильных и железнодорожных магистралей, но Узбекистан ратует за создание нового транспортного коридора ЦА — Персидский залив, а Таджикистан выступает за афганское направление через китайско-таджикский КПП Кульма — Кашгар. Сегодня активно реализуется план китайского руководства по прокладке железной, автомобильной дорог и нефтепровода, которые в рамках китайско-пакистанского экономического коридора из Кашгара соединят СУАР, через Исламабад и Карачи, с пакистанским портом Гвадар. Этот план вызывает крайне негативную реакцию Индии, которая, с одной стороны, утверждает, что инфраструктурная сеть проходит по спорным территориям, а с другой стороны, опасается, что в будущем Гвадар может превратиться в военно-морскую базу КНР.

В 2015 г. насчитывалось 62 грузовых железнодорожных маршрута из КНР в страны Центральной Азии и Европы (на 17 больше, чем годом ранее)<sup>45</sup>. По этим маршрутам в 2015 г. прошло в общей сложности 815 грузовых составов, которые перевезли 47,4 тыс. контейнеров<sup>46</sup>. Показатели 2016 г. — 1702 грузовых поезда по 40 международным железнодорожным линиям перевезли около 80 тыс. контейнеров с грузом на общую сумму 18 млрд долл.<sup>47</sup> В конце 2016 г. континентальные транзитные железнодорожные маршруты связывали 26 городов КНР с 19 городами Европы<sup>48</sup>.

Китайские эксперты озабочены тем, что «маятниковые» евроазиатские железнодорожные маршруты зачастую оборачиваются поездками с обратным холостым пробегом: возвращаются в КНР полупустыми (или порожними). В 2014 г. лишь 28 поездов возвращались из Европы, будучи заполнены грузами. В 2015 г. ситуация стала меняться к лучшему — из Европы заполненными возвратились 265 составов.

Руководство Китайской железнодорожной корпорации сетует на отсутствие достаточных производственных мощностей в западных провинциях КНР, что вызывает нехватку экспортных грузов и, как следствие, недогруз вагонов и контейнеров<sup>49</sup>.

\* \* \*

Хотя в основе инициативы «Пояс и путь», в первую очередь, лежит забота об ускорении развития национальной экономики, следует отметить, что в силу объективности законов межрегиональной экономической интеграции этот проект приобретает кумулятивный характер, стимулируя развитие мировой экономики. Китайские экономисты утверждают, что реализация инициативы председателя КНР Си Цзиньпина будет стимулировать рост мирового ВВП на 1,75 процентных пункта<sup>50</sup>. Реализация этого проекта поможет не только активизировать экономическое развитие стран, расположенных вдоль маршрутов «пояса и пути», но и позволит решать взаимодополняющие проблемы экономического, финансового, политического и социального характера. Для Китая геополитические аспекты плана «Пояс и путь» очевидны — он стремится активизировать экономические связи с Россией, усилить свое экономическое присутствие в странах Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, в АТР, стимулировать рост торговли со странами Европы. В перспективе реализация этого грандиозного проекта может повлечь формирование новой архитектуры мировой экономики, где центром был бы Китай, а главными связующими звеньями — Россия, страны ЦА и ЮВА.

1. New Silk Road. URL: [http://www.bjreview.com.cn/This\\_Week/2016-01/25/content\\_593103.htm](http://www.bjreview.com.cn/This_Week/2016-01/25/content_593103.htm).
2. *Li Xin*. The New Asian Fusion. China's two silk roads help forge closer cooperation among CICA members. URL: [http://www.bjreview.com/special/2016-04/28/content\\_619516\\_2.htm](http://www.bjreview.com/special/2016-04/28/content_619516_2.htm).
3. *Yao Yang*. Key reforms to help unleash growth. URL: [http://africa.chinadaily.com.cn/weekly/2017-01/27/content\\_28065177.htm](http://africa.chinadaily.com.cn/weekly/2017-01/27/content_28065177.htm).
4. В 2016 г. объем розничных продаж (основной индикатор внутреннего спроса) превысил 37 трлн юаней (5,4 трлн долл.). В период ближайших лет темпы роста внутреннего спроса составят в среднем 6,5%, а в 2020 г. объем спроса составит 10 трлн долл. См.: Spending power to back China's growth in 2017. URL: [http://www.china.org.cn/business/2017-01/17/content\\_40122666.htm](http://www.china.org.cn/business/2017-01/17/content_40122666.htm); Consumption to remain top engine of China's economic growth. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/19/content\\_27999699.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/19/content_27999699.htm).
5. В период 2011–2015 гг. объем капиталовложений в реализацию 127 ключевых проектов региона превысил 2,7 трлн юаней. По данным ГКРП, только в 2016 г. правительство Китая инвестировало 743,8 млрд юаней в реализацию 30 важнейших проектов в западных провинциях КНР. См.: URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/27/content\\_27786244.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/27/content_27786244.htm).
6. More public infrastructure projects to «Go West». URL: [http://en.ce.cn/Business/Macro-economic/201610/23/t20161023\\_1653564.shtml](http://en.ce.cn/Business/Macro-economic/201610/23/t20161023_1653564.shtml).
7. Investment growth surges in central, western China. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/25/content\\_27489644.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/25/content_27489644.htm).
8. Выделены 100 млн юаней на целевое финансирование развития Западного Китая. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0331/c31518-9038167.html>; Premier urges efforts to boost development of western China. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-12/26/content\\_39984616.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-12/26/content_39984616.htm).
9. Silk Road paves way for heavy industry. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/05/content\\_27565800.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/05/content_27565800.htm).
10. Shandong leads in fixed-asset investment in 2016. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/24/content\\_28336259.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/24/content_28336259.htm).
11. China to invest 4.7 trillion yuan in transportation. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-05/29/content\\_38558321.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-05/29/content_38558321.htm).
12. Belt and Road Initiative boosts rail tech exports. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-10/29/content\\_22310679.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-10/29/content_22310679.htm); China's railway giants growing steadily at home, looking overseas for high-value deals. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0331/c90000-9038538.html>.
13. Belt and Road driving growth, creating jobs, says minister. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-02/24/content\\_37858746.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-02/24/content_37858746.htm); China to push exports of railway, nuclear power products. URL: <http://en.people.cn/business/n2016/1128/c90778-8842618.html>; China plans 'smart

- trains' to take on global rail companies. URL: [http://www.china.org.cn/business/2017-03/10/content\\_37985866\\_1.htm](http://www.china.org.cn/business/2017-03/10/content_37985866_1.htm).
14. CRRC seeks more US rail deals. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-04/13/content\\_38232720.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-04/13/content_38232720.htm).
  15. China's hi-tech exports beat Japan and South Korea. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-01/04/content\\_37449717.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-01/04/content_37449717.htm).
  16. China to spend \$438b on rail network in the next five years. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-11/27/content\\_22523573.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-11/27/content_22523573.htm); Россия приняла на вооружение отдельные образцы лазерного оружия. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3053946>.
  17. Rail giants gain from «going global» strategy. URL: <http://www.ecns.cn/business/2016/04-01/160150.shtml>; CRRC eyes big overseas contracts. URL: [http://www.china.org.cn/business/2017-01/20/content\\_40142829.htm](http://www.china.org.cn/business/2017-01/20/content_40142829.htm).
  18. China's dependency on foreign oil exceeds 60 percent. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-01/26/content\\_37668744.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-01/26/content_37668744.htm); *Zheng Xin*. Foreign oil dependency up. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/13/content\\_27943848.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/13/content_27943848.htm); China sets oil, gas supply targets by 2020. URL: [http://www.china.org.cn/business/2017-01/19/content\\_40139692.htm](http://www.china.org.cn/business/2017-01/19/content_40139692.htm).
  19. China's natural gas sector to develop quickly. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/17/content\\_17179748.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/17/content_17179748.htm).
  20. *Deng Yaqing*. A Shared Path. While all concerned countries hope to benefit from the Silk Road Economic Belt, China needs to take on the role of coordinator. URL: [http://www.bjreview.com/business/tx/2014-07/07/content\\_628061\\_3.htm](http://www.bjreview.com/business/tx/2014-07/07/content_628061_3.htm).
  21. China, ADB can tap «belt and road» potential. URL: [http://www.china.org.cn/business/2015-02/22/content\\_368884.htm](http://www.china.org.cn/business/2015-02/22/content_368884.htm).
  22. *Чжоу Тао*. Шелковый путь: возможности и будущее // Китай. 2016. № 10 (132). С. 43; Belt and Road M&A deals hit \$494b. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/16/content\\_28217780.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/16/content_28217780.htm).
  23. *Chan Oswald*. Belt and Road M&A deals hit \$494b. URL: [http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2017-02/16/content\\_28226306.htm](http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2017-02/16/content_28226306.htm).
  24. China's Investment in Belt and Road Countries Up 38.6 Percent. URL: [http://www.bjreview.com/Business/201609/t20160922\\_800068048.html](http://www.bjreview.com/Business/201609/t20160922_800068048.html).
  25. Belt and Road Initiative to reshape world economy, expert says. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/31/content\\_28078339.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/31/content_28078339.htm); Экономическое обозрение: Инициатива «Пояс и путь» как стимул к внешней открытости Китая. URL: [http://russian.china.org.cn/exclusive/tx/2017-02/24/content\\_40345949.htm](http://russian.china.org.cn/exclusive/tx/2017-02/24/content_40345949.htm).
  26. *Zhong Sheng*. Op-ed: Expectations run high on Belt and Road forum for international cooperation. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/01/19/c90000-9169276.html>; Belt and Road M&A deals hit \$494b. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/16/content\\_28217780.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/16/content_28217780.htm); Экономическое обозрение: Инициатива «Пояс и путь» как стимул к внешней открытости Китая. URL: [http://russian.china.org.cn/business/tx/2017-02/23/content\\_40345949.htm](http://russian.china.org.cn/business/tx/2017-02/23/content_40345949.htm); Китайско-пакистанский экономический коридор — канал поступления иностранных инвестиций в Пакистан. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/02/25/c31518-9182623.html>.
  27. *Meng Chun*. PPP Model Is Adaptable to the One Belt and One Road Initiative. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/m/drc/2017-02/23/content\\_28323397.htm](http://www.chinadaily.com.cn/m/drc/2017-02/23/content_28323397.htm).
  28. Experts say «Maritime Silk Road» will stimulate economic potential of developing countries. URL: <http://en.people.cn/business/n/2016/0209/c90778-8848205.html>.
  29. Special fund set up for «Belt and Road Initiative» international cooperation. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/m/safea/2017-02/10/content\\_28164530.htm](http://www.chinadaily.com.cn/m/safea/2017-02/10/content_28164530.htm).
  30. *Jiang Xueqing*. Big banks diversify as profits slow. URL: [http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2016-04/08/content\\_24365613.htm](http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2016-04/08/content_24365613.htm).
  31. *Wang Qiao*. Common values lead the way on Belt and Road. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/21/content\\_28278298\\_2.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/21/content_28278298_2.htm).
  32. Boosting the Belt and Road Initiative. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-10/27/content\\_27186658.htm](http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-10/27/content_27186658.htm).
  33. Остаток задолженности по кредитам, выданным Импортно-экспортным банком Китая для реализации проектов «выхода за рубеж». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/01/30/c31518->

- 9172540.html; China Exim Bank helps China firms go global. URL: [http://www.china.org.cn/business/2017-01/29/content\\_40196610.htm](http://www.china.org.cn/business/2017-01/29/content_40196610.htm).
34. *Zhong Nan*. Outbound non-financial direct investments up 44%. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/17/content\\_27972957.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/17/content_27972957.htm); Экономическое обозрение: Инициатива «Пояс и путь» как стимул к внешней открытости Китая. URL: [http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-02/23/content\\_40345949.htm](http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-02/23/content_40345949.htm).
  35. Global Biz Insight: Belt and Road lights up global growth. URL: [http://www.china.org.cn/world/Off\\_the\\_Wire/2016-10/20/content\\_39531057.htm](http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2016-10/20/content_39531057.htm).
  36. *Hang Yiqing*. Russia, Kazakhstan lead list of 64 based on index of countries' performance in five key sectors. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2016cnrforum/2016-10/29/content\\_27212092.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2016cnrforum/2016-10/29/content_27212092.htm).
  37. *Li Xiang*. Future growth must rely on capital exports, innovation. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/15/content\\_18919676.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/15/content_18919676.htm).
  38. \$5 billion in loans offered to members of group. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-xisco/2015-09/13/content\\_18592059.htm](http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-xisco/2015-09/13/content_18592059.htm); Годовой обзор: Строительство нового Шелкового пути — исторический шанс для развития ШОС. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/12/28/c31518-9160025-2.html>; The rise of the Eurasian silk road. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2016-11/08/content\\_27311262\\_3.htm](http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2016-11/08/content_27311262_3.htm).
  39. *Zhong Nan*. China to boost rural transport investment to help poverty reduction. URL: [http://www.china.org.cn/business/2016-11/24/content\\_39778951.htm](http://www.china.org.cn/business/2016-11/24/content_39778951.htm);
  40. Xi's Eurasia tour infuses new vigor along the Belt and Road. URL: [http://www.china.org.cn/ydy/2016-06/25/content\\_40160017.htm](http://www.china.org.cn/ydy/2016-06/25/content_40160017.htm); *Jiang Xueqing*. Bank of China boss calls for Belt and Road funding conduit. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-01/26/content\\_28058107.htm](http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-01/26/content_28058107.htm).
  41. *Yu Shujun*. APEC's New Vision. The Beijing Agenda draws a blueprint for an integrated, innovative and interconnected Asia-Pacific. URL: [http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2014-11/17/content\\_653136\\_1.htm](http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2014-11/17/content_653136_1.htm).
  42. China committed to Asia-Pacific economic integration process: FM spokesperson. URL: [http://usa.chinadaily.com.cn/business/2017-01/25/content\\_28050620.htm](http://usa.chinadaily.com.cn/business/2017-01/25/content_28050620.htm).
  43. China pledges over 20-bln-USD loans to boost Southeast Asian connectivity. URL: <http://english.people.com.cn/business/n/2014/11/13/c90778-8808674.html>; *Jiang Xueqing (China Daily)*. Bank of China boss calls for Belt and Road funding conduit. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-01/26/content\\_28058107.htm](http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-01/26/content_28058107.htm).
  44. *Yang Ziman, Zhang Yu*. Experts welcome Hesteel's Serbian steel buy. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-04/20/content\\_24685288.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-04/20/content_24685288.htm).
  45. В 2014 г. через КПП Алашаньюкоу прошли 53 железнодорожных грузовых состава, которые перевезли китайские товары в главные города ЦА. В 2015 г. количество рейсов превысило 100, в 2016 г. составило 233 грузовых состава. В 2017 г. ожидается до 400. См.: Xinjiang to run 400 westbound cross-border trains in 2017. URL: [http://www.china.org.cn/business/2017-01/05/content\\_40049349.htm](http://www.china.org.cn/business/2017-01/05/content_40049349.htm); Xinjiang to run 400 westbound cross-border trains in 2017. URL: [http://en.ce.cn/main/latest/201701/06/t20170106\\_19422630.shtml](http://en.ce.cn/main/latest/201701/06/t20170106_19422630.shtml); *Li Nan*. More Westbound Cross-border Trains. URL: [http://www.bjreview.com.cn/World/201701/t20170106\\_800084780.html](http://www.bjreview.com.cn/World/201701/t20170106_800084780.html).
  46. China-Europe cargo trains create wealth. URL: [http://en.ce.cn/main/latest/201608/15/t20160815\\_14879898.shtml](http://en.ce.cn/main/latest/201608/15/t20160815_14879898.shtml).
  47. Объем перевозок по маршруту Азия — Европа по территории Казахстана, России, Беларуси вырос вдвое. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/12/31/c31519-9161500.html>.
  48. Guangzhou launches China-Europe cargo train service to Russia. URL: [http://en.ce.cn/main/latest/201608/28/t20160828\\_15311267.shtml](http://en.ce.cn/main/latest/201608/28/t20160828_15311267.shtml).
  49. China-Europe freight trains bring vitality to ancient Silk Road. URL: [http://en.ce.cn/main/latest/201607/23/t20160723\\_14091364.shtml](http://en.ce.cn/main/latest/201607/23/t20160723_14091364.shtml); Шелковый путь строится на рельсах. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/11/16/c31518-9142397.html>.
  50. Belt and Road Initiative to reshape world economy, expert says. URL: [http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/31/content\\_28078339.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/31/content_28078339.htm).

# Российский Дальний Восток

## Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов

© 2017

А.А. Киреев

В статье рассматривается эволюция задач государственного регулирования трансграничных отношений российского Дальнего Востока, оценивается эффективность их реализации на протяжении постсоветского периода. На основе сравнительно-исторического анализа политических и нормативных документов, статистических данных выявляются основные дефекты пограничной политики в регионе, препятствующие достижению ее задач на современном этапе.

*Ключевые слова:* российский Дальний Восток, трансграничные отношения, пограничная политика, региональное развитие, эффективность управления.

Среди макрорегионов России Дальний Восток давно и устойчиво выделяется особенно сильной вовлеченностью в трансграничные процессы. Однако далеко не всегда участие дальневосточного региона в этих процессах являлось объектом целенаправленного государственного регулирования, то есть пограничной политики. В последние два года мы стали свидетелями, как представляется многим, кардинальных изменений в позиции государства в отношении внешних связей российского Дальнего Востока (РДВ): как никогда ранее, власть четко выразила свое намерение использовать динамику этих связей в качестве, по сути, главного фактора реализации программы ускоренного развития региона<sup>1</sup>. Хотя и с неодинаковой последовательностью, новый приоритет нашел воплощение в целом комплексе политических и правовых документов — от госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (апрель 2014 г.) до федеральных законов о территориях опережающего развития (декабрь 2014 г.) и свободном порте (июль 2015 г.) Он был развернут в ряде ожидаемых правительством от сотрудничества РДВ со странами АТР конкретных результатов, которые функционально и хронологически соотношены с целями и показателями общего развития региона в средне- и долгосрочной перспективе. Таким образом, пограничная политика России на РДВ была впервые столь системно увязана с внутренней региональной политикой государства.

Вместе с тем как бы ни были значительны новации в дальневосточной пограничной политике, ее проектирование осуществляется не с «чистого листа». Задачи, в комплексе составляющие нынешнюю повестку этой политики, с разной полнотой и в различных интерпретациях уже ставились в регионе ранее. Еще большая степень преемст-

---

*Киреев Антон Александрович*, к. полит.н., доцент кафедры политологии Восточного Института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: antalkir@yandex.ru.

венности характеризует сам механизм реализации пограничной политики на РДВ, его нормативно-правовую, институциональную и материально-техническую базу. Наибольшей же инерционностью обладает объект пограничной политики, то есть совокупность трансграничных отношений региона, имеющих собственные тренды развития. Эта разносторонняя историческая обусловленность новой пограничной политики на РДВ позволяет использовать для оценки ее вероятных результатов сравнительный подход. Определение меры успешности реализации целей пограничной политики в регионе, ее эффективности на предшествующих этапах даст возможность сделать выводы о том, насколько эффективной данная политика может быть на нынешнем этапе.

Таким образом, целью анализа является сравнительная оценка эффективности пограничной политики России на РДВ на разных этапах постсоветского (с начала 1990-х годов) периода ее развития и установление основных факторов, на эту эффективность повлиявших. Получение такой сравнительной оценки предполагает, прежде всего, выделение ряда этапов пограничной политики в регионе с разным целевым содержанием, с разными наборами ключевых задач. Затем эти этапы в развитии пограничной политики будут сопоставлены с тенденциями в динамике трансграничных отношений РДВ для определения меры однонаправленности изменений в их целевых и фактических параметрах. Наконец, будет произведено сравнение оценок степени эффективности пограничной политики на разных ее этапах, которое должно выявить вероятные факторы, влиявшие на показатели эффективности.

Предметом настоящего исследования выступает государственное регулирование двух компонентов трансграничных отношений РДВ — социально-демографического (миграционные потоки) и экономического (товарные и инвестиционные потоки). Как социально-демографические, так и экономические трансграничные отношения РДВ в изучаемый период имели очень сложный состав. Как следствие, внутренняя сложность была присуща и задачам регулирования этих отношений. Хотя от этапа к этапу конкретный набор задач пограничной политики менялся, для нужд сравнения можно выделить несколько объектов регулирования (т.е. видов трансграничных потоков), сохранявших актуальность в течение длительного времени. В политике регулирования социально-демографических отношений можно дифференцировать такие основные объекты, как: 1) общая миграция; 2) трудовая миграция; 3) туристическая миграция; 4) коммерческая (торгово-промышленная, «челночная») миграция. В политике регулирования экономических отношений к числу наиболее устойчиво значимых принадлежали следующие объекты: 1) общая торговля; 2) торговля машинами, оборудованием и транспортными средствами; 3) торговля топливом, минеральным сырьем и металлами; 4) иностранные инвестиции. В зависимости от ситуации непосредственным предметом регулирования каждого из этих объектов могли быть объемы входящих или исходящих потоков либо общий объем трансграничного оборота.

В каждой сфере регулирования его задача формулировалась как достижение некоторого целевого значения объема соответствующего трансграничного потока. Эти целевые значения редко определялись в интервальных величинах (абсолютных, кратных или процентных единицах). Гораздо чаще государственные органы — прямо (в программных документах) или косвенно (через нормативно-правовые ограничения или преференции) — определяли задачи пограничной политики в величинах порядковых. Иными словами, речь шла о решении одной из трех типовых задач: 1) увеличение, 2) стабилизация или 3) уменьшение объема трансграничного потока. Сравнение целевого порядкового изменения объема определенного трансграничного потока на конкретном этапе пограничной политики с фактической тенденцией его порядкового изменения на этом этапе позволяет установить однонаправленность или разнонаправленность динамики этих величин. Исходя из этого, можно сделать вывод, соответственно, об общей эффективности или неэффективности пограничной политики в изучаемой сфере на данном этапе.

Уже в силу объективной тесной связи трансграничных социально-демографических и экономических процессов меры по их регулированию не могли развиваться независимо друг от друга. Вместе с тем по ряду причин, и в особенности из-за слабой координации работы компетентных ведомств, социально-демографический и экономический компоненты пограничной политики на РДВ имели во многом свою собственную, асинхронную динамику. Поэтому изучение этих компонентов пограничной политики требует построения двух отдельных периодизаций, сопоставление которых в дальнейшем даст возможность выделить как общее, так и различное в их целях.

Рассмотрение развития пограничной политики в регионе, на мой взгляд, лучше начать с миграционного компонента, который первым ощутил на себе революционность перемен, происходивших в стране. Исходя из содержания целей и задач регулирования трансграничной миграции на РДВ, в его истории с начала 1990-х годов можно выделить шесть основных этапов: I. 1991–1993 гг. II. 1993–2000 гг. III. 2000–2006 гг. IV. 2006–2010 гг. V. 2010–2014 гг. VI. 2014 г. — настоящее время.

**I этап (1991–1993 гг.)** Процесс «открытия» советских/российских границ для миграционного обмена начался уже в 1988 г., однако с 1991 г. он приобрел характер радикальной дебарьеризации. Общей целью такой дебарьеризации являлось содействие не столько экономическому, сколько общественно-политическому развитию страны, ее скорейшей демократизации и либерализации, что во многом и определило радикализм этого процесса. При этом на РДВ дебарьеризация границ подталкивалась стремлением к ускорению нормализации отношений с Китаем, что сделало этот регион едва ли не самой открытой вовне частью России.

Задача наращивания общего объема трансграничного миграционного оборота на РДВ, декларируемая российскими властями на этом этапе<sup>2</sup>, не была оформлена в виде каких-либо программных документов и, соответственно, не была конкретизирована в целевых количественных показателях и механизмах реализации. Некоторое политико-правовое оформление в 1991–1992 гг. получили лишь задачи увеличения объемов туристической и трудовой миграции, прежде всего в отношениях с КНР. Первая из этих задач нашла воплощение в нотах МИД КНР от 4 января 1991 г. и посольства СССР от 1 марта 1991 г. и межправительственном соглашении «О безвизовых групповых туристических поездках» (декабрь 1992 г.), а вторая — в российско-китайских соглашениях «О принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России» (август 1992 г.) и «О направлении российских технических специалистов в КНР» (декабрь 1992 г.)<sup>3</sup>. Следует подчеркнуть, что намеченные задачи не были обеспечены не только специализированной (подзаконной) нормативной базой, но и необходимыми организационными и материальными средствами. Как система пограничная миграционная политика на этом этапе, по существу, еще отсутствовала.

**II этап (1993–2000 гг.)** На этом этапе миграционной политики доминанта развития уступила место цели обеспечения безопасности. Этот поворот произошел на фоне массовой обеспокоенности реальными и мнимыми последствиями дерегулирования трансграничной миграции, порой приобретавшей характер острой синофобии. Примечательно, что смена курса пограничной политики была инициирована (в октябре — ноябре 1993 г.) администрациями дальневосточных регионов<sup>4</sup>, и только затем была подхвачена, в несколько смягченной форме, центральной властью<sup>5</sup>. Именно региональные власти, чье влияние на пограничную политику на этом этапе было особенно сильным, требовали сокращения общего объема иностранной, прежде всего, китайской миграции. Ответом на эти требования стал Указ Президента РФ «О мерах по введению миграционного контроля» от 16 декабря 1993 г. и подписанное через три недели соглашение с КНР «О визовых поездках граждан», которое симметрично ограничило и выезд россиян<sup>6</sup>.

Однако ограничительные меры в отношении различных видов миграционных потоков осуществлялись противоречиво и неравномерно. Наиболее значительному

и прямому ограничению подверглась трудовая миграция. Помимо получения трудовыми мигрантами виз, с декабря 1993 г.<sup>7</sup> их работодатели должны были запрашивать в органах ФМС разрешение на ввоз необходимого им количества рабочей силы<sup>8</sup>. Косвенным путем, но также значительно уменьшались возможности для «челночной» миграции. Нормы, касающиеся объемов и стоимости провозимых российскими и иностранными «челноками» товаров и самого порядка их перемещения, последовательно ужесточались в 1993, 1996 и 1998 г.<sup>9</sup> В наименьшей степени ограничения затронули сферу туризма: сроки пребывания для российских и китайских безвизовых групп были сокращены с 6 до 3 месяцев. Рассматривая миграционную политику на данном этапе, важно учитывать, что создание ее институциональной базы на РДВ — сети региональных органов и постов ФМС — было завершено в целом лишь к 1997 г.

**III этап (2000–2006 гг.)** Как и на предыдущем этапе, приоритетом миграционной политики оставалась безопасность, что на этот раз было связано с усилиями нового руководства РФ по централизации политической системы и борьбой с террористической угрозой. Вместе с тем как показывает принятая в 2003 г. Концепция регулирования миграционных процессов, это не означало постановки задачи по уменьшению общего объема трансграничной миграции: ограничительные меры в отношении нелегальной миграции должны были сочетаться со стимулированием притока мигрантов в трудонедостаточные регионы страны<sup>10</sup>.

В миграционной политике РФ в это время наметился переход к селективному подходу к разным категориям мигрантов и территориям их въезда. Объектом преимущественно рестриктивных мер стал, прежде всего, туристический поток, а точнее, безвизовый российско-китайский туризм, создававший благоприятные условия для незаконной активности мигрантов. Подписанное в феврале 2000 г. новое соглашение РФ и КНР о безвизовых групповых туристических поездках уменьшало их продолжительность (до 30 дней), сужало круг допущенных в эту сферу туристических организаций и фиксировало минимальный размер тургруппы (5 человек)<sup>11</sup>. В 2006 г. минимальный размер группы был повышен до 50 человек, а продолжительность поездки ограничена 15 днями<sup>12</sup>. В самом конце данного этапа (январь 2006 г.) правительство сделало очередной шаг к уменьшению объема «челночного» потока: сокращению вновь подверглись вес и стоимость товаров, провозимых физическими лицами, и частота пересечений ими границы<sup>13</sup>.

Не столь однозначны были задачи, поставленные в сфере трудовой миграции. С одной стороны, ряд правовых актов 2000–2004 гг., создававших систему квотирования иностранной рабочей силы, повышавших плату за ее приглашение, ужесточавших требования к учету и преследование нелегального труда, воздвигал новые барьеры для этого вида миграции<sup>14</sup>. С другой — заключение в 2000 г. соглашений с Китаем о ввозе рабочей силы и повышение квот для иностранных работников<sup>15</sup> говорит о том, что российские власти, тем не менее, были заинтересованы в увеличении притока легальных трудовых мигрантов. Следует заметить, что полноценная реализация задач данного этапа миграционной политики в связи с организационной реформой миграционных органов началась не ранее 2002 г.

**IV этап (2006–2010 гг.)** На четвертом этапе стратегической целью российской миграционной политики становится поддержка экономического роста в стране. При этом, следуя приоритету развития, миграционная политика все более дифференцируется в социальном и региональном разрезе. С проблемы общего контроля трансграничной миграции фокус внимания государства смещается на задачи специализированного регулирования составивших ее потоков. В 2006 г. руководством РФ был взят курс на разработку особой миграционной политики для восточных районов страны, нашедший отражение в программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» (ноябрь 2007 г.), а затем в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона» (декабрь 2009 г.)

Политика поощрения трудовой миграции в Россию, начатая в июле 2006 г. введением уведомительного миграционного учета, подкрепленная резким повышением квот на рабочую силу и увенчавшаяся в 2010 г. дополнением квотной системы патентным порядком найма иностранцев, предназначалась, прежде всего, для выходцев из стран Центральной Азии<sup>16</sup>. Тем не менее, она должна была создать более благоприятные условия для въезда на РДВ трудовых мигрантов и из дальнего зарубежья, в том числе из Китая. Более выраженную региональную направленность имела поставленная в те же годы задача увеличения туристического обмена: наиболее определенно она была сформулирована в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.<sup>17</sup> На этом политическом фоне продолжалось ограничение «челночной» миграции: в конце 2006 г. Правительство РФ приняло решение о вытеснении иностранцев с рынков и из розничной торговли, а в начале 2009 г. были вновь ужесточены правила провоза товаров через границу физическими лицами<sup>18</sup>.

**V этап (2010–2014 гг.)** В 2010 г. влияние мирового экономического кризиса на экономику страны заставило российские власти внести существенные коррективы в курс на либерализацию внешней миграции. Стратегической целью вновь становится обеспечение национальной безопасности — прежде всего экономической и социокультурной. Вместе с тем для миграционных отношений в рамках Таможенного союза (ТС), затем Евразийского экономического союза, а также АТР, доминанта развития на этом этапе сохранила свою актуальность, что свидетельствовало о дальнейшей регионализации миграционной политики.

Подписанное в ноябре 2010 г. членами ТС соглашение о борьбе с нелегальной миграцией положило начало целой серии решений, ограничивающих потоки трудовых мигрантов из-за пределов ТС<sup>19</sup>. Эти решения включали в себя как значительное сокращение квот и ужесточение ответственности за нарушение миграционного законодательства (за счет расширения практики запретов на въезд), так и косвенные ограничения в форме введения, например, обязательной медицинской страховки и тестирования мигрантов на знание русского языка<sup>20</sup>. В то же время эта политика сочеталась с мерами по стимулированию притока высококвалифицированных работников, образовательных мигрантов и туристов. Нарастанию объемов туризма придавалось особое значение на РДВ, где был не только продолжен курс на увеличение соответствующего потока из Китая, но и заключено новое соглашение о безвизовых поездках с РК (ноябрь 2013 г.)<sup>21</sup> При этом основная ставка делалась именно на въездной туризм, дальневосточников же предполагалось обеспечить внутренними туристическими услугами<sup>22</sup>. Неожиданный эффект на этом этапе евразийская интеграция произвела на «челночную» миграцию в регионе: с введением Таможенного кодекса ТС в июле 2010 г., по сути вернувшего правила провоза товаров физическими лицами, действовавшие до 2006 г., ее возможности впервые за долгие годы были расширены<sup>23</sup>.

**VI этап (2014 г. — настоящее время)** Нынешний этап новейшей истории миграционного компонента пограничной политики начался в условиях резкого осложнения международной обстановки вокруг России и попыток ее изоляции со стороны ряда западных держав. После вхождения в состав РФ Крыма (март 2014 г.) безопасность, в том числе военно-политическая, становится безусловным приоритетом государства на его западных границах. Однако одновременно с этим на границах России со странами АТР миграционная политика приводится в соответствие с целями развития. Фактически, в эти годы на РДВ завершается оформление особой региональной миграционной политики.

В настоящее время ее основу образуют законы о ТОРах (2014 г.) и свободном порте (2015 г.) В пределах территорий ТОРов и свободных портов применяется либерализованный режим привлечения иностранных работников — без получения разрешений и квотирования. Кроме того, в свободных портах предусмотрен упрощенный (безвизовый) порядок краткосрочного въезда иностранцев<sup>24</sup>. Работа над нормативным и институ-

циональным обеспечением новой миграционной политики в регионе, так же как и определением перечня и границ ТОРОВ и свободных портов, еще не закончена. Однако значительность происходящего пересмотра задач управления трансграничными потоками в трудовой, туристической и других сферах уже вполне очевидна.

Если рассмотреть тот же исторический период с точки зрения изменений целей и задач экономического (торгового и инвестиционного) компонента пограничной политики, то в нем можно выделить следующие этапы: 1) 1991–1992 гг.; 2) 1992–1994 гг.; 3) 1994–1999 гг.; 4) 1999–2006 гг.; 5) 2006–2014 гг.; 6) 2014 г. — настоящее время.

**1) 1991–1992 гг.** Как и в случае с трансграничной миграцией, переход к радикальному дерегулированию сферы трансграничных экономических потоков был продиктован целями скорее демократического транзита, нежели развития собственно экономики. Решающими шагами к открытию границ для экономической активности физических и юридических лиц на первом этапе стали указы «Об иностранных инвестициях в РСФСР» от 4 июля 1991 г. и «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории России» от 15 ноября 1991 г.<sup>25</sup> Исключая экспортные квоты на некоторые стратегические товары, все барьеры для трансграничных экономических отношений на этом этапе были устранены. Либерализация была недифференцированной и в равной мере распространялась на все виды экономических потоков.

**2) 1992–1994 гг.** Наступление второго этапа было обусловлено углублением социально-экономического и политического кризиса в стране и угрозой полной потери государственного контроля над трансграничными экономическими процессами. В условиях недополучения бюджетных доходов, криминализации рынка, проявлений сепаратизма регионов государство было вынуждено прибегнуть к мерам по обеспечению своей безопасности, в том числе административного и фискального характера. С октября 1992 г. был принят ряд решений по усилению валютного контроля, повышению таможенных пошлин и налогов, квотированию и лицензированию торговли, ограничению бартера и т.д. Они касались как экспортных, так и импортных операций. Под фискальные меры попали даже иностранные инвестиции<sup>26</sup>. Вместе с тем эта политика безопасности была бессистемной и непоследовательной, содержала в себе множество пробелов и отступлений, уступок и льгот, предоставленных тем или иным лоббистам. Кроме того, центральные власти далеко не всегда были способны проконтролировать исполнение своих решений на местах.

**3) 1994–1999 гг.** Отказ федерального центра в июле 1994 г. от административных (квоты, лицензирование) инструментов внешнеэкономического управления, а затем принятие в 1995 г. закона о государственном регулировании внешней торговли<sup>27</sup> ознаменовали наступление третьего этапа пограничной политики в этой области. Очередная либерализация была не такой радикальной и всеобъемлющей, как предыдущая. Значительно снизив экспортные пошлины, государство поощряло, прежде всего, вывоз сырьевых товаров, и особенно топливно-энергетической продукции. В то же время, пошлины на импорт, за исключением импорта машин и оборудования, ощутимо выросли. Кроме того, в 1994–1995 гг. правительство приняло несколько законов и комплексную программу, которые были направлены на стимулирование притока иностранных инвестиций<sup>28</sup>. Стремление к дифференциации задач экономической политики нашло выражение также в попытке учета региональных интересов: в 1996 г. была принята первая редакция ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» и параллельно заключен ряд соглашений, нацеленных на активизацию торгово-экономического сотрудничества с Китаем<sup>29</sup>. Однако для проведения такой активной политики у правительства было явно недостаточно как финансовых, так и институциональных средств. Поэтому реализация намеченных целей развития осуществлялась фактически силами территориальных и корпоративных субъектов, в соответствии с их возможностями и предпочтениями.

**4) 1999–2006 гг.** Начало четвертого этапа истории экономического компонента пограничной политики было связано с обновлением правящей элиты России после пере-

житого страной в 1998 г. глубокого экономического кризиса. Первым проявлением нового курса этой элиты, основанного на приоритете национальной безопасности, стал закон об экспортном контроле (март 1999 г.) Изменения в политике были закреплены в Концепции национальной безопасности (январь 2000 г.) и Концепции охраны государственной границы на 2001–2005 гг. (сентябрь 2001 г.)<sup>30</sup> и получили развернутое выражение в Таможенном кодексе и ряде внешнеэкономических законов 2003 г.<sup>31</sup>

Хотя государство официально не ставило задачи снижения общего объема трансграничных экономических отношений, в результате усилий по их упорядочению, декриминализации и централизации многие составляющие их потоки подверглись тарифной и нетарифной барьеризации. В минимальной степени это коснулось бюджетообразующего топливно-энергетического экспорта. С большими ограничениями столкнулись ввоз и вывоз машиностроительной продукции. Для иностранных инвестиций были практически закрыты отнесенные к стратегическим нефтегазовая, банковская, сельскохозяйственная и некоторые другие отрасли. Эти меры распространялись и на отношения с Китаем, хотя в то же время целый ряд подписанных с ним на данном этапе соглашений и деклараций ставили задачи наращивания двусторонней торговли и инвестиций. Характерными были и попытки российского руководства ослабить зависимость от Китая путем диверсификации трансграничных экономических связей, что выразилось в появлении документов о торгово-экономическом сотрудничестве с Японией (2003 г.) и РК (2005 г.). Объектом наиболее жесткой барьеризации, несмотря на принятие в 2002 г. очередной редакции Программы развития Дальнего Востока и Забайкалья, стали приграничные отношения дальневосточных регионов, что было ярко продемонстрировано замораживанием начатой в конце 1990-х годов работы по созданию приграничных торгово-экономических комплексов (ПТЭК)<sup>32</sup>.

5) 2006–2014 гг. Переход к пятому этапу внешнеэкономической политики был связан с изменением соотношения приоритетов безопасности и развития и одновременно со смещением вектора интересов российского государства на восток. В числе первых шагов, обозначивших этот поворот, были решение о разработке третьей редакции Программы развития Дальнего Востока и Забайкалья (декабрь 2006 г.), предусматривавшей значительный рост бюджетных вложений, и заключение соглашения о режиме наибольшего благоприятствования в инвестиционном взаимодействии с КНР (ноябрь 2006 г.) А наиболее полное изложение новый курс получил во «Внешнеэкономической стратегии РФ до 2020 года» (декабрь 2008 г.)<sup>33</sup> Содержание этой стратегии и сопутствовавших нормативно-правовых актов говорит о выстраивании сложно дифференцированной системы регулирования трансграничных экономических отношений. Важнейшую роль в ней играли активная тарифная и нетарифная политика, поддержка крупных экспортеров, особенно ТЭК, стимулирование модернизации обрабатывающей промышленности за счет снижения пошлин на ввоз оборудования и их повышения на вывоз необработанного сырья, поощрение инвестирования в Россию путем упрощения связанных с ним процедур. Вместе с тем государство сохраняло определенные ограничения для иностранных инвесторов и разворачивало административную борьбу с «серым» и «черным» товарооборотом. Происходившая в эти годы географическая диверсификация трансграничных экономических отношений имела характер целенаправленной девестернизации и концентрации на евразийском и восточноазиатском направлениях. Активность на восточноазиатском направлении, развивавшаяся и в проведении саммита АТЭС во Владивостоке, и заявленных вице-премьером И. Шуваловым (сентябрь 2012 г.) планах по превращению АТР в течение 5–10 лет в главного торгового партнера России<sup>34</sup>, имела особенную значимость для РДВ. Эти планы Москвы были тесно связаны с реализуемой с 2007 г. Программой развития Дальнего Востока и Забайкалья, отводившей торгово-инвестиционному взаимодействию с АТР роль одного из его основных факторов.

6) 2014 г. — настоящее время. Специфика современного этапа эволюции экономического компонента пограничной политики состоит в четкой дифференциации приоритетов безопасности и развития по территориальному и отраслевому принципам. Втягивание России во внешнеэкономическую войну санкций и контрсанкций со странами ЕС и НАТО сопровождалось одновременной интенсификацией интеграционных процессов в рамках ТС и форсированной либерализацией функционирования восточноазиатских рубежей. Принятые для этого сегмента границ законы о ТОРах и свободном порте предусматривают применение режима свободной таможенной зоны, использование технических и санитарных регламентов ОЭСР, работу «единого окна» при прохождении участниками ВЭД контроля на границе и другие новации. Эти меры должны решить задачи увеличения объемов инвестиций и экспорта высокотехнологичного оборудования на территориях РДВ, предназначенных стать центрами ускоренного роста обрабатывающих, импортозамещающих производств<sup>35</sup>.

Сравнение двух периодизаций показывает, что развитие социально-демографического и экономического компонентов пограничной политики имело несовпадающую хронологию, причем это несовпадение в целом было связано с несколько опережающей динамикой экономического компонента, который привлекал к себе преимущественное внимание государства. Вместе с тем со временем степень согласованности изменений в обоих компонентах возрастала. В XXI в. меры регулирования государством трансграничных миграционных и экономических потоков уже не приходили в такое прямое противоречие, как это имело место в 1992–1993 и 1995–1999 гг. Наряду с согласованностью, которая со второй половины 2000-х годов стала приобретать концептуальный характер, постепенно росла и дифференцированность, разнообразие задач пограничной миграционной и экономической политики как в отраслевом, так и территориальном разрезе. С 2006 г. можно говорить о начале формирования на РДВ регионально специализированной пограничной политики.

Дать оценку эффективности пограничной политики на РДВ позволяют диаграммы 1–4, отражающие общую динамику трансграничных отношений региона на разных этапах их государственного регулирования и изменения в объемах некоторых из составляющих их потоков.

Как показывает анализ диаграмм, явную неэффективность, то есть комплексную (по большинству изучаемых сфер) разнонаправленность динамики целевых и фактических объемов трансграничных отношений РДВ, социально-демографический компонент пограничной политики демонстрировал в 2006–2010 гг., а экономический — в 2006–2014 гг. Очевидно, что в обоих случаях главным (но далеко не единственным) фактором невыполнения поставленных перед пограничной политикой задач был начавшийся в 2008 г. мировой экономический кризис. Что касается государственного регулирования трансграничных отношений РДВ на остальных этапах, то с точки зрения большинства его рассмотренных задач оно может быть признано эффективным. Однако такой вывод нуждается, по крайней мере, в двух существенных уточнениях. Во-первых, в 1990-е годы (в экономической сфере — до 1994 г.) видимая эффективность пограничной политики была тесно связана с крайне слабой дифференцированностью ее задач, простотой, если не примитивностью, ее целей, состоявших сначала в радикальном дерегулировании всех видов трансграничных потоков, а затем в их общей же барьеризации. Во-вторых, официальные данные об объемах фактических трансграничных потоков не включают в себя их значительную нелегальную (неофициальную) составляющую. Если учесть экспертные оценки нелегальной трудовой и челночной миграции и «серой» торговли<sup>36</sup>, то отражаемый диаграммами количественный эффект барьеризации в социально-демографической сфере (1993–2000 и 2000–2006 гг.) и в сфере экономической (1992–1994 гг.) окажется значительно меньшим.

Диаграмма 1

**Динамика трансграничных экономических отношений РДВ и этапы их регулирования (1992–2015 гг.)<sup>37</sup>**

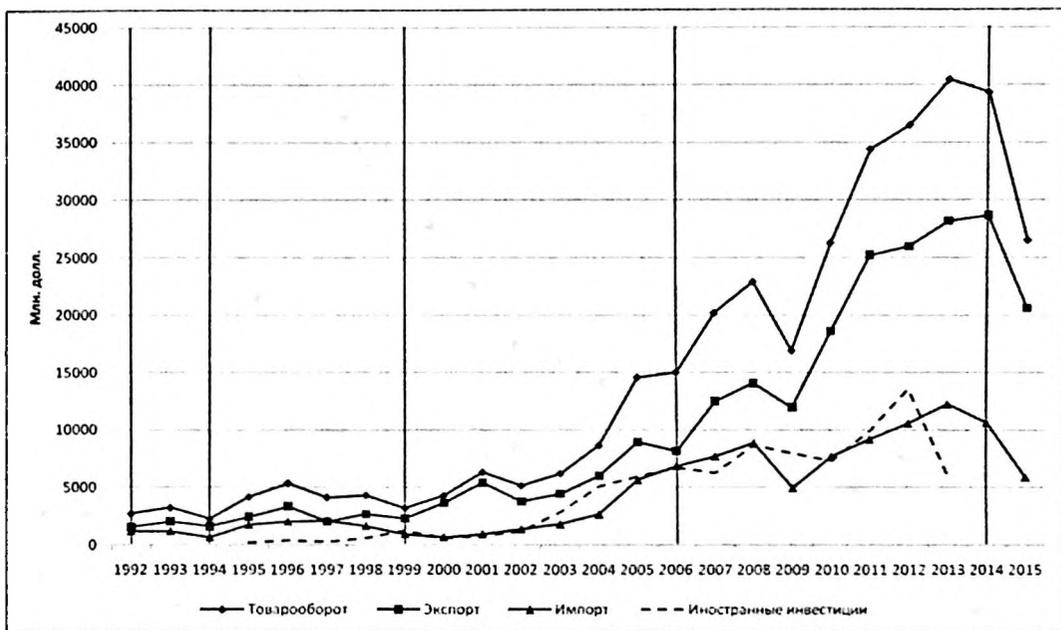


Диаграмма 2

**Динамика структуры внешней торговли РДВ и этапы ее регулирования (1991–2015 гг.)<sup>38</sup>**

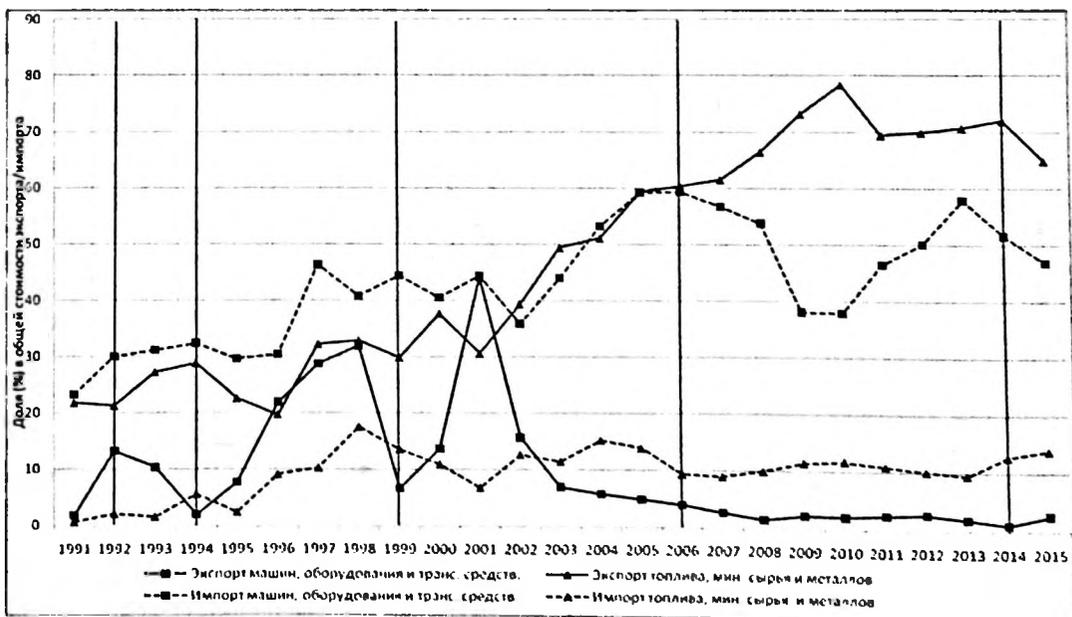


Диаграмма 3

**Миграционные потоки между Россией и странами Восточной Азии и этапы их регулирования (1993–2014 гг.)<sup>39</sup>**

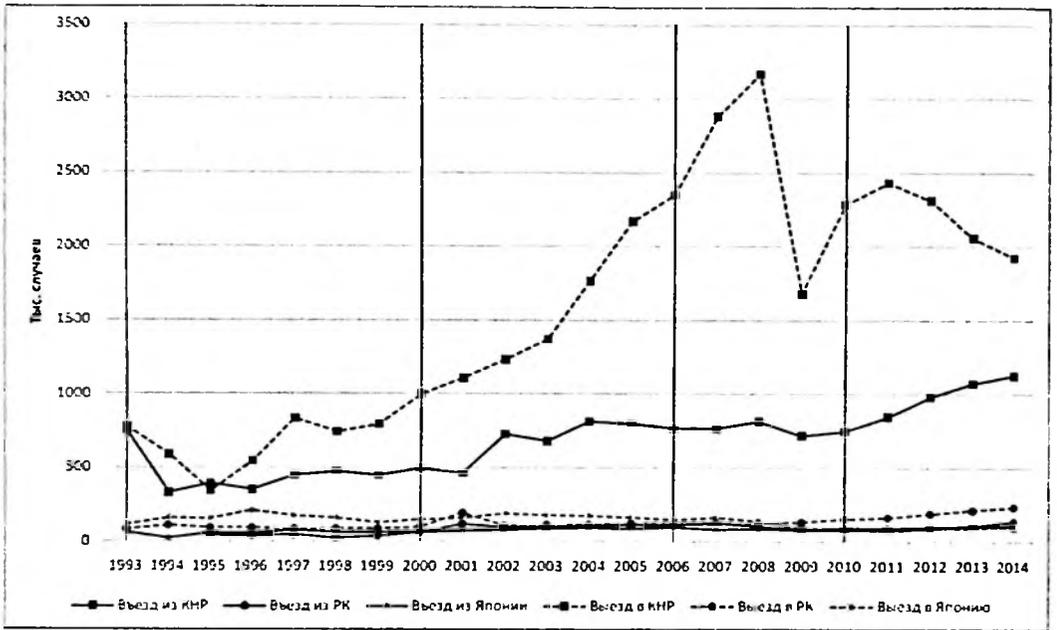
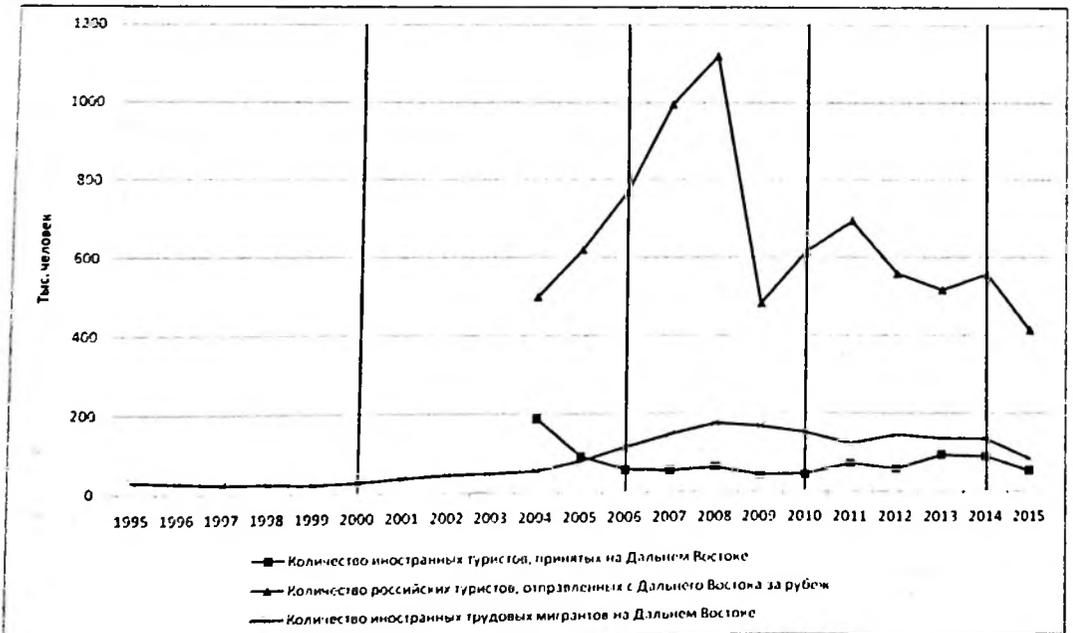


Диаграмма 4

**Трансграничная туристическая и трудовая миграция на РДВ и этапы ее регулирования (1995–2015 гг.)<sup>40</sup>**



Говоря об отдельных разновидностях трансграничных потоков, можно выделить те из них, стимулирование которых государством было наименее результативным. В социально-демографической сфере к ним относится въездной туризм: несмотря на многие принятые с 2006 г. меры к его поощрению, устойчивого роста этого потока на РДВ до сих пор не наблюдается (прирост турпотока из КНР в 2010–2014 гг. был поглощен в основном европейской частью России). В экономической сфере наиболее явную и длительную неэффективность показывает политическая поддержка дальневосточного экспорта машин и оборудования, доля которого в вывозе падает с начала 2000-х годов. В целом малоэффективной остается политика привлечения в регион иностранных инвестиций: их рост в 2012 г. оказался кратковременным всплеском, обернувшимся значительным спадом<sup>41</sup>.

Следует заметить, что оценка эффективности пограничной политики, исходя из поставленных в ней задач, не всегда достаточна для понимания ее реального воздействия на развитие региона. Эффективность должна оцениваться и в более широком контексте — с точки зрения объективных потребностей и возможностей РДВ, интерпретация которых государством в своей политике далеко не всегда является полной и адекватной. Очевидно, что даже в те периоды и в тех областях трансграничных отношений, когда и где они положительно реагировали на политическое стимулирование, их рост был совершенно незначителен относительно социально-демографического и экономического потенциалов РДВ и его соседей. В самом благополучном по поступлению иностранных инвестиций на РДВ 2012 году их объем не превышал 9,3% от ВРП (по ППС), или около 1/4 от общего объема инвестиций в регион<sup>42</sup>. Максимум же численности иностранной рабочей силы в регионе, достигнутый в 2008 г. (174,4 тыс.), составил лишь около 2/3 от общего дефицита рабочей силы в промышленности и строительстве в том году (247,6 тыс.)<sup>43</sup>.

Судя по данным за 2015 г., новая пограничная политика пока не переломила негативных тенденций в динамике трансграничных отношений РДВ, во многом обусловленных сложной внешнеполитической обстановкой. Возможно, что эффект от комплекса решений, образующих эту политику, еще не успел проявиться в полной мере. Однако более существенное влияние на эффективность нынешней пограничной политики на РДВ, на наш взгляд, оказывает то, что она по-прежнему несвободна от ряда характерных особенностей, сложившихся на протяжении последних десятилетий. К таким ее ключевым внутренним дефектам необходимо отнести следующие:

1) недостаточная точность в постановке задач пограничной политики и их согласовании с задачами региональной политики на РДВ. Несмотря на достигнутую высокую степень отраслевой и территориальной дифференциации задач пограничной политики, в большинстве своем (исключая показатели объема экспорта), в отличие от задач региональной политики, они до сих пор не выражаются в однозначных количественных индикаторах;

2) явная структурная несбалансированность пограничной политики в регионе, поощряющей и усиливающей его специализированность на вывозе топливно-энергетических и иных сырьевых товаров. Такая узкая специализация экономики РДВ делает ее крайне зависимой от конъюнктуры внешних рынков и, в конечном счете, резко ограничивает возможности политического регулирования;

3) взаимная противоречивость регулирования объективно связанных между собой разновидностей трансграничных потоков. Особенно наглядно она проявляется в попытках стимулирования притока иностранных инвестиций при одновременном сдерживании внешней трудовой миграции (прежде всего из КНР);

4) дискриминационный характер пограничной политики в отношении малого бизнеса, который является главным субъектом строительства трансграничных социально-экономических сетей. Длительное подавление челночной миграции повлекло за собой разрушение таких сетей или их вытеснение в теневую, криминализованную зону.

Наиболее же общим фундаментальным изъяном пограничной политики на РДВ выступает устойчивое преобладание приоритета безопасности над целями развития региона. Обусловленная этим длительность барьеризации дальневосточных границ — на протяжении изучаемого периода 9 лет в экономической и 17 лет в миграционной сфере — сама по себе не могла не стать препятствием для совершенствования их контактных функций. Результатом такой озабоченности безопасностью оказалось огромное недополучение регионом выгод от развития трансграничных отношений. Примерную величину этих упущенных выгод можно оценить, сравнив социально-экономическую динамику РДВ и Северо-Востока Китая, прибегавшего в изучаемый период к барьерным мерам очень избирательно и осторожно. Однако вряд ли даже самые убежденные сторонники жесткой пограничной политики возьмут на себя смелость утверждать, что современный Китай защищен от трансграничных угроз меньше, чем Россия.

1. Эта цель впервые была определенно сформулирована еще в Указе Президента РФ № 605 от 7 мая 2012 г., но создание соответствующей нормативно-правовой базы началось с 2014 г.
2. *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. С. 142–143.
3. *Понкратова Л.А.* Этапы развития трансграничной миграции в российско-китайской контактной зоне // Демографическое развитие российского Дальнего Востока: Сборник статей. Том 2. № 1 / под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Изд-во «Экоп-Информ», 2016. С. 94.
4. Первая попытка квотирования иностранной рабочей силы была предпринята в Приморском крае еще в марте 1992 г.
5. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 114, 383–384.
6. *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 57–58.
7. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ». URL: [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_2863](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2863)
8. С 1997 г. этот общий порядок был распространен и на работников из КНДР.
9. *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы... С. 58–60; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона... С. 362.
10. Концепция регулирования миграционных процессов в РФ. URL: [www.consultant.ru/document/cons.../ae34219c5777239ace76672ef4455433c0a5b907/](http://www.consultant.ru/document/cons.../ae34219c5777239ace76672ef4455433c0a5b907/); Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. С. 19.
11. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 20–24.
12. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 253.
13. *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы... С. 66.
14. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ. URL: [http://www.mid.ru/spd\\_md.nsf/0/EACA6A6A8BCAE25DC325785A003FAE62](http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/EACA6A6A8BCAE25DC325785A003FAE62); Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» // Система «Гарант». URL: [base.garant.ru/184755/](http://base.garant.ru/184755/); Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2002 г. № 941 «О порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на работу». URL: [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_40261/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40261/) и др.
15. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 2.. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 140–145; *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы... С. 62–63.
16. *Градировский С.Н.* Доклад «Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве». Москва, 2010. URL: [http://www.archipelag.ru/download/book/text\\_pdf/doklad\\_vb\\_2010/02\\_trud.pdf](http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/doklad_vb_2010/02_trud.pdf); *Ионцев В., Ивахнюк И.* Аналитический доклад по проекту

- на тему: Роль международной трудовой миграции для экономического развития России. San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012. С. 33–34.
17. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.). URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc>
  18. *Понкратова Л.А.* Этапы развития трансграничной миграции... С. 100–102.
  19. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19 ноября 2010 г. / Евразийская экономическая комиссия. URL: [www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/tm/Pages/sogl2.aspx](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/tm/Pages/sogl2.aspx).
  20. Неединая Россия. Доклады по этнополитике. М.: Институт национальной стратегии ; Книжный мир, 2015. С. 330–335; *Рязанцев С.В.* Регулирование трудовой миграции в России с учетом международного опыта. 25–26 мая 2015 // *Eastrussia — Дальний Восток России*. URL: [www.eastrussia.ru/upload/iblock/21e/Ryazantsev.pdf](http://www.eastrussia.ru/upload/iblock/21e/Ryazantsev.pdf).
  21. Соглашение между Правительством РФ и Правительством РК о взаимной отмене визовых требований (Сеул, 13.11.2013). URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_156981/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156981/)
  22. Одним из главных шагов в этом направлении было субсидирование внутренних авиаперелетов для жителей РДВ.
  23. Интервью заместителя руководителя ФТС Сергея Шохина 17.09.2010 // Федеральная таможенная служба. URL: [http://www.customs.ru/index.php?view=category&id=26%3A2011-01-24-14-45-21&option=com\\_content&Itemid=1830&limitstart=340](http://www.customs.ru/index.php?view=category&id=26%3A2011-01-24-14-45-21&option=com_content&Itemid=1830&limitstart=340).
  24. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279>; Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39906>.
  25. *Полетаев В.Э.* Государство и бизнес в России: инновации и перспективы. М., 2012. С. 57.
  26. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 53–54; Дальний Восток России: экономический потенциал / под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 211–212.
  27. *Батманова В.В.* Эволюция экспортной деятельности в России // Региональная экономика. Юг России. 2012. № 13. С. 45–46; Дальний Восток России... С. 211–212.
  28. Дальний Восток России... С. 212, 227–228.
  29. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона... С. 70–71; ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480). URL: <http://government.ru/docs/8957/>
  30. Концепция национальной безопасности РФ (от 10 января 2000 г. № 24). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>; Концепция охраны Государственной границы РФ, внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа, исключительной экономической зоны РФ и их природных ресурсов на 2001–2005 гг. (от 1 сентября 2001 г.). URL: [http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrinalnye\\_i\\_k/kontseptsija\\_ohr/](http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrinalnye_i_k/kontseptsija_ohr/)
  31. *Губарева А.В.* Исторический очерк регулирования внешнеэкономической деятельности в России // *International Journal of Russian Studies*. 2015. No. 4/1. P. 52–64; *Батманова В.В.* Эволюция экспортной деятельности в России... С. 46.
  32. *Гуань Гуйхай.* Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 194–195.
  33. *Власюк Л.И.* Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. С. 115–116; Внешнеэкономическая стратегия РФ до 2020 г. (1 декабря 2008 г.) URL: [economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vsc2020/](http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vsc2020/); *Губарева А.В.* Исторический очерк регулирования... P.52–64.
  34. Через 5–10 лет Россия будет активнее вести торговлю со странами АТР, чем с Европой // ИТАР-ТАСС. 07.09.2012. URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/602422>.
  35. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279>; Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39906>; *Вардамский Л.Б.* Об азиатском векторе трансформации экономического простран-

- ства России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 549–550.
36. Так, по оценкам А.Г. Ларина, в 2000-е годы приблизительно 50–60% трудовых мигрантов из КНР работали в России нелегально (*Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 152). По данным, приводимым Н.Л. Симутиной и Н.П. Рыжовой, в 1993 г. доля неучтенной российской таможенной торговли в обороте между КНР и Россией составляла более 42% (*Симутина Н.Л., Рыжова Н.П.* Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск—Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 139).
37. Составлено по: Внешнеэкономическая деятельность Амурской области за 2005–2015 гг. / Амурстат. Благовещенск, 2016; Дальний Восток России: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 559–560; Регионы России. М., 1997–2015; Российский статистический ежегодник М., 1998–2015.
38. Составлено по: Внешнеэкономическая деятельность предприятий Дальневосточного региона в 2001 г. (данные таможенной статистики) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2002. № 1. С. 4–11; Итоги внешнеэкономической деятельности предприятий Дальневосточного региона за 1999 г. (по данным таможенной статистики) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2000. № 1. С. 19–25; *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. С. 421; *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 97–98; *Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2014 г. // *Пространственная экономика*. 2015. № 2. С. 157; *Они же.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. // *Пространственная экономика*. 2016. № 2. С. 149–150; *Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Деваева Е.И., Котова Т.Е.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2010 г. // *Пространственная экономика*. 2011. № 2. С. 86–87; *Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2012 г. // *Пространственная экономика*. 2013. № 2. С. 144–145; *Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 135–136; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 150–152; Дальний Восток России: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 559–560; Таможенная статистика внешней торговли Дальнего Востока в региональном разрезе за 1997 г. / ГТК РФ. ДВТУ. Владивосток, 1998.
39. Составлено по: Российский статистический ежегодник. М., 1994–2004; Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>.
40. Составлено по: Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/>; *Красова Е.В.* Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. С. 197; Регионы России. М., 2012–2015; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2013 г. / Росстат. М., 2014; Труд и занятость в России. М., 2003–2013; Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>.
41. С 2014 г. отмечается, однако, некоторый рост притока в регион прямых иностранных инвестиций.
42. Рассчитано автором на основе данных Росстата.
43. *Безруков И.С., Горбенкова Е.В.* Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. С. 114.

## Военное строительство

### О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР

© 2017

В.Б. Кашин

Статья рассматривает влияние Третьей стратегии компенсации Министерства обороны США, важнейшей американской военной и технологической концепции, реализуемой с 2014 г., на развитие китайских стратегических ядерных сил. Особенностью стратегии является ее ориентация, прежде всего, на сдерживание Китая и учет сильных и слабых сторон китайского промышленного и военного потенциала. Она реализуется на фоне уже идущего долгое время планомерного наращивания возможностей КНР по ядерному сдерживанию США. Влияние стратегии на китайское ядерное планирование может отразиться и на перспективах американско-российского диалога в сфере контроля над вооружениями.

*Ключевые слова:* Китай, США, Третья стратегия компенсации, ядерное оружие, ВПК.

#### Третья стратегия компенсации Министерства обороны США

Третья стратегия компенсации (СК-3) — важнейшая научно-техническая инициатива министерства обороны США, призванная обеспечить долгосрочное и подавляющее военно-техническое превосходство Соединенных Штатов над вероятными противниками за счет прорывных достижений в развитии ряда ключевых технологий, имеющих, как предполагается, решающее значение для определения облика будущих военных конфликтов. О начале осуществления Третьей стратегии компенсации США объявили в 2014 г., стратегия стала центральным элементом так называемой Оборонной инновационной инициативы (Defense Innovation Initiative), запущенной министром обороны Чаком Хейгелом.

СК-3, согласно заявлениям ее авторов, развивается на основе позитивного опыта Второй стратегии компенсации (СК-2), реализованной в 1970-е годы и призванной обеспечить военное превосходство над СССР. Особенностью СК-2, инициированной вскоре

---

*Кашин Василий Борисович*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ЦДВ РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».  
E-mail: v\_kashin@yahoo.com.

Статья подготовлена в рамках работ по гранту РГНФ № 15-37-11136.

после завершения войны во Вьетнаме, была ставка на приоритетное развитие средств управления, контроля, связи и разведки высокоточного и малозаметного оружия, космических систем. Таким образом США рассчитывали восстановить военное превосходство над СССР, утраченное после достижения Советским Союзом к началу 1970-х ядерного паритета с американцами. Помимо военной сферы, СК-2 оказала мощное и долгосрочное влияние на гражданскую экономику: наработанные в ходе ее реализации технологии привели к появлению системы спутниковой навигации GPS, способствовали рождению Интернета и современной сотовой связи.

В военной области СК-2, которая, по изначальным американским планам, должна была позволить сдержать советское наступление в Европе без применения ядерного оружия, никогда не была опробована против равного противника. Показателем эффективности СК-2 американскими авторами считается быстрый и почти бескровный разгром войск иракского режима Саддама Хусейна в ходе операции «Буря в пустыне» (август 1990 — февраль 1991 г.)

Под Первой стратегией компенсации американскими авторами в настоящее время понимается реализовывавшаяся американским президентом Дуайтом Эйзенхауэром в 1950-е годы концепция «нового облика» вооруженных сил США, нацеленная на компенсацию превосходства СССР и его союзников в обычных средствах, прежде всего, в танках и боевых бронемашинных за счет насыщения войск ядерным оружием поля боя.

Особенностью СК-2 является попытка добиться превосходства над противником в условиях некоторого ограничения возможностей военного бюджета США после завершения американской военной кампании во Вьетнаме. Что касается СК-3, то данная концепция инициирована на фоне неуверенного восстановления американской и мировой экономики после кризиса 2007–2008 гг. и резкого роста объемов американского государственного долга, что не позволяет Вашингтону идти на существенное увеличение военных расходов.

Авторы концепции и американские ученые, анализирующие ее, практически не скрывают, что, в отличие от предыдущих двух «стратегий компенсации», направленных на достижение превосходства над Советским Союзом и отталкивавшихся от анализа сильных и слабых сторон советского военного, промышленного и научно-технологического потенциала, СК-3 во многом ориентирована на сдерживание Китая. Другие оппоненты и потенциальные военные противники США, например, Россия и Иран, упоминаются в связи с реализацией стратегии лишь косвенным образом. Тезис о преимущественно «антикитайском» характере СК-3 поддерживается и большинством российских исследователей данной стратегии.

Анализу СК-3 к настоящему времени посвящен ряд статей российских ученых, в том числе А. Кокошина, В. Бартенева, В. Веселова, Л. Панковой, Л. Бочарова, В. Корчака, Е. Тужикова, Л.В. Савина. Как правило, российских исследователей интересуют аспекты СК-3, способные оказать влияние на стратегическую стабильность между Россией и США.

Следует отметить, что Третья стратегия компенсации продолжает эволюционировать. На данный момент можно считать в качестве важной особенности, что при ее реализации особое внимание будет обращать на максимальную интеграцию гражданских и военных технологий, широкое привлечение потенциала и многочисленных наработок гражданского высокотехнологического сектора американской экономики к решению военных задач.

Среди конкретных технологий, на которые предполагается сделать ставку, называются, как правило, искусственный интеллект, когнитивные технологии, технологии 3D-печати, гиперзвуковое оружие, робототехника, оружие с использованием направленной энергии. Предполагается, что реализация стратегии выведет на новый уровень возможности США в таких областях, как противоракетная и противолодочная

оборона, высокоточное оружие большой дальности, включая средства нанесения быстрого глобального удара, ведение боевых действий в информационном пространстве, которые обеспечат гарантированное подавляющее превосходство США в ведении боевых действий во всех средах.

### Китайские взгляды на Третью стратегию компенсации

Китай, выступая в качестве главного «адресата» СК-3, в политической и информационной сфере воздерживается от развернутой реакции на нее. СК-3 не затрагивалась до настоящего времени в заявлениях политических руководителей КНР. Стратегии посвящен ряд статей и комментариев представителей официальной китайской военной науки, в частности научных сотрудников Академии военных наук НОАК и ведущих военных вузов. В комментариях, как правило, выражается обеспокоенность в связи с реализацией СК-3, указывается на необходимость уделять тщательное внимание новым военнотехническим инициативам американцев. Вместе с тем, по мнению китайских военных ученых, достигнутые Китаем успехи в развитии военнотехнического потенциала не позволят американцам резко изменить баланс сил в свою пользу. США не могут опереться в Азиатско-Тихоокеанском регионе на сравнимый с НАТО военнополитический альянс (в отличие от ситуации в Европе в период реализации Второй стратегии компенсации), а географическое расположение американской военной инфраструктуры в регионе делает ее уязвимой<sup>1</sup>.

Обращается также внимание на идущие в США дискуссии по различным важным аспектам стратегии, сложность отношений между различными ветвями власти США, общая обстановка политической неопределенности в отношении будущего военной политики США<sup>2</sup>. Большинство китайских публикаций по вопросам СК-3 носят описательный характер, содержат минимальное число аналитических выводов и обобщений. Общая тональность китайских оценок — необходимость «тщательно следить» за новациями в рамках СК-3 и уверенность, что стратегия не позволит США реализовать их стратегические цели, а именно добиться подавляющего превосходства над Китаем.

Возможно, первой важной политической мерой, принятой китайцами в ответ на реализацию СК-3, стало учреждение решением Политбюро ЦК КПК нового важного партийного органа — Центральной комиссии по интегрированному гражданскому и военному развитию, в задачи которой входит определение приоритетных научно-технических проектов, обеспечение их финансирования и координация усилий по их реализации. О высоком статусе новой структуры говорит тот факт, что ее возглавил лично генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Центрального военного совета КНР Си Цзиньпин<sup>3</sup>. На параллели с СК-3 указывает ставка на интеграцию развития военных и гражданских технологий и вытекающая из специфики организации Комиссии и ее задач ориентация на ограниченное число особо важных, прорывных технологических мегапроектов.

### Китайская политика в сфере ядерного сдерживания по отношению к США

Одним из основных направлений китайской военной политики в ответ на принятие США СК-3, по всей видимости, будет интенсификация развития стратегических ядерных сил КНР.

Наметившиеся американские успехи в разработке систем противоракетной обороны поставили под вопрос стратегию минимального ядерного сдерживания, проводимую КНР с момента обретения статуса ядерной державы в 1964 г. Данная стратегия заключалась в отказе от гонки ядерных вооружений с другими державами; в отказе от применения ядерного оружия первыми; поддержании минимальных гарантирован-

ных возможностей для нанесения ответного ядерного удара. Предполагалось, что данная стратегия позволит уберечь Китай от ядерных угроз и ядерного шантажа, не отвлекая существенных средств, необходимых для быстрого наращивания экономического потенциала страны.

Китай приобрел технические возможности для нанесения ядерного удара по континентальной части Соединенных Штатов только в 1981 г., когда были поставлены на боевое дежурство первые две межконтинентальные баллистические ракеты DF-5 в шахтных пусковых установках. На протяжении 1980-х годов ядерное сдерживание США явно не было приоритетом для Китая, и в 1992 г. количество развернутых МБР DF-5 (усовершенствованной модификации DF-5A) составляло, согласно американским оценкам, лишь 4 единицы<sup>4</sup>. На протяжении 1990-х годов происходил существенный рост числа развернутых DF-5, количество которых к концу 90-х достигло 20 и с тех пор, по публикуемым американским оценкам, остается неизменным<sup>5</sup>.

Таким образом, в 1990-е годы Китай увеличил свои возможности по нанесению ядерного удара по территории США примерно в 5 раз, пусть и с очень низкой базы. Очевидно, необходимость ядерного сдерживания США была осмыслена заново после того, как Соединенные Штаты лишились противовеса в лице СССР. Дальнейшее наращивание численности группировки DF-5/DF-5A, как представляется, было остановлено ввиду несовершенства ракеты, делавшего ее массовое производство нецелесообразным с военной точки зрения.

DF-5 — огромная (стартовая масса 183 тонны) жидкостная ракета, послужившая основой для созданных КНР в 1970–1980-е годы семейств космических ракет-носителей CZ-2, CZ-3, CZ-4. Она требует длительной (до 60 минут) предстартовой подготовки и дорогостоящей инфраструктуры для обслуживания. Радикальное увеличение численности их группировки потребовало бы огромных затрат и при этом могло бы повлечь за собой ответные меры США, которые, в частности, могли бы относительно легко нарастить потенциал для нанесения обезоруживающего удара по подобным китайским комплексам с использованием как ядерных, так и высокоточных неядерных средств.

По тем же причинам, добившись еще в 1980-е годы прогресса в создании разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) для баллистических ракет, китайцы долгое время отказывались от развертывания подобных систем.

Дальнейший рост китайских возможностей по сдерживанию Соединенных Штатов был связан с группой проектов, инициированных в середине — конце 1980-х годов. В 1985 г. стартовали проекты разработки мобильной межконтинентальной баллистической ракеты DF-31 и баллистической ракеты подводных лодок JL-2, имеющих схожую конструкцию<sup>6</sup>. В 1986 г. стартовала программа разработки твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты DF-41, более крупной и тяжелой, чем DF-31 и способной нести РГЧ ИН с 6–10 боевыми блоками<sup>7</sup>.

Существенные подвижки в развитии китайского ядерного потенциала наместились, однако, лишь во второй половине 2000-х годов, а после избрания президентом США Барака Обамы и, особенно, выдвижения его администрацией в 2012 г. курса на «поворот в Азию» события ускорились.

В 2006 г. Китай начал развертывание первых ракет DF-31 (комплексы первой, установочной партии были показаны на параде 1999 г., но, скорее всего, не передавались в боевые части), а в 2007 — их усовершенствованной модификации DF-31A. В 2012 г. китайцы, по американским оценкам, смогли преодолеть основные технические сложности, связанные с разработкой ракет JL-2, что позволило начать их серийное производство и развертывание. Первый выход китайской атомной ракетной подводной лодки проекта 09-IV на боевое дежурство с данными ракетами, как предполагается, состоялся в 2015 г.<sup>8</sup> В том же, 2015 г. на параде в Пекине были продемонстрированы ракеты DF-5 новой модификации (DF-5B), впервые в китайской практике осна-

ценные РГЧ ИН, а также новые ракеты средней дальности DF-26, способные поражать цели на расстоянии до 4000 км. Это включает в зону их поражения отдельные тихоокеанские территории США, например, Гуам.

В следующем, 2016 г. баллистические ракеты DF-41 поступили на вооружение трех бригад китайских Ракетных войск в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Хэнань и Хэйлуцзян. Информация об этом появилась в китайских СМИ в январе 2017 г. (очевидно, имела место спланированная «утечка», приуроченная к инаугурации нового президента США Дональда Трампа 20 января того же года). Вскоре после этого в США были опубликованы данные об испытаниях очередной модификации ракеты DF-5, известной как DF-5C, оснащенной 10 боевыми блоками. Китайские официальные СМИ косвенно подтвердили эту информацию<sup>9</sup>. Параллельно в последние годы продолжали появляться сообщения о продолжающихся испытаниях ракеты DF-31B, дальнейшего развития семейства легких твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет DF-31, оснащенной РГЧ ИН с тремя боевыми блоками, бросковые испытания которой начались 25 сентября 2014 г.<sup>10</sup>

Таким образом, с момента распада СССР берет свое начало планомерный, неуклонный процесс наращивания китайского потенциала по ядерному сдерживанию США. Темпы этого процесса ограничивались, по всей видимости, исключительно технологическими и экономическими факторами. По мере достижения китайцами прогресса в соответствующих технологиях и роста финансовых возможностей китайского государства процесс китайского ядерного перевооружения ускорялся.

Китай до настоящего времени не связан никакими обязательствами в сфере контроля и ограничений ядерных вооружений и обладает полной свободой в создании и производстве их новых типов. Единственным китайским заявлением о размерах ядерного арсенала можно считать декларацию МИД КНР, сделанную в апреле 2004 г., согласно которой Китай обладает «самым маленьким ядерным арсеналом среди всех ядерных держав». На тот момент это означало, что Китай имел меньше ядерных боеголовок, чем Великобритания, у которой их было несколько менее 200. Оценки середины 2000-х годов позволяли допустить, что китайские заявления правдивы. В частности, Пентагон предполагал, что у китайцев есть лишь 105 развернутых баллистических ракет, предназначенных для доставки ядерного оружия. Общее количество боеголовок на 2006 г. оценивалось в 145, включая 40 ядерных авиабомб<sup>11</sup>.

Следует отметить, что надежно поражать континентальную часть территории США тогда могли лишь 20 ракет DF-5. Китай, возможно, имел уже ограниченное число ракет DF-31, но их дальность, составлявшая менее 8000 км, не позволяла наносить удары по крупным американским городам (в зоне досягаемости оставались Аляска и Гавайи).

В последующем констатировался рост ядерного арсенала, происходивший вполне ощутимыми темпами, хотя и с низкого стартового уровня. Известные американские специалисты по китайским ядерным силам Ханс Кристенсен и Роберт Норрис отмечали в 2016 г., что Китай имеет примерно 260 ядерных боеголовок, установленных на 150 баллистических ракетах наземного базирования и 48 баллистических ракетах подводных лодок, а также некоторое количество ядерных авиабомб. Общее количество китайских межконтинентальных баллистических ракет оценивалось в 50–75, из которых 40–50, как предполагалось, были способны доставить 60–70 ядерных боеголовок на континентальную территорию США<sup>12</sup>.

Не способны достигать территории США ракеты старой модификации DF-31, развернутые в 2006 г. и остающиеся на вооружении единственной бригады, и еще более старые жидкостные ракеты DF-4. Последние на момент начала производства в 1970-е годы классифицировались как баллистические ракеты средней дальности, но после модернизации их максимальная дальность стала достигать, по различным оценкам, 5500–7000 км<sup>13</sup>, что позволило отнести их к классу МБР. В то же время ежегодный доклад

Пентагона о китайской военной мощи в 2016 г. оценивал общее количество МБР в 75–100 единиц<sup>14</sup>, возможно, за счет принятия во внимание дополнительного числа DF-31.

В любом случае, с 2006 по 2016 г. Китай увеличил количество ядерных боеголовок, которые могли быть доставлены к целям на континентальной части США как минимум втрое. Разумеется, их число по-прежнему более чем на порядок уступает количеству развернутых американских боеголовок на МБР и баллистических ракетах подводных лодок. Интересно, что в американских работах по тематике ядерного оружия КНР прослеживается вместе с тем тенденция к недооценке темпов роста китайского ядерного потенциала. Например, в приведенной выше работе Кристенсена и Норриса указывалось, что количество боеголовок китайских МБР, способных достигнуть территории США, возможно, превысит 100 спустя десятилетие.

Между тем имеющийся показатель в 60–70 ядерных боеголовок, установленных на МБР, получен на основе допущения, что китайцы оснащают каждую МБР DF-5B лишь тремя боевыми блоками (существуют и более высокие оценки, 4–6 блоков), и что лишь 10 из 20 ракет DF-5 доведены до уровня DF-5B, а остальные 10 остаются моноблочными. К полученным таким путем 40 боеголовкам авторы добавляют предполагаемые 25 ракетных комплексов DF-31A, что дает 65 боевых блоков<sup>15</sup>. Отметим, что модернизация парка DF-5 до стандарта DF-5B — продолжающийся, судя по имеющимся публикациям, процесс, который может быть завершен гораздо раньше, чем через десятилетие и приведет к развертыванию как минимум 60 боеголовок только на этих ракетах. Оценка численности DF-31A может оказаться заниженной, если учесть, что известны как минимум 3 ракетных бригады (805-я, 809-я, 812-я), оснащенные этими ракетами. Как правило, число пусковых установок в составе бригады мобильных ядерных ракет Ракетных войск НОАК составляет 12 единиц<sup>16</sup>. Кроме того, единственная бригада с ракетами DF-31, не достигающими территории США, также, вероятно, будет перевооружена ракетами DF-31A, что при полном укомплектовании бригады даст еще 12 боевых блоков.

Следовательно, уже по состоянию на середину 2016 г. имелись основания ожидать, что количество китайских боеголовок, которые могут поразить объекты на территории США, заметно превысит 100 уже в ближайшие годы, без учета перспектив реализации новых крупных программ, просто в силу завершения уже реализуемых проектов. Между тем в конце 2016 г. Китай приступил к развертыванию ракет DF-41, а в начале 2017 г. из американских источников стало известно о проведении КНР испытания новой модификации ракеты DF-5, оснащенной РГЧ ИН с 10 боевыми блоками и получившей название DF-5C. Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение.

Продолжающиеся значительные инвестиции в совершенствование ракет DF-5 означают, что DF-41 предлагаются не в качестве замены, а в качестве дополнения к ним. Отметим также продолжающиеся испытания ракеты DF-31B, варианта DF-31, предположительно оснащенного РГЧ ИН. Таким образом, Китай рассчитывает в обозримом будущем иметь в составе своих Ракетных войск три базовых типа межконтинентальных баллистических ракет: тяжелые жидкостные DF-5B/C, легкие твердотопливные DF-31A/B, а также занимающие среднее положение между ними ракеты DF-41. Последние будут существовать в вариантах грунтового, железнодорожного комплексов, а также комплекса шахтного базирования. Если верны утечки о развертывании уже на раннем этапе трех бригад этих комплексов, мы можем ожидать появления в ближайшие годы у Китая 36 дополнительных ракет с РГЧ ИН, достигающих территории США.

Модернизация имеющегося парка ракет DF-5 до стандарта DF-5C возможна в десятилетний перспективе и вполне может дать китайцам 200 боеголовок, достигающих территории США. Доведение имеющихся 4 бригад с ракетами DF-31/31A до полного штата с их последующим перевооружением на ракеты DF-31B, несущие по три боевых блока, даст китайцам еще 144 боеголовки, достигающие территории США. Мы не знаем, сколько боевых блоков китайцы намерены разместить на DF-41, но знаем,

что это существенно более крупная и тяжелая ракета, чем DF-31В. В случае размещения на них хотя бы 4 боевых блоков три бригады таких ракет могут дать еще 144 боеголовки, достигающие территории США. Таким образом, в течение следующего десятилетия, просто доведя до логического завершения текущие проекты, только Ракетные войска НОАК могут иметь приблизительно 500 боеголовок, способных поразить цели на всей или большей части США.

Подобные расчеты не учитывают перспективы развития китайских стратегических ядерных сил морского базирования, которые располагают к настоящему времени уже как минимум тремя атомными ракетными подводными лодками проекта 09-IV и одной 09-IVA (всего в серии пять лодок). Каждая лодка несет по 12 баллистических ракет JL-2. Имеющиеся ракеты JL-2 не способны поражать континентальную часть территории США из предполагаемых районов боевого дежурства этих лодок в Южно-Китайском море. В то же время разрабатывается новая ракета JL-3, которая, как предполагается, будет иметь увеличенную дальность<sup>17</sup>.

Важным фактором развития китайских ядерных сил можно считать также развернувшееся в последние годы строительство Китаем системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). На данный момент из опубликованных в китайском сегменте Интернета фото достоверно известно о вводимом в эксплуатацию ряду радиолокационных станций СПРН в нескольких районах страны (включая провинцию Хэйлунцзян). Предположительно, в сентябре 2015 г. на орбиту был выведен первый китайский спутник, оснащенный инфракрасным сенсором для регистрации пусков баллистических ракет. Вывод на орбиту данного аппарата, как предполагается, является первым шагом к созданию космического эшелона СПРН<sup>18</sup>.

Таким образом, можно говорить о планомерной реализации китайцами серии программ, направленных на резкое повышение потенциала ядерного сдерживания США начиная со второй половины 1980-х годов. Учитывая известные сроки начала работ над известными проектами китайских межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, логично предположить, что в середине 1980-х годов китайское руководство приняло решение о постепенном сокращении отставания КНР от обеих сверхдержав в сфере стратегических ядерных вооружений. Данное решение, оставаясь секретным, судя по всему, продолжает, тем не менее, неуклонно и планомерно реализовываться до сих пор. Его вероятным автором является лично Дэн Сяопин, занимавший в тот период пост председателя Центрального военного совета КНР.

Предположительно, подобно другим масштабным техническим программам, стартовавшим в ранний период политики «реформ и развития» (например, план развития высоких технологий 863, пилотируемая космическая программа и др.), ядерный проект был спланирован на крайне долгий срок и тщательно увязан с ростом китайской экономики и, соответственно, бюджетных возможностей государства.

Другим важным ограничителем для темпов реализации проекта являлись, вероятно, сроки разработки новых систем вооружений, позволявших сократить техническое отставание от ядерных сверхдержав. Без этого вложения в количественное наращивание ядерных вооружений не имели смысла. Ввиду крайней технической сложности и экономической затратности соответствующих проектов, их первые результаты стали проявляться лишь во второй половине 2000-х годов (развертывание мобильных комплексов DF-31/31A).

Принципиальные решения о необходимости резкого наращивания числа ядерных боеголовок, способных поразить цели на территории США, были приняты китайским руководством еще до завершения холодной войны, в разгар «медового месяца» американо-китайских отношений. Таким образом, сам по себе рост китайского арсенала не зависит от какой-либо новой американской политической концепции или технологической инициативы, включая Третью стратегию компенсации. Однако Третья стратегия

компенсации способна оказать существенное влияние на конкретные приоритеты при расширении китайских ядерных сил.

### **Возможные последствия СК-3 для развития китайских стратегических ядерных сил**

Ряд известных приоритетов СК-3 в случае реализации могут напрямую повлиять на боевую устойчивость стратегических ядерных сил КНР. Прежде всего, прогресс США в сфере создания гиперзвуковых летательных аппаратов приведет к повышению возможностей США по нанесению быстрого высокоточного удара по китайским стратегическим ядерным вооружениям. Гипотетически возможный прорыв в технологиях создания оружия на направленной энергии может привести к возобновлению проектов создания систем ПРО воздушного базирования с использованием лазеров большой мощности.

Прогресс в области искусственного интеллекта, когнитивных технологий, обработки больших масс данных может привести к резкому повышению разведывательных возможностей США и, как следствие, уязвимости китайских подвижных комплексов межконтинентальных баллистических ракет. Известный американский приоритет в сфере разработок новых видов подводного оружия, в частности — боевых необитаемых подводных аппаратов, может поставить под угрозу попытки китайцев построить эффективные морские стратегические ядерные силы.

Китайская реакция на американские технологические инициативы, как представляется, распадается на несколько составляющих. Одной из них является реализация проектов, зеркально отражающих проекты США, представляющие угрозу для КНР. Примером может служить китайская реакция на прогресс американских экспериментов с гиперзвуковыми летательными аппаратами в рамках программы «Быстрого глобального удара» (Prompt Global Strike, PGS), имеющей шансы сохранить и укрепить свою приоритетность в рамках Третьей стратегии компенсации. Американская программа PGS была воспринята китайской военной мыслью самым серьезным образом и стала катализатором как для разработки средств противоракетной обороны, так и для собственных китайских программ создания гиперзвукового оружия<sup>19</sup>.

К настоящему времени было проведено не менее семи летных испытаний гиперзвукового летательного аппарата DF-ZF (WU-14), правда дальность, на которую проходили испытания, и сложность его маневрирования пока уступают американским. Американскими аналитиками допускаются различные сценарии использования данного аппарата — как гипотетического маневрирующего ядерного боевого блока для межконтинентальной баллистической ракеты, так и средства для быстрого нанесения высокоточного неядерного удара по континентальным районам США<sup>20</sup>.

Одновременно ведутся активные испытания нескольких типов систем ПРО, в том числе способных осуществлять перехват межконтинентальных баллистических ракет на среднем участке траектории. По мере роста напряженности в отношениях с США Китай склонен заниматься строительством стратегической ПРО все более демонстративным образом. Летом 2016 г. испытания стратегической системы ПРО с перехватом баллистических целей на среднем участке траектории были впервые показаны по китайскому телевидению<sup>21</sup>.

Китай, вслед за США, еще в 2000-е годы запустил программу форсированного развития беспилотных подводных систем. Проанализированы американские концепции, сформированы собственные подходы к стратегии применения подводных роботов различных типов для выполнения боевых и вспомогательных задач<sup>22</sup>. В настоящее время над созданием различных типов необитаемых подводных аппаратов в Китае работают не менее 15 конструкторских и исследовательских коллективов<sup>23</sup>. Вероятно, опасения прорыва в технологиях ведения подводной войны, способных поставить под угрозу китай-

ский атомный ракетный флот, являются одним из движущих факторов для Китая в строительстве военной инфраструктуры в Южно-Китайском море.

Китай активно работает над созданием собственных систем лазерного оружия — такая работа ведется в концерне CASIC и в Китайской академии инженерной физики.

Наряду с подобным зеркальным воспроизведением американских программ, как представляется, китайцы все активнее будут демонстрировать и более традиционные варианты реагирования на растущую угрозу. Одним из проявлений этой тенденции может считаться демонстративная активизация китайцами строительства крупных туннельных сооружений глубокого залегания для размещения там стратегических ракетных комплексов. Подобные работы в последнее время демонстрируются китайским телевидением, в том числе специализированным «военным» каналом CCTV<sup>24</sup>.

Можно предположить, что произойдет попытка ускорить процесс развертывания новых комплексов МБР, не дожидаясь полного завершения всего цикла испытаний. Видимо, именно в таком ключе можно рассматривать сообщения о формировании новых бригад межконтинентальных баллистических ракет DF-41 на фоне продолжающихся летных испытаний данных систем.

Можно ожидать ускоренных инвестиций в наращивание базы для производства стратегических систем вооружений. Это расположенный в пров. Сычуань завод 903 Китайской академии инженерной физики, занимающийся финальной сборкой ядерных боеприпасов, завод 211 ракетно-космической корпорации CASC в Пекине (производство межконтинентальных баллистических ракет) и завод 307 корпорации CASIC в Нанкине (производство баллистических ракет средней дальности), а также их важнейшие предприятия-смежники.

Наконец, вероятно изменение подходов КНР к формированию структуры китайской ядерной триады. Можно ожидать попыток дополнительно диверсифицировать носители ядерного оружия, в частности, за счет развертывания крылатых ракет большой дальности в ядерном снаряжении и ускорения реализуемой в настоящее время программы создания китайского стратегического бомбардировщика.

Для России реализация данных тенденций создаст дополнительные риски в ходе возобновления диалога с США в сфере контроля над вооружениями. Любые гипотетические соглашения с Вашингтоном могут быть относительно быстро обесценены и потеряют всякий смысл, если КНР приступит к ускоренному наращиванию своего потенциала. Рывок в развитии китайских ядерных сил способен создать уникальную ситуацию, когда к двум традиционным ядерным сверхдержавам добавится третья крупная ядерная держава, военные возможности которой в сфере стратегических ядерных вооружений окажутся сравнимыми. Это, в свою очередь, потребует переосмысления многих подходов к обеспечению стратегической стабильности, возникших в период, когда ядерный потенциал всех прочих государств, помимо США и СССР, мог считаться незначительным. Ускоренное развитие китайских ядерных сил, создание системы предупреждения о ракетном нападении, переход китайских ядерных сил к несению постоянного боевого дежурства с боеголовками, установленными на средствах доставки, будут происходить на фоне накопленных противоречий в американо-китайских отношениях. Это, в свою очередь, повышает вероятность опасных инцидентов, связанных с человеческим фактором и сбоями в недостаточно отработанной технике. Данные факторы требуют выработки новых мер доверия и повышения эффективности каналов экстренной связи между военным руководством России, КНР и США.

---

1. Ли Бо, Чжу Цичао. Цзянь пин мэйго ди сань цы дисяо чжаньлюэ нань индуй чжунго юши : [Рассуждая вкратце о Третьей стратегии компенсации: едва ли она позволит достигнуть пре-

1. восходства над Китаем] // Кэзи жибао. 30.12.2015.  
URL: [http://news.ifeng.com/a/20151230/46886576\\_0.shtml](http://news.ifeng.com/a/20151230/46886576_0.shtml) (дата обращения: 23.10.2016).
2. Мэйго ди сань цы дияо чжаньлюэ шупин // Синьхуа. 02.03.2016.  
URL: [http://news.xinhuanet.com/world/2016-03/02/c\\_128767225.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2016-03/02/c_128767225.htm) (дата обращения: 23.10.2016).
3. Синьхуа. 22.01.2017. URL: [http://news.xinhuanet.com/mil/2017-01/22/c\\_129457879.htm?from=timeline&isappinstalled=0](http://news.xinhuanet.com/mil/2017-01/22/c_129457879.htm?from=timeline&isappinstalled=0).
4. Federation of American Scientists. DF-5. URL: <https://fas.org/nuke/guide/china/icbm/df-5.htm>.
5. *Cordesman Antony H., Colley Steven*. Chinese Strategy and Military Modernization in 2015. A Comparative Analysis. CSIS. 2015. P. 363.
6. Chinese Strategic Plans Move Forward with Missile Test // Arms Control Today. July 1, 1999.
7. DF-41. Jane's Strategic Weapons Systems. 2010.
8. *Fisher Richard D., Jr.* China Advances Sea- and Land-Based Nuclear Deterrent Capabilities // Jane's Defence Weekly. 16 December 2015.
9. Chinese DF-5C missile tests not targeted at no specific country // People's Daily Online. 06.02.2017. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0206/c90000-9174537.html>.
10. Jane's Defense Review. China's Defense Modernization Alters Threat Threat Profile. URL: [http://www.janes360.com/images/assets/617/55617/China\\_s\\_ICBM\\_modernisation\\_alters\\_threat\\_profile.pdf](http://www.janes360.com/images/assets/617/55617/China_s_ICBM_modernisation_alters_threat_profile.pdf)
11. Federation of American Scientists. China Nuclear Weapons.  
URL: <https://fas.org/nuke/guide/china/nuke/>
12. *Kristensen Hans M., Norris Robert S.* Chinese Nuclear Forces, 2015 // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 72. 2016. P. 205–211.
13. DF-4. URL: <https://fas.org/nuke/guide/china/theater/df-4.htm>.
14. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016. Annual Report to the Congress. Office of the Secretary of Defense. P. 15.
15. *Kristensen Hans M., Norris Robert S.* Op. cit. P. 207.
16. *O'Connor Sean*. China's ICBM modernization alters threat profiles // IHS Janes. 2015. P. 4.
17. *Fisher Richard D., Jr.* Images show possible new variant of China's Type 094 SSBN // Jane's Defense Weekly. 15 Jul 2016.
18. China Ballistic Missile Early Warning.  
URL: <http://www.globalsecurity.org/space/world/china/warning.htm>
19. *Saalman Lora*. Prompt Global Strike: China and the Spear. URL: [http://apcss.org/wp-content/uploads/2014/04/APCSS\\_Saalman\\_PGS\\_China\\_Apr2014.pdf](http://apcss.org/wp-content/uploads/2014/04/APCSS_Saalman_PGS_China_Apr2014.pdf).
20. *Action James M.* China's Advanced Weapons. US-China Economic and Security Review Commission. 06/02/2017. URL: <http://carnegieendowment.org/2017/02/23/china-s-advanced-weapons-pub-68095>.
21. URL: <https://tiananmenstremendousachievements.wordpress.com/2016/07/29/24486>.
22. *Guo Fengshui, Yuan Siming, Liu Qiang*. Development of Unmanned Underwater Vehicle — Their Missions and Capabilities // Chinese Journal of Ship Research. Vol. 2. No. 5. October, 2007.  
URL: <http://max.book118.com/html/2015/0227/12741335.shim>.
23. Emerging Trends in China development of the Unmanned Systems.  
URL: [http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research\\_reports/RR900/RR990/RAND\\_RR990.pdf](http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR900/RR990/RAND_RR990.pdf)
24. Видеорепортаж о строительстве «Подземной Великой стены» (январь 2017 г.)  
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xkD7a8LPSAs&feature=youtu.be>.

# Дискуссионная трибуна

## Сообщество безопасности АСЕАН через год и в перспективе

© 2017

Чан Кхань

АСЕАН и его составная часть — Политическое сообщество безопасности (СБА) — официально образованы 31 декабря 2015 года. Однако на практике становление СБА в 2016 г. проходило медленно и неэффективно, особенно в том, что касается территориальных споров в Восточном (Южно-Китайском) море. Главными причинами этого были не только неупорядоченная структура самого Сообщества АСЕАН (СА) но и национальный эгоизм, недостаток политической воли лидеров СА, а также политика, которую проводят крупные внерегиональные державы.

*Ключевые слова: АСЕАН, сообщество безопасности, саммит, Восточное море, ЮВА, сотрудничество в политике безопасности.*

22 ноября 2015 г. 27-й саммит АСЕАН в Куала-Лумпуре принял Заявление о создании 31 декабря 2015 г. Сообщества АСЕАН (СА)<sup>1</sup>. Одновременно была принята Концепция СА до 2025 г., в которой подтверждались обязательства выполнить все требования СА, которые к этому моменту не были до конца выполнены. Это давало повод еще раз проанализировать АСЕАН, чтобы повысить ее общий уровень. Однако дальнейшее совершенствование СА в целом и СБА, в частности, столкнулось с большими трудностями и вызовами. В данной статье автор постарается объективно оценить все достижения и препятствия, возникшие на пути формирования СА в первый год после превращения АСЕАН в Сообщество, а также наметить некоторые пути и средства для движения вперед как всего СА, так и СБА как его составной части.

### 1. СБА до формирования Сообщества АСЕАН

АСЕАН приняла целый комплекс политико-правовых документов, которыми Ассоциация руководствуется по сей день. Самые важные среди них — Хартия АСЕАН и Концепция Сообщества АСЕАН 2025, в которой описывается и СБА.

В дополнение в 2009–2015 гг. были зафиксированы некоторые основные элементы СБА. Проект СБА 2009 г. предусматривал девять таких элементов, или сфер сотрудничества:

1. Политическое сотрудничество.

---

*Чан Кхань*, д.и.н., главный редактор журнала «Исследования Юго-Восточной Азии» Вьетнамской академии общественных наук. E-mail: viendongnama@vass.gov.vn.

2. Принятие общих норм поведения.
3. Прекращение конфликтов и создание доверия.
4. Мирное решение споров и инцидентов.
5. Строительство мира после завершения конфликтов.
6. Нетрадиционная безопасность.
7. Ликвидация последствий стихийных бедствий и оказание неотложной помощи.
8. Своевременная реакция на чрезвычайные ситуации для всей АСЕАН.
9. Укрепление отношений с внешними партнерами<sup>2</sup>.

Из них первые три направления, а также шестое и девятое развивались довольно успешно. В частности, был создан Институт мира и согласия АСЕАН, принята Декларация прав человека АСЕАН. Наряду с этим были осуществлены некоторые инициативы в области безопасности. В том числе приняты «Предложения и План действий АСЕАН в связи с изменениями климата до 2015 года», «Долгосрочная стратегия в области управления водными ресурсами» и др.

Добавим, что АСЕАН играет руководящую роль в других многосторонних структурах сотрудничества по вопросам безопасности с участием СА, как, например, Региональный форум безопасности АСЕАН (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), расширенные Конференции министров обороны с партнерами (АДММ+). Деятельность этих структур создала и поддерживает складывающуюся общую архитектуру безопасности в АТР — «АСЕАН и партнеры». Они способствуют развитию двусторонних и многосторонних связей АСЕАН и ее государств-членов с их внерегиональными партнерами, особенно в плане углубления и расширения диалога, стратегического партнерства, а также в создании таких новых структур, как АСЕАН — США, АСЕАН — Китай, АСЕАН — Япония и др.

Не менее важно и то, что страны АСЕАН в основном приняли и поддержали общие ценности и принципы стандартного поведения и, прежде всего, принципы неприменения силы, мирного решения споров и строительства мира. Вместе с тем все члены АСЕАН рассматривают ассоциацию как достаточно эффективный механизм сотрудничества, предотвращения конфликтов, сохранения независимости, углубления интеграции в мировую экономику и постепенного, шаг за шагом, превращения ЮВА в свой «общий дом».

Наряду с этим были достигнуты и некоторые успехи в проведении политических реформ и демократизации обществ в ряде стран АСЕАН, особенно в группе АСЕАН-4 (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма), что создает условия и стимулирует укрепление и развитие Сообщества АСЕАН в целом, включая и СБА, особенно после 2015 г.

Тем не менее оставалось еще очень много важных вопросов, которые пока так и не были решены до формального провозглашения СБА. Существенно важно, что АСЕАН до сих пор не смогла разработать и принять конкретную юридически обязывающую Дорожную карту выполнения обязательств, принятых по 9 направлениям деятельности СБА, особенно в отношении мирного решения конфликтов и сохранения мира, в отношении поведения сторон при решении проблем традиционной и нетрадиционной безопасности и, прежде всего, в ослаблении напряженности в Восточном море, а также в ликвидации последствий стихийных бедствий.

Несмотря на то, что в АСЕАН имеется большое число различных документов по всем этим вопросам, на практике они часто не выполняются полностью и не дают тех результатов, которые ожидались. Это особенно заметно проявилось, например, во время крупнейших лесных пожаров в Индонезии, в связи со строительством плотин и ГЭС в верхнем течении реки Меконг, которое угрожает катастрофическими последствиями для районов в нижнем течении этой реки, а также при ликвидации тяжелых последствий тайфуна Хайям на Филиппинах в 2013 г. Во всем этом АСЕАН вообще не играла никакой значительной роли, оставаясь в стороне. Даже в таких актуальных во-

просах, как борьба с производством, распространением и использованием наркотиков, борьба с терроризмом, в которых было вполне возможно эффективное сотрудничество. АСЕАН тоже столкнулась с трудностями. Так, например, Соглашение о борьбе с преступностью, заключенное еще в 2005 г., до 2015 г. так и не вступило в силу, ибо не было ратифицировано несколькими странами-членами. Аналогичное положение создано с Конвенцией АСЕАН против терроризма (АССТ), подписанной в 2009 г. и не вступившей в силу из-за того, что шесть государств так и не ратифицировали ее до сих пор. Это не перечеркивает всю деятельность АСЕАН в упомянутых областях, хотя результаты ее остаются довольно скромными.

Точно так же обстоят дела с попытками остановить обострение конфликта в Восточном море, которые до сих пор не получили достаточного развития<sup>3</sup>. Seriouslyму вызову подвергается центральная роль АСЕАН в формировании архитектуры безопасности в регионе, что вызвано недостаточной внутренней сплоченностью и вносимым извне, особенно со стороны Китая, расколом ассоциации. Все многосторонние структуры сотрудничества в области безопасности, включая АРФ, Восточноазиатский саммит, расширенную Конференцию министров обороны с партнерами по диалогу, в действительности играют второстепенную роль в установлении политического порядка и безопасности в регионе. Они так и не стали теми органами или механизмами, которые обладали бы полномочиями и силой, необходимыми, чтобы остановить и разрешить конфликт. Крупные державы на словах заявляют о поддержке центральной роли СА во всех указанных выше структурах, но на деле используют эти форумы лишь для перегруппировки сил и повышения своего влияния, а вовсе не для того, чтобы СА становилось сильнее и сплоченнее<sup>4</sup>.

Более того, в регионе одновременно действуют многие организации, сотрудничающие друг с другом в вопросах безопасности в двустороннем и многостороннем форматах. Среди них есть и такая, которая называет себя «Ось и спицы». Она создана США и призвана играть значительную роль в поддержании установленного ими порядка и безопасности в АТР. Все страны АСЕАН хорошо представляют себе «дипломатический характер» и слабую эффективность подобных структур безопасности. Поэтому многие предпочитают укреплять двусторонние связи с крупными державами в области безопасности, считая такой путь более эффективным, чем все структуры, созданные в АСЕАН.

## 2. Достижения и проблемы СБА в первый год после создания

### 2.1. Достигнутый прогресс

В целях реализации Концепции Сообщества АСЕАН 2015, особенно для укрепления и повышения сплоченности Сообщества, включая и СБА, было принято множество различных мер на всех направлениях. Однако их результаты оказались довольно скромными.

В целом СА и СБА действовали довольно согласованно, рассматривая регулярно свои цели и обязательства, записанные в Дорожной карте СБА, стремясь сделать их более прагматичными и реальными на период 2016–2025 гг.<sup>5</sup> Страны-члены и различные органы СА регулярно представляли доклады, анализы и общие оценки по вопросам содействия демократии, соблюдения прав человека, по государственному управлению, реакции на нетрадиционные угрозы безопасности, которые постоянно возникают перед ними. Среди наиболее успешных акций СА можно назвать Декларации, принятые на 49-й встрече министров иностранных дел АСЕАН, а также на 28-м и 29-м саммитах АСЕАН в Лаосе в 2016 г.<sup>6</sup> В них были затронуты вопросы, связанные с ростом напряженности в Восточном море, хотя эти документы принимались в условиях, когда полного согласия по ним не было, как не было и сплоченности АСЕАН вообще.

*По конкретным внутренним вопросам СБА:*

Межправительственный комитет АСЕАН по правам человека отобрал на 2016–2025 гг. ряд приоритетных проблем. Большие усилия в поисках новых методов и средств сохранения мира и урегулирования конфликтов, особенно в Восточном море, прилагает Институт мира и согласия АСЕАН (AIPR). Министры обороны призвали к применению новых подходов и способов решения проблем, возникших в последнее время и связанных с нетрадиционной безопасностью. Особое внимание при этом они обратили на действия элементов, связанных с ИГИЛ. С участием министров иностранных дел прошло заседание Комитета консульской взаимопомощи гражданам государств-членов, не имеющих дипломатических представительств в некоторых странах СА. Все это были конкретные шаги по совершенствованию СБА<sup>7</sup>.

*По вопросам внешней политики:*

Сообщество приветствовало новых партнеров по диалогу — Чили, Египет, Иран и Марокко, — присоединившихся к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (ТАС)<sup>8</sup>. Вместе с заинтересованными странами СА обсудило порядок использования атомной энергии в мирных целях в соответствии с требованиями МАГАТЭ. Сообщество продолжало углубление и расширение своих международных связей, особенно со стратегическими партнерами. В частности, Сообщество и США провели саммит США — АСЕАН в Санниленд (Калифорния)<sup>9</sup>. Это был первый случай, когда состоялся отдельный саммит с США, не связанный с ежегодными саммитами АСЕАН. В совместном заявлении стороны подчеркнули необходимость мирного разрешения споров в Восточном море на основе уважения международного права и свободы судоходства<sup>10</sup>. В рамках 29-го саммита СА во Вьентьяне АСЕАН также провела встречи на высшем уровне в форматах АСЕАН+1, АСЕАН+3, ВАС, АРФ, АДММ+ с такими ключевыми партнерами, как США, Китай, Япония, Индия, Россия, Южная Корея и др. Все эти партнеры по-прежнему признают активную роль СА в формировании архитектуры региональной безопасности на принципе «асеоаноцентричности».

## 2.2. Недостатки и трудности

*Серьезным испытаниям по-прежнему подвергаются согласованность действий стран-членов и центральная роль АСЕАН ввиду отсутствия внутренней сплоченности и под влиянием политики крупных держав «разделяй и властвуй», которая имеет явную тенденцию к усилению.*

Такая тенденция ощущалась задолго до превращения АСЕАН в Сообщество, но особенно заметной она стала в 2016 г., когда АСЕАН пришлось столкнуться с новыми событиями в Восточном море и обострением геополитического соперничества крупных держав, особенно между США и Китаем. Это наглядно проявилось во многих совместных заявлениях стран-членов и всего Сообщества вместе с партнерами по диалогу, которые были вызваны ужесточением действий Китая в Восточном море. В них выражалась «серьезная озабоченность новыми событиями», но не было ни слова осуждения в адрес Китая и даже упоминания вынесенного 12 июля 2016 г. вердикта Международного арбитражного трибунала в Гааге. АСЕАН оказалась бессильна и ничего не смогла сделать, когда на встрече министров иностранных дел в Пномпене в 2012 г. Камбоджа, воспользовавшись правом вето страны-хозяйки, не допустила осуждения действий Китая в Восточном море и впервые сорвала принятие общего заявления. Она же не допустила упоминания вердикта арбитражного суда по Восточному морю при обсуждении совместного заявления министров во Вьентьяне<sup>11</sup>.

Даже на других международных форумах за рамками формата «АСЕАН и партнеры», таких, как, например, саммит Движения неприсоединения, проходивший в Венесуэле 17–19 сентября 2016 г., Китай вмешался, чтобы вынудить страну-хозяйку отказать-

ся от включения в Заявления упоминания о событиях в Восточном море, которое было внесено странами СА<sup>12</sup>.

Таким образом, раскол в СА углубляется под влиянием политики «разделяй и властвуй», проводимой внешними силами, прежде всего Китаем. Это и является самым главным вызовом сохранению места АСЕАН в роли «водителя» и сохранению «асеаноцентричности» в архитектуре безопасности, которая только начинает формироваться в регионе.

*К этому следует добавить, что Сообщество АСЕАН до сих пор так и не дало сколько-нибудь конкретного и убедительного объяснения, почему неэффективно выполняются обязательства стран-членов, а также почему в АСЕАН нет единства, особенно в отношении тех шагов, которые следовало сделать, чтобы продолжить строительство Сообщества, хотя все органы АСЕАН и члены Ассоциации имели для этого много времени.*

За прошедший год на всех состоявшихся конференциях и форумах СА не было выдвинуто ни одной инициативы и ничего не сделано для укрепления сплоченности перед нависшей угрозой раскола и внутренних противоречий. В то же время для СБА возникли новые препятствия в связи с усилившимися угрозами безопасности, вызванными эскалацией конфликта в Восточном море и усилением вмешательства и стратегического соперничества крупных держав, прежде всего, Китая и США.

Многие страны СА по-прежнему придерживаются осторожного курса, опасаясь нарушить мир и вызвать споры по политическим вопросам и безопасности. Лидеры государств-членов и их министры регулярно встречаются, принимают заявления общего характера и разъезжаются, пожав друг другу руки. Главные причины такого полужастывшего состояния Сообщества после первого года с момента создания, похоже, заключаются в хаотичности его структуры, в различиях национальных и государственных интересов, в недостаточной культуре выполнения взятых обязательств и в отсутствии политической воли и ответственности элит, прежде всего высшего руководства государств СА.

### 3. Необходимые меры для дальнейшего укрепления СБА

Сообщество АСЕАН должно со всей ответственностью всесторонне обсудить и договориться о том, какое содержание вкладывает оно в понятие «Сообщество безопасности», особенно в те его элементы, которые связаны с урегулированием конфликтов и последующим строительством мира. Это необходимо, чтобы принять такие решения, которые стимулируют разногласия и предложат новые меры, включая совершенствование применения принципа консенсуса.

Как уже было сказано, дальнейшее развитие и укрепление СБА столкнулось с новыми серьезными вызовами — как внутренними, так и внешними. И это связано не только с хаотичностью структур и их дублированием, но и с несбывшимися ожиданиями от реализации «Программы развития связывающих коммуникаций», с отсутствием политической воли в правящих кругах и в элите государств-членов в целях поиска способов обновления АСЕАН и главных принципов деятельности Ассоциации. На протяжении всей истории АСЕАН принцип консенсуса помог сохранить ее сплоченность. Но в настоящее время именно этот принцип стал препятствием, которое не позволяет АСЕАН выступать единым фронтом в противостоянии новым вызовам безопасности, прежде всего, в усилившихся территориальных спорах в Восточном море. Чтобы одновременно добиваться удовлетворения интересов государств-членов и всего СА в целом, АСЕАН следует пересмотреть и дополнить параграф 20 Хартии АСЕАН, в котором говорится о принципе консенсуса, допустив принятие решений большинством голосов или по принципу «АСЕАН минус X»<sup>13</sup>.

В 2006 г. «группа выдающихся деятелей» стран АСЕАН (или «группа мудрецов»), работавшая над проектом Хартии АСЕАН, предлагала рассмотреть порядок принятия решений, заменив обязательный консенсус более гибкой процедурой, допускавшей возможность их принятия большинством голосов. При решении экономических проблем допускался также принцип «АСЕАН минус X». Принцип подчинения меньшинства большинству применялся и при рассмотрении вопросов безопасности. Так, например, в 1995 г. принималось решение об объявлении ЮВА безъядерной зоной. Тогда договорились, что будет действовать принцип консенсуса, но если его достигнуть не удастся, то решение может быть принято большинством в 2/3 голосов.

В дополнение к этому Сообщество АСЕАН и Вьетнам должны сосредоточить все силы на разрешении споров в Восточном море, а также в отношении строительства плотин в верхнем течении Меконга, считая именно эти вопросы главными для завершения создания СБА. Это значит, что наряду с завершением разработки и принятием юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в Восточном море (СОС) Сообщество призвано шаг за шагом добиваться выполнения вердикта арбитражного суда в Гааге, принятого 12 июля 2016 г., рассматривая это как подтверждение своей приверженности нормам международного права, особенно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS).

Вместе с тем СА следовало бы проявить инициативу и создать некоторые новые структуры наподобие «Комитета АСЕАН по рассмотрению споров в Восточном море». По мнению научного сотрудника сингапурского Института ЮВА Ле Хонг Хиен, такой комитет мог бы стать постоянным и состоять из четырех представителей стран АСЕАН, непосредственно участвующих в спорах о суверенитете над акваторией моря, а также из представителей других членов АСЕАН, которые будут заинтересованы участвовать в нем. Его главная цель должна состоять в том, чтобы помогать вырабатывать общую позицию АСЕАН по проблемам Восточного моря и играть роль связующего центра согласования позиций с Китаем для урегулирования споров. Перед ним должна быть поставлена задача выражать общую реакцию АСЕАН на события в Восточном море и помогать в подготовке решений по спорам для саммитов АСЕАН<sup>14</sup>.

Наряду с этим следует создать Комиссию по устойчивому развитию Восточного моря наподобие уже существующей Комиссии по Меконгу, а также сформировать общую Морскую полицию стран АСЕАН с правом требовать соблюдения суверенных прав всех государств-членов в Восточном море. Позднее она могла бы стать общей морской полицией АСЕАН — Китай. Было бы также полезно откликнуться на новую инициативу США по «морской безопасности» в ЮВА, чтобы создать предпосылки для принятия «Морской конвенции ЮВА» с участием всех заинтересованных сторон<sup>15</sup>.

Сообществу АСЕАН следовало бы также принять обязывающий документ с требованием ко всем странам-членам, председательствующим в АСЕАН на ротационной основе, включать вышеуказанные и другие вопросы безопасности, возникающие в регионе (например, споры в Восточном море), в официальную повестку саммитов АСЕАН. Для содействия этому процессу Сообществу было бы полезно создать «Палату мирного решения споров на море в ЮВА» на базе существующего с 2012 г. Института мира и согласия АСЕАН<sup>16</sup>.

В то же время Вьетнаму следует поощрять предоставление различных привилегий и оказывать услуги в море крупным корпорациям США, Индии, России, Канады, Австралии, Японии, Южной Кореи и других стран, которые разрабатывают большие месторождения и проводят морскую геологическую разведку. Это могло бы даже включать разрешение на ввод, при необходимости, вооруженных сил для охраны выделенных им блоков.

Вьетнаму предстоит создать все условия для защиты суверенитета правовыми средствами, включая возбуждение исков против Китая в Постоянном арбитражном суде

в Гааге по примеру Филиппин, когда это позволят обстоятельства. Пока же Вьетнам должен будет полностью использовать опубликованные 12 июля 2016 г. результаты прошедшего арбитража по Восточному морю для борьбы на международной арене, особенно в случае новых посягательств Китая на его суверенитет. Однако, с учетом вердикта арбитражного суда, Вьетнаму придется постепенно пересмотреть некоторые нормы и требования суверенных прав в Восточном море с согласия народа и при поддержке на международной арене. Одновременно будет необходимо повышать свой военный потенциал, осуществляя модернизацию военно-морского флота и ВВС, морской полиции, наращивая флотилию гражданских судов. Потребуется поощрять людей, работающих в море, крепить береговую оборону, превращая страну в неприступную крепость, создавать систему связанных друг с другом опорных пунктов обороны, особенно на главных участках морского побережья.

Все члены АСЕАН, и особенно Вьетнам, должны развивать сотрудничество по шестому и седьмому направлениям (в поддержании нетрадиционной безопасности и в ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций) для того, чтобы ограничить воздействие изменений климата и природных катастроф, особенно в районах нижнего течения Меконга. Страны, расположенные в этом районе, своими силами не способны остановить и даже ограничить те страны, которые строят плотины собственных ГЭС на притоках и по течению этой реки. Но они вынуждены бороться за то, чтобы эти страны соблюдали взятые на себя обязательства, записанные в «Соглашении о сотрудничестве в устойчивом развитии бассейна реки Меконг» от 1995 г.<sup>17</sup> Одновременно необходимо в максимальной мере использовать инициативы США, Японии, Индии, Южной Кореи, Австралии, ЕС и других стран, чтобы обеспечить устойчивое развитие в этом районе. Страны — участницы этого соглашения должны овладеть и активно пользоваться всеми средствами, особенно правовыми и судебными, включая возможности Международного суда, Конвенции ООН 1997 г. по использованию водных ресурсов государств (UNWC)<sup>18</sup> и даже Международного уголовного суда (ICC). Это позволит возбуждать иски к странам, причиняющим бедствия и наносящим ущерб экологии и условиям жизни в нижнем течении реки Меконг и Красной реки<sup>19</sup>.

Вместе с тем Вьетнаму необходимо будет больше заниматься подготовкой трудовых ресурсов, особенно преподаванием английского языка, а также изучением местных языков и культуры народов ЮВА. Экономическая интеграция, особенно туризм, торговля, финансовые операции, как и обеспечение государственной безопасности, защита национальной культурной самобытности народов требуют наличия подготовленной рабочей силы, обладающей высоким профессиональным мастерством. Если не заниматься этим, то Вьетнам окажется проигравшим у себя «на заднем дворе», не говоря о пространстве всего Сообщества АСЕАН.

В целом, Сообщество АСЕАН и СБА после своего провозглашения дали хороший шанс для усиления Сообщества и всех его членов, для повышения их сплоченности в содружестве государств. Важно отметить, что в 2016 г. Сообщество успешно провело конференцию министров иностранных дел, саммит АСЕАН и саммиты с государствами — партнерами по диалогу. Оно сумело принять Заявление, в котором освещаются все вопросы безопасности, возникшие в последнее время, включая усилившуюся напряженность в Восточном море. Сообщество сделало новые шаги для укрепления отношений с крупными державами, особенно с США. Однако оно столкнулось с большими трудностями в укреплении СБА, в повышении его способности прекращать и разрешать конфликты, особенно в Восточном море, а также в защите окружающей природной среды и ликвидации последствий стихийных бедствий, в частности, в нижнем течении Меконга. Серьезные трудности возникли и в согласовании внутренних законов и содействии процессу демократизации в ряде стран, в государственном управлении и защите прав человека. Все они были вызваны не только слабостями и неразберихой в организации, нацио-

нальным эгоизмом, безответственностью и недостатком политической воли правящих кругов стран СА, но и политикой «разделяй и властвуй», проводимой внешними силами, особенно Китаем.

Чтобы Сообщество АСЕАН в целом и его составная часть — Сообщество безопасности АСЕАН — полностью смогли использовать все возможности и преодолеть вызовы. Нет другого пути, кроме совершенствования собственных правил, включая пересмотр принципа консенсуса, лежащего в основе известного «Метода АСЕАН» (ASEAN Way). Это надо сделать, чтобы собственное детище и достижения прошлого не становились преградой на пути движения вперед<sup>20</sup>.

© 2017

Перевод с вьетнамского Г.М. Локшина

1. *Tran Khanh*. Hien thuc hoa Cong dong Chinh tri-An ninh: van de va trien vong. Hanoi: NSB. KHXH, 2013: [*Чан Кхань*. Формирование политического сообщества безопасности: проблемы и перспективы. Ханой: ИД Общественные науки, 2013].
2. *Tran Khanh*. Vai tro cua ASEAN trong kien tao cau truc an ninh moi o khu vuc A-Thai Binh Duong. Nghien cuu Dong Nam A. So 1. 2013: [*Чан Кхань*. Роль АСЕАН в создании новой архитектуры безопасности в АТР // Исследования ЮВА. № 1.6. 2013].
3. Это наглядно проявилось в 2012 г. на 45-й встрече министров иностранных дел АСЕАН в Камбодже, где страны АСЕАН не смогли принять совместного заявления из-за разногласий по проблеме Восточного моря. Во всех своих заявлениях последних лет АСЕАН избегает даже упоминать действия Китая в этом море.
4. Типичным примером является активное участие в этих форумах Китая, который постоянно ищет способы расколоть СА и добиться поддержки своих позиций по вопросам Восточного моря со стороны ряда стран-членов.
5. МИД Вьетнама постоянно добивается также согласованности действий всех министерств и ведомств в разработке различных проектов участия Вьетнама в СА до 2025 г.
6. В Лаосе два саммита, обычно проводимых весной и осенью, состоялись одновременно в сентябре 2016 г. (*Прим. переводчика.*)
7. *Nguyen Thi, Thanh Thuy*. Cong dong Chinh tri-An ninh ASEAN: Co hoi va thach thuc. Ky yeu Hoi thao khoa hoc Quoc te: Cong dong ASEAN sau mot nam thanh lap. Ha Noi Ngay 14/9/2016: [*Нгуен Тхи, Тхань Тхью*. Политическое сообщество безопасности АСЕАН: шансы и вызовы. Материалы международного научного симпозиума Сообщество АСЕАН через год после образования. Ханой. 14.09.2016].
8. Подписание Договора 1976 г. является обязательным условием получения статуса партнера по диалогу АСЕАН. (*Прим. переводчика.*)
9. В ноябре 2015 г. на 27-м саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре АСЕАН и США официально подписали соглашение о придании своим отношениям статуса стратегического партнерства.
10. *Vo ngoai giao*. Tuyen bo chung Hoi nghi Cap cao My-ASEAN. Zing.Vn, ngay 17/02/2016: [*МИД СРВ*. Совместное Заявление саммита США — АСЕАН. Zing.Vn, 17/02/2016].
11. *Xem nhem*: Tai sao ASEAN luon noi doi minh doan ket? URL: <http://vi.rfi.fr/chau A 20160906-tai-sao-ASEAN-luon-noi-doi-minh-doan-ket>. Дополнительно см.: Почему АСЕАН всегда лжет о своей солидарности? URL: <http://vi.rfi.fr/chau A 20160906>.
12. *Le Hong Hiep*. Can giai cuu ASEAN khoi tay Trung Quoc: [Ле Хонг Хиеп. Необходимо спасти АСЕАН из рук Китая]. URL: <http://Nghiencuuquocete.net>, ngay 26/10/2016. То же самое произошло раньше на саммите ДН в Иране в 2012 г.
13. *Monning Robert*. Time to rethink ASEAN // Nikkei Asian Review. 06.09.2016; *Le Hong Hiep*. Cach vuot qua luong nan dong thuan cua ASEAN o Bien Dong: [*Ле Хонг Хиен*. Как преодолеть тупик консенсуса АСЕАН в Восточном море]. URL: <http://Nghiencuuquocete.net>, ngay 26/10/2016.
14. *Le Hong Hiep*. Op.cit.
15. 1 октября 2016 г. состоялась неформальная встреча министров обороны США и стран АСЕАН на Гавайях. По этому случаю министр обороны США Эштон Картер огласил ряд новых инициатив США по морской безопасности в ЮВА, включая организацию диалога по

- безопасности на море и разработку совместных мер со странами АСЕАН по наблюдению и контролю в этом регионе.
16. *Tran Khanh*. *Hợp tác và Cảnh tranh chien luoc My-Trung o Dong nam A. Ba thap niensau Chien tranh Lanh*. Ha Noi: Nxb. The Gioi, 2014: [*Чан Хань*. Сотрудничество и стратегическое соперничество США — Китай в ЮВА. Три десятилетия после холодной войны. Ханой: ИД «Мир», 2014].
  17. В соответствии с этим Соглашением страны-участники не имеют права вето, но «все проекты строительства на реке Меконг должны проходить процедуру утверждения в три этапа: 1. Регистрация. 2. Предварительные консультации сроком до 6 месяцев со дня регистрации, а если за это время страны не придут к согласию, то срок может быть продлен. 3. Соглашение. Все работы могут начинаться только при согласии всех стран-участниц».
  18. Конвенция ООН об использовании вод международных рек не в целях судоходства (UNWC) принята ГА ООН в 1997 г. и вступила в силу 17.08.2014. Вьетнам был 35-й страной, ратифицировавшей Конвенцию, после чего она вступила в силу. Он также был первой из стран АСЕАН, участвующих в ней. Конвенция гласит, что все страны обязаны гарантировать использование водных ресурсов международных течений рек справедливо, разумно и обязательно согласовывать свои действия с другими странами бассейна этой реки, чтобы не допустить последствий, наносящих им ущерб. К тому же Международный уголовный суд (ИСС) официально принадлежит ООН. По его Уставу, принятому в Риме в 1998 г., он имеет все полномочия выносить вердикт как высшая судебная инстанция для любой страны, подписавшей его Устав в Риме, или просто члена ООН. См.: *Nguyen Van Nam*. *Song Me Cong, su truong ton dan toc va ICC*: [*Нгуен Ван Нам*. Река Меконг, национальное достояние и Международный уголовный суд]. URL: [http://www.bbc.com/vietnamese/vietnam/2016/10/161007\\_mecong\\_icc\\_comment](http://www.bbc.com/vietnamese/vietnam/2016/10/161007_mecong_icc_comment).
  19. *Nguyen Van Nam*. Op.cit.
  20. Упомянутый выше Роберт Моннинг считает, что СА должно отказаться от принципа обязательного консенсуса и вместо него ввести порядок принятия решений большинством в 2/3 голосов. Только так, по его мнению, можно преодолеть раскол и укрепить сплоченность и позиции Сообщества АСЕАН в мире.

## «Метод АСЕАН» разумной альтернативы не имеет (реплика переводчика)

В этом году ассоциация 10 государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН отмечает свой полувек юбилей. В мировом научном сообществе доминирует мнение, что АСЕАН является одним из немногих успешных региональных объединений, хотя оно создано очень разными и прежде не раз враждовавшими между собой национальными государствами.

За 50 лет АСЕАН не просто выжила в труднейших условиях. Медленно (со стороны часто казалось — даже слишком), но верно ассоциация шла вперед, опровергая мнения многочисленных скептиков и недоброжелателей. На протяжении десятилетий АСЕАН во многом способствовала сохранению мира и стабильности в ЮВА. Ей удалось связать определенными обязательствами все крупнейшие державы АТР. Это стало возможным во многом благодаря принятым ими правилам и нормам поведения, политического, экономического и социально-культурного сотрудничества.

Юбилей АСЕАН пришелся на переходный период. Первоначальные цели, ставившиеся отцами-основателями, в значительной мере достигнуты в сотрудничестве государств-членов между собой и в отношениях с крупными державами вне региона. Между тем в быстро меняющемся мире возникло много новых проблем и противоречий, тормозящих движение вперед. Обо всем этом убедительно говорит статья доктора Чан Кханя, посвященная итогам первого года существования провозглашенного 31 декабря 2015 г. Сообщества АСЕАН и, прежде всего, одной из трех его составных частей — Политического сообщества безопасности.

Автор в целом положительно оценивает первые шаги Сообщества, сделанные в ситуации, сильно осложнившейся из-за территориальных споров в Южно-Китайском море и вмешательства в них внешних сил. Вместе с тем он не скрывает серьезные недостатки Сообщества и неудачи, связанные с внутренней организационной слабостью, отсутствием единства, национальным эгоизмом и недостатком политической воли в правящих кругах государств-членов. Всем этим, по мнению автора, активно пользуются внешние силы, проводящие политику «разделяй и властвуй».

С приводимыми автором фактами нельзя не согласиться. Но когда речь заходит об их причинах и рекомендациях на будущее, то возникают серьезные сомнения в объективности автора и в адекватности его трактовки интеграционных процессов в ЮВА. Особое возражение вызывает упорная постановка им вопроса о необходимости отказа от принятого в АСЕАН принципа обязательного консенсуса при принятии решений по политическим вопросам безопасности. Автор тем самым призывает отказаться от сложившейся в АСЕАН многолетней практики совместной выработки решений возникающих проблем на основе диалога и терпеливого поиска согласия. Этот метод получил широкое международное признание как «метод АСЕАН» (ASEAN Way).

Именно требование консенсуса, по мнению автора, сегодня превратилось в главный тормоз на пути движения Сообщества АСЕАН вперед. С этим никак нельзя согласиться. Сообществу действительно с большим трудом удастся выработать общие позиции в отношении событий в Южно-Китайском море, которые имеют жизненное значение для Вьетнама. У вьетнамских политиков и ученых, да и в общественном мнении Вьетна-

ма это все чаще вызывает определенное разочарование, которое можно понять. Но причина этого отнюдь не в обязательности консенсуса при принятии решений, а в невозможности его достичь в силу многих объективных и субъективных причин, в том числе и тех, которые рассматриваются в статье.

Политика, как известно, искусство возможного. А ожидать, что принятое даже квалифицированным большинством голосов (как предлагает автор) то или иное решение, которое отвечает интересам этого большинства, но ущемляет интересы нескольких или даже одного государства, будет выполняться на практике — это иллюзия. Не следует давать желаемое за действительное. Интересы государств — членов Сообщества совпадают не всегда и не во всем. Все маневрируют между Китаем и США, избегая вставать на чью-либо сторону. Международные отношения суверенных государств решениями большинства не управляются, как бы этого иногда ни хотелось. Невозможно надежно выстроить свою безопасность за счет безопасности других. Она должна быть единой, равной и неделимой. Это уже неопровержимо доказано всей историей человечества.

Очевидно и то, что интеграция в ЮВА, как и во всей Восточной Азии, радикально отличается от интеграции в ЕС. В АСЕАН никто и ни при каких обстоятельствах не готов пожертвовать даже малой долей своего государственного суверенитета, завоеванного очень дорогой ценой. Здесь нет никаких наднациональных органов. Все сколько-нибудь важные решения принимаются на саммитах путем договоренностей (консенсусом) лидеров государств. АСЕАН — это не «Соединенные Штаты ЮВА» и не военный союз. Об этом и речи никогда не было.

В само понятие «сообщество», строительство которого планируется в основном завершить к 2025 г., часто вкладывается разный смысл. В Японии, где в начале века получила широкое распространение идея Восточноазиатского сообщества, оно определялось как группа государств, «которые активно взаимодействуют, имеют близкие интересы и общие исторические судьбы». Тема общности исторических судеб часто появляется в последнее время и в речах китайских руководителей. Из всех имеющихся формулировок можно лишь сделать вывод, что речь идет вовсе не о создании некоей региональной наднациональной структуры, а скорее о самом процессе строительства архитектуры международных отношений в регионе по известному принципу «важен не столько результат, сколько движение к нему».

«Метод АСЕАН» срабатывал успешно не по воле большинства, а когда удавалось найти баланс интересов. Именно этого баланса пока и не удастся достичь всем участникам споров о суверенитете в Южно-Китайском море. Они по-прежнему далеки от него. А когда он будет нащупан, тогда и принцип консенсуса, наверняка, не подведет.

«Метод АСЕАН» не раз убедительно доказал свою эффективность в решении многих споров между государствами региона. Дискуссии на саммитах АСЕАН, на разных других форумах в формирующейся архитектуре региональной безопасности с участием ведущих государств мира, где уже много лет действуют принципы АСЕАН, показали удивительную возможность консенсуса по широкому кругу проблем мировой политики.

«Метод АСЕАН» — воплощение многовековой политической культуры и деловой этики азиатских государств, испытавших немалое влияние конфуцианства и всей китайской философии. Он может сыграть существенную роль в выстраиваемой с большим трудом новой архитектуре международных отношений XXI века. В его основе лежит древняя мудрость, которая гласит: какова бы ни была проблема, ее следует решать путем переговоров и поиска компромисса. Нельзя загонять оппонента в угол, всегда следует давать ему возможность выйти из неприятной для него ситуации, «сохранив лицо». В этом и состоит «метод АСЕАН» — признанный вклад народов ЮВА в мировую культуру международных отношений. Разумной альтернативы ему просто нет. Так что отказываться от него вряд ли целесообразно.

## Миссия Такэноути в Санкт-Петербурге в 1862 г.

© 2017

*М.К. Ковальчук*

В 1862 г. Россия впервые принимала у себя официальных представителей японского государства. Миссия Такэноути, именуемая так по имени ее главы Такэноути Ясунори, посетила Санкт-Петербург в рамках европейского визита с целью личного знакомства с Российской империей и особенностями ее политического и экономического устройства, а также для проведения переговоров по проблемам, касающимся дальнейшего развития торговых и дипломатических отношений между Японией и западными державами.

Статья знакомит читателей с впечатлениями японских посланников в ходе визита в Санкт-Петербург, зафиксированными в их дневниках и дорожных записях.

*Ключевые слова:* Япония, история русско-японских отношений, миссия Такэноути, первое японское посольство в Европу, Фукудзава Юкити.

Летом 1862 г. российская столица принимала у себя первое официальное посольство Японии. В том году миссия Такэноути, как ее принято называть в отечественной историографии по имени главы — Такэноути Ясунори<sup>1</sup> (1807–1867), организованная правительством сёгуната, посетила ряд европейских стран, в том числе и Российскую империю.

Пребывание японской делегации в Петербурге с августа по сентябрь 1862 г. не становилось предметом специального изучения ни в отечественной, ни в западной историографии. В фундаментальных работах британских и американских ученых, посвященных истории контактов японцев с европейской цивилизацией в эпоху бакумацу, основное внимание уделяется визитам японских делегаций в страны западной Европы и США<sup>2</sup>. Что касается пребывания миссии Такэноути в Петербурге, то рассказ о нем, часто сводится к краткому перечислению дат и событий. Не многим подробнее визит миссии рассматривался и в исследованиях отечественных японоведов, посвященных истории русско-японских отношений. Исключение составляют статьи В.Ю. Климова, который осветил отдельные вопросы, касающиеся церемониального аспекта приема миссии<sup>3</sup>.

Японские ученые<sup>4</sup> уделили гораздо больше внимания изучению этого исторического события. В их работах можно найти немало информации не только о программе визита, но и о впечатлениях его участников. Однако в них далеко не всегда присутствует анализ, сопоставляющий впечатления японских посланников с реалиями российской

---

*Ковальчук Марина Константиновна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры японоведения Восточного института Школы международных и региональных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: marinkoval@hotmail.com.

действительности того времени. В представленной статье мы постараемся восполнить этот историографический пробел, учитывая значимость данного события и его влияние на процесс формирования образа Российской империи в японском общественном мнении как в эпоху бакумацу, так и в последующие периоды японской истории.

В 1862 г. наиболее активное участие в организации дипломатического посольства Японии в Европу приняли Великобритания и Франция. Можно сказать, что официальные представители этих стран фактически инициировали его отправку<sup>5</sup>. Они взяли на себя расходы по доставке достаточно многочисленной миссии (в ее состав вошли почти сорок человек) в Европу и возвращению ее на родину. Планировалось, что помимо Лондона и Парижа японцы посетят столицы Голландии, Пруссии, России и Португалии<sup>6</sup> — тех стран, с которыми Япония в период 1854—1861 гг. подписала дипломатические и торговые соглашения.

Российская империя внесла не слишком большой вклад в организацию этого визита<sup>7</sup>. Дело в том, что переговоры об отправке посольства шли в сложный для русско-японских отношений момент, когда усилия российских дипломатов в Японии во главе с консулом И.А. Гошкевичем<sup>8</sup> были направлены на урегулирование негативных последствий так называемого Цусимского инцидента (1861).

15 марта 1861 г. Гошкевич уведомил петербургские власти о намерении полномочной делегации правительства сёгуната посетить Российскую империю в рамках европейского дипломатического турне. В депеше сообщалось, что одной из основных целей визита является обсуждение вопроса о возможности предоставления японской стороне отсрочки в открытии для международной торговли двух дополнительных портов Хёго (Кобэ) и Ниигата, а также двух городов — Эдо и Осака для посещения и проживания в них иностранцев<sup>9</sup>. Что касается визита в Санкт-Петербург, то во время пребывания в российской столице японская делегация намеревалась также провести переговоры по проблеме государственной принадлежности о. Сахалин<sup>10</sup>.

Петербург очень тщательно готовился к приему японских гостей. Российские власти понимали значимость добрососедских отношений со своим восточным соседом, чья территория обладала важным с геополитической точки зрения расположением на перекрестке тихоокеанских морских путей.

В 1861 г. это понимание подтолкнуло командование военно-морской эскадры на Тихом океане к действиям, которые в отечественной историографии именуется Цусимским инцидентом, а в японской — «захватом о. Цусима российскими военными кораблями» («*Россия сэнкан Цусима сэнрэ дзикэн*»). В действительности события 1861 г. представляли собой неудачную попытку военно-морских сил Российской империи организовать стоянку для своих судов на побережье острова Цусима, предпринятую без получения соответствующего разрешения японских властей.

Один из инициаторов российского «вторжения» на Цусиму, командующий дальневосточной эскадрой контр-адмирал И.Ф. Лихачев писал в докладной записке великому князю Константину Николаевичу: «Япония призвана в будущем играть первостепенную роль в политике окружающих ее стран. Необыкновенная выгодность географического положения, богатство страны, счастливые наклонности и способности многочисленного народа — во всем этом представляются прочные залогов блестящего будущего. Мы поставлены в непосредственное соседство с этим государством, и вследствие этого должны принять деятельное участие в его судьбе. К этому побуждает нас даже инстинкт самосохранения»<sup>11</sup>. Говоря об инстинкте самосохранения, российский контр-адмирал имел в виду, что в случае бездействия со стороны России, островом может заинтересоваться одна из западных стран. Наибольшее опасения вызывала растущая активность Великобритании в этой части Тихого океана. Захват о. Цусима последней, по мнению Лихачева, мог поставить под угрозу безопасность удаленных от европейского центра дальневосточных территорий Российской империи.

Понимая стратегическое значение о. Цусима, Лихачев, похоже, не достаточно хорошо разбирался в вопросах международного права, что не позволило ему предусмотреть негативные последствия действий русских моряков на закрытом для иностранцев японском острове.

Не сумев собственными силами выдворить российские корабли, зашедшие в марте 1861 г. в одну из бухт о. Цусима, японское правительство обратилось за помощью к Великобритании. Немедленное вмешательство последней, осуществленное в рамках международного законодательства, свело на нет все усилия Лихачева. После почти полугодовой стоянки у японских берегов, сопровождавшейся высадкой на берег и началом строительства военно-морской станции, российские суда — корвет «Посадник» и клипер «Опричник» — покинули остров. Официальный Петербург принес японской стороне извинения, подчеркнув, что действия российских военных на Цусиме не были согласованы с центральным правительством. Инцидент был улажен, но он негативно повлиял на представления о России как о миролюбивом государстве, стремящемся сохранить с Японией добрососедские отношения, созданные усилиями миссии Е.В. Путятина в период подписания первых русско-японских договоров<sup>12</sup>.

Прием японского посольства в Петербурге летом 1862 г. давал шанс сгладить впечатление от военно-морских маневров на Цусиме. Неудивительно, что к визиту готовились серьезно. Протокол приема делегации переписывался несколько раз. Изначально планировалось, что миссия прибудет по железной дороге<sup>13</sup>, однако в начале июня было решено, что ее члены, будут доставлены из Пруссии в российскую столицу морским путем на борту присланного за ними парохода-фрегата «Смелый». По мнению японского историка Ямагути Кадзуо, торжественное прибытие японской делегации в град Петра на борту российского судна должно было продемонстрировать истинное значение этого города, построенного Петром I, как символа стремления Российской империи обрести статус великой морской державы<sup>14</sup>.

Мы не нашли документов подтверждающих, как впрочем, и опровергающих предположение японского ученого, но, скорее всего, российское руководство сделало выбор в пользу доставки миссии морем, руководствуясь иными причинами. Визит миссии Такэноути в Россию пришелся на период правления Александра II. Это было время кардинальных перемен, направленных на модернизацию многих сфер жизнедеятельности государства, главной из которых стала реформа по отмене крепостного права (1861). Царский указ, изменивший существовавшую в течение долгого времени систему землевладения и землепользования, вышел за год до визита японцев. В стране чувствовалось сильное внутривластное напряжение. Это неудивительно, если учесть, что на начало 1860-х годов население России составляло около 70 млн человек, из которых 48 млн занимались сельским хозяйством<sup>15</sup>. Далеко не все слои населения были согласны с инициативами центральных властей, что не способствовало сохранению в стране спокойствия и порядка. Получившие личную свободу, но лишившиеся земли крестьяне поднимали бунты и восстания. В год отмены крепостного права крестьянских волнений было больше, чем за все царствование Николая I (1825–1855). В деревнях царили хаос и смятение. Возможно, именно этот фактор, а не желание продемонстрировать статус сильной морской державы, стал решающим при принятии решения о доставке японской делегации в столицу морским, а не железнодорожным путем. В том, что данное решение оказалось верным, можно убедиться, обратившись к воспоминаниям членов миссии Ивакура, японского посольства, отправленного в Европу новым правительством Мэйдзи девять лет спустя, в 1871 г. Это посольство было доставлено от прусской границы в российскую столицу по железной дороге. Главный секретарь миссии Ивакура, Кумэ Кунитакэ, так описывает свои впечатления от увиденного из окна поезда: «Наконец мы забрались в самую глубь европейского континента... Ощущение такое, что мы на краю земли»<sup>16</sup>. Еще меньше воодушевления виды российской глубинки вызвали у видного политического

десятеля эпохи реставрации Кидо Такаёси (Коин), также входившего в состав миссии Ивакура. «На протяжении большей части нашего пути, — писал он в своем дорожном дневнике, — мы не видели ничего, кроме безбрежных равнин и лесов. Людские поселения встречались крайне редко. Местные деревеньки выглядели очень маленькими и бедными. Мне никогда не приходилось видеть таких бедных деревень, даже в Японии»<sup>17</sup>. По словам Кидо, российский пейзаж напомнил ему Хоккайдо. Если учесть, что в середине XIX в. о. Хоккайдо являлся одним из наименее развитых территорий Японии, сравнение с ним российской глубинки вряд ли говорило о том, что увиденное во время поездки по железной дороге произвело на японцев благоприятное впечатление.

В 1862 г. восприятие России было иным. Итикава Ватару<sup>18</sup>, сопровождающий второго посла миссии Мацудайра Ясухидэ, так описал впечатления от первого дня, проведенного на российской земле: «9 августа. Пасмурно. После обеда дождь. Температура 55 градусов»<sup>19</sup>. Сегодня сразу после полудня пересели на речной пароходик шириной два с половиной кана<sup>20</sup> и длиной всего двадцать четыре кана и направились на юг. Над главной мачтой судна был поднят японский флаг... Вскоре показалась столица. На обоих берегах реки Невы<sup>21</sup> выстроились в ряд высокие, красивые здания. Среди них то там, то тут выглядывают купола храмов. Это место, поражающее красотой своего пейзажа, было выбрано для столицы огромного государства, территория которого по своим размерам не сопоставима ни с одной страной мира. Престиж этого города зиждется на величине его дворцов, демонстрирующих авторитет власти, а также ее добродетельность»<sup>22</sup>. Как видно из слов Итикава, доставка делегации морем в восхищающий широтой улиц и красотой архитектуры Петербург, минуя российскую глубинку, при первом знакомстве дала возможность убедить японских гостей в том, что по уровню своего цивилизационного развития Россия не уступает передовым странам Европы, обладая при этом одним очень значительным преимуществом — территорией, размеры которой в середине XIX в. поражали воображение японцев.

Желание соответствовать «европейским стандартам» просматривалось во многих нюансах организации приема японской делегации, в частности, в рассмотрении вопроса о возможности предоставления членам миссии императорской аудиенции. Министерство иностранных дел и входивший в его состав Азиатский департамент стремились, чтобы уровень приема делегации соответствовал тому, что был оказан японцам в других странах. До приезда в Петербург миссия уже побывала в Амстердаме, Берлине, Париже и Лондоне. Последние были выбраны в качестве основных ориентиров для проведения официальных церемоний. Проблема состояла в том, что Великобритания и Франция по-разному приняли японское посольство. Наполеон III лично приветствовал делегацию в королевской резиденции, где присутствовал весь цвет французской аристократии. В Лондоне же японские посланники не получили монаршей аудиенции: их приняли на уровне министерства иностранных дел. Японцам объяснили, что королева Виктория не может лично приветствовать миссию, поскольку находится в трауре из-за кончины мужа принца Альберта (1861).

Россия решила последовать примеру французов. Причем в Петербурге императорская аудиенция была предоставлена японским посланникам дважды: приветственная — 14 (2 по ст. ст.) августа в торжественной обстановке Большого тронного зала Зимнего дворца и прощальная — 14 (2 по ст. ст.) сентября 1862 г. в Царском селе перед отъездом миссии из России<sup>23</sup>.

Внимание, проявленное российскими властями к японскому посольству, не ограничилось высокими аудиенциями. Проживание делегации в Петербурге было организовано с особой заботой об удобстве ее членов. В распоряжение посольства был предоставлен Запасной дворец, расположенный всего в восьмистах метрах от основной резиденции императора. В его стенах японцев ждал приятный сюрприз.

На момент приезда в Петербург 8 августа (27 июля)<sup>24</sup> 1862 г. делегация провела в Европе уже более четырех месяцев. Посланники успели порядком устать от особенностей европейского быта, удивлявшего и восхищавшего их в первые дни поездки. Можно представить себе радость японцев, когда при размещении в выделенных им комнатах они обнаружили в них элементы традиционного японского комфорта. «До нас доходили слухи, что при российском правительстве служит какой-то японец. Его имя звучало как Яматофф», — писал в своих воспоминаниях о поездке в Петербург Фукудзава Юкити — в то время молодой двадцатисемилетний самурай, включенный в состав миссии в качестве переводчика<sup>25</sup>. «Мне очень хотелось лично встретиться с этим человеком, но так и не довелось. Тем не менее, я уверен, что разговоры (о японце — М.К.) не были просто слухами. Знание японских традиций чувствовалось в каждой детали... В нашей комнате стояли стеллажи для мечей — такие, какими мы привыкли пользоваться у себя на родине. На кроватях лежали японские подушки на деревянной основе, в ванной комнате вместо мыла мы обнаружили мешочки с рисовыми отрубями, даже манера приготовления еды для нас напоминала японскую. Что до пиал для риса и палочек для еды, то они были слишком японские, чтобы предположить, что русские самостоятельно продумали всю обстановку нашего жилища. Присутствие незримого японца было очевидно, однако мы уехали, так и не увидев его»<sup>26</sup>.

«Незримым японцем» был никто иной, как Татибана Косай (после крещения Владимир Иосифович Яматов), попавший в Россию в 1856 г. при содействии российского дипломата Иосифа Гошкевича, назначенного впоследствии в Японию российским консулом. При принятии православия Татибана взял имя Гошкевича — Иосиф в качестве отчества, выразив тем самым благодарность за помощь и проявленную заботу. В Петербурге Татибана был зачислен в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Его знания японской культуры и быта оказали неоценимую помощь в организации встречи и пребывания японской делегации в российской столице.

«Кусочек Японии», воссозданный заботливыми руками «неизвестного» в далекой северной стране, воодушевил Фукудзава Юкити написание стихотворения. «Если мне когда-нибудь доведётся встретить человека, о котором я вам рассказывал, — говорилось в нем, — я скажу ему: “Небо над Европой не так уж сильно отличается от неба над Японией”»<sup>27</sup>.

К сожалению, Татибана Косай не довелось прочесть, посвященные ему строки. Миссия покинула Петербург, так и не познакомившись с «таинственным» соотечественником. Почему Татибана (Яматов) не был представлен японской делегации остается загадкой. Дело в том, что, согласно первоначальному распоряжению российского министерства иностранных дел, губернскому секретарю Яматову было предписано «постоянно состоять при делегации»<sup>28</sup>. Помимо него в помощь японским посланникам были откомандированы статский советник Татаринов, надворный советник Иессен и титулярный советник Махов<sup>29</sup>.

Согласно официальному протоколу встречи японской делегации, Татибана вместе с другими российскими чиновниками должен был приветствовать своих соотечественников в день их прибытия на российскую землю<sup>30</sup>. Однако незадолго до приезда миссии решение было пересмотрено, а имя Владимира Яматова вычеркнуто из состава встречающей делегации. Можно предположить, что новоиспеченный российский подданный японского происхождения сумел донести до своего начальства опасения относительно того, что его участие в работе миссии может вызвать недовольство у официальных представителей сёгунского правительства, предписания которого он нарушил, самовольно покинув страну<sup>31</sup>. Как бы то ни было, в поименном списке официальных лиц торжественной процессии, сопровождавших японскую делегацию от Английской набережной Петербурга до Запасного дворца в день ее прибытия в российскую столицу 9 августа (28 июля) 1862 г, опубликованном на страницах петербургских газет<sup>32</sup>, имя Владимира Яматова не значилось.

Впрочем, даже не принимая личного участия в церемониях и встречах с японскими посланниками и их помощниками, Татибана Косай, как человек знающий Японию и прекрасно осведомленный о том, как внимательно японцы относятся к деталям, оказал неоценимую помощь при составлении программы пребывания делегации и протоколов официальных приемов. Служебная записка за авторством Татибана, озаглавленная «Прием иностранного посла в Японии», была составлена еще в январе 1862 г. Если учесть, что Татибана покинул родину в 1856 г., в то время, когда правила принятия иностранных делегаций еще только разрабатывались, то уместно предположить, что при составлении вышеназванной служебной записки он взял за основу традиции и практику приема высокопоставленных гостей, характерные для эпохи Эдо. Речь идет о церемонии приветствия князей даймё, которые в соответствии с системой *санкин-котай*, принятой в эпоху правления династии Токугава, были обязаны наносить регулярные визиты в сёгунскую столицу.

В пользу этой версии говорит, например, наличие в тексте данного документа следующего пункта: «Во дворце сопровождает посла почетный конвой, который не позволяет народу переходить дорогу, в противном случае посол может считать себя оскорбленным»<sup>33</sup>. Известно, что незнание данного правила в сентябре 1862 г. стоило жизни одному из британских подданных, коммерсанту Ричардсону, который в сопровождении еще троих англичан во время верховой прогулки по дороге Токайдо помешал продвижению процессии князя Сацума — Симадзу Хисамицу, возвращавшейся из Эдо<sup>34</sup>. Инцидент произошел в то время, когда миссия Такэноути находилась в Европе.

Разработанный Татибана «Прием иностранного посла в Японии» не совсем соответствовал протоколу приветствия иностранных гостей, принятому в период бакумацу, однако этот документ, без сомнения, отражал особенности дипломатического этикета японцев. Его отдельные пункты, такие, например, как угощение послов чаем и конфетами, визит к цесаревичу и осмотр достопримечательностей столицы были использованы чиновниками Министерства иностранных дел. Более того, по сообщению газеты *Journal de St.-Peterbourg*<sup>35</sup>, царица на приеме в честь японского посольства была в платье, сшитом из отреза японского шелка с узором из цветов мальвы, который был преподнесен императору в качестве дара от сёгуна Токугава<sup>36</sup>.

Судя по оценке, которой дал приему в Зимнем дворце член японской делегации Итикава Ватару, советы Татибана принесли свои плоды. По словам Итикава, из всех стран, в которых побывала миссия, именно в России официальный прием главы государства «прошел наиболее достойным образом: чинно, без суеты и шума, со знанием правил приличия»<sup>37</sup>.

Существует ряд исторических документов, позволяющих реконструировать ход европейского турне миссии Такэноути, включая пребывание в России. Это официальный отчет миссии *тансаку*<sup>38</sup>, а также дорожные дневники и воспоминания отдельных ее членов. Среди последних, прежде всего, хотелось бы отметить две работы. Это записки, которые вели во время поездки два участника делегации — вышеупомянутый Итикава Ватару<sup>39</sup> (1824—?) и Фукудзава Юкити (1835–1901)<sup>40</sup>.

Нужно сказать, что впечатления этих двух членов миссии имеют ряд отличительных особенностей, обусловленных разницей в их образовании, интересах, а также в наличии или отсутствии предыдущего опыта общения с представителями западной цивилизации.

«Хроники услышанного и увиденного во время поездки по европейским странам. Записки о путешествии по Европе мухи на хвосте лошади»<sup>41</sup> — такое оригинальное название было дано при публикации путевым заметкам Итикава Ватару. Нужно сказать, что их автор не являлся чиновником высокого ранга, он также не владел ни одним из европейских языков, получив традиционное для самурая эпохи Эдо образование, основанное на знании китайского языка и исторических текстов. В состав миссии он был включен в качестве сопровождающего своего сюзерена, второго посланника миссии Мацудаи-

ра Ясухидэ (1830–1904)<sup>42</sup>. Природное любопытство и характерная для японского характера любовь к деталям позволили Итикава создать интересный и подробный рассказ обо всем, что он увидел во время европейского турне<sup>43</sup>.

Работа Итикава изобилует большим количеством подробных описаний с доскональным перечислением всего того, что привлекло его внимание. Нужно сказать, что далеко не вся представленная им информация соответствовала действительности. Вот, например, как Итикава описывает Зимний дворец: «Мраморный дворец императора расположен на берегу реки Невы. В его постройке использовался мрамор, гранит и железо. Мраморные колонны самых разнообразных оттенков. В трехэтажном здании дворца распахнуты двадцать три окна. Они застеклены светлыми, прозрачными стеклами. Длина «Зимнего дворца» (на каждый сезон здесь имеется свой дворец) составляет 450 сяку<sup>44</sup>, а ширина 350 сяку...»<sup>45</sup>. Как видим, текст Итикава несмотря на свою детализированность грешит неточностями. В отделке дворца действительно использовался цветной мрамор и железные конструкции, но утверждение о том, что в главной резиденции российского императора насчитывалось всего двадцать три окна, вызывает удивление. В том, что окон гораздо больше, можно было убедиться даже при не слишком внимательном взгляде на фасад. Если быть точным, то при указании «оконной статистики» Итикава ошибся почти в сто раз, в действительности в Зимнем дворце было 1945 окон. Можно, конечно, предположить, что Итикава действительно указал число только тех окон, что были открыты в момент его знакомства с императорской резиденцией, однако сложно представить, чтобы кто-нибудь увидел необходимость в подсчете и фиксации столь непостоянной характеристики.

Не соответствовало действительности и предположение, что российский император имел отдельный дворец на каждый сезон. Видимо, Итикава исходил из японских представлений о смене времен года, и наличие в названии дворца слова «зимний», навело его на мысль о существовании также летнего, осеннего и весеннего. Причина подобных ошибок и большого количества несоответствующих действительности предположений, скорее всего, заключалась в так называемой языковой проблеме. Итикава откровенно заявлял, что он «не разбирается ни в птичьем языке европейцев, ни в их похожих на каракули письменах»<sup>46</sup>.

Проблема общения стала одной из основных причин малой эффективности миссии Такэноути в деле сбора информации о тех странах, которые ей удалось посетить. Европейскими языками не владел никто из старших послов и их ближайших помощников. Один из переводчиков миссии Фукути Гэнъитиро (1841–1906) в своих воспоминаниях охарактеризовал их как «слепых и глухих пилигримов». Вторым препятствием стало ограничение на свободу передвижения рядовых членов миссии. Последним было разрешено предпринимать самостоятельные экскурсии и прогулки только по специальному разрешению и под присмотром *амэцукэ* (соглядатаев). Фукудзава Юкити позже писал в своих воспоминаниях, что со стороны «это выглядело так, словно мы везли свою политику изоляции прогуляться по Европе»<sup>47</sup>.

При таком недалёковидном подходе собрать достаточно сведений о европейских странах за время поездки участникам миссии было непросто. Пришлось полагаться на информацию, почерпнутую из письменных источников. Известно, что посольство привезло в Японию около 350 томов справочной и энциклопедической литературы на разных языках. Содержащаяся в них информация и легла в основу официального отчета миссии.

Очевидно, что к справочной информации на английском и голландском языках прибегал и Фукудзава Юкити<sup>48</sup> при заполнении своего дорожного дневника «Хроники поездки на Запад» («Сэйко-ки») <sup>49</sup>, текст которого позже вошел в полное собрание его сочинений. Доказательством тому может служить использование в дневнике английских единиц исчисления, таких как футы и дюймы<sup>50</sup>, в том числе и в разделе, описывающем его визит в Санкт-Петербург<sup>51</sup>. Дополнительные сведения, взятые из литературы на зна-

комых Фукудзава языках, позволили ему избежать многих неточностей. Впрочем, отдельные ошибки в тексте все-таки присутствуют. Наиболее ярким примером тому может служить отнесение событий Отечественной войны 1812 г. к 1815 г.<sup>52</sup>

Миссия Такэноути пробыла в России сорок дней, с 8 августа (27 июля) по 16 (4 по ст. ст.) сентября 1862 г. Ряд западных историков высказывают предположение, что столь долгий визит в российскую столицу был обусловлен надеждой на проведение успешных переговоров по вопросу принадлежности территорий на о. Сахалин<sup>53</sup>. Действительно, пребывание японцев в Петербурге стало вторым по продолжительности после Лондона. Несмотря на языковые проблемы и ограниченную свободу передвижения в задачу членов миссии входил сбор информации о технологических, военных и экономических успехах европейских стран, а также о способах их достижения. Этим объясняется тот факт, что главными объектами осмотра во всех европейских странах стали верфи, фабрики, в первую очередь те, что занимались производством вооружения, а также библиотеки, школы и другие образовательные учреждения. Россия не стала исключением. Программа визита была достаточно насыщенной. В «Хрониках поездки на Запад» Фукудзава отвел описанию времени, проведенному в Петербурге, одну шестую часть своего повествования о Европе, Итикава — одну четвертую.

В Петербурге, по просьбе членов миссии, им были организованы экскурсии в военно-морской порт и на судостроительные верфи Кронштадта, а также на оружейный завод, обсерваторию и ряд инженерных школ и горных училищ. Одновременно Фукудзава и другие члены посольства, владеющие европейскими языками, предприняли самостоятельный осмотр больниц, ботанического сада, таможенного управления, монетного двора, телеграфа, технического и коммерческого училищ, а также двух государственных фабрик по производству стекла и фарфора. Фукудзава также посетил императорскую библиотеку, где к своему удивлению обнаружил очень небольшое количество книг на русском языке.

В целом можно сказать, что Петербург произвел на японцев сдержанное впечатление. Судя по дневникам Итикава и Фукудзава, его дворцы и сады, расположенные как в самом городе, так и в предместьях (Петергоф и Царское село) не оставили японцев равнодушными, что же касается государственного устройства и индустриального развития Российской империи, то в дневниковых записях обоих японцев этим сторонам развития российского государства не было дано высоких оценок, как впрочем, и серьезных критических замечаний. Лишь по отдельным высказываниям можно судить, что члены миссии пришли к выводу об определенном отставании России от передовых стран Запада. Например, при описании пути в Красное село, где члены японской миссии присутствовали на войсковом смотре, проведенном самим Александром II, Фукудзава сделал следующую запись: «По дороге... осмотрели окрестности. Много трав и деревьев. Часто встречались деревни, но каменных домов в них мало. Большинство построено из дерева. Из дерева делают и крыши, и стены»<sup>54</sup>. Такие, на первый взгляд, незначительные ремарки, подобные комментарию об отсутствии в русских деревнях добротных каменных строений или о небольшом количестве научных работ на русском языке в российских библиотеках, говорят о том, что уже в 1862 г. Фукудзава относился к России с определенной долей скептицизма.

Помимо дневника сохранился также дорожный блокнот Фукудзава — изящный, в кожаном переплете, он был куплен им во Францию. Судя по характеру записей, большинство из них было сделано в блокноте непосредственно во время бесед с местными жителями или в ходе экскурсий. В основном это были имена, названия и цифры, реже фразы и отдельные предложения. В отличие от «Хроник поездки на Запад», в записях о Российской империи встречаются русские слова, написанные хотя и латинскими буквами, но с сохранением русской фонетики. О том, что эти пометки были сделаны со слов русских сопровождающих, говорит употребление единиц измерений, имевших хождение только в России. Скорее всего, Фукудзава не знал их точного значения и намеревался позже перевести их в более знакомые английские или японские единицы. Например,

в день посещения загородной резиденции российского императора Фукудзава делает следующую запись: «Царское село — двадцать пять верст от столицы Петра»<sup>55</sup>. В названии «Царское» сначала на месте буквы «р» стояла «л», которая затем была исправлена. Видимо, Фукудзава не всегда был уверен в верности написания услышанных названий.

Еще одним источником за авторством Фукудзава, повествующем о визите миссии Такэноути в европейские страны, является одна из глав его «Автобиографии», которая была написана и опубликована в 1897 г. В главе «Я еду в Европу» Фукудзава в ряду прочих стран рассказал и о России. Благодаря тому, что эта работа вышла в свет на английском языке, она известна более широкому кругу читателей. Анализируя этот документ, нужно учитывать, что его текст был написан спустя тридцать пять лет после возвращения посланников сёгуната на родину. Весьма вероятно, что события лета 1862 г. передавались в нем под влиянием тех представлений о России, что были характерны для японского общественного мнения в конце, а не середине XIX в.

Известно, что образ Российской империи, сформировавшийся в период открытия страны под влиянием *тактичной* дипломатии миссии Путятина, претерпел серьезные изменения после японо-китайской войны (1894–1895). Причиной тому стало российское участие в так называемом Тройственном вмешательстве (23 апреля 1895 г.) в условия мирного договора, заключенного между Японией и Китаем 17 апреля 1895 г. в Симонсэки. В результате дипломатического демарша трех европейских стран — Германии, Франции и России — одержавшая победу в этой войне Япония была вынуждена отказаться от требований передачи ей части китайских территорий на Ляодунском полуострове. Это привело к заметному ухудшению русско-японских отношений.

На страницах «Автобиографии», написанной через два года после окончания японо-китайской войны, Фукудзава рассказал о нескольких событиях, произошедших с ним в Петербурге. Помимо слов благодарности «незримому» японцу, привнесшему толику японского комфорта в жизнь делегации в далекой северной стране, он упомянул о странном (с его точки зрения) предложении, которое было сделано ему, в то время рядовому переводчику, в приватной беседе одним из российских чиновников<sup>56</sup>. По словам японского просветителя, его официально пригласили поступить на службу Российской империи, с гарантией высокого жалования и успешной карьеры.

Историки, занимающиеся исследованием жизни и творчества Фукудзава Юкити, отмечают, что ряд событий на страницах его «Автобиографии» переданы не очень точно из-за желания автора представить свои действия и поступки в более выгодном свете<sup>57</sup>. Мы не будем утверждать, что слова Фукудзава о предложении, сделанном ему российскими властями, являются выдумкой. Лишь обратим внимание на тот, факт, что три года спустя, после того как миссия Такэноути покинула Петербург, на учебу в Россию по приказу сёгунского правительства было направлено шесть японских студентов. Пятеро из них прожили в Петербурге около трех лет, и за это время никто из них не получал от местных чиновников таких лестных предложений, как те, о которых пишет Фукудзава, пробывший в российской столице не более сорока дней.

Ситуация с приглашением пополнить ряды российских чиновников интересна не сама по себе, а в свете выводов, сделанных Фукудзава о России. «Данный инцидент произвел на меня очень сильное впечатление, — писал он. — Мне и раньше доводилось слышать о том, что Россия отличается от других европейских стран. Теперь я и сам в этом убедился. Во время визитов в Англию и Францию, и даже годом ранее в США, практически все, с кем я встречался, страстно желали попасть в Японию. Я даже устал отвечать на вопросы о том, как можно найти работу в Японии... Но мне еще никогда не приходилось встречать в этих государствах кого-нибудь, кто посоветовал бы мне остаться в его стране. Насколько я мог судить по той страстности, с которой мне было сделано данное предложение, это была не просто личная инициатива. Возможно, за всем этим скрывалась какая-то политическая или дипломатическая подоплека, а возможно даже коварные замыс-

лы»<sup>58</sup>. Напомним, что вышеприведенные слова были написаны в 1897 г., когда взгляды японцев на Российскую империю и ее политику были далеки от образа *гикоку* («благородного государства»), характерного для восприятия этой страны в период бакумацу.

Примечательно, что после Тройственного вмешательства японская пресса подвергла широкомасштабной критике не только Россию, но и японское правительство, в первую очередь, Министерство иностранных дел, не сумевшее отстоять государственные интересы Японии. Неудивительно, что вопрос о несостоятельности японских дипломатов стал еще одной темой, затронутой Фукудзава в 1897 г. при описании его визита в Санкт-Петербург летом 1862 г.

Как уже говорилось, в задачи миссии Такэноути входило проведение переговоров по вопросу территориальной принадлежности о. Сахалин. По словам Фукудзава, он лично присутствовал на этих переговорах и смог убедиться в их полном провале, вину за который он возложил на представителей Японии. «Наши посланники расстелили привезенную с собой карту, — вспоминал Фукудзава, — и указали на ней месторасположение Японии, территория которой была окрашена в синий цвет, в то время как территория России — в красный. Они сказали, что граница проходит вот тут, мол, и тут и, что они считают естественными требования Японии на всю территорию, лежащую до этой (синей — *М.К.*) линии. В ответ русские возразили, что если бы можно было определить принадлежность территории простым окрашиванием ее на карте в определенный цвет, то они с легкостью могли бы предъявить свои права на весь мир, просто закрасив его на карте красным цветом. «То же самое могла бы сделать и Япония, используя синий», — усмехнулись они. Японские посланники не нашлись, что ответить на эту шутку»<sup>59</sup>. Как видно из приведенной цитаты, Фукудзава не просто подчеркивал отсутствие у японских посланников навыков, необходимых для ведения переговоров с западными странами по такому важному вопросу, как территориальный, он фактически высмеивал их, причем достаточно язвительно. Скорее всего, дипломатическое фиаско Японии было передано им столь эмоционально под влиянием событий 1895 г.

Летом 1862 г. члены миссии Такэноути и российское правительство действительно не смогли прийти к соглашению по сахалинскому вопросу. Переговоры фактически зашли в тупик. Российская сторона обосновала свой отказ разделить территорию острова по 50 градусу северной широты<sup>60</sup> не только неточностью, представленных японскими посланниками карт, но и несостоятельностью их доказательств того, что Сахалин исторически имеет тесные связи с Японией, а местное население айну родственные корни с жителями Японских остров. На заседании 20 августа прошло обсуждение проекта заключительного протокола, излагавшего итоги переговоров. Уполномоченный представитель российской стороны — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел России Н.П. Игнатьев заявил, что русское правительство имеет право отказаться от невыгодного для него предложения в отношении Сахалина и этим ограничиться, но, учитывая настойчивую просьбу членов миссии, желающих снять с себя личную ответственность за неудачное проведение переговоров, он вставляет в протокол пункт о возобновлении их с военным губернатором Приморской области для окончательного разрешения сахалинского вопроса. При этом Игнатьев подчеркнул, что разграничение по 50-му градусу не будет принято российской стороной ни в Петербурге, ни в Японии, ни в каком-либо другом месте<sup>61</sup>.

Несмотря на неудачу при решении сахалинской проблемы, главная задача миссии была выполнена. Ей удалось убедить правительства европейских стран предоставить Японии пятилетнюю отсрочку в открытии портов Хёго, Нингата, а также городов Осака и Эдо. В обмен Япония обещала снизить таможенные пошлины на ввозимые в страну европейские товары и устроить склады для военно-морских судов в Нагасаки и Йокогама. Японское правительство также обязывалось не препятствовать развитию торговли с западными странами. Более того, оно вынуждено было пойти еще на одну существенную

уступку, которая, как было сказано в заявлении главы японского посольства в беседе с Игнатьевым, была сделана с учетом интересов прежде всего Российской империи. Этой уступкой стало открытие для иностранных судов одного из портов о. Цусима. Слова посла о том, что данное решение было принято в надежде получить расположение в первую очередь российского правительства, принимая во внимание факт того, что в 1861 г. остров стал причиной дипломатического конфликта между двумя странами, не соответствовали действительности. Дело в том, что впервые слова о возможности открытия порта на Цусиме прозвучали в речи японских представителей отнюдь не в Петербурге, а в Лондоне. Возможно, что этот пункт стал одним из основных условий согласия Великобритании отложить на пять лет появление иностранцев в Эдо, Осака, Нингате и Хёго. Более того, на переговорах в Петербурге вопрос о Цусиме был поднят только после того, как Игнатьев, узнавший о результатах японо-британских переговоров от русского посланника в Лондоне Ф. Брунова, потребовал от японской делегации официального подтверждения полученной информации. Так что вопрос о том, расположение какого государства стремилась заполучить Япония, дав согласие на заход иностранных судов в столь геополитически значимую часть Японского архипелага, как Цусима, остается открытым.

Миссия Такэноути посетила Россию в последние годы эпохи бакумацу. Через шесть лет после его возвращения на родину в стране произошла реставрация императорской формы правления, повлекшая за собой смену правящей элиты. Возможно, поэтому его влияние на последующее развитие русско-японских отношений оказалось не столь значимым, как, например, визит миссии Ивакура (1871–1873), представлявшей сменившее бакуфу правительство Мэйдзи. Тем не менее значение посольства Такэноути не стоит недооценивать. Одним из его результатов стало осознание необходимости самостоятельного изучения европейских держав, представления о которых в предшествующую эпоху основывались преимущественно на информации, почерпнутой из зарубежных источников.

По возвращению на родину Фукудзава Юкити приступает к написанию работы, озаглавленной «Положение дел в западных странах» («Сэйё дзидзё»). Ее первая часть вышла уже в 1866 г., а последняя, четвертая — в 1870 г. Книга стала бестселлером и переиздавалась несколько раз. В ней Фукудзава рассказал об истории, географии, а также политическом и военном устройстве ряда западных стран, в числе которых была и Российская империя. Для многих японцев второй половины XIX в., никогда не бывавших за пределами своей страны, знакомство с «Сэйё дзидзё» стало возможностью узнать об окружающем их мире. Образ России, представленный на страницах работы Фукудзава, заложил основы для восприятия ее рядовыми японцами на многие годы вперед.

1. В других источниках он фигурирует как Такэноути Симоцукэ. Это неудивительно, поскольку в Японии существовала практика неоднократной смены имен и фамилий. См.: *Paske-Smith M. Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days: 1603–1868. Kobe: Paragon Print Corporation, 1930. P. 184.*
2. *Beasley William G. Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travelers in America and Europe. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1995; Cobbing Andrew. The Japanese Discovery of Victorian Britain. Early travel encounters in the Far West. Richmond Surrey: Japan library, 1998.*
3. *Климов В.Ю. Первое японское посольство в России (1862 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Петербург, 2010. Сер.13. Вып. 1; Климов В.Ю. Церемониалы приема японского посольства 1862 г. и их проекты // Япония. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI, 2013.*
4. *Судзуки Такэо, Гюнтер Шобер. Ёроппалзин-но мита Бункю сисэцудан: [Дипломатическая миссия годов Бункю: глазами европейцев]. Токио: Коданся, 2005; Миянага Такиси. Бакумацу кэно: сисэцудан: [Дипломатическая миссия в Европу в последние годы правления бакуфу]. Токио: Коданся, 2006.*

5. Подробнее см.: *Ковальчук М.К.* Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании // Япония. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI, 2010. С. 293–308.
6. Изначально планировалось, что миссия ограничит европейский визит только Францией и Великобританией, однако по совету доктора Филиппа Франца фон Сиболда, который с 1859 г. служил в должности советника японских властей в Иокогаме, число стран для посещения было увеличено. См.: *Beasley*. Op. cit. P. 74.
7. Российский консул предложил японским властям для отправки миссии в Европу воспользоваться российским фрегатом «Светлана», но японская сторона заявила, что заинтересована в покупке судна, а не в аренде. Тогда Гошкевич выступил с идеей отправки посольства в Европу через Сибирь, однако она не получила поддержки у японцев. См.: *Климов В.Ю.* Первое японское посольство... С. 3.
8. В 1861 г. именно консул, а не посол являлся основным представителем и защитником интересов Российской империи в Японии. Единственное российское консульство в то время находилось в Хакодате (Хоккайдо), дипломатическое представительство России посольского уровня было организовано только в 1871 г.
9. Вышеназванные порты и города, по договору 1858 г., должны были быть открыты для иностранных граждан в период с 1 января 1860 г. до 1 января 1863 г. Просьба о предоставлении отсрочки в их открытии, основывалась на опасении, что увеличение притока европейцев усилит волну недовольства со стороны местного населения, справиться с которой центральные власти будут не в силах. Эти опасения основывались на реальных фактах: в марте 1860 г. был убит тайро Ии Наосукэ, подписавший от лица Японии первые договоры с западными странами, в феврале 1862 г. члены движения *дзэи* (движение за изгнание иностранцев из Японии) ранили еще одного высокопоставленного чиновника — Андо Нобумаса. Периодически совершались нападения и на иностранных подданных. Секретарь американского консула Таунсенда Харриса — Хэдрик Хеускэн был убит в январе 1861 г. В июле того же года нападению подверглась Британская миссия в Эдо — погибли несколько японских охранников и серьезное ранение получил секретарь миссии Лоуренс Олифант. Двумя годами ранее (1859 г.) во время визита в Японию губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, были ограблены и убиты двое русских моряков. Это далеко не полный список проявления агрессии по отношению к иностранным подданным на территории Японии в период конца 1850-х — начала 1860-х годов.
10. На тот момент остров, согласно Симодскому трактату (1855) находился в совместном владении двух государств, что вызывало ряд неудобств в сфере освоения и дальнейшего экономического развития его территории.
11. РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–1 об.
12. О влиянии Цусимского инцидента на отношение к России и ее политике в середине XIX в. см. *Ковальчук М.К.* Мори Аринори: Размышление о России. Поездка в Петербург летом 1866 г. // Япония. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI, 2014. С. 163–164.
13. РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. 17об.
14. *Ямагути Кадзю*. Фукудзава Юкити но сэйко дзюнрэки: [История поездки на Запад Фукудзава Юкити]. Токио: Фукудзава Юкити кёкай, 1980. С. 240–241.
15. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. Москва: Государственное статистическое издательство, 1956. С. 34–35.
16. *Кумэ Кунитакэ*. Токумэй дзэнкэн тайси *бэйо кайран дзикки*: [Достоверный отчет о поездке специального посольства в США и Европу]. Токио: Иванами бунко, 1977. Т. 4. С. 53.
17. *The Diary of Kido Takayoshi*. Токио: Tokyo University Press, 1985. Vol. 2. P. 305.
18. Дневниковые записи Итикава Ватару были опубликованы вскоре после возвращения миссии Такэноути на родину. *Итикава Ватару*. Бакумацу оосю кэнбунроку — биё: о:ко: манроку: [Хроники увиденного и услышанного в европейских странах — хроники путешествия по Европе мухи на хвосте лошади]. Токио: Синдзимбуцу орайса, 1992.
19. Итикава дает уровень температуры в градусах Фаренгейта, что в переводе в градусы Цельсия означало около 13 градусов тепла.
20. кан — японская мера длины, равная 1,8 м.
21. В тексте название реки передано как Неро.
22. *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 130.
23. Подробно о проектах и деталях организации императорских аудиенций, предоставленных миссии Такэноути см.: *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства... С. 217.

24. АВПРИ, СПб. ГА I-6. Ф. 161, 1861–1862. Оп. 5. Д. 1. Л. 23–28.
25. Будущий просветитель японской нации принял участие в миссии Такэноути в качестве переводчика. Поездка в Петербург летом 1862 г. стал его первым и последним визитом в Россию.
26. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. London: Madison books, 1992. P. 136. Подробное описание японских элементов в убранстве резиденции, предоставленной для проживания японцев в Петербурге встречается и в дневках еще одного члена миссии Итикава Ватару. См.: *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 130.
27. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 137.
28. РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 5.
29. Титулярный советник Иван Васильевич Махов — сын первого настоятеля русской православной церкви при российском консульстве в Хакодате. Будучи чиновником министерства иностранных дел, он служил с 1859 по 1861 г. в Хакодате в должности письмоводителя российского консульства. Именно он составил и издал в Японии на собственные средства первую русскую азбуку (1861).
30. *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства... С. 218.
31. Сёгунат пошел на некоторое послабление запрета о выезде японских граждан за границу только в 1866 г. Распространялось оно на тех, кто хотел пройти обучение в западных странах.
32. Санкт-Петербургские Ведомости. № 164. 29 июля 1862 г. В.Ю. Климов также отмечает отсутствие Яматова в числе сопровождающих посольство в Петербург, ссылаясь на церемониал встречи делегации на набережной Невы, данный в газете "Journal de St.-Petersburg" 27 июля 1862 г. См.: *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства... С. 227.
33. АВПРИ, СПб. ГА I-6. Ф. 161. Оп. 5. Д. 1а. Л. 18.
34. Речь идет о так называемом *Нахамуе дзикэн*, произошедшем 14 сентября 1862 г.
35. Journal de St.-Peterbourg — российская газета, выпускавшаяся с перерывами в 1825–1917 гг., являлась полуофициальным органом Министерства иностранных дел Российской империи.
36. *Beasley*. Op. cit. P. 86.
37. *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 133.
38. Дайнихон комондзё: [Документы Великой Японии]. Бакумацу гайкоку канкэй мондзё: [Документы по внешним сношениям в последние годы правления бакуфу]. Т. 51. Токио: Изд-во Токийского ун-та, 2007.
39. О жизни и творческом пути Итикава Ватару известно не очень много. Родился он в 1824 г. В период Эдо занимался изучением китайских текстов, позже входил в научное общество Кокутаку (Школа национальной науки). Итикава также известен как один из создателей современной системы японских библиотек.
40. Фукудзава Юкити — просветитель, публицист, журналист и общественный деятель эпохи Мэйдзи. В 1860 г. он в качестве переводчика посетил Америку в составе первой дипломатической миссии Японии, направленной в Соединенные Штаты, а в 1861 г., после многочисленных прошений, его имя было включено в состав делегации сёгуната, отправившейся в Европу.
41. *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 130.
42. В японской историографии также встречается под именем — Мацудайра Ивами-но ками.
43. Первая часть дневников Итикава (до момента отправки миссии из Великобритании в Голландию) была переведена на английский язык и опубликована еще в 1865 г. Однако оставшаяся часть дневников не переводилась ни на английский, ни на другие европейские языки.
44. *Сяку* — японская мера длины, равная примерно 30 см. Соответственно, согласно Итикава, длина дворца составляла 135 м, а ширина 105 м. В действительности длина фасада дворца со стороны Адмиралтейства — 175 м, а со стороны Невы 210 м.
45. *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 131.
46. *Beasley*. Op. cit. P. 88.
47. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 132.
48. Первым европейским языком для Фукудзава стал голландский. Благодаря знанию голландского он был зачислен в состав дипломатической миссии Японии в США (1860) в качестве переводчика. Однако будучи в Соединенных Штатах Фукудзава пришел к заключению, что знание английского языка является необходимой составляющей его будущей успешной карьеры. С этого момента он начинает самостоятельно с помощью учебников и словарей, купленных в США, осваивать английскую речь.

49. Фукудзава Юкити. Сэйко-ки: [Хроники поездки на Запад] // Фукудзава Юкити дзэнсю: [Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити]. Токио: Иванами сётэн, 1971. Т. 19. С. 6–64.
50. Интересно, что в отдельных местах текста «Сэйко-ки» Фукудзава пишет футы иероглифом «сяку», обозначающим японскую меру длины, указывая, что данный иероглиф должен читаться как фут. Возможно, что такому смещению двух измерительных систем, японской и европейской, способствовал тот факт, что один фут близок к одному сяку, последний длиннее фута на 3 мм.
51. Из пятидесяти восьми страниц «Сэйко-ки» России было посвящено девять.
52. Фукудзава Юкити. Сэйко-ки. С. 43.
53. Beasley. Op. cit. P. 86.
54. Фукудзава Юкити. Сэйко-ки. С. 44.
55. Фукудзава Юкити. Сэйко гэтё: [Блокнот поездки на Запад] // Фукудзава Юкити дзэнсю: [Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити]. Токио: Иванами сётэн, 1971. Т. 19. С. 84.
56. В своей автобиографии Фукудзава не называет имя чиновника, более того признается, что во время поездки по Европе он никому не рассказал о сделанном ему предложении, как он объяснил, из-за страха оказаться под подозрением. В этом утверждении есть доля истины, поскольку в состав миссии входило достаточно большое количество *мицукэ* (соглядатаев). См.: The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 147–148.)
57. Мецгеряков А.Н. Автобиография Юкити Фукудзавы как репутационный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/1/22m.html>.
58. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 147–148.
59. Ibid. P. 144.
60. Предложение разделить территорию о. Сахалин по 50 градусу северной широты было сделано японцами. Российская сторона предлагала провести границу по естественному водоразделу — проливу Лаперуза.
61. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Вост. лит., 1988. С. 154–155.

## О влиянии китайской эмиграции на экономику и культуру региона Хэйхэ

© 2017

Нин Яньхун, Мэн Фаньхун

В статье затронут период с 1858 г., после подписания Айгунского договора, по 20–30-е годы XX века. Китайские мигранты занимались сельским хозяйством и торговлей на Дальнем Востоке России. Китайцы получали деньги и возвращались на родину. Город Хэйхэ является важным центром взаимодействия с Россией, расположен напротив российского города Благовещенска Амурской области. Китайские мигранты после возвращения в основном поселялись в Хэйхэ на китайско-российской границе. Они строили дома и создавали заводы, расширяли экономику и торговлю с Россией, содействовали экономическому развитию и строительству хэйхэского региона, оказывали глубокое воздействие на местную экономику и культуру.

*Ключевые слова:* возвращение китайских мигрантов в Китай; экономика и культура Хэйхэ, влияние.

Исторически город Хэйхэ являлся важным каналом проникновения в Россию и центром распределения вернувшихся на родину китайцев, привлекавшим многих из них на постоянное проживание.

Город Хэйхэ расположен на правом берегу р. Хэйлуцзян (Амур), напротив русского города Благовещенск. Здесь пролегает очень удобный путь, позволяющий летом пересекать реку на речном транспорте; зимой две страны соединяла ледовая дорога.

С середины XIX века на Дальнем Востоке России началось бурное развитие. Многие китайские крестьяне из Шаньдуна, Хэнаня, Чжили и других материковых провинций перебирались на северо-восток. Они нанимались рабочими, занимались торговлей, попадая через Хэйхэ на Дальний Восток России. Хэйхэ стал важным каналом проникновения китайцев в Россию и центром распределения вернувшихся обратно китайцев.

В 1906–1910 гг. только в городе Яньтае было выдано 155 078 виз для китайских рабочих, направлявшихся на Дальний Восток России. В тот же период 150 367 китайцев по билетам третьего и четвертого классов уехали поездом из Чанчуня в Харбин и на другие станции Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а потом на территорию России. 70 902 человек из них доехали по КВЖД на поезде до Цицикара, а потом проследовали по дороге через город Айгун в Приамурье. Транзит здесь разрешался только в следующие места: Игнашино, Рейново (Джалинда), Черняево, Радде, Благовещенск, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская станицы<sup>1</sup>. Китайские эмигранты через выше-

---

Нин Яньхун, исследователь Хэйхэского института пров. Хэйлуцзяна (КНР).  
E-mail: hhxyh@163.com.

Мэн Фаньхун, профессор Хэйхэского института пров. Хэйлуцзяна (КНР).

Подготовлено по проекту Национального фонда общественных наук Китая 16BM 2099 «Исследование потомков китайских эмигрантов в верхнем и среднем течении реки Хэйлуцзян».

указанные пропускные пункты в Амурской области доезжали до разных деревень лево-бережного Приамурья, а позже возвращались на родину.

У китайцев было два вида транзитных документов в Россию: паспорт и пассажирский билет, чтобы пересечь реку. По данным «Доклада Управления Айгуна», «подробно договорились о двух видах транзитных документов через границу между двумя странами: большой и малый билет». Большие билеты действовали как паспорт путешествия или лицензия торговца и использовались для перехода из других провинций Китая в Россию. А малые билеты использовались деловыми людьми в пределах 50 километров от границы между двумя странами для пограничного сообщения в качестве краткосрочного билета для пересечения реки.

Через Хэйхэ в Россию можно было попасть удобно и быстро, и ежедневно многие выбирали этот путь. Префектура Хэйхэ взимала плату за транзит в соответствии с этими паспортами и билетами. Размер сборов варьировался в зависимости от билета. Билеты делились на три типа: торговцам — транзитные паспорта и отдельные билеты по 4 рубля. Строителям и разносчикам каждый паспорт обходился по 3 рубля. Бедным рабочим — паспорт за 2 рубля. Только с 1 апреля до конца июня 1911 г. было получено 31 363 рубля общей платы за паспорта. В том числе 1021 руб. — за паспорта первого класса, 21 руб. — за паспорта второй группы. 13 628 руб. — с паспортов третьей группы<sup>2</sup>. Это статистика держателей приграничного транзита с паспортами. Кроме того, многие жители приграничных пунктов с малыми билетами пересекали реку с обеих сторон границы. Можно сделать вывод о том, что в то время через Хэйхэ в Россию выезжало большое количество китайских торговцев и рабочих.

От Хумы в верхнем течении реки Амур к Сунью (в его середине) разбросаны десятки больших и малых островов, которые часто были названы именами фирм или их владельцев. Китайцы открывали торговлю на этих островах, привлекая большое количество русских жителей с другой стороны Амура. Некоторые из этих островов отстояли всего лишь на десятки метров от китайского берега. Их особое расположение делало деревни вдоль реки Хэйлуцзян (Амур) удобной прямой переправой в Россию. В их числе — поселки Чжандынцзы, Шанмачан, Бяньцзян, села Вайсаньдаогу и Чанфатунь района Айгуна, поселок Янцзян уезда Сунью.

Самое узкое расстояние между берегами Амура — несколько сотен метров. Эти места стали центром распределения и постоянным местом проживания вернувшихся зарубежных китайцев. В 1911 г. в целях профилактики чумы из российского Благовещенска депортировали многих зарубежных китайцев. В частности, в феврале 1911 г. офицер и инспектор Чжан Фэнчан (КПП Чила), офицер Лоу Сицюе (КПП Силгэнчи — маньчжурское название. — *Прим. ред.*) сообщали префектуре Хэйхэ: «Наши сотрудники КПП расследовали, что сопредельная сторона депортировала моих подданных из разных деревень в родную страну. Каждый день человек 40–50, 80–90, число разное, проходили через наши КПП<sup>3</sup>. Они были голодными и громко просили еды. Число вернувшихся мигрантов возрастало ежедневно, и каждый день проходили через КПП Сахалян-ула более 100 человек, иногда почти 200. Только с 10 февраля до начала мая было принято 1277 зарубежных китайцев». Вышеуказанные цифры показывают, что в период добрососедских дипломатических отношений между Китаем и Россией не только таможня Айгун являлась важным каналом возвращения зарубежных китайцев, но и различные деревни, расположенные вдоль среднего течения реки Амур, и близкие к ним острова также использовались для этого.

Многие из китайских мигрантов, возвращавшихся с Дальнего Востока России, оставались в различных деревнях около города Хэйхэ вдоль р. Амур и благополучно обустроивались здесь. Они доставляли сюда заработанные деньги, современную сельскохозяйственную технику, предметы первой бытовой необходимости и производства, передовой опыт предпринимательства.

Это не только сыграло положительную роль в развитии местной промышленности и сельского хозяйства, но и содействовало интеграции и развитию культуры китайско-российского приграничья, сформировало уникальную трансграничную поликультурность.

Китайцы и русские породнились и создали своеобразные русские деревни, способствующие интеграции жителей приграничья двух стран в языке, одежде, кухне и других аспектах.

### **Российские деревни, сформировавшие особенные черты, под юрисдикцией округов города Хэйхэ провинции Хэйлунцзян**

В конце XIX века количество китайцев умножалось, постепенно сформировалась большая колония. При этом имела место огромная диспропорция в соотношении полов. Например, в 1898 г. во Владивостоке соотношение мужчин и женщин среди китайских мигрантов составляло 10 121 и 60, в Хабаровске 3608 и 33, в Николаевске-на-Амуре — 1106 и 3 соответственно.

Большинство китайских мигрантов, особенно торговцы, часто женились на русских женщинах, заключая официальные браки. По закону, чтобы получить разрешение на заключение официального брака на российской территории, китайские мигранты должны были креститься и принять православие. Это был единственный легальный способ, дающий законное право остаться на территории России и получить российское гражданство. Но многие китайцы предпочитали, не отказываясь от своей веры, вступать в смешанные браки с местными русскими женщинами неофициально, на добровольной основе без процедуры регистрации брака.

Согласно статистическим данным, в деревнях, расположенных вдоль берега реки Аргунь, насчитывалось 33 таких смешанных брака между китайцами и россиянками. Российское законодательство предусматривало, что русские женщины, выходя замуж за китайцев и переезжая в Китай, как и их дети, автоматически теряли российское гражданство.

Во время Первой мировой войны русские мужчины ушли на фронт, в результате чего возник дисбаланс между мужским и женским населением. В Китае частые войны, голод и малоземелье в Шаньдуне, Хэнани и других провинциях привели к обнищанию населения. Чтобы заработать на жизнь, холостые крестьяне шли на Северо-Восток Китая или на Дальний Восток России. Подобная ситуация сложилась в начале XX века в Мохэ, Хума, Чикэ, Хэйхэ и других приграничных районах в верхнем и среднем течении р. Амур.

Многие из китайских торговцев и золотодобытчиков, вступив в брак с местными русскими женщинами, вернулись позже в Китай. Так, в 1928 г. китайский золотодобытчик, шаньдунский рабочий Лю Суншань, работавший на золотом прииске в Тынде (Амурская область), женился на дочери русского работодателя Чудакова. В 1931 г., после того как они накопили немного денег, супруги взяли старшего сына Лю Чуаньфу и пересели на саях р. Амур, чтобы осесть в Хэйхэ.

Чжао Яньбан из уезда Хуанхуа провинции Хэбэй в молодости с несколькими братьями пришел на Северо-Восток Китая. В 1918 г. он добрался до границы, женился на русской девушке Наталье и поселился в селе Хадаяне уезда Сунью. Сюй Пэньюань из провинции Шаньдун в молодости был разносчиком в России и женился на дочери богатого русского купца. После возвращения в Хэйхэ он открыл золотой рудник «Фэньюань», построил паровую мельницу «Дэчан», основал винный завод «Ванфугуан», светоосветительную компанию «Хэньяо», магазины «Ванфа», «Хэжуй», «Синсян» и др., став знаменитым национальным предпринимателем на Северо-Востоке Китая.

В период добрососедских дипломатических отношений между Китаем и Россией шаньдунский торговец Чжан Фушэн часто пересекал границу между двумя странами, перевозил бочки с вином и продавал на улицах. Постепенно он привлек внимание дочери русского зажиточного крестьянина-старожила. Они сблизились и стали супружеской парой. В 1911 г., когда Чжан Фушэну исполнилось 28 лет, он с русской женой переселился на остров Дясиньцзы и открыл ресторан — в 15 метрах от берега и в километре вверх по течению Амура от поселка Чжандиньцзы.

Раньше смешанные браки между китайцами и русскими совершались чаще всего в приграничных амурских селах. Там постепенно сформировались уникальные русские национальные деревни: только в районе Айгуна это деревни Сяосиньтунь и Байшилацзы, поселки Чжандиньцзы, Вайсаньдаогу городка Айгун.

Русская национальная деревня Сяосиньтунь находится в поселке Чжандиньцзы на правом берегу Амура, рядом с российскими поселениями. Особенность местных жителей состоит в том, что они сильные, умные, трудолюбивые и решительные, любят пение и танцы.

Они резко отличаются от ханьцев и имеют внешнее сходство с европейцами: высокий нос, черные волосы и слегка желтоватое лицо, в основном глубокие темно-карие глаза. Они являются потомками смешанных российско-китайских браков<sup>4</sup>. В общей сложности насчитывается 142 потомка в 48 семьях, что составляет 55% всего населения.

Деревня Хадаянь поселка Янцзян уезда Суньбу расположена напротив казачьей станицы Константиновка Амурской области на берегу Амура. Кратчайшее расстояние между ними — менее 18 км. По состоянию на сентябрь 2016 г., население составляло 1142 человека в 331 семье, в том числе русских 113 человек в 36 семьях. В течение последних трех лет Государственная комиссия по делам национальностей инвестировала 4,3 млн юаней на капитальное строительство в деревне, в том числе в проект разведения крабов инвестировано 0,9 млн юаней. Теперь деревня Хадаянь стала русской этнической деревней приграничной территории.

Русская этническая деревня Бяньцзян (старое название Сяодиньцзы) села Бяньцзян уезда Сюнькэ города Хэйхэ находится рядом с селом Поярково, административным центром Михайловского района Амурской области, расположенном на левом берегу Амура. Когда-то многие китайцы из провинции Шаньдун пришли работать и жить на советский Дальний Восток. Они часто общались с русскими местными женщинами. Китайские мужчины отличались хорошими качествами — трудолюбивого, прагматичного, ответственного, непьющего семьянина и получали благосклонность русских женщин. Обзаведясь женой, китайский мигрант возвращался из Советского Союза, чтобы обосноваться на родине. Именно в тот период отцы сельских жителей Мяо Дунлиня и Янь Сухуа возвратились в Китай, обзаведясь семьями в Советском Союзе. В 2003 г. деревня изменила свое название на русскую этническую деревню Бяньцзян села Бяньцзян уезда Сюнькэ. Это первая русская этническая деревня в Китае. В 2016 г. в ней насчитывалось 276 семей (2084 человека), в том числе 114 русских семей (327 человек).

Ван Вэйдэ — житель уезда Сюнькэ, его бабушка по отцу была украинкой, а бабушка по матери — белоруской. Оба дедушки в молодости пришли на Северо-Восток Китая, потом перешли в Россию, там женились и завели детей. Отец и сестры матери Ван Вэйдэ родились в Советском Союзе. Можно сказать, что его семья — живой свидетель испытаний и изменений в развитии китайско-советских отношений.

Ранес, прогуливаясь по улицам городков и поселков в районе Хэйхэ, расположенных вдоль Амура, часто можно было увидеть русских женщин. Одетые в платки, длинные юбки, они по двое или по трое ходили в магазин. В Китае они прожили многие десятилетия и были знакомы с местной культурной средой, считали Хэйхэ своей второй родиной. Они привыкли использовать китайский язык и общаться с местными жителями,

а по-русски говорили только дома или при контактах с русскими. Их дети и внуки живут в Китае, редко используют русский язык, полностью ассимилировались.

### Содействие интеграции жителей приграничных территорий двух стран в языке, одежде, кухне и других аспектах

На первоначальном этапе русские женщины выходили замуж за китайцев, говорили по-китайски, перенимали национальные традиции Китая. Но они все еще сохраняли обычаи России, носили русскую одежду. Их дети и потомки все говорили по-китайски и сохраняли на треть или четверть русское происхождение, не сильно различаясь с китайцами по мировоззрению.

Смешанные браки влияли на культуру, одежду, кухню в пограничных районах Хэйлунцзяна. Русские женщины часто учили соседок рецептам традиционной кухни: солению огурцов и другим кулинарным навыкам. В настоящее время здесь, в Китае на столе часто бывают суп, мясной рулет, салаты, русский хлеб, варенье из голубики, соленые огурцы.

Под русским влиянием красивые молодые девушки или женщины среднего возраста приамурских районов Хэйхэ стали носить разнообразные яркие платки, длинные юбки и сапоги. Зимой они также носят пальто и юбку. Красивые фигуры и грациозная осанка русских женщин стали украшением местных улиц.

В культуре жителей города Хэйхэ повсеместно распространен русский язык, почти все могут немного говорить по-русски. Многие русские слова прижились. Так, до 1950-х годов в судоходстве по Амуру на китайских пароходах все названия и действия обозначались на русском языке. Например, если пароход перемещался вперед, то говорили «бирёз» (искаженное «вперед»). Остановка называлась «дабимало» («давай помалу»). Интересно, что после вхождения в китайский язык русских слов, местные жители Хэйхэ добавили в него китайские морфемы. Такие, как швейные машины — «машин», комбайн — «гедимашин». Некоторые народные слова из России приобрели более широкое распространение. Такие, как ведро — «вейдело», железный ковш — «банкэ», платье — «булати», тюрьма — «балицзы» (*полиция*), плуг — «санпалёцзы» («самолет» — название американского плуга, распространенного в аграрных хозяйствах российского Приамурья)<sup>5</sup>. В этот период вдоль Амура в Хэйхэ также использовали русские единицы измерения: длины — шашеням (*сажень*), веса — пудэ (*пуд*).

Из-за большого количества родственных связей между китайцами и русскими жители Приамурья часто обменивались и контактировали друг с другом. Район, расположенный вдоль реки Хэйлунцзян (Амур), стал зоной слияния культур Китая и России и формирования уникальной трансграничной культуры.

Китайские эмигранты в основном после возвращения поселялись в Хэйхэ на китайско-российской границе. Они вносили вклад в строительство домов и промышленность, способствовали экономическому развитию хэйхэского региона.

Китайские бизнесмены, разбогатев в России, не забывали свою родину и родной город. Ранее такие хэйхэские предприниматели, как Би Фэнчжи, Шао Цзунли, Динь Бинхэн, после возвращения вкладывали силы и средства в строительство домов и создание заводов, энергично развивали промышленность и торговлю, внося заметный вклад в экономическое развитие хэйхэского региона. Когда началось строительство города Хэйхэ, Би Фэнчжи воспользовался возможностью и получил земельный участок большой площади для строительства, там построил двухэтажное кирпично-деревянное здание и одноэтажное здание, покрытое железом. Он был лишь одним из многих торговцев недвижимостью города Хэйхэ, в строительство которого вложил много сил и средств. Известно выполненное в типично русском стиле здание Хэйхэского музея китайских эмигрантов, проживавших в России.

Шао Цзунли тратил огромные суммы денег на строительство недвижимости, построил магазин «Чинцзюйгун», с компаньонами строил два театра, вел добычу золота. Как президент благотворительной ассоциации, он взял на себя ведущую роль в пожертвованиях для сельских жителей, отремонтировал, расширил и обустроил помещение богадельни, готовил пищу для малоимущих и заботливо управлял всем этим. В 1910 г. губернатор провинции Хэйлуцзян Сунь подписал почетную грамоту для его компании в провинции Хэйлуцзян и удостоил Шао Цзунли звания «мужественный».

В 1914 г. началась Первая мировая война. Сюй Пэньюань, вернувшийся из-за границы, узнал, что на Дальнем Востоке России катастрофически не хватает многих предметов первой необходимости и начал торговлю с Россией. Он перебрался из Харбина в Хэйхэ и создал филиал винодельни «Ванфугуан», используя ручной метод в пивоварении. В силу географического преимущества вино быстро нашло сбыт через Хэйхэ в Россию. В начале XX века, в период строительства и восстановления Хэйхэ, он открыл золотопромысловую компанию, осветительную компанию «Хэньяо», установил 728 ламп для кабинетов правительства, офисов, бюро, магазинов города Хэйхэ и 48 уличных ламп. Это положило начало использованию электроэнергии в Хэйхэ. Как говорилось выше, он создал магазины «Ванфа», «Хэжуй» и «Синсян», паровую мельницу «Дэчан», а также угольную шахту «Суншугоу». Построил ипподром, чтобы улучшить породы лошадей и повысить обороноспособность края. Он купил 13 932 кв. м земли в Хэйхэ, построил дома и заводы, став известным предпринимателем. В 1923 г. Сюй Пэньюань учредил винодельню «Чжэнбянь» и пытался оживить промышленность края. Через 4 года винодельня «Чжэнбянь» занимала площадь 7849 кв. м, имела годовой объем производства в 3000 т. Ее мощность и оборудование были наилучшими среди 16 заводов по производству этилового спирта на Северо-Востоке Китая, высокая производственная мощность завода в то время сделала его первоклассным современным винным заводом в Китае.

Вернувшиеся из России китайские бизнесмены проектировали улицы Хэйхэ, строили дома, инвестировали в строительство заводов и стали местными известными национальными капиталистами. Они ввозили российские сельскохозяйственные машины и передовую технологию выращивания риса, ускорили развитие сельского хозяйства, способствовали процветанию экономики в приграничном районе Хэйхэ, стали важным незаменимым фактором и силой в местном экономическом развитии.

1. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 15.
2. Daoxian zha bogei zi qian huaqiao jingfei eyang 10000 yuan ji xunjingju chengbao anzhi shouyang pinmin hukuan shumu juan: [Доклад об ассигновании 10 000 юаней на репатриацию зарубежных китайцев и прием бедных] // Айгунские архивы. 1911 г. Архив района Айгун города Хэйхэ провинции Хэйлуцзян. Финансовое и налогообложение. Т. 9881.
3. Там же.
4. *Beijiang bianchui de Eluosi minzu cun*: [Русская этническая деревня на северной границе Китая] // Heihe ribao. 10.12.2007.
5. Lu e huaren shiliao xuan: [Избранные статистические данные китайских эмигрантов в России]. Т. 8. Хэйхэ, 1991. С. 83.

## Образование

### Российско-китайский рынок образовательных услуг как площадка для установления долгосрочных деловых связей

© 2017

К.А. Любская

Статья посвящена анализу экономических аспектов российско-китайского сотрудничества в сфере образования. Автором сделан краткий обзор истории вопроса, рассмотрена современная ситуация в образовательном партнерстве, обозначены ключевые экономические эффекты (прямые и косвенные) кооперации России и Китая в области образования. В статье также рассмотрены особенности неформальных деловых связей, устанавливаемых во время учебы, значение таких связей для получения обоюдной выгоды в долгосрочной перспективе.

*Ключевые слова:* китаеведение, интернационализация образования, экономика образования, деловые связи.

Образованность — качество, которое традиционно высоко ценится в русской и китайской культурах, а просвещение — сфера многовекового сотрудничества двух стран. В XVII в. взаимодействие в области духовного образования стало одним из первых шагов в направлении развития партнерства между Россией и Китаем<sup>1</sup>. В XX в. реорганизация системы обучения в КНР проходила в теснейшем взаимодействии с образовательными учреждениями СССР<sup>2</sup>. В наши дни руководители России и Китая вновь уделяют значительное внимание кооперации при подготовке кадров — теперь уже не только как социально значимой деятельности, но и как мощнейшему потенциалу развития национальных экономик.

В течение последних десятилетий наши страны активно перенимают западный подход к образованию, основанный на теории человеческого капитала. Данная теория зародилась в США, где высшее образование являлось полностью платным, что потребовало анализа соотношения вложений и потенциальных доходов при выборе программ обучения. Разработки таких специалистов, как Дж. Минцер<sup>3</sup>, Т. Шульц<sup>4</sup>, Г. Беккер<sup>5</sup>, Дж. Кендрик<sup>6</sup> и др., создали методологическую базу для появления отдельной отрасли науки — экономики образования. Образование было признано отраслью народного хозяйства, где действуют основные экономические законы и где главным продуктом считается образовательная услуга. Одной из важнейших задач науки является оценка рентабельности вло-

жений в образовательные услуги, то есть отдачи от образования. Современные исследования позволяют просчитать отдачу на уровне государства, региона, образовательного учреждения и отдельной личности.

Следует отметить, что экономика образования — совсем юная наука, в которой еще много нерешенных проблем. К примеру, неясно, является ли образование производительной или непроизводительной отраслью; как классифицировать образовательную услугу; какие изменения претерпевают экономические законы в этой сфере и т.д. У теории человеческого капитала много противников. Здесь мы не ставим задачу приводить аргументы в пользу ее истинности или ошибочности, отметим лишь, что, несмотря на все ее недостатки, Россия и Китай ориентируются на западные тенденции при разработке политики в сфере просвещения. К примеру, Закон «Об образовании» РФ не дает прямого определения понятия «образовательная услуга», однако использует этот термин и идеологию обучения в описании процесса предоставления услуг<sup>7</sup>.

Учитывая тенденции последнего десятилетия: интернационализацию образования, его непрерывность, интеллектуализацию экономики, переход к дистанционному обучению, наши страны рассматривают образованность уже не только как ресурс работника, но как обязательное требование рынка и важное условие развития народного хозяйства. В этой ситуации Россия и Китай, формируя политику взаимодействия в гуманитарной сфере, должны исходить из принципа рациональности и рентабельности.

Китайские эксперты признают недостаточную конкурентоспособность своих вузов<sup>8</sup>. В связи с этим страна взяла курс на импорт образовательных услуг из-за рубежа, отправляя за границу наибольшую долю общемирового количества учебных мигрантов — 14%<sup>9</sup>. За последние 15 лет число поступающих в российские вузы китайских студентов увеличилось втрое. При этом важнейшим стимулом учебной мобильности является поддержка руководства КНР<sup>10</sup>, которое, поощряя обучение в РФ, исходит из потребностей рынка труда. Во-первых, главное место среди специальностей, получаемых китайцами в России, теперь занимает не русский язык, а экономика, финансы и менеджмент, считающиеся более востребованными. Во-вторых, китайские специалисты отмечают стабильность развития российско-китайских отношений — заявлено о плане увеличения товарооборота между нашими странами до 200 млрд долл. к 2020 г. Соответственно, спрос на экономистов и юристов, владеющих русским языком и знакомых с практикой российского делопроизводства, стабильно растет. Таким образом, в отношении интернационализации образования в целом и образовательного сотрудничества с Россией в частности, китайская сторона руководствуется четко определенными национальными интересами.

К сожалению, с российской стороны пока не наблюдается столь же осмысленной политики в данной сфере. Такие эксперты, как А.Г. Ларин<sup>11</sup>, В.Г. Гельбрас<sup>12</sup>, Н.Е. Боревская<sup>13</sup> указывают, что из-за отсутствия четкой государственной стратегии экспорта образовательных услуг в КНР Россия не реализует значительную часть потенциала образовательного сотрудничества. Действительно, хотя прирост численности студентов из КНР обеспечивает экономике нашей страны краткосрочную выгоду от притока средств (главным образом, это расходы студентов на обучение и на текущее потребление), однако в долгосрочной перспективе упускаются значительные возможности.

Оценивая экономическую эффективность образовательной деятельности для государства, различают прямые и косвенные (внешние) эффекты<sup>14</sup>. Прямые эффекты — это вклад от осуществления образовательной деятельности в ВВП страны. К косвенным эффектам относят воздействие образования на иные хозяйственные и социальные процессы. Оценить их в количественном выражении крайне сложно, во многом из-за отсутствия их полного перечня. Одна из попыток систематизации была предпринята С. Градиловским, предложившим свой список из восьми положительных и пяти отрицательных эффектов отдачи от образовательной миграции. В качестве важного положительного внешнего эффекта были выделены «множественные эффекты возвращения»<sup>15</sup>.

Этот термин обозначает использование налаженных в стране обучения связей на последующем месте работы в своей стране. Студент, проходящий обучение за границей в течение одного-двух семестров, вливается в широкую социальную сеть университета и налаживает контакты с другими учениками, преподавателями, а за стенами университета и с жителями страны пребывания. Если по возвращении на родину бывший студент трудоустроится по специальности, по которой он проходил обучение за рубежом, велика вероятность, что он будет пользоваться установленными контактами. В таком случае его личные связи станут ресурсом компании и, следовательно, фактором ее конкурентоспособности.

Принцип использования связей для облегчения ведения бизнеса присущ многим деловым культурам. Однако в странах универсалистских и партикуляристских деловых культур (по классификации Ф. Тромпенаарса<sup>16</sup>) эти связи, во-первых, принадлежат разным субъектам, а во-вторых, неодинаково ценятся. В странах Запада (универсалистских) связи принадлежат компаниям, поддерживаются в основном за счет рабочих отношений, а деловая и личная сферы четко разграничены. В партикуляристских же культурах семейные, дружеские отношения легко проникают в рабочую среду. Считается, что связи принадлежат не фирмам, а личностям, а способ их поддержания отнюдь не ограничивается оказанием деловых услуг.

Россия и Китай относятся к партикуляристским странам, а значит, несмотря на процессы глобализации и формализации, стереотип опоры на социальные связи все еще реализуется в обеих деловых культурах. Ученые указывают на общие корни этого феномена и на схожие этапы исторического развития, которые способствовали его закреплению<sup>17</sup>. Отмечается, что культуры обеих стран — православная и конфуцианская — традиционно ценили коллективизм, семейственность и иерархичность. XX век, принесший России и Китаю крушение монархии и насадивший тяжеловесную бюрократическую систему, заставил граждан создать «неофициальную экономику», дающую доступ к благам, закрытым для большей части общества. XXI век в наших государствах характеризуется недостаточно определенными правами собственности, несовершенством законодательно-правового обеспечения и институциональной неустойчивостью, что вынуждает обращаться к неформальным связям как гарантирующим стабильность<sup>18</sup>. И хотя глобализация и развитие технологий привнесли в наши практики западные формальные подходы к ведению бизнеса, они же облегчили процесс установления и поддержания связей — теперь и за рубежом.

Однако говорить о тождественности связей, пронизывающих деловые сообщества России и Китая, неверно. Деловые отношения в Китае имеют свои особенности. Как в англоязычной, так и в русскоязычной литературе обычно используют китайский термин *гуаньси*, хотя дословно *гуаньси* означает «связи», «отношения», это понятие оставляют без перевода во избежание аналогий с привычным для нас культурным феноменом.

Во-первых, уникальность концепции *гуаньси* заключается в том, что они базируются не только на симпатии, но и взаимных обязательствах<sup>19</sup>. *Гуаньси* существуют при состоянии дисбаланса, когда между двумя узелками социальной сети есть неуплаченный долг, или услуга, оставленная без ответа, или подарок, меньший по стоимости, чем ответный подарок и т.п. Таким образом, члены общества находятся во взаимной зависимости, в долгу друг у друга. Важно, что чувство долга не вызывает дискомфорта (ср. рус.: «Долг платежом красен»), и оказание ответной услуги может быть отсрочено на многие годы или даже на поколения. Во-вторых, *гуаньси* подразумевают обмен услугами не только между знакомыми, но и знакомыми знакомых. Протекция — явление для китайского бизнеса совершенно естественное и не считающееся аморальным<sup>20</sup>.

Ученые отмечают тот факт, что характер отношений, стереотипы поведения и получаемые выгоды меняются в зависимости от типа *гуаньси*<sup>21</sup>. К настоящему времени единая типология еще не выработана. Общим посылом всех исследований этой те-

мы является идея о человеке как о центре, от которого расходятся кругами *гуаньси* в зависимости от их близости к нему — к примеру, семья, друзья, коллеги и т.д. Однако грань между некоторыми схожими типами (например, одноклассники и однокурсники) часто слишком тонка. Значительные трудности вызывает также классификация незнакомцев — часть исследователей полагает, что *гуаньси* связывают всех соотечественников, и даже если два земляка еще не знакомы лично, они уже имеют некий нулевой уровень отношений<sup>22</sup>. Другие ученые возражают, что при отсутствии опыта общения *гуаньси* еще не существуют<sup>23</sup>.

Одной из наиболее удачных представляется классификация Чжан И и Чжан Цзыгана<sup>24</sup>, предложивших систематизацию *гуаньси* не по степени близости, а по функциям — на обязывающие, реципрокные и утилитарные. Обязывающие — это самые крепкие связи, чаще всего семейные, характеризующиеся высокой степенью доверия, привязанности и чувством взаимных обязательств. Ключевым здесь является понятие верности, которое поддерживает эти отношения на протяжении всей жизни. Реципрокные *гуаньси* связывают людей, прошедших через некий общий опыт — совместной учебы, дружбы, службы и т.д. Соединенные этими узами люди хорошо знают друг друга, их отношения неформальны. А вот утилитарные *гуаньси* — самая масштабная группа — может включать и едва знакомых людей. Отношения этого типа ставят своей целью получение выгоды и чаще всего привлекаются в рабочей обстановке. Они могут состоять всего из одной операции, причем услуга может быть оплачена не только ответной услугой, но и просто деньгами. Именно этот тип *гуаньси* является социальным инструментом коррупции.

Итак, утилитарные *гуаньси* пронизывают все деловое сообщество Китая. Они дают работнику, а значит, фирме, ряд преимуществ, которые можно разделить на две группы: доступ к ресурсам и получение протекции. Во-первых, связывая фирмы с представителями власти, они облегчают получение лицензий, прав собственности, земли. Соединяя фирмы друг с другом, они предоставляют доступ к квалифицированному персоналу, ключевым поставщикам, займам под более низкие проценты, конфиденциальной информации, поддержке некачественной продукции и т.д. Во-вторых, связи обеспечивают защиту или облегчают ситуацию, когда их носитель столкнулся с внешними угрозами, например, судебными разбирательствами, компенсациями потребителям, резким увеличением налогов и т.д. Жизненно необходимы *гуаньси* фирмам-новичкам, которым они на первом этапе заменяют опыт и компетентность, предоставляя каналы сбыта.

Таким образом, начиная деятельность на китайском рынке труда, молодые специалисты нацелены на привлечение правильных *гуаньси*. В этом случае увеличение академической мобильности из Китая в Россию превращается не только в источник дохода от торговли образовательными услугами. Учебная обстановка — традиционная среда для завязывания реципрокных и утилитарных *гуаньси*, и российский рынок образования может стать базой для налаживания долгосрочных контактов. Согласно опросам, большая часть китайских студентов, обучающихся в российских вузах, планирует вернуться на родину после окончания обучения<sup>25</sup>. Трудоустроившись, они обеспечат российской стороне тот самый «эффект возвращения». Связи между бывшими студентами могут послужить сцеплению экономического сотрудничества на институциональном и региональном уровнях. Кроме того, вчерашние студенты, обзаведясь друзьями в России, являются трансляторами русской культуры для своих *гуаньси* в Китае. Однако все эти преимущества будут доступны для российской стороны только если китайские студенты успешно вольются в социальную сеть местного вуза.

Изучением учебных мигрантов из КНР в России в последние годы активно занимаются как отечественные, так и китайские специалисты. Все они единодушны в том, что китайские студенты испытывают большие проблемы с социальной адаптацией, причем иногда эти проблемы носят парадоксальный характер.

Социологи Л. Томас и А. Скотт<sup>26</sup>, изучавшие интеграцию первокурсников-иностранных в социальную сеть университета, доказали, что наиболее удачно адаптация происходит на подготовительных курсах, стажировках и иных подобных программах, нацеленных исключительно на иностранцев. Психологически адаптироваться в мультикультурной среде для студента легче; и, хотя очевидно, что на таких программах нет возможности установления *гуаньси* с гражданами принимающей стороны, такие курсы могут служить трамплином для последующей адаптации студента. Однако, как показали исследования А.Л. Арефьева, лишь 2% студентов из Китая учатся по таким программам<sup>27</sup>. Основная же площадка обучения граждан КНР — вузы, где 54% групп смешанные — состоят из русских и иностранцев. Казалось бы, это благоприятная среда для установления *гуаньси*, притом, что ни один из опрошенных не чувствовал к себе враждебного отношения принимающей стороны. Согласно данным ВЦИОМ, большинство россиян считают Китай главным партнером и другом России. Однако при этом исследования демонстрируют значительную замкнутость — инклюзивность — китайских студентов. С русскими однокурсниками они общаются зачастую лишь на бытовом уровне, необходимом для решения повседневных рабочих задач; друзей среди русских имеют лишь 7% опрошенных. Большинство студентов делят комнату в общежитии со своими соотечественниками и свободное время проводят в основном с ними же. Таким образом, почти половина студентов из Китая, находясь ежедневно в русскоязычной среде, вполне успешно отгораживается от нее. Другая же половина (43% студентов) учится исключительно в китайских группах. Очевидно, что в таких условиях сложно говорить об установлении долгосрочных дружеских связей с россиянами.

Основными причинами такой изолированности социологи называют языковой барьер, различия в речевом поведении и неадаптированную программу обучения. Проблема недостаточного освоения русского языка лидирует, несмотря на то, что лингвистика является одним из главных направлений подготовки китайских специалистов в России. Большинство студентов могут объясниться и общаться на бытовые темы, но не способны к свободной коммуникации. Чтение и письмо по-русски дается им с большим трудом. Чувствуя несовершенство языковой подготовки, китайский студент отгораживается от русских одноклассников и таким образом лишает себя возможности улучшить навыки речи. Более того, на старших курсах студенческое сообщество уже ощущает себя частью сообщества профессионального. Но из-за языковых сложностей китайцы с трудом осваивают и специальность, что мешает формированию профессионального самосознания. В этом случае страдают как качество их профессиональной подготовки, так и способность установить *гуаньси*.

Различия в речевом поведении мешают китайскому студенту в общении не столько со сверстниками, сколько с преподавателями<sup>28</sup>. В Китае, в отличие от России, преподаватель гораздо более дистанцирован. Российские преподаватели ориентируются на «дружелюбный» стиль общения с иностранными студентами, который подходит для учащихся из США, например, но не из Китая. Китайских студентов часто пугает открытость и доброжелательность, из-за которой преподаватель в их глазах теряет свой авторитет.

Наконец, китайские студенты указывают на односторонность программ, по которым им предлагается изучать русский язык<sup>29</sup>. Эти программы предлагают изучение лексики, касающейся русской культуры, истории, лингвострановедения России. Однако они не дают возможности рассказать по-русски о культуре Китая. Во многом из-за этого не складывается общение китайцев с местными студентами — россияне воспринимают их, исходя из своих стереотипов о китайцах, а языковых средств для развенчания этих стереотипов у китайских студентов нет.

Все это приводит к тому, при наличии доброжелательного отношения друг к другу студенты из Китая и России живут в двух параллельных сообществах, практически

не пересекаясь. Таким образом, российская сторона в долгосрочной перспективе теряет значительные возможности по укреплению сотрудничества и партнерства в различных областях. С экономической точки зрения Россия не реализует механизм потенциального выхода на китайский рынок и получения постоянных партнеров в лице китайских фирм.

Исследователи сходятся во мнении, что пересмотр стиля и качества подготовки студентов из Китая отвечает исключительно российским интересам и должен быть произведен как можно скорее. Как представляется, он должен происходить в соответствии со стратегическими целями России в отношении экспорта образовательных услуг и учитывать особенности культуры и менталитета учащихся из КНР.

1. Пономарев М.А. Сотрудничество России и Китая в культурной, образовательной и научной сферах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 118.
2. Карнаух Н.В. Россия и Китай: исторические аспекты сотрудничества в области высшего образования / Н.В. Карнаух, Ху Мин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 234–237.
3. Mincer J. *Schooling, Experience and Earnings*. N.Y., 1974.
4. Schultz T.W. *Investment in Education: Equity-Efficiency Quandary*. Chicago, 1972.
5. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Kendrick J. W. *Productivity Trends in the United States*. Princeton, 1961.
7. Федеральный закон «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266–1 (ред. от 01.12.2007, с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2008).
8. Висильева Е. Образовательные обмены в сотрудничестве высших школ России и Китая // Ежеквартальная студенческая научная конференция «Международные гуманитарные связи» 02.03.2015. URL: <http://mgs.org.ru> (дата обращения: 05.07.2015).
9. Китай занял первое место в мире по числу отправляющихся ежегодно на учебу за границу граждан // Жэньминь жибао онлайн. 18.09.2012. URL: <http://russian.people.com.cn> (дата обращения: 02.07.2015).
10. Арефьев А.Л. Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 54–66.
11. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005.
12. Гельбрас В.Г. Россия и Китай в условиях глобального кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 63–71.
13. Боровская Н. Е. КНР: «охота за умами». Урок для России? // Российский совет по международным делам. 2012. URL: [http://russianscouncil.ru/inner/?id\\_4=569=top](http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=569=top) (дата обращения: 02.07.2015).
14. Книга А.С., Глазкова Т.Н., Князева О.М. Методические подходы к оценке эффективности образовательных услуг // Ползуновский вестник. № 2/2, 2011, с. 293–297.
15. Градировский С.И. К методике расчета экономической эффективности образовательной миграции. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/gradirovsky/?library=2760>.
16. Тромбенааре Ф., Хэмден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск: «Полурри», 2004.
17. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело; Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, 2001.
18. Luo Y.D., Chen M. Does guanxi influence firm performance? // *Asia Pacific Journal of Management*. 1997. Vol. 14. P. 1–16.
19. Chen X.P., Chen C.C. On the intricacies of the Chinese guanxi: a process model of guanxi development // *Asia Pacific Journal of Management*. 2004. Vol. 21. P. 305–324.
20. Chen C.C., Chen Y.R., Xin K. Guanxi practices and trust in management: a procedural justice perspective // *Organizational Science*. 2004. Vol. 15. № 2. P. 200–209.
21. Zhang Y., Zhang Z.G. Guanxi and organizational dynamics in China: a link between individual and organizational levels // *Journal of Business Ethics*. 2006. Vol. 67. P. 375–392.

22. См., например: *Hwang, E.R.* Face and Favor: the Chinese Power Game // *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 92 (4). P. 35–41; *Yang T.* The Effect of Guanxi on the Foreign Market Entry Process into China: The Swedish Case. Doctoral thesis. Företagsekonomiska institutionen, Uppsala universitet. 2010; *Chen M.* Guanxi and the Chinese art of Network Building // *New Asia Review*. 1994. Vol. 3. P. 40–43.
23. *Tsang E.W.K.* Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive Advantage for Doing Business in China? // *Academy of Management Executive*. 1998. Vol. 12 (2). P. 64–73; *Fan Y.* Questioning Guanxi: Definition, Classification and Implications // *International Business Review*. 2002. Vol. 11. P. 543–561.
24. *Zhang Y., Zhang Z.G.* Guanxi and organizational dynamics in China: a link between individual and organizational levels. // *Journal of Business Ethics*. 2006. Vol. 67. P. 375–392.
25. *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России // *Высшее образование в России*. 2010. № 12. С. 54–66.
26. *Scott, L., Tomas A.* Social Network Approach to Understanding Students Integration and Persistence // *The Journal of Higher Education*. 2000. Vol. 71. № 5. P. 591–615.
27. *Арефьев А.Л.* Указ.соч.
28. *Ли Сююань.* Педагогические условия адаптации китайских студентов к обучению в российском вузе на основе ценностных ориентаций // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 82–2. С. 94–99.
29. *Ли Минь.* Адаптация китайских студентов к обучению в российском вузе: лингводидактические задачи // *Педагогическое образование в России*. 2011. № 1. С. 165–169.

## Культура

### Вклад Nippo Family Club в развитие культурного диалога России и Японии

© 2017

Д.В. Киба

Статья посвящена развитию культурного диалога между негосударственной лингвистической организацией Японии Nippo Family Club и российскими учебными организациями и общественными объединениями. Раскрыты мотивация участников программ обмена, их впечатления о России и Японии, особенности российско-японских образовательных проектов, а также роль Nippo Family Club в установлении добрососедских отношений между двумя странами.

*Ключевые слова:* Nippo Family Club, Россия, Япония, культурный диалог, общественная дипломатия, программы семейных и молодежных обменов, языковая среда.

Культурный диалог России и Японии в советский период характеризовался разнообразием гуманитарных связей, искренним интересом народов друг к другу. В постсоветскую эпоху начался новый период в отношениях двух стран. Эволюция советской политической и экономической систем во второй половине 1980-х и демократические изменения 1990-х годов вызвали огромный интерес японцев к социальным и культурным процессам внутри России. Они стремились понять российские общественные реалии, познакомиться с новыми произведениями литературы и искусства, завязать научные и образовательные контакты. Субъектами межгосударственного гуманитарного взаимодействия на этом этапе являлись не столько правительственные, сколько общественные структуры и частные лица — предприниматели, представители культуры и искусства, энтузиасты российско-японской дружбы.

Безусловно, практика гуманитарных контактов опиралась на опыт, накопленный в предшествующий период. Однако в 1990–2000 гг. появилась новая форма культурного диалога, участниками которого стали, с одной стороны, российские частные образовательные учреждения и общественные объединения, с другой — японская негосударственная организация Nippo Family Club. Последняя внесла весомый вклад в развитие культурных связей между двумя странами.

Деятельность Nippo Family Club предусматривает реализацию многочисленных международных программ семейных и молодежных обменов с целью изучения ино-

---

*Киба Дарья Валерьевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.  
E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Исследование выполнено при поддержке Правительства Хабаровского края.

странного языка. Клуб имеет сотни отделений в Японии, а также во многих странах мира (США, Мексике, Республике Корея, Голландии, Малайзии и др.). Участники Ниппо полагают, что с людьми разных национальностей необходимо разговаривать на их родном языке, только тогда можно достичь подлинного взаимопонимания между народами.

Образовательные программы Ниппо Family Club позволяют постигнуть культуру, язык России и Японии, что способствует политическому и экономическому партнерству двух стран, созданию прочной основы для сближения. Таким образом, Ниппо Family Club вносит весомый вклад в процесс формирования толерантного поколения, знающего и уважающего культуру страны-партнера.

История клуба началась в 1981 г., когда японский педагог Сакакибара Йо основал в Токио курсы английского языка (LEX), где использовал собственную методику преподавания. Слушатели курсов имели возможность участвовать в программах японо-американского молодежного обмена, финансировавшихся правительством США. На базе LEX курсов и был создан Ниппо Family Club. Его членами могли стать все желающие, независимо от возраста. В первые годы участники клуба изучали два или три языка, впоследствии их число увеличилось. В настоящее время Ниппо осуществляет программы по обмену в 22 странах мира. Каждый год участниками международных проектов клуба становятся 1500 японцев. В Страну восходящего солнца по линии клуба ежегодно прибывают около 5000 иностранцев<sup>1</sup>.

Члены клуба изучают языки, используя так называемый естественный метод, который предусматривает погружение в языковую среду, поездки в страну и проживание в семье носителей языка. В Ниппо самым действенным способом овладения иностранным языком считается ежедневное общение в языковой среде. При этом обучающийся сравнивается с маленьким ребенком, который постигает язык, разговаривая с окружающими людьми, постепенно накапливая словарный запас, усваивая тонкости грамматики. Язык предстает в своеобразном «живом виде», а не в виде текстов и упражнений из учебников.

Занятия в клубе проводятся в игровой форме: японцы поют песни на иностранных языках, танцуют, участвуют в коротких инсценировках и т.п. Дома, в машине они слушают специальные диалоги, повторяют и запоминают их. Результатом такого обучения призваны стать речь, обогащенная повседневными фразами и языковыми оборотами, и разговорные навыки, формирующиеся уже на начальном уровне. Для участников клуба — иностранный язык, прежде всего, средство межкультурной коммуникации. Посещая занятия Ниппо Family Club, общаясь с его членами, понимаешь, что Ниппо — это скорее философия, образ жизни. Членов клуба можно назвать людьми особого склада. Они доброжелательны, стрессоустойчивы, открыты, легко идут на контакт. Без этих качеств сложно жить в чужой стране, в чужой семье, принимая ее уклад.

В советский период Ниппо не имел опыта образовательного сотрудничества с СССР. Однако изменения, произошедшие с приходом к власти М.С. Горбачева<sup>2</sup>, и связанное с ними потепление отношений между двумя странами привели к тому, что в 1989 г. в клубе начали изучение русского языка. В отличие от советского периода, когда обмены осуществлялись при государственном посредничестве, в постсоветскую эпоху контакты с международным японским клубом налаживали частные и общественные российские организации. Это обстоятельство положительно сказывалось на степени интенсивности и скорости завязывания контактов.

Развитие культурного диалога после 1991 г. зависело не от государственных структур, а от немногих общественных объединений и отдельных энтузиастов российско-японской дружбы. Динамика развития гуманитарных контактов двух стран определялась следующими факторами: общественная инициатива россиян и японцев; их стремление учить язык, постигать другую культуру; финансовая состоятельность участников международных обменов. В этой связи важно выявить вклад отдельных японских и российских граждан в развитие культурного диалога двух стран, подчеркнуть значимость лич-

ных контактов членов японского клуба Hirro и россиян, принимающих участие в его международной программе обменов.

Обратимся к воспоминаниям г-жи Камитомай Масако, внесшей заметный вклад в процесс развития российско-японской дружбы. В настоящее время г-жа Камитомай занимает пост программного директора транснационального отдела и является ответственной за японо-российские связи в Hirro Family Club. В своих воспоминаниях она пишет, что взаимодействие с Россией развивалось постепенно, начиная с 1990 г.<sup>3</sup> Весомый вклад в данный процесс внесли проживающие в Приморском крае русские семьи, сумевшие осознать необходимость налаживания международных дружеских контактов.

В 1989 г. в Токио из Приморского края прибыло советское судно с туристами. Г-жа Камитомай вместе с другими японцами, желающими познакомиться с русскими гостями, приехала в порт и поднялась на борт корабля. В то время она еще не говорила по-русски. В первые минуты встречи ее участники не могли найти общий язык, однако душевная атмосфера русского застолья помогла взаимопониманию. Через некоторое время после этого памятного знакомства г-же Камитомай захотелось опять встретиться с русскими людьми. Она написала письмо одному из участников встречи, и он помог г-же Камитомай приехать в Россию.

В сентябре 1990 г. она прибыла в г. Находку Приморского края, где четыре дня проживала в русской семье. Г-жа Камитомай пишет, что она приехала в очень сложный для России период. В городе часто отключали свет и воду, в магазинах были пустые прилавки. Вместе с тем она отмечает, что ей очень понравились русские люди, их доброта и сердечность. За четыре дня она напиталась «природной силой» новых друзей и, вернувшись в Японию, решила развивать связи с российским Дальним Востоком. Во время своего первого визита г-жа Камитомай рассказала русским друзьям о Hirro Family Club и пригласила присоединиться к программе семейных обменов (*кадзоку корю*).

В России программа начала реализовываться с 1991 г. Семьи с детьми по очереди посещали г. Находку и Японию. С 1994 г. заработала программа молодежных обменов. Дети, достигшие 9-летнего возраста, могли без родителей проживать в семьях принимающей стороны и изучать язык. В тот период российско-японские обмены по линии Hirro охватывали только территорию Дальнего Востока России.

Первые дальневосточники, которые в начале 1990-х годов приезжали в Японию по обмену, с точки зрения японцев, вели себя очень странно. В Токио они непременно стремились приобрести машину, а члены клуба вынуждены были им помогать. Это превращало приезд гостей в полный хаос. Изначальная цель визита — изучение языка, знакомство с людьми, тесное общение — практически не реализовывалась. Г-же Камитомай в первые годы казалось, что наладить международный образовательный обмен с жителями Дальнего Востока не удастся.

В 1995 г. в г. Кобе произошло страшное землетрясение, унесшее множество жизней. В тот год программа Hirro Family Club была приостановлена. Из г. Находки в Японию, в офис клуба были направлены посылки с игрушками и продуктами, сердечные письма. Русские люди откликнулись на горе японцев, проявили заботу о них. Членов клуба это очень поразило, и они решили возобновить международные обмены с русскими друзьями.

В 1996 г. в г. Находке была создана неформальная организация Hirro, что свидетельствует об активности российской стороны, ее стремлении расширить контакты с японцами. В том же году к программе обменов подключился г. Владивосток. В настоящее время японский клуб тесно сотрудничает с одной из школ дальневосточного города — МОУ СОШ № 51 с углубленным изучением японского языка. Ее ученики ежегодно направляются в г. Токио в семьи Hirro для стажировки, а затем принимают японских гостей у себя.

С 1999 г. в программе обменов участвует частная школа иностранных языков «Поколение 2000» г. Хабаровска. Ее ученики ежегодно в марте посещают Токио. Японских детей хабаровчане принимают летом. В 2010 г. японцы впервые посетили дальнево-

сточный город зимой, приехав на новогодние каникулы. Присоединение Хабаровского края к программе обменов знаменовало переход культурного диалога на новый этап.

Директор хабаровской школы В.А. Бойко познакомила с программой обменов школу японского языка «Три ступени» г. Комсомольска-на-Амуре и привлекла ее к обменам. Впервые молодые комсомольчане отправились в Японию в 2008 г., жили в семьях, знакомились с достопримечательностями Токио. В 2012 г. к программе обменов подключилась «Лингвистическая школа» г. Амуурска Хабаровского края.

В первые годы делегации из Японии были небольшими. В настоящее время в Россию приезжают более многочисленные группы детей. Так, в 2013 г. в Хабаровск прибыли 27 человек, в Комсомольск-на-Амуре — 3 человека, во Владивосток — 26 детей<sup>4</sup>. Всего за 20 лет молодежных обменов Дальний Восток России посетил 3000 гостей из Японии. Страну восходящего солнца посетили 1200 россиян<sup>5</sup>.

Численность русских, посетивших Нирро, по сравнению с японскими гостями мала, что можно объяснить финансовыми трудностями многих дальневосточных семей. Позволить себе поездку в Японию могли немногие, так как она требовала определенных затрат: необходимо было оплатить путевку и билеты. Проживание в Японии осуществлялось за счет японских семей, но очень часто японцы просили гостей самостоятельно оплатить развлечения и сувениры.

Нирро взаимодействует не только с образовательными учреждениями Дальнего Востока, но и с общественными организациями Сибири. При Российском союзе молодежи в г. Иркутске существует клуб Нирро, которым руководит А. Попов. Первая поездка членов японского клуба в г. Иркутск состоялась в 2000 г. К настоящему времени город посетил 300 японцев. В 2014 г. к программе подключились семьи членов правления Иркутского областного Общества дружбы «Байкал — Япония».

В отличие от проектов Дальнего Востока Иркутск принимает только взрослых. Японцы так говорят о причинах их поездки в Сибирь: «Можно, конечно, оформить путевку через туристическую фирму, жить в гостиницах, ездить на экскурсиях, но дружбу за деньги не купишь. Настоящую жизнь, настоящие человеческие отношения можно узнать, только пожив в обычной семье»<sup>6</sup>. В настоящее время членами иркутского клуба Нирро являются более ста семей из Иркутска, Ангарска, Шелехова, Усолья-Сибирского, Байкальска и Усть-Орды. Всех их объединяет желание узнать японскую культуру, язык и традиции.

В 2013 г. Нирро расширил географию своего общения, наладив связь с г. Санкт-Петербургом. Значительный вклад в это внесла лидер клуба г-жа Камитомай. Весной 2013 г. она была приглашена на фестиваль «Японская весна в Санкт-Петербурге».

В городе на Неве в это время жила семья, которая в далекие 1990-е годы принимала г-жу Камитомай в г. Находке. Их встречу она описала так: «Мы были очень рады друг другу. Как будто часы 23 года стояли и пошли вновь. Так и я, больше двадцати лет назад, встретившись с Варей и ее семьей, не говорила по-русски, а сейчас я могла свободно общаться с моими русскими друзьями»<sup>7</sup>. Во время поездки г-жа Камитомай познакомилась с Софьей Даншиной, членом общества «Россия — Япония». Софья очень заинтересовалась деятельностью клуба, в том же году осенью она посетила Нирро в Токио, а в следующем году направила молодых петербуржцев в Страну восходящего солнца.

Открытость и доброжелательность членов Нирро отнюдь не говорят о том, что они легкомысленно относятся к поездкам членов клуба за рубеж. Последние всегда тщательно организуются. Японцы очень скрупулезно проверяют все условия, в которых предстоит жить участникам поездки, особенно детям.

Подростков в Японии начинают готовить к поездке за год. После ознакомительного курса ребенок обязательно проходит пробное проживание в другой семье в своем родном городе, чтобы выяснить, способен ли он находиться в чужой семье, адаптироваться к ее быту<sup>8</sup>. Дети, желающие участвовать в программе, перед поездкой заполняют специальные анкеты, где описывают свои увлечения, привычки, особенности диеты, об-

раза жизни. Организаторы поездки, используя эти данные, подбирают ребенку соответствующую семью.

В Россию, в отличие от программ, реализуемых в других странах мира, японцы приезжают на десять дней или две недели. В США, Мексике сроки пребывания могут быть продлены до одного месяца. Кроме того, с 1997 г. в Hirro действует программа обмена учащимися школ. К настоящему времени в них приняли участие более 1000 школьников из 19 стран мира<sup>9</sup>. МОУ СОШ № 51 г. Владивостока также отправляет детей в Японию, но лишь на языковую стажировку, а не на полноценное обучение.

Безусловно, дети, приезжая в чужую страну, тревожатся и скучают по дому. Однако поведение русских и японцев отличается. Русские дети очень часто звонят родителям, могут позволить себе эмоциональный срыв, слезы. Они много времени проводят в Интернете, играют с телефоном, чем обижают японских «мам» и «пап» (так называют в Hirro родителей в принимающей семье). Часто россияне воспринимают поездку в Японию как развлечение, отсюда некоторое потребительское отношение к принимающей семье. Были случаи, когда ребенок требовал дорогих поездок в развлекательные центры, будучи заинтересованным именно в них, а не в общении с новыми друзьями.

Японцы в России ведут себя иначе. Они никогда не звонят родителям, это строго запрещено правилами клуба. Дети стойко переносят трудности быта в новой семье: они не плачут, а их внутренний дискомфорт может выражаться в том, что ребенок становится молчалив и неразговорчив.

Что же заставляет японцев каждый год приезжать в Россию? Необходимо помнить, что члены Hirro Family Club прежде всего стремятся изучить язык принимающей стороны. Русский язык дается японцам нелегко. Японцы гостят в семьях, в которых, как правило, дети изучают японский язык, поэтому они общаются на японском, русском, помогают жесты, используется также английский язык. Таким образом, главное отличие программ Hirro — наличие образовательной цели.

Немаловажную роль играет тот факт, что в результате проживания членов Hirro в России налаживаются тесные связи между японскими гостями и принимающей семьей, в результате русские и японцы на долгие годы становятся друзьями.

Участники международных обменов Hirro постигают не только язык, но и особенности культуры друг друга. Во время общения представителей разных наций между ними возникают, кроме языкового барьера, препятствия, связанные с национально-специфическими особенностями культур. Такие устойчивые элементы как традиции, повседневное поведение могут создавать трудности во взаимопонимании. Их постижение способствует активизации культурного диалога.

В процессе общения японцев и русских во время реализации программ Hirro происходит знакомство отдельных групп людей с ценностями, традициями и установками, языком представителей другой нации. При этом индивидуумы воспринимают чужую культуру непосредственно в процессе межличностного общения, знакомясь с повседневной жизнью, традиционным укладом семьи, привычками людей. Результатом такого взаимопонимания культур является формирование понятного образа человека другой нации.

В массовом сознании россиян Япония воспринимается как высокотехнологичная страна, с интенсивно развивающейся экономикой, сочетающая в себе приверженность традициям и инновациям. Что касается японского восприятия России, то здесь присутствует определенная дихотомия. Последняя берет свое начало в советскую эпоху, когда в японском общественном сознании функционировали два образа России: страны с коммунистической доктриной и страны с высокой культурой, сильным духовным началом. В постсоветский период образ нашей страны складывается по-прежнему из двух составляющих: восприятие западного соседа как страны, где процветают коррупция, хаос, нищета и джаравы, сохраняющей свой духовный и культурный потенциал. Эти стереотипные образы страны-партнера, складывающиеся в сознании японцев и русских, после личного общения с членами принимающей семьи подвергаются корректировке, диверсифицируются.

Во многом японские члены Hippo сталкиваются в России с тем, что ожидают увидеть. Контрастное восприятие нашей страны сохраняется. С одной стороны — холодная, большая держава с плохими дорогами, неустроенным бытом. С другой — они сталкиваются с душевностью, щедростью русских людей. Широта русской души удивляет и волнует их. Японцам близки душевные поиски, переживания, являющиеся для них не менее важной составляющей жизни, чем материальный мир.

Члены клуба, приезжая в Россию, хотят не просто общаться, сидя в гостиной, они желают стать членами семьи, участвовать в ее жизни. Их приглашают на приусадебные участки, где они старательно выговаривая слово «дача», с радостью трудятся на земле. Японцы учатся русской кухне, с восторгом принимают участие в молодежных мероприятиях (вечеринках, фестивалях). Поездка дает им возможность быть не сторонними наблюдателями жизни семьи, а ее непосредственными участниками.

Россияне, приехав в Японию, также как и японцы сталкиваются с непривычным бытом и укладом новой семьи. К повседневным трудностям и дискомфорту (отсутствие отопления в домах, в некоторых семьях предлагают спать на полу на татами) русские люди быстро привыкают. Поразительным для них оказывается радушие и восторг, с которым семьи встречают своих гостей. Японцы, находясь в неофициальной обстановке очень эмоциональны, открыты, они способны делиться сокровенными мыслями, мечтами, желаниями, чего не ожидаешь от иностранца. Вместе с тем японцы очень сложны — простаками их не назовешь. Безусловно, постижение особенностей культуры облегчает знание языка, который является основным средством межкультурной коммуникации. Участие в программе Hippo является не только способом изучения языка, но и возможностью приобрести новых друзей.

У Hippo Family Club имеется свой гимн, в тексте которого есть такие строки:

Соединим руки — это будет чудесная сила!

Соединившись сердцами, мы будем петь песни,

И познавать языки других стран<sup>10</sup>.

Программа обменов Hippo уникальна, так как позволяет увидеть страну «изнутри». Благодаря японскому клубу Hippo, а также общественным и частным российским объединениям у детей и взрослых формируется четкое представление о том, что в России и Японии живут друзья. Их связывают общие приятные воспоминания, язык. Так формируется поколение, для которого ближайший сосед — это не далекая чужая страна, а место, где живут близкие люди, друзья.

Российские общеобразовательные и частные лингвистические школы, общественные объединения, осуществляя тесное взаимодействие с японским клубом Hippo Family Club, являются активными участниками «общественной» дипломатии, способствуя культурному диалогу двух стран. В результате семейных и молодежных обменов Hippo Family Club устанавливаются крепкие дружеские связи между нашими народами, что закладывает прочную основу для сближения России и Японии.

1. Hippo no kokusai koryu to wa? URL: <http://www.lexhippo.gr.jp/exchange>.

2. Asahi shimbun. 1987. № 18. P. 3.

3. *Kamitomai Masako*. Hippo famiri kurabu no Roshia koryu monogatari // Infomeyfen. 2013. № 10. P. 9.

4. По материалам личного архива лидера Hippo Family Club Кобаяси Ёко.

5. *Kamitomai Masako*. Указ. соч.

6. Породниться за неделю. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/1113626/post19602319/>

7. *Kamitomai Masako*. Указ. соч. P. 10.

8. *Kobayashi A.* Roshia Habarofusuku no deau // Soo Hoou. 2013. № 1. P. 5.

9. URL: <http://www.lexhippo.gr.jp/exchange/yearlong.php>.

10. По материалам личного архива лидера Hippo Family Club Кобаяси Ёко.

## Научная жизнь

### Некоторые размышления о новинках в отечественном монголоведении

Издательство «Восточная литература» в конце 2016 — начале 2017 г. выпустило почти одновременно три книги, касающиеся истории завоевания Китая монголами и правления в стране династии Юань. Первая из них — IV том «Истории Китая», главным редактором которой является академик С.Л. Тихвинский<sup>1</sup>. Этот том охватывает период пяти династий, империю Сун, государства Ляо, Цзин и Си Ся (907–1279). Монгольские завоевания поочередно всех государств, истории которых он посвящен, даются через многогранную призму китайских источников.

Глава третья интереснейшим образом показывает, как Чингисхан наносил удары по чжурчжэньской империи Цзинь, и одновременно, как нерасчетливо вела себя китайская империя Южная Сун, пережившая в 1208–1220 гг. большое количество стихийных бедствий и эпидемий. Это «воспринималось населением в качестве знаков несправедности правящего режима и недовольства им Неба» (с. 336). В это же время при сунском дворе велись жаркие споры относительно принятия внешнеполитической стратегии. Китайское правительство отказалось от предложенного в 1214 г. тангутами союза с государством Си Ся. Авторы, на мой взгляд, справедливо отмечают, что в научных кругах до сих пор обсуждается вопрос: не упустило ли китайское правительство шанс создать союз, который приостановил бы «завоевание монголами Дальнего Востока» (с. 338).

Действительно, стратегия Чингисхана и его полководцев заключалась в том, чтобы уничтожать противников поодиночке. Ход военных действий монголов в Южном Китае дается в материалах тома как череда победоносных наступательных операций монгольских армий. Их не смогли остановить ни китайский флот на реке Янцзыцзян, ни героическое сопротивление отдельных сунских военачальников, защищавших города-крепости. Сказывался психологический надлом в сунском обществе, которое с ужасом ожидало нашествия степняков.

Хочу отдельно отметить вклад в работу над IV томом таких замечательных востоковедов, как Е.И. Кычанов, А.С. Мартынов, К.К. Флуг, С.А. Школяр. Их уже нет с нами, но свет этих звезд все еще доходит до нас через новые книги, в которых учтены их научные разработки.

В V томе десятитомной «Истории Китая»<sup>2</sup> основному автору, д.и.н. А.Ш. Кадырбаеву, удалось сделать повествование не только богатым и точным с исторической точки зрения, но живым и увлекательным для чтения. Как и в предыдущем томе, здесь участвовали также уже ушедшие от нас выдающиеся китаеведы, как А.А. Бокщанин и Б.Л. Рифтин. В число авторов поставлен и В.Ф. Сорокин, который для своей монографии о Юаньской драме перевел 125 пьес того периода.

Авторы тома точно раскрывают причины побед монгольских воинов, показывают их высокое тактическое искусство в сражениях. Кавалерия Чингисхана и его потомков не имела равных в джигитовке и стрельбе из лука. Многие монголы усвоили из китайского военного опыта и военной техники. Ведь учение Сунь-цзы насчитывало уже не одно столетие.

Хочу особо отметить, что для русскоязычного читателя будет весьма интересен раздел этого тома, озаглавленный «Запад или Восток? Монгольское владычество на Руси и выбор ее правящей элиты: Даниил Галицкий и Александр Невский». Здесь авторы подробно анализируют русскую дипломатию за весь период даннических отношений Руси с Золотой Ордой (с. 193–204). Но угрозу в то время представляла не только Золотая Орда. Европейские соседи новгородских и псковских земель начали вытеснять русских из Прибалтики. Хотя Александру Невскому удалось в какой-то мере устранить эту угрозу, однако многие земли были потеряны.

Кстати, монгольские собиратели дани вели себя различно. По преданию, основателем Ипатьевского монастыря был татарский мурза Чет, родоначальник Годуновых. В 1330 г. на пути в Москву — для поступления на службу к московскому князю Ивану Калите — Чет остановился на месте, где река Кострома впадает в Волгу; здесь в ночном видении ему явились Пресвятая Богородица с апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием, епископом Гангрским. После этого Чет принял крещение с именем Захария и основал на месте видения иноческую обитель во имя священномученика Ипатия<sup>3</sup>.

Примерно такая же история и в Боровске. Основатель Пафнутиева монастыря преподобный Пафнутий Боровский был внуком татарина, собиравшего дань с особым рвением и жестокостью, но затем раскаявшегося и принявшего христианство. Внук же отличался милосердием к бедным (умер в 1478 г., в 1540 г. причислен к лику святых).

Третьим подарком для заинтересованных читателей является книга, по объему существенно меньшая, чем упомянутые тома. Она носит название «Хэй да ши люэ» — «Краткие заметки о черных татарах»<sup>4</sup>. Такое название всей книге дал публикуемый в ней китайский источник, который был создан в XIII в. двумя китайскими послами, с небольшим интервалом направлявшимися династией Южная Сун в Ханбалык (Пекин) — столицу захваченной монголами части Китая. Речь идет о дипломатической активности Китая в последние годы правления династии Южная Сун (1127–1279). Власть сунских императоров была ограничена лишь территорией к югу от Янцзы. Остальная часть страны уже находилась под властью монгольских завоевателей. Сунские правители попытались установить с монголами дипломатические отношения и направили к ним одно за другим два посольства в 1233 и в 1235–1236 гг. Послы вели путевые заметки, в которых старались подробно рассказать о том народе, который завладел китайскими землями. Записки об увиденном и услышанном в монгольских владениях, составленные обоими послами, были позднее объединены в один текст. Он представляет собой интереснейший документ о контакте двух буквально противоположных по основным параметрам цивилизаций. Это дипломатический отчет, посвященный интересному эпизоду во взаимоотношениях китайской и монгольской культур. Он повествует, в первую очередь, о культуре монголов-завоевателей, стремившихся присоединить к своим владениям весь Китай.

В книге опубликован китайский текст «Хэй да ши люэ», в свое время изданный известным китайским ученым Ван Говзем. Несколькими годами назад он появился в коллективном труде немецких авторов под руководством Эриха Хэниша, где и был переведен на немецкий язык. Этот перевод, с любезного согласия немецких коллег, и был взят за основу нового, первого в России издания «Кратких заметок о черных татарах». Перевод с немецкого на русский язык, осуществленный под редакцией Е.Р. Нестеровой, снабжен ею обширным комментарием текстологического и исторического характера. Этот комментарий заслуживает внимательного чтения и самой высокой оценки. Дело в том, что его автор, давая пояснительные и критические замечания, опиралась на огромный

свод исторических источников, таких как «Юаньчао биши», «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Тарих-и джахан-гушай» Джувейни, «Сират ас-Султан» Ан-Насави, «Мэнда бэйлу» Чжао Хуна, надгробная надпись на могиле Елюй Чуая и исследования отечественных и западных востоковедов.

Кроме этого, в настоящее издание включен ряд статей, подготовленных академическими монголоведами, посвященных различным аспектам деятельности монголов в Китае: формированию государственного управления и правового поля, религиозной политике, языковой ситуации, идеологии, использованию на службе представителей покоренных народов, а также другим сохранившимся от того времени историческим источникам, помимо «Хэй да ши люэ». В них так же имеются сведения о взаимодействии культуры средневекового Китая с культурами и религиями его соседей.

Сегодня термин *диалог культур* стал модным. На повестке дня общественных наук стоит проблема: как соотносится глобализация всех сторон жизни человечества с сохранением культуры каждого из народов Земли. Ученые пришли к выводу, что условием дальнейшего существования и методом развития каждой из культур является ее равноправное (в виде диалога) взаимодействие с другими культурами<sup>5</sup>. В наши дни культура, как нечто целостное, является неотъемлемой частью большинства государств. Но ведь само понятие культура появилось еще в Древние века. Аристотель указывал, что человек, которому от природы дан разум и способность к труду, является творцом культуры, а с нею искусства в широком смысле слова<sup>6</sup>. Популяризируя в Риме греческую культуру, Марк Туллий Цицерон придавал особое значение философии и ораторскому искусству, основы которого были сформулированы греками.

Но в тот период на передний план во взаимодействии цивилизаций выходила не духовная, а материальная культура. Изобретение колеса обогатило весь мир. И можно сказать, что в те эпохи внимание государств, соседних и отдаленных от признанных очагов развития материальной культуры, привлекалось именно тем, что давало военный перевес. Путем изобретения пороха и катапульт шел диалог материальных культур. Именно эти культурные достижения Китая монголы и переняли в первую очередь.

Но были и пока еще мало объясненные явления духовной культуры, перекликавшиеся в государствах, весьма удаленных друг от друга. В древней Месопотамии был принят шестнадцатеричный счет, так же, как и в древнем Китае. В древности и в период Средних веков Восток обогащал Европейский континент научными знаниями. Известно, что арабы принесли в Европу алгебру, когда Кордовский халифат (929–1031 гг.) на протяжении сравнительно долгих лет являлся центром развития различных наук не только в Испании, но и далеко за ее пределами. О том, как у самих арабов появились научные знания, прекрасно, на мой взгляд, рассказал в своей книге «Открытие Индии» Джавахарлал Неру.

«Было нормальным то, — пишет он — что в первые дни существования религии, основывавшейся на четких концепциях и верованиях, вера доминировала, и отклонения от нее не принимались и не одобрялись. Эта вера привела арабов к далеким рубежам, и их триумфальный успех сам по себе должен был зависеть от веры. И, наконец, мы находим их перешагивающими через догматы и верования, склоняющимися к агностицизму и идеям, повернувшим их старания и энергию к рискованным замыслам. Арабы-путешественники, одни из самых великих в этой среде, достигали столь далеких стран в поисках того, что другие народы делают и как они думают, чтобы изучить и понять их философские взгляды и научные достижения, их образ жизни, и таким образом обогатить свое собственное мышление.

Ученые и их книги были доставлены в Багдад, и Халиф Аль-Мансур (середина восьмого века) основал специальное Бюро изучения и переводов, где переводы делались с греческого, арамейского, авестийского, латыни и санскрита. Древние монастыри в Сирии, Малой Азии и Леванте стали местами розыска рукописей. Старые александрийские школы были закрыты христианскими епископами, и тамошние ученые были изгнаны,

Многие из этих изгнанников переместились в Персию и в другие места. Они нашли радужный прием и безопасную гавань в Багдаде и принесли с собой греческую философию и науки, математику — Платона и Аристотеля, Птолемея и Эвклида. Это были несторианские и иудейские ученые и индийские физики, философы и математики.

И это продолжалось и развивалось в период правлений халифов Гаруна аль Рашида и аль Манума (восьмой и девятый века) и Багдад стал крупнейшим интеллектуальным центром цивилизованного мира»<sup>7</sup>.

Китай, задолго до Багдада, в своем регионе стал интеллектуальным центром для государств и народов Восточной Азии. На протяжении тысячелетий он граничил на севере с территориями, населенными степными народами. Еще Конфуций называл их «живущими среди полыни» и призывал постепенно приобщать их к китайской цивилизации. Как отмечалось в нашем китаеведении: «Китай и Россию, с точки зрения взаимодействия народов и обществ, можно рассматривать как части гигантского геополитического целого на материке Евразии. Эти части — два наиболее крупных очага земледелия, которые, подобно двум чашам весов, непосредственно примыкают к длинному коромыслу — бескрайнему поясу евразийских степей и пустынь, протянувшихся от Карпат до Великой Китайской стены. Именно вхождение в этот гигантский геополитический комплекс и сформировало в обеих странах на протяжении многих веков основные структуры их внутри- и внешнеполитического бытия — борьбу поля со степью»<sup>8</sup>.

С появлением у монголов такого лидера, каким стал Чингисхан, началась очередная борьба степи с полем. Идеология завоевателей была сформулирована в виде «Назидательного рассказа» Чингисхана. Этот рассказ передал Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей» (1310–1311): «[Величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, сесть на его хорошего хода [коня] <...> превратить животы его прекраснеликих супруг в ночное платье для сна и подстилку <...>»<sup>9</sup>.

Степняки-завоеватели сокрушили многие государства, созданные оседлыми народами. Что касается Китая в период монгольского правления, то об этом детально повествует упомянутый нами V том десятитомника «История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Династия Юань, династия Мин».

Но не только Чингисхан и его потомки были завоевателями, сокрушавшими все на пути своих походов. Вспомним «великое переселение народов» — термин, которым европейская историография назвала движение племенного союза пришедших из Восточной Азии гуннов, под руководством Атиллы в 441 г. перешедших Дунай и до 454 г. угрожавших Риму. Вспомним и Тимур-ленга (Тамерлана, 1336–1405), разгромившего Золотую Орду и совершившего успешные походы в Иран, Индию, Закавказье, Малую Азию. Как можно было кочевать или идти в походы верхом на лошадях, скакать изо дня в день от зари до зари? Этому способствовали такие азиатские «изобретения», как широкий пояс (кушак), фиксировавший внутренние органы наездников, и зеленый китайский чай, имеющий бактерицидные свойства и помогавший избегать эпидемий в условиях походной антисанитарии<sup>10</sup>. Все это происходило на необъятной территории Великой степи, через которую пролегал и созданный Китаем Великий шелковый путь, соединявший Восточную Азию с Европой.

Китайцы в древние времена называли свою страну Поднебесная. В современном китайском языке *tiānxià* означает: 1) мир, свет; поднебесная, вселенная. *tiānxià wéigǔng* — Поднебесная есть общественное достояние (так говорили Конфуций и Сунь Ятсен); 2) уст. Китай, китайская империя; *juān tiānxià* — отказаться от престола<sup>11</sup>.

В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится, что в период Западной Хань, при правлении ханьского Гао-цзу (Лю Бана), его советником был историк, литератор, философ Лу Цзя. Он сопровождал Лю Бана в военных походах, неоднократно был послом

и вел переговоры с удельными владетелями (*чжу хоу*). Лу Цзя путем синтеза древних философских школ положил начало созданию имперской идеологии. Он предлагал императору читать «Шицзин» и «Шуцзин». На что Гао-цзу возразил, что он получил Поднебесную сидя на коне, зачем ему читать «Ши цзин» и «Шу цзин»? Лу Цзя, который критиковал «предельную воинственность» Цинь Ши-хуана, приведшую империю Цинь к гибели, ответил: «Хотя Вы получили ее, сидя на коне, но разве можно управлять ею с коня?». Эту истину на практике прекрасно усвоили и монгольские завоеватели.

В 195 г. до н.э. в Китае было заключено «соглашение» о династии и праве престолонаследия, в котором говорилось, что «Поднебесная — это Поднебесная Гао-цзу»<sup>12</sup>.

Для русского языка перевод *tiānxiá* как «Поднебесная», — находящийся под небом, небесами, Земля, весь мир, Вселенная, — был органичен. «Поднебесье» означало: простор, пространство, ширь под небесами. С давних лет существовала поговорка: «Птичьего молока во всей поднебесной не найдешь»<sup>13</sup>. Первым русским китаеведом, кто начал переводить с китайского (а не с маньчжурского) языка был Н.Я. Бичурин. Думаю, что он и был первым, применившим термин «Поднебесная» в качестве синонима к понятию Китайская империя.

Академик В.М. Алексеев переведил «Старинного типа пятизначные стихи». Обратившись к стихотворению Вэй Чжэна «По-прежнему о заветном», которое начиналось строкой: «В Серединной Равнине все еще травят оленя», Василий Михайлович снабдил ее следующим примечанием:

*«В Серединной Равнине, т.е. в Китае, называемом так по традиции в память будто бы центрального положения династии Чжоу и ее удела среди других. Я предлагаю другое объяснение, при котором слово “серединный” в приложении к Китаю означает “находящийся под самым нашим (т.е. центральным для зрителя) небом”, и в этом астрологическом значении равносильно другому термину, называемому Китай “Поднебесной” (Тянься), т.е. опять-таки “страною, расположенною под нашим (нам видимым) и единственно для нас интересным) небом”.*

*Травят оленя (гонятся за ним, преследуют его) — образно о конкурентах на один и тот же всекитайский престол. В древнем сочинении по тактике (“Лю тао” — без точной даты, но, по-видимому, первых веков до нашей эры) об этом образном выражении говорится так: “Те, кто берут себе Поднебесную Страну, Китай, напоминают травящих дикого оленя, а у Поднебесной Страны настроение такое, будто ее мясо делят на куски”. В одной древней биографии уже прямо пользуются этим образным выражением как общепринятым и рядовым: “(Династия) Цинь упустила своего оленя, и вся Поднебесная Страна ринулась за ним”. — Ясно, что под “оленьем” разумеется всекитайский трон. Не случайно, что в китайском искусстве (особенно народном) благоволение небес (в древнем каноне “Од и песен”, “Ши цзине” часто адресуемое царю или князю) изображается символично в виде оленя, по типу шарады, где Лу благоволение небес и Лу — олень приблизительно созвучны»<sup>14</sup>.*

Для монголов-кочевников «охота на оленя» в прямом и переносном смысле была если не любимым, то, по крайней мере, привычным занятием. Нельзя пройти мимо интересного наблюдения авторов соответствующего раздела во втором томе нового издания «Всемирной истории», где утверждается, что создававшиеся кочевниками империи «являлись зеркальными двойниками китайских династий. Они появлялись в то время, когда Китай расцветал и был способен приносить прибыль кочевникам в виде военной добычи и вымогаемых подарков (в древности хунну и Хань, в Средние века тюрки/уйгуры и Суй/Тан, монголы-ойраты и Мин)»<sup>15</sup>.

В Китае периодически, примерно раз в 200 лет, происходил кризис династий, вызывавший экономический и политический упадок. Так родилась поговорка: «Когда император совершает ошибку, страдает народ». Как правило, в результате восстаний к власти приходила новая династия. Это вновь настраивало кочевников-степняков севера

и северо-запада на консолидацию, порой приводившую к созданию своих империй. «Т. Барфильд полагает, что такие империи можно называть *теневыми*, поскольку они возникали как бы в тени уже существующих цивилизаций и империй (с современной точки зрения этот термин удачен и в том отношении, что подчеркивает именно «теневой» характер экономики подобных паразитических структур)»<sup>16</sup>.

Однако вряд ли Монгольскую империю, созданную в начале XIII в. Чингисханом, можно считать «теневой». Ведь она существовала не «в тени Китая», а, в конце концов, прямой потомок Чингисхана — Хубилай — завоевал Китай и создал на его основе китайскую империю, названную Да Юань — Великое начало. Чингисхан получил китайское традиционное имя Тайцзу — Великий предок. В 1279 г. Великий хан Хубилай стал Сыном Неба. «Никогда раньше Китайская империя не достигала таких огромных размеров, однако, по правде говоря, власть Хубилая как Великого хана над его отдаленными родственниками была чисто номинальной»<sup>17</sup>. Как тут не вспомнить китайскую пословицу: «Быть возле императора — все равно, что спать с тигром».

А вот что говорилось о правлении Хубилая нашими китаеоведами в первой четверти XIX века: «Надобно заметить, что между тем, как у других азиатских народов астрология была зарею истинной астрономии, китайцы, углубляясь в свое звездословие уже несколько тысяч лет, не оказали никаких успехов собственно в науке астрономической. Древние прославленные их обсерватории и принадлежащие к оным инструменты привезены были сюда учеными, коих знаменитый Хубилай, внук Чингисхана, пригласил сюда из Балха и Самарканда»<sup>18</sup>.

Нет сомнения в том, что создание Чингисханом своей империи и Хубилаем — своей было высшим достижением в истории монгольского народа. Осознание этого берет свое начало в том, что поклонение Чингисхану еще при его жизни «обретало религиозные черты, а для членов Золотого рода Чингисидов культ знаменитых предков служил обоснованием их политических притязаний»<sup>19</sup>. Но есть и другая сторона этой истории. В походы Чингисхана и его сыновей ушли лучшие представители монголов того времени, настоящие богатыри. В самой Монголии оставались не пригодные к службе. Это вызвало нарушение генетического потенциала нации. Аналогичный ущерб понесла и Франция после войн Наполеона.

В наше время Чингисхан остается в сознании монголоязычных народов крупнейшим героем их истории. В 2012 г. в Лондоне был открыт памятник Чингисхану, конная статуя работы бурятского скульптора Даши Намдакова. За год до этого скульптор был принят в королевском дворце и беседовал с герцогом Эдинбургским, что и послужило разрешением на установку монумента. Отливка памятника происходила в Италии. Планировалось перевезти эту скульптуру в Монголию.

© 2017

Академик В.С. Мясников

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IV: Период пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзин и СиСя (907–1279) / отв. ред. д.и.н. И.Ф. Попова. М.: Вост. лит., 2016. (Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16–01–16073).
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. V: Династии Юань и Мин (1279–1644) / отв. ред. д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, д.и.н. А.А. Бокщанин. М.: Вост. лит., 2016. (Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16–01–16016).
3. Современные ученые полагают, что Ипатьевский монастырь был основан раньше — в середине или конце XIII века — новгородцами, особенно почитавшими священномученика Ипатия (как покровителя посадников Великого Новгорода) и апостола Филиппа; известно, что именно

- новгородцы использовали в древности реку Кострому для выхода к Волге. Однако участие Захарии-Чета в судьбе Ипатьевской обители несомненно: оно подтверждается вниманием, которое оказывал этому монастырю род Годуновых.
4. «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: Вост. лит., 2016. (*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-01-16099*).
  5. См.: Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1996–2015). СПб: СПбГУП, 2015. 880 с.
  6. Словарь античности. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. С. 300. Более полное определение термина *культура* см.: Антропологический словарь. М.: Классик стиль, 2003. С. 133.
  7. *Nehru Jawaharlal*. The Discovery of India. Oxford University Press, 1982. P. 231–232.
  8. *Мартынов А.С.* Россия и Китай: сходство наследия — общность судьбы. // Звезда. 1995. № 10. С. 168.
  9. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л., 1946. С. 265.
  10. *Игнатович А.Н.* Чайное действо. М., 2011.
  11. Большой китайско-русский словарь / сост. под рук. проф. *И.М. Ошанина*. Т. 3. М., 1984. С. 669.
  12. Духовная культура Китая. Историческая мысль и правовая культура. М.: Вост. лит. 2009. С. 46–47.
  13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 2006. С. 189.
  14. *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды. М.: Вост. лит., 1978. С. 142–144.
  15. Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. тома чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. С. 492.
  16. Там же.
  17. *Бамбер Гасконе*. Краткая история династий Китая. СПб: Евразия. 2009. С. 218.
  18. *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть вторая: пребывание в Пекине. СПб: В типографии Медицинского департамента Министерства Внутренних дел, 1824. С. 57–58.
  19. История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.) Кн. 1. М.: Вост. лит., 2004. С. 23.

## **«Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии» IV международная научная конференция молодых востоковедов**

17–18 ноября 2016 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась IV международная научная конференция молодых востоковедов на тему «Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». С приветственным словом к участникам обратился заместитель директора ИДВ РАН **С.В. Уянаев**.

В работе конференции приняло участие более 80 молодых ученых и магистрантов, представляющих различные академические и учебные институты, а также государственные учреждения, коммерческие и некоммерческие организации. На форум приехали молодые востоковеды из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Якутска, Тюмени, Краснодара, Кирова, Казани, Перми, а также Китая и Украины. Были заслушаны и обсуждены 45 докладов, посвященных актуальным вопросам безопасности и сотрудничества в Восточной Азии и проблемам развития государств региона. Заседания конференции проходили в четырех секциях: политика, экономика, история, культура и общество.

В секции *политика* были представлены доклады, посвященные проблемам внешней политики, дипломатии и международных отношений в регионе Восточная Азия. Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ России **Киреева А.А.** очертила перспективы, направления развития и возможные риски проведения дальневосточной политики РФ как приоритетной задачи России на весь XXI век, проанализировав отношения с ключевыми партнерами в регионе: Китаем, Японией, государствами Корейского полуострова, странами АСЕАН и Индией.

Отдельное внимание было уделено китайской самобытной дипломатии крупного государства. Научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН **Мокрецкий А.Ч.** охарактеризовал ее как важный инструмент проведения комплексной политики и стратегии Китая на мировой арене через творческое использование успешно апробированных методов иностранных государств, собственных идей и культурных традиций. Аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова **Грузинов И.И.** раскрыл внешнеполитическую составляющую «китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

В ходе конференции участники обсуждали региональную политику КНР. Младший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН **Волошина А.В.** остановилась на осмыслении места сложной тайваньской проблемы в современных американо-китайских отношениях в условиях изменения баланса сил между двумя странами после 2008 г., провозглашения и реализации Соединенными Штатами стратегии «возвращения в Азию», а также объявления Китаем цели построения междержавных отношений нового типа с США. Кандидат

исторических наук, преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов **Цвык А.В.** отметил «особый» характер стратегического партнерства между Китаем и Германией, обусловленный инклюзивным наполнением китайско-германского стратегического партнерства и охватывающий широкий круг направлений двустороннего сотрудничества.

Магистрант Тюменского государственного университета **Нежданов В.Л.** осветил перспективы взаимодействия РФ и КНР в Арктике и уточнил реальные возможности России по развитию данного региона как международной площадки сотрудничества в качестве составной части политики «поворота на Восток». Студент магистратуры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова **Скосырев В.А.**, не затрагивая официальные заявления китайских дипломатов и чиновников, постарался показать, как воспринимаются перспективы развития российско-китайских отношений обозревателями и блогерами из КНР, публикации которых выкладываются на интернет-сайтах различных идеологических направлений.

Активно обсуждались изменения позиции Японии по обеспечению национальной безопасности. По мнению научного сотрудника Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН **Милеева Д.А.**, традиционно внешняя политика Японии строилась на безусловной ценности японо-американского союза, но в последнее время от Токио требуется усиление его военно-политического потенциала и окончательное превращение страны в «нормальное государство». Таким образом, официальному Токио необходимо определиться с формой, объемом и ролью, которую может играть Япония в выстраивании новой системы безопасности с соседями по региону. Преподаватель кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ **Нелидов В.В.** полагает, что «китайский фактор» служит укреплению японо-американского военного сотрудничества, способствуя еще более активному вовлечению Японии в построение и поддержание замкнутого на Соединенные Штаты порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД РФ, научный сотрудник Института востоковедения РАН **Добринская О.А.** отметила сближение Японии и НАТО как результат расширения сферы интересов альянса, а также более активной глобальной дипломатии и оборонной политики, проводимой С. Абэ. Кроме того, по ее мнению, вовлечение альянса в азиатские дела, с одной стороны, может усилить напряженность в регионе, с другой — оно способно стать фактором, содействующим укреплению доверия в Восточной Азии.

Ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ **Малашевская М.Н.** провела системный анализ публикаций в японском научном журнале *Eurasia Border Review*, который привлекает исследователей из разных стран мира, изучающих международно-политические, экономические, социальные процессы в мегарегиональном пространстве «Большой Евразии». Научный сотрудник отдела евразийской интеграции и развития Шанхайской организации сотрудничества Института стран СНГ **Харитонов Д.В.** рассказала об укреплении российско-японских отношений как основного вектора российской дальневосточной политики и возможного баланса сил в регионе. По мнению автора, первым шагом должна стать реализация восьми направлений по пятидесяти проектам, согласованным между лидерами стран в Сочи и во Владивостоке во время Восточного экономического форума.

Отдельным блоком рассматривались доклады, посвященные Корейскому полуострову. Магистрант кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) **Волощак В.И.** подробно остановился на вопросе пересмотра 9-й статьи Конституции Японии в СМИ Республики Корея, считая, что реакция корейского общества является важным показателем двусторонних отношений государств и политической ситуации в регионе. Кандидат политических наук, член Группы экспертов Коми-

тета Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР, учрежденного резолюцией 1718 (2006), **Кику Д.В.** оценил последствия создания КНДР полноценного ракетно-ядерного арсенала в нарушение санкционных мер Совета Безопасности ООН и провел анализ условий, при которых возможно достичь решения ядерной проблемы Корейского полуострова. Кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ **Дьячков И.В.** охарактеризовал специфические черты внешней политики КНДР, выделив ряд общих, исторически сложившихся и достаточно устойчивых особенностей стратегии Пхеньяна на международной арене. Докладчик рассмотрел внутренние факторы, влияющие на внешнюю политику КНДР, общую структуру принятия внешнеполитических решений в стране, роль ядерной программы, а также подходы Пхеньяна к отношениям с его основными партнерами.

На *экономической секции* рассматривались различные аспекты экономического развития государств Северо-Восточной Азии и их международного сотрудничества. Магистрант МГУ им. М.В. Ломоносова **Симонова А.И.** в докладе, посвященном политике планирования рождаемости в Китае, проследила эволюцию и цели государственных органов КНР в этой области, показав постепенный отход китайского руководства от политики «одна семья — один ребенок». Большой интерес вызвал ее вывод о том, что новой проблемой для китайских властей на современном этапе является поиск способов стимулирования желания у китайских супружеских пар иметь второго ребенка.

В своем выступлении аспирантка Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН **Захлязьминская Е.О.** осветила основные тенденции развития туристического сектора КНР на современном этапе. Докладчиком были проанализированы основные факторы становления и роста объемов въездного, выездного и внутреннего туризма в Китае после начала политики реформ и открытости. В результате политики руководства КНР с 2006 г. Китай является четвертой страной мира по количеству принятых туристов после Франции, США и Испании. С 2015 г. доходы в иностранной валюте от туризма в КНР являются вторыми по совокупному объему в мире после США. С 2013 г. Китай является лидером по количеству выезжающих за пределы страны туристов. **Захлязьминская Е.О.** также указала на основные задачи в туристической сфере на 13-ю пятилетку (2016–2020), сделав вывод о наличии существенного потенциала для дальнейшего роста отрасли в Китае.

Доклад младшего научного сотрудника сектора инновационной политики ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова **Готовой М.П.** был посвящен такому феномену, как развитие экогородов в Китае. В выступлении был представлен анализ существующей политики китайского руководства в области экологических инноваций с выявлением ее специфических особенностей и ключевых проблем. Было подчеркнуто, что в условиях ухудшения экологической ситуации среди ключевых характеристик «экогородов» в Китае — низкое энергопотребление, низкий уровень загрязнения в целом и выбросов CO<sub>2</sub> в частности. В качестве важной проблемы докладчик выделил тот факт, что хотя руководство КНР и предпринимает меры по развитию экогородов, пока упор делается на отдельные проекты и их технологическую составляющую, а не комплексное внедрение инноваций в городскую среду, что более эффективно с точки зрения устойчивого развития.

Новой урбанизационной политике Китая было посвящено выступление кандидата географических наук, старшего научного сотрудника Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН **Чубарова И.Г.** Докладчик подробно рассказал о проводимой в Китае с 2014 г. реформе прописки, направленной на облегчение переезда крестьян в города, увеличение численности и качества городского населения. Благодаря введенному в 2016 г. «виду на жительство» постоянно проживающие мигранты могут получить доступ к базовому социальному обеспечению и государственным услугам. При этом был сделан вывод: этот курс не затрагивает перенаселенные мегапо-

лисы Китая, так как целью правительства является препятствовать дальнейшему росту крупнейших городов и стимулировать развитие средних и малых населенных пунктов.

В докладе кандидата географических наук, научного сотрудника отдела социально-экономической географии Института географии РАН Эм П.П. была предпринята попытка критически проанализировать урбанизационные процессы в КНДР на основе личного опыта автора, полученного в результате посещения этой страны. По итогам проведенного исследования он пришел к выводу о том, что реальная доля городского населения КНДР после вычета населения, занимающегося бытовой хозяйственной деятельностью, не превышает 55,5%, что немного отличается от официальной статистики.

Развитию туризма в КНДР было посвящено выступление кандидата экономических наук, старшего научного сотрудника Центра корейских исследований ИДВ РАН Захаровой Л.В. Докладчик осветила различные аспекты функционирования туристической отрасли Северной Кореи, ее основные проблемы и перспективы на современном этапе. Был сделан вывод о том, что в условиях ужесточения международного давления и напряженной военно-политической ситуации на Корейском полуострове добиться привлечения иностранных инвестиций и существенного увеличения иностранных туристов у Пхеньяна вряд ли получится. В связи с этим альтернативным направлением развития туристического сектора экономики КНДР может стать расширение внутреннего туризма.

Несколько докладов было посвящено различным аспектам функционирования современной экономики Республики Корея и ее связям с Россией. В выступлении кандидата экономических наук, доцента кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ Сняковой А.Ф. был представлен обстоятельный анализ важных тенденций экологической политики руководства Южной Кореи на современном этапе. Доклад аспирантки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова Лешаковой Н.П. был посвящен рассмотрению концепции «креативной экономики», принятой и реализуемой на государственном уровне в Республике Корея. Был сделан вывод о том, что за первые три года страна показала достаточно спорные результаты реализации программы, однако основные экономические показатели говорят о том, что в целом динамика положительная и РК сделала серьезный задел в этой области на будущее.

Матвеева Н.И. из Российского государственного социального университета в своем выступлении выделила основные составляющие модели экономического развития Республики Корея, среди которых: наличие небольшого, высококвалифицированного и сравнительно недорогого бюрократического аппарата; политическая система, в которой у бюрократов достаточно полномочий, чтобы действовать эффективно и брать инициативу на себя; отлаженный инструментарий рыночного вмешательства государства в экономику и наличие ведущей организации, занимающейся планированием во всех сферах экономики. На основе анализа современной российской действительности докладчик сделала выводы о возможности использования отдельных элементов южнокорейского опыта для модернизации экономики России с учетом их адаптации к национальным условиям.

Доклад кандидата экономических наук, ведущего научного сотрудника Центра корейских исследований ИДВ РАН Самсоновой В.Г. был посвящен анализу проблем и перспектив российско-южнокорейского экономического взаимодействия на современном этапе. В выступлении были рассмотрены сохраняющиеся в краткосрочной перспективе проблемы, связанные с негативной макроэкономической и геополитической ситуацией, а также сделан вывод об имеющихся возможностях для увеличения корейскими компаниями своей доли на российском рынке и осуществления выгодных инвестиций в Дальневосточный регион России.

Студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Игнатов А.А. поделился выводами о перспективах российско-южнокорейского сотрудничества в области энергетики. Ключевым итогом проведенного

исследования стало заключение о том, что существующие и вероятные препятствия для развития сотрудничества России и Южной Кореи в энергетике имеют долгосрочный, стратегический характер и превалируют над краткосрочными выгодами от развития новых форматов сотрудничества. В дальнейшем можно ожидать снижения степени взаимодействия двух стран в рассматриваемой области. О сложностях для выхода южнокорейских компаний на российский рынок говорила и аспирантка ИДВ РАН Платонова В.Д. Среди их причин, по мнению докладчика — сильные смещения торговой политики в связи с изменениями в политической конъюнктуре, сокращение экономического потенциала России, кросскультурные проблемы взаимоотношений партнеров.

Выступление аспирантки факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета Полховой Е.В. было посвящено рассмотрению некоторых особенностей экономических отношений между Россией и Японией. Был сделан вывод о том, что роль бизнес-сообщества в процессе улучшения двусторонних связей представляется довольно значительной и обеспечивается благодаря тому, что деловые круги оказывают влияние на формирование институциональной структуры российско-японских отношений.

Ряд докладов был посвящен межрегиональному сотрудничеству. Преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения РАНХиГС Файншмидт Р.И. в своем выступлении представил перспективы развития и расширения зоны свободной торговли Вьетнам — ЕАЭС до формата АСЕАН — ЕАЭС на основе анализа структуры двустороннего товарооборота и сопоставления процессов, протекающих в двух интеграционных группировках в настоящее время. Кандидат экономических наук, руководитель направления Департамента международного сотрудничества En+ Group Щенкова Т.А. осветила основные тенденции в области обеспечения энергобезопасности стран Северо-Восточной Азии, сделав вывод о том, что отсутствие коллективных механизмов борьбы с потенциальными энергетическими кризисами в регионе подталкивает страны СВА к поиску и реализации односторонних мер в данной сфере.

Большой интерес слушателей вызвали доклады *исторической секции*, в которых освещались различные эпизоды национальной истории стран СВА, а также некоторые вопросы их взаимоотношений с Россией и другими государствами. Заседание открылось выступлением студентки магистратуры МГИМО (У) МИД РФ Лапиной Н.Г., посвященным особенностям взаимоотношений России и Кореи во второй половине XIX в., когда между ними возникла общая граница и были установлены дипломатические отношения. Отдельно рассматривалась роль российских дипломатов, которые прикладывали все усилия к тому, чтобы отношения двух стран развивались в позитивном ключе.

Аспирант кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета Садаков Д.А. в своем выступлении проанализировал комплекс внешних и внутренних факторов, приведших к расколу Кореи. Рассматривая внешние причины, автор выделил три принципиально важных решения, превратившие Корею из «острова спокойствия» в советско-американских отношениях в будущей эпицентр холодной войны: выбор 38-ой параллели в качестве линии разграничения между оккупационными зонами СССР и США, что создало внутри Кореи искусственную границу; итоги Московского совещания министров иностранных дел 1945 г., на котором был принят компромиссный проект корейского устройства, приведший к стремительному обособлению двух оккупационных зон и поляризации политического спектра Кореи; передача корейского вопроса в ООН вследствие провала советско-американского диалога.

Аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН Лобов Р.Н. проанализировал внешнеполитический курс Республики Корея в отношении Японии в 1950-е годы. Особое внимание докладчик уделил рассмотрению основных факторов, повлиявших на развитие двусторонних отношений, подчеркнув, что актуализация проблемы историче-

ского прошлого во взаимоотношениях двух стран, имевшая место при президенте Пак Кын Хе, была характерна и для японо-южнокорейских отношений в 1950-е годы.

Продолжил корейскую тематику студент магистратуры кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского (Приволжско-го) федерального университета **Халиков Н.Ф.** с докладом «Контингент Вооруженных сил Республики Корея в составе миротворческих сил ООН в вооруженных конфликтах и гуманитарные миссии Республики Корея за рубежом в период второй половины XX — начала XXI века». Автор рассмотрел историю военных и миротворческих операции Республики Корея за рубежом, раскрыв основные цели и интересы государства при участии в мероприятиях указанного характера.

Аспирантка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) **Лю Лицю** рассказала об известном китаисте-дальневосточнике **А.В. Рудакове**, который преподавал китайский язык и другие дисциплины, связанные с Китаем, в вузах Владивостока почти полвека, начиная с 1899 г. Изучение автобиографии **А.В. Рудакова** позволило докладчику выделить несколько важнейших направлений формирования специалиста-китаеведа.

Преподаватель обществоведческих дисциплин в Колледже олимпийского резерва Пермского края **Яковкин Е.В.** выступил с докладом «Российские эмигранты в полицейских структурах Маньчжу-Ди-Го», в котором рассмотрел основные направления обучения, подготовки и деятельности российских эмигрантов в полиции этого государства.

Аспирантка Восточного факультета СПбГУ **Харитонов А.М.** завершила работу секции докладом, посвященным основным направлениям китайской политики по отношению к странам Индокитая в 1950-е — 1960-е годы. Было отмечено, что в указанный период перед КНР встала задача по возвращению традиционного доминирования в Юго-Восточной Азии, в то время как страны Индокитая пытались регламентировать действия КНР и оградить себя от вмешательства Китая во внутренние дела, а восстановлению традиционного влияния мешали такие новые игроки в регионе, как США и СССР.

Секция «*Культура и общество*» собрала доклады, посвященные различным вопросам внутренней жизни и культурного развития стран Восточной Азии. Так, магистрант Института зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВО СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск) **Ковлеков К.И.** в своем выступлении рассмотрел субкультуру «отаку» в качестве примера японского опыта противостояния мировой массовой культуре. Благодаря ей Япония не только смогла сохранить свое национальное и традиционное культурное пространство, но и начала проводить политику активной культурной экспансии. По мнению докладчика, японский опыт имеет важное практическое значение для развития мировой культуры и требует серьезного научного исследования.

Аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета **Безпрозванная Я.М.** проанализировала изображения на японских гравюрах на дереве (*укиё-э*) середины XIX в., используя их как визуальный источник по истории российско-японских отношений. Магистрант факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова **Жаровский Е.Р.** в своем докладе «Влияние сектантских течений Японии на российско-японские коммуникации в сфере культуры» попытался обратить внимание на японские религиозные течения деструктивной направленности как проблему, потенциально способную нанести вред российскому обществу.

Китайский блок заседания секции открыл младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН **Семенов А.А.** с докладом о развитии в КНР неправительственных организаций и взаимодействии государства с ними. Автор обратил внимание на то, что китайские НПО имеют свои особые характеристики, среди которых, в частности, намного более тесные их отношения с правительством, чем в западных странах. При этом была отмечена тенденция к росту «неправительственного сектора» НПО, который, хоть и находится под серьезным государственным контролем, стре-

мится к большей независимости от правительства. Аспирант ИДВ РАН Санин К.А. представил доклад, посвященный «Великому чайному пути», являющемуся частью китайской инициативы «Один пояс, один путь», используемой руководством КНР для продвижения проекта экономического и инфраструктурного коридора Китай — Монголия — Россия. В результате исследования автор пришел к выводу о том, что Китай все-речь настроен на развитие северного направления проекта «Один пояс, один путь», но рассматривает его преимущественно в контексте трехстороннего приграничного сотрудничества Китая, Монголии и России и не видит его в качестве основного маршрута между Азией и Европой.

Кандидат исторических наук старший научный сотрудник Отдела китайских исследований ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток) Ставров И.В. выступил с докладом об изучении образа России в Китае, проследив эволюцию имиджа нашей страны в КНР на примере работ хэйлуцзянского исследователя Ли Суйяня и подчеркнув, что на современном этапе образ России в Китае стал многомерным и основанным на восприятии отдельных элементов опыта сотрудничества с нашей страной, что в целом придает ему позитивный характер.

Выступление преподавателя истории «Антишколы» благотворительного фонда «Немного огня» (г. Харьков) Легкошкур О.В. было посвящено истории развития тайского бокса в России. Автором был сделан вывод о том, что в настоящее время Федерация тайского бокса России представляет собой организацию, успешно и целенаправленно воспитывающую призеров чемпионатов мира в этом виде спорта, а также содействующую популяризации муай-тай среди молодежи.

Все доклады вызвали интерес и живую дискуссию, показав, что затронутые темы актуальны и интересны для молодых востоковедов.

По итогам конференции в Институте Дальнего Востока РАН будет опубликован сборник докладов.

© 2017

*Л.В. Захарова, к.э.н., старший научный сотрудник,  
А.Ч. Мокрецкий, научный сотрудник,  
К.А. Чирков, мл. научный сотрудник (ИДВ РАН)*

## Рецензии

**Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / ред. Ли Син, А. Воскресенский. — Пекин, 2016. — 495 с.**

**(Я Оу чжунсинь куадицюй фачжань тичжи цзичжи яньцзю / Ли Син, А. Восыкэлесяньсыцзи. Бэйцзин: Цзючжоу чубаньшэ, 2016.)**

Совместная китайско-российская работа по проблемам мирового трансрегионального развития в условиях быстро изменяющейся международной обстановки была подготовлена большим коллективом российских и китайских авторов в рамках грантов двух фондов КНР — Государственного фонда общественных наук (проект 14BGJ039, тема «“Экономический пояс Шелкового пути” и его связь с Евразийским союзом») и Фонда философии и социологии города Пекина (проект 13KDB039, тема «Связь проспекта “Экономический пояс Шелкового пути” и “Китайской мечты”»). В работе показаны изменения в международных отношениях в треугольнике Россия (СССР) — Китай — США в условиях создания новых международных союзов и структур в начале XXI века, таких, как Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС), БРИКС, Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) и Экономический пояс Шелкового пути (далее — ЭПШП). С китайской стороны проект возглавил китайский ученый-международник, профессор Пекинского педагогического университета Ли Син, с российской стороны — российский ученый-международник, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России А.Д. Воскресенский.

Авторский коллектив на большом фактическом материале показал, как происходило формирование новых международных организаций, новых механизмов управления, международных сценариев развития после окончания холодной войны. На основе этого анализа представлены результаты формирования трансрегионального пояса Европа — Азия и новые направления развития интеграции здесь. После распада СССР, организации Варшавско-

го договора и ликвидации социалистических стран Восточной Европы на огромном пространстве Евразии, говоря словами авторов книги, образовались «черные дыры» и «вакуум силы». Их стремились захватить крупные страны, используя малые страны как своего рода фигуры на шахматной доске в условиях глобализации и региональной интеграции.

При проведении такого рода анализа в основном был сделан акцент на усилении позиций азиатских стран, в частности, Китая, и на ослаблении европейских стран, включая страны Европы, в том числе России. В китайском варианте название «Евразия» (ОуЯ) было даже изменено на название «Азеврия» или «Азипа» (ЯОу). Однако название «Евразия» по ряду причин сохранилось в заголовках на английском и русском языках (см. с. 1 оглавления работы на английском и русском языках). На наш взгляд, предпочтительнее было сохранить в китайском заголовке работы более традиционное название — Евразия как в русском и в английском варианте заголовка (так как вплоть до настоящего времени Китай по своей комплексной мощи пока еще не может встать на уровень СССР в период холодной войны и нынешнего Евросоюза, не говоря о таких организациях, как ШОС, БРИКС и ЕАЭС).

В целом представляется справедливой основная концепция данной работы, согласно которой в XXI веке произошло реформирование ситуации в Евразии после образования ШОС, БРИКС, ЕАЭС, которые стали конкурентами таким традиционным структурам, как G8 и G20, а также и Евросоюзу. Не случайно для укрепления своих позиций США в период президентства Б. Обамы вновь стали пытаться вернуть свои экономические и политические позиции в Азии и Европе путем создания двух но-

вых структур — Трансатлантического партнерства (ТТИП, англ. TTP) и Транстихоокеанского партнерства (ТПП, англ. TPP). В ответ на это Китай сделал свой ход: в сентябре 2013 г. во время встречи с президентом Казахстана Н. Назарбаевым в Астане председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» (*Сычжоучжиду цзинцзидаи*). Как сформулировано в рецензируемой книге, «была сделана попытка связать между собой экономически развитые Восточную Азию и Европу по древнему маршруту Шелкового пути, создать самую протяженную, имеющую самые большие резервы и самую объемную платформу экономического сотрудничества между Азией и Европой» (с. XI). Для достижения этой цели Китай создал две мощные финансовые структуры — Фонд Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в которых страны треугольника РИК (Россия — Индия — Китай) являются главными акционерами. В связи с этим в работе сделан принципиально важный вывод о том, что в последние годы роль азиатских стран в мировой политике в условиях возвышения Китая растет с каждым годом, и однополярный мир с США во главе фактически прекращает свое существование, ему на смену приходит многополярный мир.

В первом разделе — «Шанхайская организация сотрудничества» — показана история и эволюция образованной в 2001 г. организации, роль ШОС в реализации основных целей китайской дипломатии в Центральной Евразии, в определении характера российско-китайских отношений в XXI веке. Также в этой главе определены главные функции ШОС на современном этапе, выявлены основные проблемы развития ШОС и места этой структуры в системе международных отношений. Авторы работы пришли к выводу, что главным итогом создания ШОС «стало дипломатическое партнерство России и Китая в условиях ограниченных сил и возможностей у России и повышение статуса России как великого государства, а также повышение ее влияния в мире» (с. 114–115). По их мнению, создание ШОС «углубило российско-китайские отношения, что не означало создание союза двух стран», но «для китайской дипломатии была создана новая обстановка», и «за счет партнерства в рамках ШОС были урегулированы отношения между двумя странами» (с. 115).

Во втором разделе, «БРИКС», анализируются изменения в международном сообществе в начале XXI века, которые позволили осу-

ществить формирование новой международной структуры из четырех развивающихся стран мира, крупнейших по территории, населению, объему ВВП, запасам полезных ископаемых, под названием БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). С присоединением крупнейшей по этим показателям страны Африки — ЮАР организация стала называться БРИКС. Показана роль БРИКС в переходе от однополярного к многополярному миру, российский взгляд на долгосрочную стратегию трансрегионального блока БРИКС, роль стран БРИКС в глобальном управлении, потенциал сотрудничества в рамках БРИКС, а также потенциальная ведущая роль БРИКС в реализации проекта «Один пояс, один путь» и возможности треугольника Россия — Индия — Китай (РИК) в качестве движущей силы проекта «Экономический пояс Шелкового пути». В ходе анализа вопроса о формировании и развитии БРИКС и его роли в развитии многополярного мира авторы раздела обосновали вывод состоявшегося в июле 2015 г. в Уфе саммита БРИКС о том, что «Россия является важным узловым пунктом при создании «Экономического пояса Шелкового пути», а ШОС — важной платформой соединения «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» (с. 185).

Третий раздел — «Евразийский экономический союз» — посвящен анализу вопросов истории формирования и развития ЕАЭС. Дан анализ евразийства от народной идеи в царской России до национальной стратегии в настоящее время, показаны новые изменения в политике России в СНГ, направленные на развитие ЕАЭС. Также в разделе дан сравнительный анализ ранее действовавшей структуры ЕврАзЭС и ЕАЭС, китайское видение проблем развития ЕАЭС, а также взгляды американских и европейских исследователей о характере его формирования и перспективах. В результате авторы пришли к выводу, что «ЕАЭС уже объективно существует, будет занимать ключевые позиции в Центральной Азии и оказывать глубокое влияние на стратегию «Экономического пояса Шелкового пути» и на развитие Северо-Запада Китая (с. 247).

На наш взгляд, главным разделом работы является четвертый раздел — «Экономический пояс Шелкового пути». В нем дана характеристика китайской инициативы, направленной на заполнение образовавшихся после распада СССР на территории Центральной Азии «черных дыр» и «вакуума силы» путем подключения экономики территорий между Китаем и Евросоюзом к реализации китайских проектов социально-экономического развития

страны. Не случайно в одной из глав прямо поставлен вопрос: «Экономический пояс Шелкового пути» — это опора для тактики или стратегии «Китайской мечты»? В этом разделе также сделан анализ проекта с точки зрения культурного сотрудничества территорий, проведены сравнительный анализ древнего Шелкового пути и современного варианта проекта, сравнительный анализ китайского проекта и перспектив его взаимоотношений с Евразийским экономическим союзом и с проектом АСЕАН+8. Кроме того, в разделе особое внимание уделено проблемам взаимной связи и доступности логистической инфраструктуры в формате проекта и ее значения для реализации проекта.

Нельзя не согласиться с авторами работы, что проект ЭПШП означает принципиальный поворот во внешнеэкономической деятельности руководства КНР, направленный на сотрудничество с находящимися между Китаем и Западной Европой странами Центральной Азии, Западной Азии, Восточной Европы и Россией. Как отмечено в работе, «раньше Китай делал акцент на развитие приморских и восточных районов страны, на экономику развитых стран — США, Японии, Республики Корея и стран АСЕАН, сейчас — на развитие западных и внутренних районов Китая, на развивающиеся страны к западу от Китая и страны с переходной экономикой, где имеется огромный рынок, место для приложения инвестиций и торгово-экономические объекты» (с. 314). Иными словами, с помощью проекта ЭПШП Китай выстраивает транспортный мост через территорию Евразии от порта Ляньюньган в провинции Цзянсу до голландского порта Роттердам в Евросоюзе. В самом Китае этот проект окажет значительное влияние на развитие экономики шести провинций и одного автономного района (Цзянсу, Аньхой, Хэнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурский АР). В результате успешной реализации проекта ЭПШП произойдет экономический рывок отсталых территорий Северо-Запада Китая, которые богаты полезными ископаемыми, в том числе энергоресурсами (нефть, природный газ и каменный уголь). Сократится разрыв по уровню социально-экономического развития между приморскими и внутренними районами КНР. Одним словом, реализация проекта ЭПШП даст шанс отсталым территориям на Северо-Западе Китая, по которым пройдут инфраструктурные проекты развития, превратятся из развивающихся в развитые и, благодаря быстрому экономическому развитию, догнать развитые приморские провинции, такие, как Гуандун, Цзянсу и Чжэ-

цзян. Нетрудно предположить, что такая же судьба ждет и те территории стран Центральной Азии, Западной Азии, России и Восточной Европы, по которым пройдут маршруты ключевых инфраструктурных проектов в рамках ЭПШП, в первую очередь, транспортных, финансовых и информационных.

Вместе с тем хотелось бы указать на то, что проект ЭПШП является лишь частью еще более амбициозного китайского проекта «Один пояс, один путь». Как заявил член Политбюро ЦК КПК, зам. премьер-министра Госсовета КНР Чжан Гаоли в мае 2015 г., «в Китае планируется создать шесть основных коридоров: 1) Китай — Монголия — Россия; 2) коридор через Евразию (имеется в виду Ляньюньган — Роттердам. — *А.О.*); 3) Китай — Центральная Азия — Западная Азия; 4) Китай — Индокитай; 5) Китай — Пакистан; 6) Китай — Индия — Бангладеш — Мьянма» (с. 374). Авторами раздела сделан вывод, что проект ЭПШП — это стратегия, направленная на развитие экономически отсталых районов Китая за счет создания на этих территориях крупных инфраструктурных проектов, способных в короткие сроки поднять уровень социально-экономического развития этих территорий: его роль подобна роли Транссибирской железнодорожной магистрали в подъеме территорий российского Дальнего Востока в конце XIX — начале XX века. На наш взгляд, следует согласиться с основным тезисом данного раздела о том, что «ЕАЭС имеет экономико-политическое содержание, а ЭПШП — в основном экономическое содержание, это не “политический пояс” и не “пояс безопасности”... Экономический пояс предложен Китаем, и Китай не имеет замыслов быть в нем единственной силой и занимать руководящее положение» (с. 315).

В пятом разделе — «Размышления и прогнозы» авторы предлагают различные гипотезы относительно будущего политического и экономического мирового развития в случае успешной реализации проанализированных в данной работе различных глобальных проектов — БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ЭПШП, а также различные варианты прогнозов развития отношений в треугольнике Россия — Китай — США. Как показала практика развития международных отношений в XXI веке, создание таких новых структур, как ШОС и БРИКС, не оказало серьезного влияния на соотношение сил в треугольнике Россия — Китай — США. После окончания холодной войны существенно изменилось положение двух «углов» этого треугольника — Китая и России. В то время как

Китай наращивал свой экономический потенциал и, соответственно, наращивал политическую мощь, у России с начала 90-х годов XX века экономический потенциал неуклонно снижался. В результате не происходило предполагавшегося усиления политического потенциала двух структур — ШОС и БРИКС, главным образом из-за того, что военно-политическое сотрудничество между РФ и КНР не было подкреплено соответствующим ростом экономического сотрудничества между ними. В нынешней ситуации Россия и Китай планируют повысить свою мощь за счет создания новых проектов: Россия за счет ЕАЭС, Китай — за счет ЭШП. В этой ситуации стыковка двух проектов может дать желаемый эффект за счет повышения уровня социально-экономического потенциала не только двух ведущих стран в структурах ШОС и БРИКС, но и в треугольнике Россия — Китай — США.

Как отмечается в выводах этого раздела, в рамках треугольника Россия — Китай — США в последние несколько лет каждая из стран стала активно инициировать развитие экономического сотрудничества для усиления политического сотрудничества и роста своей глобальной мощи: США продвигали создание ТТП и ТТИП, КНР — ЭШП, Россия — ЕАЭС. Как отмечают авторы раздела, в настоящее время все стороны треугольника взаимозависимы. По словам одного из руководителей авторского коллектива, Ли Сина, «из-за имеющихся американо-китайских противоречий Россия не является угрозой для Китая, а является его партнером», но в особых случаях Россия может «ударить по США китайским козырем, по Китаю — американским козырем» (с. 473). В старом треугольнике до конца холодной войны СССР и США были сильными сторонами, Китай — слабой стороной, придерживавшейся стратегии «сидеть на горе и смотреть на борьбу двух тигров в долине». После холодной войны роль Китая возросла, но он пока не может заменить СССР в треугольнике Россия — Китай — США, так же как и Россия, которая еще не снизила свой потенциал настолько, чтобы заменить Китай (в качестве слабейшего угла), в то время как позиция США не изменилась. В конечном итоге в треугольнике Россия — Китай — США в российско-китайских отношениях военные и политические связи находятся на более высоком уровне, чем экономические, в американо-китайских отношениях, наоборот, экономические и финансовые отношения преобладают над политическими. В целом основной вывод работы таков: хотя США пока явля-

ется единственной сверхдержавой, но будущее зависит от расстановки сил в треугольнике Россия — Китай — США (подробнее см. с. 475).

Вместе с тем данная работа не свободна от недостатков. В частности, отсутствуют заключение и общие выводы, что не позволяет получить представление о позиции авторского коллектива относительно перспектив трансрегионального развития как в треугольнике Россия — Китай — США, так и на территории Центральной Евразии. На наш взгляд, было бы целесообразно написать заключение к работе, в котором предложить несколько вариантов прогнозов, увязывающих развитие Центральной Евразии с изменениями в треугольнике США — Россия — Китай. Из-за отсутствия прогнозов в данной работе многие ее положения, прежде всего, относительно политики США в Восточной Азии и в Европе, уже устарели, хотя работа была издана в начале 2016 г. Безусловно, после победы на президентских выборах в США кандидата от Республиканской партии Д. Трампа многие данные в книге оценки политики США уже далеки от реальности. В частности, во время написания соответствующих разделов работы было трудно предвидеть, что США откажутся от участия в созданной ими самими экономической структуре ТТП, в которую вошли 12 стран-участников, большей частью союзники США. Также было трудно предвидеть, что в Великобритании сторонники выхода из Евросоюза одержат победу на референдуме, что подорвало позиции Евросоюза в целом и влияние США на Евросоюз в частности. Все это в значительной мере усилило китайские позиции, что было подтверждено выступлением председателя КНР Си Цзиньпина в Давосе, где, к удивлению многих, он выразил позицию Китая как большего сторонника глобализации, нежели США.

Также с учетом темы работы, посвященной анализу механизмов трансрегионального развития Центральной Евразии, следовало бы больше внимания уделить перспективам реализации шести китайских проектов в рамках формата «Один пояс, один путь». Часть из этих проектов, например, коридор Китай — Пакистан через порт Гвадар, уже фактически реализована, другие проекты — коридор через Евразию или Китай — Юго-Восточная Азия близки к реализации. В частности, после заметного увеличения грузооборота порта Актау на Каспийском море в Казахстане в результате привлечения китайских инвестиций после завершения строительства железной дороги Тбилиси — Карс в 1-й половине 2017 г. коридор че-

рез Евразию из Китая в ЕС будет готов уже без участия России. Проект Китай — Юго-Восточная Азия начал реализовываться сразу после подписания соглашения в январе 2010 г. АСЕАН+Китай. Таким образом, именно эти конкретные проекты КНР определяют суть китайской политики в мире в целом и в Центральной Евразии в частности.

Также к недостаткам работы следует отнести и отсутствие раздела об отношении России к китайскому проекту ЭПШП. В частности, для ответа на вопрос о механизмах трансрегионального развития Центральной Евразии принципиальным моментом является анализ российско-китайских торгово-экономических отношений, анализ позиции России в предложенном Китае проекте ЭПШП и оценка влияния данного проекта на развитие российского Дальнего Востока и Сибири.

Кроме того, следует отметить, что ряд глав работы, в частности: глава 20 «Современные русские — кто они? Очерк русской идентичности»; глава 21 «Политическое утверждение России: анализ политической лексикологии»; глава 29 «Сопоставление структур Эконо-

мического пояса Шелкового пути и АСЕАН+8» и ряд других глав выглядят как отдельные статьи и слабо вписываются в базовую концепцию данной работы, направленной на раскрытие механизмов трансрегионального развития Центральной Евразии.

Несмотря на отмеченные недостатки, следует признать, что фундаментальный совместный труд китайских и российских ученых в целом получился удачным. В результате этой работы авторам удалось показать не только механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии, но и изменения на международной арене в рамках треугольника Россия — Китай — США, выявить влияние изменений в рамках данного треугольника на ситуацию в Евразии. Представляется целесообразным организовать перевод этой работы с китайского на русский язык, чтобы она была доступна не только хорошо владеющим китайским языком российским китаеведам, но и российским ученым-международникам, политологам, экономистам и студентам, специализирующимся в области международных отношений и мировой экономики.

## Юбилей ученого

### Анатолию Викторовичу Болятко — 80 лет

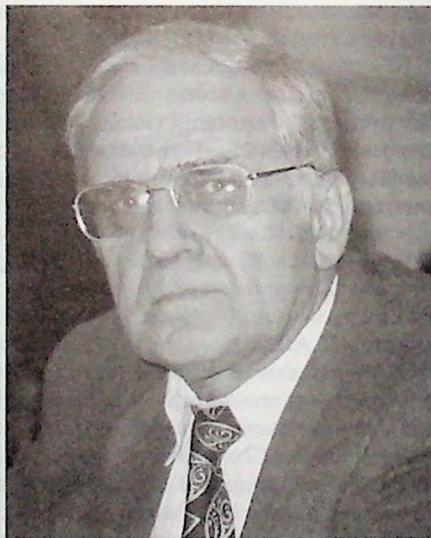
26 марта исполнилось 80 лет Анатолию Викторовичу Болятко — известному российскому ученому, специалисту по проблемам региональной безопасности и стратегической стабильности, доктору военных наук, профессору, действительному члену Академии военных наук, Международной академии информатизации, Международной академии духовного единства народов мира, главному научному сотруднику ИДВ РАН.

А.В. Болятко родился в селе Нахабино Истринского района Московской области в семье военнослужащего. Прошел путь от курсанта военного училища до генерал-майора. В 1959 г. окончил Военную академию химической защиты, в 1964 г. — адъюнктуру Военной академии ракетных войск стратегического назначения, в 1982 г. — Военную академию Генерального штаба Советской Армии.

Значительное место в деятельности А.В. Болятко заняло изучение проблем международной обстановки, итогом которого стала защита докторской диссертации (1987 г.) В конце 1980-х годов он был привлечен к международной переговорной деятельности по проблемам сокращения вооруженных сил и вооружений, установления военных мер доверия между странами. В качестве руководителя правительственных делегаций участвовал в разработке соглашений с США, Канадой, Грецией и другими странами о предотвращении опасной военной деятельности, был участником подготовки ряда важных международно-правовых документов. Неоднократно выступал на международных конференциях и семинарах с разъяснением позиции нашей страны по проблемам разоружения.

С сентября 1992 г. Анатолий Викторович Болятко работает в Институте Дальнего Востока РАН.

С декабря 1998 по 2008 г. он руководил Центром «Россия — АТР», занимался изучением проблем обеспечения безопасности Дальнего Востока, предупреждения возникновения и нейтрализации угроз России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С 2001 г. главным направлением научных исследований коллектива Центра становится изучение проблематики, связанной с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). За корот-



кий срок А.В. Болятко провел реорганизацию Центра, возглавил разработку комплекса его научных публикаций.

За период работы в ИДВ РАН Анатолий Викторович проявил себя высококвалифицированным специалистом по международным отношениям, вопросам национальной и международной безопасности. А.В. Болятко — признанный авторитет среди специалистов по проблематике военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он является автором более 200 научных трудов, регулярно выступает с докладами на различных научных форумах.

Большую роль в информировании руководства нашей страны сыграли аналитические доклады А.В. Болятко, в которых был дан объективный анализ военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, обоснованы предложения по созданию системы безопасности в Азии, развитию сотрудничества между Россией и Китаем, становлению Шанхайской организации сотрудничества.

А.В. Болятко внес значительный вклад в подготовку государственных служащих высшей квалификации для силовых и гражданских ведомств Российской Федерации в Российской академии государственной службы (РАГС).

За активную и плодотворную деятельность А.В. Болятко неоднократно награждался Почетными грамотами Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН.

*Дирекция Института Дальнего Востока, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Анатолия Викторовича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.*

## Юбилей Юрия Михайловича Галеновича



Исполнилось 85 лет одному из крупнейших российских ученых-китаеведов — доктору исторических наук, профессору Юрию Михайловичу Галеновичу.

Юрий Михайлович родился 20 апреля 1932 г. в Москве. С 1954 г., после окончания китайского отделения Московского института востоковедения, он на протяжении четверти века был тесно связан с практической работой в области наших отношений с Китаем. Великолепное знание китайского языка почти с самого начала сделало Юрия Михайловича одним из основных переводчиков на переговорах руководителей нашей страны и Китая на самом высоком уровне. Юрий Михайлович работал в составе наших делегаций на всех пограничных консультациях и переговорах, переводил беседы А.Н.Косыгина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, А.Н.Шелепина с Ху Яобаном

и Ли Сяньнянем, был переводчиком А.И.Микояна во время его визита в Китай, а также послов С.В.Червоненко и С.Г.Лапина во время их встреч с китайскими руководителями, выступал в качестве переводчика во время встреч и бесед ведущих деятелей искусства двух стран.

За работу в Пекине в годы «культурной революции» в КНР был награжден орденом за мужество при выполнении служебного долга.

В начале 1970-х годов Ю.М. Галенович перешел на работу в Секретариат ООН, где руководил одним из департаментов. С конца 1970-х на протяжении 10 лет он занимался научно-организационной работой в качестве заместителя директора сначала Института Африки, а затем Института Дальнего Востока АН СССР.

С конца 1980-х годов Ю.М. Галенович занимается научно-исследовательской работой в должности главного научного сотрудника Института Дальнего Востока АН СССР/ РАН. За прошедшие с тех пор более четверти века им написано около 60 монографий по самым различным темам внутренней и внешней политики Китая, некоторые из них переведены на китайский язык и изданы в КНР (в частности, серия из шести монографий под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры»).

Даже простое перечисление названий монографий и тем, которым посвятил свой труд Юрий Михайлович, заняло бы несколько страниц. Его книги описывают деятельность практически всех политических лидеров Китая, начиная с XX века и заканчивая сегодняшним днем. Много внимания уделено истории и современному состоянию двусторонних отношений России и Китая. Тщательно и внимательно отслеживает Ю.М. Галенович статьи и книги китайских россиеведов и китайские оценки внутренней и внеш-

ней политики России и СССР, регулярно публикуя работы, анализирующие трактовки китайскими учеными прошлого и настоящего России, наших отношений с Китаем.

Особо стоит отметить выполненный Ю.М. Галеновичем перевод китайского классического труда «Сань-цзы-цзин (Троесловие)», изданный с его авторским предисловием и послесловием.

Отрадно, что и сегодня Юрий Михайлович активно участвует в научной жизни Института Дальнего Востока РАН, продолжая демонстрировать огромный запас работоспособности и творческих сил. Он является заместителем председателя правления Общества российско-китайской дружбы, заместителем председателя Всесоюзной ассоциации китаеведов, одним из учредителей, членом и консультантом совета Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству. Кроме того Ю.М. Галенович выступил ответственным редактором и автором «Введения» VIII тома десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», издающейся в ИДВ РАН. Как и прежде, он успевает готовить и издавать по несколько монографий в год.

*Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Юрия Михайловича с 85-летием и искренне желают ему творческого долголетия и дальнейшей плодотворной работы на благо российского китаеведения.*

## Contents

### ROUND TABLE IN FEA

Preparations in the PRC to the XIX Congress of the Communist Party of China

### POLITICS

*S. Uyanaev.* Scientific Forum “Russia — India — China” in New Delhi: Some Results and Current Tasks of the RIC Format

*Yu. Morozov.* The Prospects for U.S. Policy in Relations with China and Russia

*Kim En Un.* The Change of Regime in South Korea

### ECONOMY

*A. Ostrovsky.* Some Aspects of the History and Prospects of Innovative Development in China

*A. Afonasieva.* Chinese Zone of Maritime Silk Road of the XXI Century and the Role of Overseas Chinese in Its Development

*S. Sazonov, E. Zaklyazminskaya, Chen Xiao.* The Project of “Belt and Road” as a Decisive Factor in the Development of Chinese Economy

### RUSSIAN FAR EAST

*A. Kireev.* The Border Policy of Russia in the Far East: Dynamics of Tasks and Results

### MILITARY BUILD-UP

*V. Kashin.* On the Potential Impact of the US Third Offset Strategy on the Development of Strategic Nuclear Forces of China

### VIEW POINT

*Tran Khanh.* The ASEAN Security Community Through the Year and in the Future

*G. Lokshin.* “ASEAN Way” Has No Reasonable Alternative

### HISTORY

*M. Kovalchuk.* Takenouchi Mission in Saint Petersburg (1862)

*Ning Yanhong, Meng Fanhong.* The Impact of Chinese Emigration on the Economy and Culture of the Heihe Region

### EDUCATION

*K. Lyubskaya.* Russian-Chinese Educational Service Market as a Platform for Establishing Long-Term Business Relations

### CULTURE

*D. Kiba.* Hippo Family Club Contribution to the Development of Cultural Dialogue between Russia and Japan

**SCIENTIFIC EVENTS**

*V. Myasnikov.* Some Thoughts about New Products in the Domestic Mongolian Studies  
*L. Zakharova, A. Mokretsky, K. Chirkov.* "Architecture of Security and Cooperation in East Asia". IV International Scientific Conference of Young Orientalists

**BOOK REVIEW**

*A. Ostrovsky.* Mechanisms of Trans-Regional Development in Central Eurasia: Research and Forecasts

**SCHOLAR JUBILEE**

Anatoly Victorovich Bolyatko — 80 years  
Jubilee of Yuri Mikhailovich Galenovich

Contents  
Summary

## Summary

### **S. Uyanaev. Scientific Forum “Russia — India — China” in New Delhi: Some Results and Current Tasks of the RIC Format**

The article deals with the results of the 15th academic conference “Russia – India – China” (RIC), which took place in New Delhi early 2017 and discussed the current state of affairs in this trilateral format of interstate interaction. Against the background of the discussions held, the author analyzes some of the results, challenges and lessons of the 15-year development of cooperation in the RIC format. The conclusion is made that the RIC structure continues to play an important role as a factor of advancement to polycentric world, as well as a tool of strengthening the strategic partnership between the Russian Federation and both China and India.

*Key words: Russia, India, China, interaction, RIC format, conference, polycentric world, SCO, Central Asia, sectoral dialogue, outcomes, conclusions.*

### **Yu. Morozov. The Prospects for U.S. Policy in Relations with China and Russia**

United States while US President Donald Trump will continue to pursue the policy of global hegemony under the slogan “America first”, seeking primarily their own benefit. In particular, it concerns the Russian-American and Chinese-American relations. However, after 100 days of his presidency Trump had still not formed a full-fledged foreign policy strategy of the United States and on the international arena he currently operates largely reactive. The article describes the first results of the Trump administration's policies toward China and Russia, as well as the immediate prospects for the United States foreign strategies.

*Key words: USA, Russia, China, national interests, policy, strategy, soft power, information warfare.*

### **Kim En Un. The Change of Regime in South Korea**

The pre-term presidential elections in the Republic of Korea with a convincing victory margin over closest rival has won the candidate of the opposition center-leftist Democratic Party Toburo Moon Jae-In. This victory marked the return to power of supporters of the political forces in the Republic of Korea who were in power from February 25, 1998 to February 25, 2008. It is another step toward the realization of people power and the ouster through democratic elections of right-wing forces, preserving anti-Communist views and political methods of the cold war period.

*Key words: the Republic of Korea, pre-term presidential elections, the defeat of the right wing, the victory of the will of the masses.*

### **A. Ostrovsky. Some Aspects of the History and Prospects of Innovative Development in China**

The article considers problems and prospects for innovative development of China. The author estimates results of scientific and innovation development in the period of 1981–2015 and prospects for the 13th Five Year Plan (2016–2020). He analyses problems, which put obstacles in the way of the development of innovation economy in China.

*Key words: China, innovation development, science and technology, R&D, national high-tech industrial development zones.*

**A. Afonasiyeva. Chinese Zone of Maritime Silk Road of the XXI Century and the Role of Overseas Chinese in Its Development**

The article rises the question of the economic impact of overseas Chinese (Huaqiao) on the development of the Maritime Silk Road of the XXI Century in China. The author analyses the territorial structure of investments and the sectoral structure of overseas companies in the areas of the Bohai Bay, the Yangtze river Delta, in southern coastal areas and on the south coast of the Western region of China through which the Road will pass.

*Key words: Maritime Silk Road of the XXI Century, overseas Chinese (Huaqiao), investment, sectoral structure of enterprises, the ring of the Bohai Bay, Yangtze river Delta, the southern coastal regions of China.*

**S. Sazonov, E. Zaklyazminskaya, Chen Xiao. The Project of "Belt and Road" as a Decisive Factor in the Development of Chinese Economy**

In the face of slowing economic growth and the reduction of foreign trade turnover Chinese leadership intends to change the vector of economic development, to reduce the economy's dependence on world market fluctuations, to form a new drivers of international economic cooperation. The implementation of projects of Economic Belt of Silk Road and Maritime Silk Road of the XXI Century ("belt and road"), presented on the world stage by PRC President Xi Jinping in 2013 is directed to meeting these objectives.

*Key words: China, economic growth, the world market, "belt and road" transport corridors, West region of China, the Asia-Pacific region (APR), Central Asia (CA), Southeast Asia (SEA), European Union (EU).*

**A. Kireev. The Border Policy of Russia in the Far East: Dynamics of Tasks and Results**

The article describes the evolution of the state regulation objectives of transborder relations of the Russian Far East and assesses the effectiveness of their implementation during the post-Soviet period. On the basis of comparative and historical analysis of the political and normative documents and statistics major flaws of border policy in the region, preventing the achievement of its goals at the present stage, are revealed.

*Key words: Russian Far East, transborder relations, border policy, regional development, governance effectiveness.*

**V. Kashin. On the Potential Impact of the US Third Offset Strategy on the Development of Strategic Nuclear Forces of China**

The article examines the likely influence of the US Third Offset Strategy, an important American defense and technological initiative on the Chinese nuclear forces development. The key feature of the strategy is that it is China-oriented and based on the US assessment of the Chinese defense and industrial strengths and weaknesses. It is being implemented in a situation, when the Chinese are already building up their nuclear arsenal to strengthen the deterrence of the US. The strategy can influence the development of the Chinese nuclear forces and affect the Russian-American dialogue on the arms control issues.

*Key words: China, US, Third offset strategy, nuclear forces, defense industry.*

**Tran Khanh. The ASEAN Security Community Through the Year and in the Future**

ASEAN and its integral part — the Political Security Community (APSC) — were formally established on December 31, 2015. In practice, however, the formation of the SBA in 2016 has been slow and inefficient, particularly in regard to territorial disputes in the East (South China) Sea. The main reasons for this was not only a disordered structure of the ASEAN Community (AC), but national selfishness, lack of political will of the leaders of the SA and the policies of the major extra-regional powers.

*Key words: ASEAN security community, the summit, the East Sea, Southeast Asia, cooperation in security policy.*

### **M. Kovalchuk. Takenouchi Mission in Saint Petersburg (1862)**

In 1862 Russia received the official representatives of Japan for the first time. Takenouchi mission, which was named by its head Takenouchi Yasunori, arrived to the Russian capital during their European visit in order to discover the Russian Empire personally, to learn about its political and economic structure as well as to negotiate on the questions relating to further development of trade and diplomatic relations between Japan and Western world.

The article tells about the Japanese delegates' impressions after their visit to Saint Petersburg. The journals and travelers' notes used in this article help to reconstitute an image of Japan's northern neighbour that the representatives of Japan imprinted during their staying in Russian capital.

*Key words: Japan, history of Russian-Japanese relations, Takenouchi mission, First Japanese Embassy to Europe, Fukuzawa Yukichi.*

### **Ning Yanhong, Meng Fanhong. The Impact of Chinese Emigration on the Economy and Culture of the Heihe Region**

The article covers the period from 1858, after the signing of the Treaty of Aigun up to the 20th–30th of XX Century. Chinese migrants were engaged in agriculture and trade in the Russian Far East. The Chinese received money and returned back home. The city of Heihe – an important centre of cooperation with Russia – is situated opposite the Russian city of Blagoveshchensk in Amur region. After return Chinese migrants mostly settled in Heihe on the Chinese-Russian border. They built houses and created plants, expanding economy and trade with Russia, supported economic development and construction of the region, their activities had profound impact on the local economy and culture.

*Key words: Chinese migrants' return to China, economy and culture of Heihe, influence.*

### **K. Lyubskaya. Russian-Chinese Educational Service Market as a Platform for Establishing Long-Term Business Relations**

The article is devoted to the analysis of economic aspects of Russian-Chinese cooperation in the field of education. The author gives a brief overview of the history of the issue, reviewed the current situation in the educational partnership, outlines the key economic effects (direct and indirect) of cooperation between Russia and China in the field of education. The article also describes the features of informal business connections established during the study, the value of such ties for mutual benefits in the long term.

*Key words: sinology, internationalization of education, economics of education, business contacts.*

### **D. Kiba. Hippo Family Club Contribution to the Development of Cultural Dialogue between Russia and Japan**

The article is devoted to development of cultural dialogue between non-state linguistic organization of Japan "Hippo Family Club" and Russian educational organizations and associations. Disclosed are motivations of the participants of exchange programs, their impressions of Russia and Japan, specificity of Russian-Japanese educational projects and the role of the Hippo Family Club in establishing friendly relations between the two countries.

*Key words: Hippo Family Club, Russia, Japan, cultural dialogue, public diplomacy, family and youth exchanges, language environment.*

**Виталий Яковлевич Воробьев**  
**01.08.1944 — 10.05.2017**

10 мая 2017 года после тяжелой болезни скончался Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке Воробьев Виталий Яковлевич.

В.Я. Воробьев родился 1 августа 1944 года в Москве.

После окончания в 1967 г. Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД СССР был принят на дипломатическую службу.

Все последующие годы В.Я. Воробьев посвятил работе на азиатском направлении: трудился на различных постах в центральном аппарате МИД и в Посольстве в КНР, возглавлял дипломатические представительства в Малайзии и на Филиппинах.

В.Я. Воробьев стоял у истоков нормализации советско-китайских отношений, сыграл видную роль в пограничном урегулировании между двумя нашими странами. Будучи одним из архитекторов Шанхайской организации сотрудничества, в течение многих лет в качестве Специального представителя Президента Российской Федерации и национального координатора России по делам ШОС, а впоследствии на ответственной должности в Секретариате ШОС в Пекине он вносил заметный вклад в реализацию российской внешнеполитической линии на укрепление взаимодействия в рамках этой Организации, на повышение ее международной роли и авторитета.

Многолетняя активная и плодотворная работа Виталия Яковлевича заслуженно отмечена высокими государственными и ведомственными наградами.

Ушел из жизни настоящий дипломат, профессионал высочайшего уровня, прекрасный и жизнерадостный человек, которого отличали интеллигентность, чуткость и доброе отношение к людям.

С начала 1980-х годов В.Я. Воробьев сотрудничал с журналом «Проблемы Дальнего Востока». Поначалу его статьи, посвященные внутривосточным проблемам КНР, публиковались под псевдонимом «Матяев». В последние годы в своих публикациях он обращался к вопросам совершенствования деятельности ШОС, урегулирования спорных проблем в Южно-Китайском море, участвовал в «круглых столах» нашего журнала.

Светлая память о В.Я. Воробьеве навсегда останется в сердцах коллег, друзей и всех тех, кто его знал.

*Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)  
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>).

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru).

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.  
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,  
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.  
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

---

Подписано к печати 31.05.2017 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16  
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 6,0 тыс. Уч.-изд. л. 15,0. Бум. л. 6,0.  
Тираж 376 экз. Зак. 382. Цена свободная.

---

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»  
117997, Москва, Профсоюзная, 90  
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32  
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: [pdv@ifes-ras.ru](mailto:pdv@ifes-ras.ru)

Оригинал-макет © 2017 г. Дмитрий Славинский  
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука») 121099, Москва, Шубинский пер., 6

